

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Изображение общества

• НАУКА •

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт мировой литературы им. А.М. Горького

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Изображение общества

МОСКВА «НАУКА»
1991

ББК 83. ЗР
Д73

Авторы:

В.К. БЫЛИНИН, А.С. ДЕМИН, А.С. ЕЛЕОНСКАЯ, В.В. КАЛУГИН,
Л.А. ЧЕРНАЯ, Л.И. ЩЕГОЛЕВА

Ответственный редактор

доктор филологических наук *А.С. Демин*

Редакционная коллегия:

М.А. Айвазян, А.С. Демин, А.С. Елеонская, А.Н. Робинсон

Рецензенты:

доктор филологических наук *В.В. Кусков*,
доктор филологических наук *М.Ф. Мурьянов*

Редактор издательства *Л.М. Кочетова*

Древнерусская литература: Изображение общества. — М.:
Д73 Наука, 1991. — 244 с.
ISBN 5-02-011489-8

Книга является своего рода путеводителем по важнейшим темам древнерусской литературы; прослеживается эволюция в трактовке преимущественно социальных тем. Коллективная монография относится к новому типу литературоведческих трудов, переходящих от систематизации источников к систематизации проблем, и служит сводом обобщающих материалов для будущей фундаментальной, многоаспектной истории древнерусской литературы.

Для литературоведов, историков и всех интересующихся духовной культурой Древней Руси.

Д 4603020000—023 683—91 (1)
042 (02)—91

ББК 83. ЗР

ISBN 5-02-011489-8

© Издательство "Наука", 1991
© Институт мировой литературы
им. А.М. Горького АН СССР, 1991

К ЧИТАТЕЛЯМ

Назрела необходимость составить исторический путеводитель по темам и мотивам древнерусской литературы, наиболее устойчивым в течение семи веков ее существования и наиболее интересным для нашего времени. Подобные обзоры – обычно в виде пространных статей по поводу какой-либо одной древнерусской темы – практиковались лет 100–150 тому назад. Конечно, полезно было бы их собрать воедино и издать с необходимыми дополнениями, однако в результате получится некий научный архив, а не живая работа, потому что изменились не только акценты, не только внутренние подходы к темам, но и сама манера их выделения. Словом, дело лучше делать заново.

Важна и мера – не чересчур краткий, однако и не чересчур подробный научный путеводитель. "Сквозные" темы древнерусской литературы удобно разделить на социальные и экологические; тогда и тематический путеводитель соответственно составитсЯ из относительно самостоятельных книг.

Данная книга – "социальная", но имеет определенный уклон – больше к обозрению тем внутрисоциальных и культурологических, чем внешнеполитических и военных тем. Нынешнее время диктует смену интересов. А о ранее изданной "воинской" работе достаточно напомнить: Орлов А.С. Героические темы древнерусской литературы. М., 1945. Однако бросается в глаза, что и "внутренние" темы подобраны фрагментарно в предлагаемом ныне издании, жестко ограниченном по объему; объять необъятное сможет, наверное, лишь многотомная серия.

И все же главы написаны и сцеплены в отдельную книгу, потому что есть общая для них задача, поважнее "путеводительской": в идеале эта задача формулируется как создание фундаментальной, многоаспектной истории литературы Древней Руси. За многие десятилетия мы привыкли к единственному и руководящему типу исследовательской истории древнерусской литературы – к учебно-источниковедческому изложению: памятник за памятником в хронологическом порядке. Труды Д.С. Лихачева, в особенности "Человек в литературе Древней Руси" (М.; Л., 1958; М., 1970; Л., 1987), "Поэтика древнерусской литературы" (Л., 1967; 1971; М., 1979; 1987), "Развитие русской литературы X–XVII вв.: Эпохи и стили" (Л., 1973; М., 1987), показали, что историй древнерусской литературы может быть много – в зависимости от прослеживаемых явлений и процессов. Предлагаемая книга тем и ценна, что каждая из ее глав по существу становится микромонографией, обозревает развитие "своего"

явления и воссоздает свой рисунок истории. Это неизбежный "средний" уровень обобщения: уже не разрозненные факты, не нити от ковра, а его фрагменты – материалы для будущей фундаментальной, многоаспектной истории древнерусской литературы.

Подготовили книгу сотрудники Сектора древнерусской литературы Института мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР, штатные и внештатные, – В.К. Былинин, А.С. Демин, А.С. Елеонская, В.В. Калугин, Л.А. Черная, Л.И. Щеголева*.

Сектор древнерусской литературы ИМЛИ надеется, что, в соответствии с разработанной академической программой до 2000 г., данная книга станет первой в шеститомной серии материалов для фундаментальной истории древнерусской литературы. Вторая книга, над которой уже ведется работа, рассматривает изображение природы в литературе Древней Руси. Третья и четвертая книги будут посвящены проблемам поэтики – древнерусским литературным средствам и жанровым формам; подготовка пятой и шестой книг перенесена на более позднее время, когда, возможно, окажутся более доступны рукописные отделы, что позволит вплотную обратиться к проблемам текстологическим – текстуальным взаимовлияниям произведений и типам древнерусских сборников.

*Необходимо оговорить, что в цитатах из древнерусских текстов буква "ѣ" заменена на "е", как это принято для литературоведческих работ, не преследующих специальные эдические или текстологические цели. — Ред.

ГЛАВА I

"ИМЕНИЕ": СОЦИАЛЬНО-ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ТЕМЫ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(А.С. Демин)

У древнерусских писателей существовала своего рода имущественная жизненная "философия" – частично в форме осознанных и сформулированных идей и доктрин, но больше в виде стихийных умонастроений, которые лишь косвенно выражались в произведениях. В данной главе рассматривается эта вторая часть социально-имущественной "философии" писателей, менее определенная и цельная, но зато более широкая и богатая, изменчивая и тонкая, к тому же гораздо менее исследованная, чем область идей. В главе дается лишь беглый и фрагментарный обзор самых заметных социально-имущественных писательских умонастроений по мере их возникновения и перемен с XI в. по XVII в.

XI – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XIII ВЕКА

Социально-имущественные представления древнейших писателей не сформировались в относительно самостоятельный комплекс, о чем прежде всего свидетельствовала невыделенность соответствующих терминов в особый разряд: в памятниках нередко перечислялись слои древнерусского общества, однако собственно социально-имущественные обозначения в перечнях были скупы и сбивчивы. Например, "Житие Авраамия Смоленского" XIII в. завершал длинейший, претендовавший на исчерпанность перечень людских групп Руси (92). Но социально-имущественные элементы здесь почти незаметны: упоминались только "богати" и "нишии, убозии"; больше примешивалось элементов внесоциальных ("всяк, реку, възрость мужеск и женеск, уноша и старци"); а преобладали элементы административные ("цари, и князи...судьи"), но в особенности церковные ("патриарси, епископи, архимандрити, игумени, иереи, и дьякони, и весь черноризьческий чин").

В "Слове о законе и благодати" мысль Илариона обращалась к "малымъ и великимъ, рабомъ и свободным... уным и старым, бояромъ и простым, богатым и убогим" – такова, по представлению Илариона, "вся земля наша" (93); в перечне видна та же смесь политических, возрастных и имущественных категорий. И в "Слове на вознесение Господне" Кирилла Туровского перечислялись "малыя с великими, нищая с богатыми, рабы с свободными, старье с унотами, и женимыя с девицями, матери с младенци, сироты с вдовицами" (343) – все, кто угодно, а не общественные слои специально.

В перечнях XI–XII вв. социальность многих элементов также была неопределенной. В частности, слово "нищий" пояснялось словом "убогий" ("нищим, убогым всем подая" – "Чтение о Борисе и Глебе" Нестора, 21; "разумеваяй на нища и убога" – "Суздальская летопись", 279, 402, 421; "убози суть нищии" – "Слово о богаче и о Лазаре", 32), но дальше этого социальная характеристика нищих не шла. Мысль писателей отклонялась в сторону, и нищие перечислялись в одном семейно-жалостливом ряду со вдовами и сиротами: "Знаемая твори дом свои ништиимъ, въдовицямъ, сиротам, не имуштиимъ, кде главы подъклонити" ("Слово некоего отца к сыну своему", 180); "милостивъ к нищимъ, и к сиротамъ, и ко вдовицамъ" ("Чтение о Борисе и Глебе" Нестора, 4,5 7 и др.); "раздая нищимъ, и сирымъ, и въдовицамъ" ("Сказание о чудесах Бориса и Глеба", 62.1); "дати вдовам, и сирымъ и нищимъ" ("Житие Иринии", 139. 1).

Писатели XI–XII вв. также относили нищих и "медицински" к калекам: "множество везде нищии, убозии, слепии же, и хромии, трудоватии, и вси просители" ("Житие Авраамия Смоленского" Ефрема, 92); "болний и нищъ, не могы ходити" ("Повесть временных лет", 123); "къ убогимъ. . . к сирымъ, къ болящимъ" ("Слово о законе и благодати" Илариона, 95); "нищимъ, и слепымъ, и хромымъ, и трудоватымъ" ("Житие Феодосия Печерского" Нестора, 110.1).

С течением времени – и довольно скоро – писатели стали мыслить нищих и убогих в тесной связи с церквями, церковниками и монахами – в одном ряду, в единых перечнях: "набдя убогыя, въздая честь епископомъ и прозвутеромъ, излиха же любяше черноризци" ("Повесть временных лет", 209); "кормитель бяшетъ чернцемъ, и черницамъ, и убогимъ" ("Повесть об убиении Андрея Боголюбского", 326); "всемъ церковникомъ и нищимъ" ("Суздальская летопись", 402); "чернецкий чинъ честваше, нищия добре набдяше" ("Киевская летопись", 563). Исследователи уже давно отметили подобное словоупотребление: "Под нищими здесь надо разумеать людей. . . вынужденных искать прибежища, между прочим, и у церкви"¹; "при Ярославе они делаются. . . людьми церковными", «нищие считались краскою церковною, Христовою братиею, церковными людьми. . . Написано было об этом много "слов" и "поучений"»².

Социальные темы у писателей XI–XII вв. редко когда были представлены в чистом виде, но во многих случаях были слиты с иными, более сильными церковными, политическими и прочими темами.

Социально-имущественные представления XI–XII вв. отличались также недостаточной обобщенностью: писатели касались социального состава не всей Руси, а ограниченных, местных обществ. Так, в перечнях "Киевской летописи" в лучшем случае упоминался состав только городского, а не вообще древнерусского общества, например "все множество новгородское – и силнии, и худии, и нищии, и и убози, и черно-

¹Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 155.

²Прыжов И. Нищие на святой Руси: Материалы для истории общественного и народного быта в России. М., 1862. С. 71, 58.

ризьске" (610). Еще больше привлекали внимание писателей сиюминутные людские собрания, в частности на пирах: "Створи же. . . пирь не токмо боляромъ, нъ и всѣмъ людемъ, паче же нищимъ, и всѣмъ вдовицамъ, и всѣмъ убогымъ" ("Чтение о Борисе и Глебе" Нестора, 19); на пир "позва же. . . и нищая, и сильные, и худыя" ("Киевская летопись", 655). Нередко перечни сводились к обозначению только "полюсов" местных обществ — богатых и бедных, или господ и слуг, или бояр и смердов, так что "вся земля" — это боярин и смерд: "И вся земля поплена бысть: бояринъ боярина пленившю, смердъ — смерда" ("Галицко-Волынская летопись", 739).

Древнерусские писатели XI–XII вв. почти не задумывались над типичностью или распространенностью социальных явлений на Руси: рассуждения на этот счет в памятниках не велись и лишь в единичных случаях при упоминании отдельных персонажей вставлялись краткие обобщающие пояснения о том, что именно "е лепо боляромъ" или "обычаи есть предъ князьмъ" ("Житие Феодосия Печерского" Нестора, 84,2, 132,2). Чаще же только повторение разными авторами одного и того же качества, приписываемого разным князьям в разных ситуациях, позволяет догадываться о существовании у писателей XI–XII вв. неотчетливого представления о князьях вообще (пользуясь именно таким способом изучения, Д.С. Лихачев выявил княжеский идеал у древнерусских писателей XI–XII вв.³).

Социально-имущественные представления в литературе XI–XII вв. отличались еще и лапидарной простотой, вернее, неразвитостью, упрощенностью. В высказываниях писателей о богатстве и нищете выражалось непоколебимое представление о заданности существующего порядка на вечные времена: "Богатъ ли. . . худъ ли — все то Божиимъ промыслениемъ" ("Слово некоего отца к сыну", 62); слуги — "на послушание предани суть Богомъ" ("Слово, како достоит имети челядь" Иоанна Златоуста, 96); нищета — извечна: "И не стыдися ништетоу, поне же большая часть мира сего въ ништете есть" ("Словеса еже убо правоверну веру имети", 210); труд — неизбежен: "Мнози бо во мире семъ труждаются имения деля чрезъ всюнощ, трепещуще зимою, другоици же измокнувше и омерзѣше, и то точию имения деля колику печаль имеютъ и трудъ" ("Слово, како подобает внощ молитися" Иоанна Златоуста, 83). Конечно, с отдельными людьми случаются перемены: "Убогъ богатъ бываетъ, а богатъ убогъ бываетъ, и высокъ обнижается, а низокъ възносится" ("Повесть об Акире Премудромъ", 252); но само разделение на богатых и бедных нерушимо: "Пропастъ велика есть межю вами и нами, и никто же можетъ преити ни от нас къ вамъ, ни от васъ къ намъ" ("Слово о богаче и о Лазаре", 32).

Просты были представления и об отдельных социальных слоях. Довольно однообразен контекст, в котором упоминались князья как отдельный имущественный слой, — писатели первым делом отмечали то, где кто "сидит", как поражены, управлены, розданы, поделены меж князьями земли, волости, грады и всякое материальное "собранье"; или,

³Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. 2-е изд. М., 1970. С. 30–5^а.

наоборот, кто из князей "преселен" или прогнан из своих владений, лишен богатства, просит "не лишать земли" и т.д., — все это постоянные темы летописей на протяжении многих десятилетий. Авторы прежде всего стремились предупредить о владениях каждого из упоминаемых князей, а уже потом рассказать обо всем остальном; внимание к владениям перевешивало все прочие темы, даже такую традиционную тему, как рассказ о сотворении мира, с которого обычно начинались исторические сочинения. Показательно, что "Повесть временных лет" (как она сложилась в XII в.) имела своим началом не рассказ о сотворении мира, а обозрение владений того, как "по потоце трие сынове Ноеви разделиша землю, — Симъ, Хамъ, Афетъ" (1–4). И "Сказание о Борисе и Глебе" тоже начиналось со сходной темы: "А о сих по ряду сие есть. Съ убо Володимиръ имейше сыновъ 12. . . и посажа вся по роснамъ землямъ въ княжении. . ." (43.1–2) — и следовали перечни, где кто посажен.

К социально-имущественному представлению о князьях добавлялась всего лишь одна деталь — о "веселии": князья, мол, сидя по своим землям, с "веселием" пользуются своими богатствами. О подобном княжеском настроении и времяпрепровождении говорил автор "Сказания о Борисе и Глебе" ("веселити ся съ чьстьными вельможами" — 45.2), указывая на его распространенность ("братия отца моего и или отць мои. . . ихъ жития" — 45.1), рисуя его материальные истоки: "багряница, и брячины⁴, серебро, и золото, вина, и медове, брашъна чьстная, и быстрии кони, и долове краснии и велиции, и имения многа, и и дани, и чьсти бещисльны, и гърдения яже о боярехъ своихъ. . . множества рабъ" (45.1). В "Житии Феодосия Печерского" Нестора даже открыто подчеркивалась эта типичность княжеского "веселия" среди благ: у князя "многашьды бо рабомъ. . . устроимъ различная и многоценная брашъна" (106.2), "и тако въсемъ играющемъ и веселящемъ ся, яко же обычаи есть предъ княземъ" (123.2). Соответственно и иноземные (вымышленные) цесари и цесаревичи в памятниках были "веселы" ("Повесть об Акире Премудром", 246).

Дополнительных деталей при упоминании князей было немного: писатели, с одной стороны, благочестиво осуждали суетность "веселия" князей, а с другой стороны, с сочувствием отмечали их приверженность "до всего любимаго имения", включая "оружья княже милостное" (т.е. заветное; "Повесть об убиении Андрея Боголюбского", 332). С сочувствием изображался и осмотр казны, когда князь-наследник "каза нести именье отца своего передъ ся: и порты, и золото, и серебро" ("Киевская летопись", 474). И еще сочувствовали князю, если тому не удалось пожить в "веселии": "Камо не въсхоте веселити ся. . . Къто не почюдитъ ся? . ." ("Сказание о Борисе и Глебе", 49.2). Владение и "веселие" — вот, пожалуй, и все оттенки в социально-имущественных представлениях писателей о князьях.

В высказываниях о знати — о боярах, вельможах, богачах, ближайших

⁴Брачина, брячина — шелковая ткань, род парчи. См.: Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка. М., 1958. Т. 1. Стб. 175, 187; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 1. С. 327; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964. Т. 1. С. 208–209.

княжеских слугах и дружине — постоянно подчеркивалось одно: знатные очень богаты. Например, "Слово о богаче и о Лазаре" (в двух различающихся списках XII в.) с еще большим рвением, чем это рассказывалось о князьях, живописало роскошество жизни богатого человека: "Тъ богатыи. . . въ багъре (и въ паволоце) хожааше. Кони его бели беша (тучьни иноходи), златьмь (и тварьми) украшени, седьла его позлащена. Раби его предътекуще мнози въ брачине. . . На обеде же его служба бе многа злата и сребрьна (съсуди златьмь съковани и сребромь), вино (брашьно) много" и т.д. и т.п. (29–30). Считалось непреложным правилом: раз человек богат, есть у него свой собственный дом; памятники уважительно повторяли: "се бо боляре. . . мнящесе велиции быти и славнии. . . домы великы сътворше" ("Киево-Печерский патерик", 500) "богать ли — имеши домъ свой" ("Слово некоего отца к сыну", 62).

Особо уважительный взгляд писатели бросали на богатую, светлую, "красную" одежду людей знатных — подобных деталей в памятниках встречается, пожалуй, больше всех прочих. В какой одежде должно ходить боярину? Ответ: ". . . и облече ся въ одежду славьну и светьлу, яко же е льпо болярюмъ" ("Житие Феодосия Печерского" Нестора, 84.2). За что почитают знатного человека? Ответ находим в том же "Житии": ". . . чьстяху чьстныхихъ ради пьрътъ или светълъя одежа или имениа ради многаго" (126.2). Знатный человек и его супруга заметны по одежде: жена "сугуба оденья сотворить мужеву своему, очервьлена и багряна собе оденья. Взорень бывааетъ. . . мужъ ея. . ." ("Повесть временных лет", 79; ср.: Притчи Сол., гл. 31⁵). В одежде знатных людей писатели нередко выделяли золотую деталь — "гривну, юже ношаше, в ней же веса 100 гривенъ злата" ("Киево-Печерский патерик", 452), "луда. . . золотомъ истъкана" ("Повесть временных лет", 144), "на немъ крестъ и чеши в гривну золота", "золотомъ шито облече" ("Суздальская летопись", 301, 470), "златии колци, иже ношаше въ ушию свою" ("Чтение о Борисе и Глебе" Нестора, 24) и пр. Или что-либо другое броское: "въ великихъ сустугахъ гордящесе" ("Повесть временных лет", 55), "в оксамите стоиши" ("Повесть об убиении Андрея Боголюбского", 332). Однако, кроме открытого или скрытого восхищения богатством и одеваниями знати, ничего больше об их социально-имущественном положении писатели не высказали.

Еще беднее были представления писателей о "рабах" (низших слугах) и об "убогих". Термины "раб" и "убогий" по значению разные, но о таких лицах в памятниках говорилось примерно одинаково — это те, кто "работаютъ", обязаны работать: "последнии ся въсехъ творя и службьникъ", "руками своима делахуть дело", "съ всякимъ съмерениемъ" и "съ поспешствьмъ" ("Житие Феодосия Печерского" Нестора, 97.2, 75.1, 87.2, 87.1), "койждо рабъ свою работу творить" ("Слово, како подобает приходить в церковь с верою" Иоанна Златоуста, 199). То же и об "убогих": "Аще ли убогъ кто, то своима рукама делая, свой хлебъ яжь, своя си отъ того кормя" ("Поучение, како подобает христианам жити" Козьмы Пресвитера, 68). Отсюда следовали соответствующие размышления лите-

⁵Здесь и далее цитаты приводятся по "Острожской Библии" 1581 г. Ивана Федорова.

ратурных персонажей: "Азъ есмь жена вдова, убога, да достоить ми делати" ("Чтение о Борисе и Глебе" Нестора, 23). В некоторых памятниках со знанием дела описывались различные виды работ, которые "раби работаютъ" (больше всего в "Житии Феодосия Печерского" Нестора и "Киево-Печерском патерике").

Совсем скудными по реальному содержанию являлись высказывания о крайних низах, о нищих и "убогих" ("убогие" в текстах могли присоединяться то к "рабам", то к нищим). Нищие — наги; слова "нищета" и "нагота" выступали в памятниках как синонимы: "Нищету же и наготу. . кто может исповедати?" ("Житие Авраамия Смоленского" Ефрема, 77). Нищие живут милостыней, им нужно помогать, — ничего, кроме этих сочувственных предложений, нельзя извлечь из массы упоминаний о нищих и "убогих" во множестве памятников, оригинальных и переводных: "Лепо бо баше намъ от трудовъ своихъ крѣмити убогыя и странныя" ("Слово о терпении и любви и о посте" Феодосия Печерского, 175), "аще ли видиши нага, или голодна, или зимою или бедою одержима. . . — всякого помилуй и от беды избави я, яже можешъ" ("Слово о вере к князю Изяславу" Феодосия Печерского, 172). Иногда встречались образные описания крайней нищеты: "Помяни наго лежаштааго подь единымъ рубѣмъ и не дрѣзнушта ногу своею прострети зимы деля. . . Помысли о убогихъ, како лежать ныня, дѣждевными каплями, яко стрелами, пронажяеми. . . въздѣхни, помысливъ о убогихъ, како клячятъ надъ малымъ огньцѣмъ съкърчивъше ся, большу же беду очима отъ дыма имуште, руце же тъкмо съгревающе, плешти же и вѣсе тело морозѣмъ измързѣше. . . Приклони ухо свое к. . . обништавъшюуму въ житыи семь, заплати избывающыимъ своимъ, оного недостатъчнуну диру его" ("Словеса еже убо правоверну веру имети", 232–235). Все эти детали часто повторялись в памятниках, составляя своего рода типовой набор, довольно однообразный по содержанию.

Можно рассмотреть высказывания писателей и об иных социальных группах — монахах, "татях" и т.д.; вывод об относительной элементарности социально-имущественных представлений писателей XI–XII вв. только подтвердится. Система их социально-имущественных представлений по простоте своей структуры была в какой-то степени сходна с лапидарными идеалами поведения в те же века: "Это идеалы ясно определимы. Их несколько, и они очень четко обозначены социально"⁶.

Наконец, о неразвитости социально-имущественных идей и представлений в цельный комплекс свидетельствовала их стихийная противоречивость. Писатели могли провозглашать принцип помощи неимущим, нищим, вдовам, сиротам: "До пота попры по сироте" ("Словеса еже убо правоверну веру имети", 257), приводить факты такой помощи отдельных лиц: "Кто исповестъ многыа твоя нощныя милостыня и дневныя щедроты, яже къ убогимъ творяаше, къ сирымъ, къ болящимъ, к дължнымъ, къ вдовамъ. . ." ("Слово о законе и благодати" Илариона, 95); но одновременно они с не меньшей страстностью утверждали и противопо-

⁶Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. С. 26.

ложное: "Сироты и вдовицы, от вельмож погружаемы" ("Моление Даниила Заточника", 390). Кто только не поминал властителей, "обидящих вдовица и сироты", "боярь, обидящих меньших, и роботящих сироты, и насилье творящих" ("Житие Авраамия Смоленского" Ефрема, 82; "Суздальская летопись", 415); почти каждому вспоминалась "убога вдовица, яже бе от судии обидима" ("Житие Феодосия Печерского" Нестора, 126.1).

То же происходило в литературе с высказываниями о нищих. Нищим должно было помогать милостыней, о чем напоминалось часто; но одновременно писатели свидетельствовали о противоположном: "Множество везде нищии, убозии. . . озлоблении, и прогнани, и разграблени бес правды от вельмож и от судьи неправедных" ("Житие Авраамия Смоленского" Ефрема, 92), "убогъ в своеи стране ненавидим ходить" ("Моление Даниила Заточника", 390), "о, богатый. . . прииде убогий. . . его же ты приобиде. . . Да лутче бы тебе, беззакониче, престати отъ насилия худыхъ и отъ грабление убогихъ" ("Слово о богатых и немилостивых" Иоанна Златоуста, 77), "аще убогий приидеть къ тебе, ты же овогда даси ему укрухъ хлеба. . . да аще ли и даси когда, а боле поносиши" ("Слово о слепце" Иоанна Златоуста, 219). Конкретных случаев, поименно, упоминалось также немало — о нищем, о чьей "одежи худеи мнози несмыслнии рукахуся ему, укаряюще его" ("Житие Феодосия Печерского" Нестора, 98.1), о богаче, который "никогда не подаде единое цыты убогому, ниже хлеба" ("Киево-Печерский патерик", 510) и т.д.

«Вопль нищих ("Слово о лихоимании и пьянстве" в Измарагде) редко слышали богатые»⁷. Идеологу, публицисту не давали бы покоя подобные расхождения между идеалами и реальностью, сосуществование противоречивых выводов о действительности, преобладание отрицательного над положительным. Писатели же приходили то к одному, то к другому представлению (или идее) и не пытались установить единую систему мыслей. То были пестрые уמוнастроения.

Очень высока была степень их несвязанности и потому — противоречивости. Так, из высказываний о "рабах" следовало, что к "рабам" писатели относились и хорошо и плохо: "Твердо разумеи. . . еже николи же людина обидети" ("Наказание богатым", 201); "зане князь щедръ отецъ есть слугамъ многимъ" ("Моление Даниила Заточника", 392) — и одновременно: "Зде рабы нагы и ранены ходятъ", "многашды же и биеми суть от приставникъ" ("Слово о богатых и немилостивых" Иоанна Златоуста, 77; "Житие Феодосия Печерского" Нестора, 107.1). К смердам относились хорошо и одновременно плохо: "Не дайте пакости деяти. . . ни в селехъ, ни в житехъ" ("Поучение" Владимира Мономаха, 237), "а не губите своихъ смърдь" ("Новгородская первая летопись", 240); но: "Не блюдетъ смърдь" ("Новгородская первая летопись", 24), "оже лошадей жалуете, ею же кто ореть, а сего чему не промыслите, оже то начнетъ орати смърдь. . . то лошади жаль, а самого не жаль ли?" ("Повесть временных лет", 267).

Низы послушны верхам и одновременно непослушны: "Киждо бо раб

⁷Адрианова-Перетц В.П. Человек в учительной литературе Древней Руси // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 19.

своего господина хвалит" ("О сказании евангельском" Кирилла Туровского, 409), "сыну, господина своего чт. . . еже ти речеть, то твори" ("Повесть об Акире Премудром", 256); но: "Сыну, не рщи, яко мой осподин безумень есть, азъ умень есть", "не купи раба величава, ни рабы тативы, да те имения не расточать" ("Повесть об Акире Премудром", 250), раб "аще ли отъ дель ослабеет, а искати начнетъ свободы, мнози бо злобе научаетъ. . .", такие рабы "крадутъ и разбиваютъ" ("Слово, како достоит имети челядь" Иоанна Златоуста, 96–97), или совсем худшее: "То суть неистовии, иже приемше отъ князя или отъ господина своего честь ли дары, ти мыслять о главе князя своего на погубленье" ("Повесть временных лет", 75); писателями нередко упоминались – как характерная черта городских низов – "к власти обида зла", "молва", "мятеж" ("Повесть о белоризце" Кирилла Туровского, 349), неоднократно выражавшиеся, например, в том, что "простая чадь. . . злии чело-вечи почаша добрыхъ людии дома зажигати. . . и тако разграбли-вахуть имение ихъ" ("Новгородская первая летопись", 70–71). Делались и такие решительные выводы: "Не мощно убогу съ бо-гатымъ дружбу держати, яко же волку съ агнцемъ" ("Слово о желани богатства", 107).

Писатели XI–XII вв. не замечали подобной противоречивости, и только один мыслитель ее почувствовал – Владимир Мономах. В своем "Поучении" он, конечно, не дал изложения цельной программы действий, но по его высказываниям (о богатстве, о нищих и пр.) видно, что этот энергичнейший и дальновидный князь искал золотую середину буквально во всем: "со всех страниц Поучения веет духом умеренного реформаторства"⁸, "добросовестной умеренности и аккуратности"⁹. Да, есть имущие и неимущие, но пусть тогда имущий имеет поменьше: "Луче есть праведнику малое, паче богатства грешныхъ многа" (233); и пусть обладает имуществом не так уж вечно: "Се все, что ны еси вдаль, не наше, но твое, поручиль ны еси на мало дний" (237); и пусть богатый не будет весь поглощен борьбой за богатство: "Лишаемъ – не мсти" (234–235); только кроткие станут действительно имущими: "Терпящии же господа, ти обла-дають землею. . . Кротции же наследятъ землю, насладятся на множестве мира" (233). Верно определено: «Владимир Мономах. . . вынужден несколько умерить аппетиты "славы хотящих и богатством ненасыщающих-ся"»¹⁰.

И в богоугодных делах Владимир Мономах предлагал отказаться от деяний "тяжких", иступленных, чрезмерных, а заниматься делом "малым", умеренным, посильным: "Не бо суть тяжка: ни одиночество, ни чернечство, ни голодъ, яко инии добрии терпятъ, но малымъ деломъ уллучити милость Божью" (235); надо помогать беднякам и нищим, но опять-таки в меру: "Всего же паче убогихъ не забывайте, но елико могу-

⁸Будовниц И.У. Общественно-политическая жизнь Древней Руси (XI–XIV вв.). М., 1960. С. 140.

⁹Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси: Историко-бытовые очерки. 2-е изд. М.; Л., 1966. С. 128.

¹⁰Греков Б.Д. Указ соч. С. 119.

ще по силе кормите" (236). Поэтому и себе Владимир Мономах ставил в заслугу социальную деятельность, так сказать, средних результатов – не то чтобы облагодетельствовал милостями, но защитил хотя бы от притеснений: "Тоже и худаго смерда и убогие вдовице не далъ есмь сильнымъ обидети" (242). Даже на собственное "Поучение" Владимир Мономах распространил эту программу реально достижимой половинчатости деяний: "Послушайте мене, аще не всего примете, то половину" (236).

"В основе социальных взглядов Мономаха лежит та же теория общественного примирения, которая подробно разработана в Изборнике Святослава 1076 г."; "теория общественного примирения не изобретена в 70-х годах XI в., она существовала и раньше"¹¹. Однако наиболее явственно и полно в едином авторском произведении подобные мысли были высказаны только Мономахом. Другие древнерусские писатели XI–XII вв. так и не стали сторонниками идеи социальной умеренности: "Мономахова идеология не захватила их в орбиту своего влияния"¹²; социально-имущественные представления их не приблизились по своему статусу к системе отчетливых, крупных и непротиворечивых социальных идей, но остались в пределах неопределившегося социального мироощущения, несвязавшихся умонастроений.

Почему же социально-имущественные представления древнерусских писателей XI–XII вв. не сформировались в цельную систему? Наш ответ сугубо предварителен. Думается, помешало быстро наступившее феодальное раздробление Руси: "Древнерусское государство подобно другим раннесредневековым государствам было не долговечно"¹³. Раздробленность политическая, государственная, хозяйственная вела к дробности и разнородности идейной, эстетической, литературной, жанровой и т.д.: "Вместе с раздроблением страны мельчает и общественная мысль"¹⁴. Недаром все литературные произведения, явно выпадавшие из системы жанров XI–XII вв., появились на Руси именно в период наступления феодальной раздробленности – "Поучение" Владимира Мономаха, "Повесть временных лет", "Повесть об ослеплении Василья Тербовльского", "Слово о полку Игореве", "Моление Даниила Заточника" и др.: "Это типично именно для этого времени. В последующее время, в XIV–XV вв., литературные произведения легче укладываются в установившиеся жанры"¹⁵.

Но нельзя не признать относительно цельным явлением стиль монументального историзма (по терминологии Д.С. Лихачева) в литературе XI–XII вв. Все дело в том, что для возникновения литературного стиля или отдельных общественных настроений нужно меньше времени, чем для формирования идеологической системы. Стиль монументального историзма возник в древнерусской литературе, по-видимому, до явственного

¹¹Будовниц И.У. Указ. соч. С. 136, 124.

¹²Романов Б.А. Указ. соч. С. 149.

¹³Греков Б.Д. Указ. соч. С. 505.

¹⁴Будовниц И.У. Указ. соч. С. 22.

¹⁵Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 56–57.

развития феодальной раздробленности, которая затем и мешала ему менее роковым образом; а вот сумма социально-имущественных умонастроений "не успела" кристаллизироваться в целое до феодального раздробления Руси.

XIII–XIV века

Социально-имущественные умонастроения, конечно, не исчезли у писателей XIII–XIV вв., но, пожалуй, сделали шаг назад в своем развитии. Прежде всего, уменьшилась даже та слабая степень социальной содержательности высказываний, которая существовала в XI–XII вв.; писатели XIII–XIV вв. растерянно характеризовали состояние общества как сплошные нападения одних людей на других, без деления на социальные лагеря: "Жадаемъ и не престанем, абы всехъ погубити" ("Поучение третье" Серапиона Владимирского, 9); "и ничто же несть известно в человецехъ, но вся сут стропотна суть" ("Слово о мятежи жития сего" Ефрема, 481); "издвоишася людие... и створиша супоръ", "оканнии человеци. . . ни жалобы имеюще", "и много пакости бысть людемъ", "и бысть мятежь силенъ. . . много же и невиноватыхъ людий погибло тогда" ("Новгородская первая летопись", 310, 334, 347, 353, 355, 365 и пр.). Выразительная формулировка найдена в "Никоновской летописи" под 1367 г.; летопись поздняя, но изложение соответствует обстановке XIV в.: ". . . цари, и князи, и бояре, и велможи, и гости, и купцы, и ремесвеницы, и работнии людие. . . забывшеся, друг на друга враждуют, и ненавидят, и грызут, и кусают"¹⁶, – все на всех. Для подведения итогов и для предсказаний на будущее использовались и переводные повести: "Прииде время то злое от вѣстока до запада, и по всемъ градомъ зло много будет и мятежь въ всехъ человецех. . . и вси велможи будут крамолници, которници" ("Сказание о двенадцати снахъ царя Шахаиши", 5).

Писатели видели вокруг себя только борьбу за "имения", мздоимство, грабежи; выводы следовали однотипные: "Несытовство именье поработи ны. . . жадаемъ. . . горкое то именье и кровавое к собе пограбити. . . Того добывше, другаго желаемъ" ("Поучение третье" Серапиона Владимирского, 9); "имения не насыщашася. . . крадут и разбивают, а имение хощот собрати" ("Слово о мятежи жития сего" Ефрема, 481–482); "насилемъ немощнейшая пожираемъ, онъ будетъ отялъ убогому именье, а ты того и с темъ къ своему имению приложиши. . . Урубляемъ земль и совкупляемъ к дому, да от ближняго уимемъ" ("От шестоденца избрано о животехъ", 9–10; ср. "Шестоднев" Иоанна Экзарха по списку 1263 г., 167.1); "в то же время злое князи, и бояре, и старци, и ратаи и вси люди купци будут. . . вси человеци купци будут – богатии и убозии, – лежу, и клятвою, и лестию стяжутъ богатство много. . . Егда приидеть время то злое, все людие будут скупы. . . сверепии мздоимци" ("Сказание о двенадцати снахъ царя Шахаиши", 5, 8, 9; слово "купцы" употреблено в значении "алчные покупатели", ср.: "Наказание князем, иже дают волость и суд небогобойным и лукавым мужем", 63). Только в отдаленной, социально абстрактной, фантастической стране не было ни грабежей, ни лихоимства,

¹⁶Цит. по: Будовниц И. У. Указ. соч. С. 420.

"ни татя, ни разбоиника, ни завидлива человека" ("Сказание об Индийском царстве", Кирилло-Белозерский список, 362).

Да и сами писатели прониклись узкоимущественными интересами. Серапион Владимирский горько сожалел: "Богатство наше инемь в користь бысть" ("Поучение третье", 8); тут имелось в виду не только поражение и пленение, а и судьба богатства как такового. Писатели XIII–XIV вв. ценили богатство, "имение" уже само по себе, вне социального деления общества. Рассуждения о вторичности богатства перед оружием ("сребромъ и златомъ не имамъ налести дружины, а дружиною налезу сребро и злато" – "Повесть временных лет", 123) исчезли. Писатели XIII–XIV вв. только и делали, что оценивали, перечисляли, пересчитывали отнятые, или сохранившиеся, или раздаваемые богатства, притом с подробностью, ранее не виданной: держали на учете "все золото, и серебро, и камене дорогое, и поясы золотыи. . . и блюда великаа серебрянаа, и кубьки золотые и серебряные. . . гривны и мониста великия золотая. . ." ("Галицко-Волынская летопись", 914); детально описывали, например, наряд князя: "Бе бо конь под нимъ дивлению подобенъ и седло от злата жже-на; и стрелы и сабля златомъ украшена, иными хитростями, яко же дивитися; кожоухъ же оловира грецьколго; и круживы златыми полосками ошить; и сапозы зеленого хъза шити золотомъ. . ." (Там же, 814). Оттого в XIII–XIV вв. пришлось ко двору "Сказание об Индийском царстве", загроможденное перечислениями фантастических богатств индийского царя.

Самым важным считалось, пожалуй, не столько общественное положение и "слава" человека, сколько то, чем он обладает материально: можно только посочувствовать "убогымъ людемъ, у кого то конии нетуть" ("Галицко-Волынская летопись", 914); зато о ремесленниках уже нельзя не отозваться уважительно: ведь они – "седельници, и лучници, и тульници, и кузницы железу, и меди, и сребру" (Там же, 843), ведь "многим ремесвеникомъ принесоша дела своя людие дающе делати. . . златом, и сребром, и медию, и порты" ("Сказание о двенадцати снах царя Шахаиши", 8).

Симптомом значительного ослабления социального чувства писателей XIII–XIV вв. служило то, что разница между богатыми и бедными ощущалась не такой уж резкой. Конечно, деление на богатых и бедных сохранялось, никто его не отрицал; и все-таки не совсем привычные нотки стали звучать в высказываниях авторов. Они с удовлетворением объявляли об огромных милостынях нищим: то один князь "розда убогимъ имение свое. . . и розъсла милостыню по всеи земли" ("Галицко-Волынская летопись", 914), то "друзии же в миру. . . имение свое отдающе въ милостыню. . . нищим, маломощным, убогим, кормяще и напаяюще и милостынею учрежающе" ("Псковская первая летопись", 21). "Имения" из-за грабежей и насилия все время переходили из рук в руки, меняя и как бы уравнивая владельцев. Ведь это было "время татарского разорения с характерным для эпохи социальных потрясений перераспределением богатств и ценностей"¹⁷; отсюда ощущение бесконечности имущественных пере-

¹⁷Будовниц И. У. Указ. соч. С. 324.

мен: "... иному землю изхвати, а инь имение отъят; и того село слышавше, а домъ иного ныне есть" ("Слово о мятежи жития сего" Ефрема, 481).

Богатый и убогий уже даже походили друг на друга, становились взаимозаменяемы в ядовитой поговорке-приписке дьяка Кузьмы Поповича в "Паримейнике" 1313 г.: "Богъ дай съдоровие къ сему богатю: что кунъ, то все въ калите: что пѣртъ, то все на себе; удавися, убожие, смотря на мене" (61). Это упоминаемое богатство походит на бедность ("что пѣртъ, то все на себе"): ведь именно бедняк имел только ту одежду, что на нем. Ср. высказывание о бедняке в "Повести временных лет": "Аще ли есть неимовтъ... яко да и порты, в нихъ же ходить, да и то с него сняти" (51). И наоборот: "убожие", упомянутое далее в приписке, своей завистью к кунам и порткам как раз больше было похоже на человека "имовитого". Отмечалось и прямое равенство богатых и убогих – в реквиеме "Псковской первой летописи" под 1352 г. – правда, равенство перед смертью: "... внидаше... въ богатии или въ простыя люди, сиреч и до убогих, болезнь люта... Санъ светлостью не умолена бывает смерть: на всехъ вынизаетъ многыдѣныя своя зубы" (22).

Ближе к XIV в. социальное стало сильнее замещаться церковным. Так, в летописном повествовании социальные обозначения людей нередко заменялись церковно-психологическими обозначениями. "Новгородская первая летопись" чаще говорила о столкновениях не богатых верхов и бедных низов общества, а о столкновениях добрых, богобоязненных людей со злыми, небогобоязненными людьми: "... добрии люди уяша, а злеи человеци падоша на грабежи... все разграбиша, Бога не боящеся"; подобные высказывания повторялись многократно: "А злеи человеци недобрии, Бога не боящеся... падоша на грабежи, пограбиша чюжая имениа... А оканънии человеци, тако же Бога не помнящи, ни суда Божиа, ни жалобы имеюще, пограбиша чюжая имениа"; "почале бяху грабити недобрии людие села и дворы в городе и клети на городе"; "злии человеци разграбиша, иже Бога не боятся, ни чають въскресения мертвымъ, ни суда Божиа, ни въздания по деломъ"; "и много пакости бысть людемъ и убытка от лихихъ людий, иже Бога не боятся" и т.д. и т.п. (329, 334–336, 351, 355).

В литературе XIII–XIV вв. очерковались и перечни общественных слоев – церковники и нищие заместили всех прочих или преобладали в перечнях: "И раздая именье свое не токмо нищимъ, но иереом, черноризцемъ, черноризицамъ, всемъ церковникомъ и домочадцамъ" ("Житие Петра Московского", 311); "иереи, и диаконы, черноризцы, нищии, и богатии, и вси людий" ("Житие Александра Невского", 178); "игумени, прозвители, чернъци, и нищии, и убозии, и всякъ возрастъ – мужи, и жены, и дети, и младеньци" ("Рогожский летописец", 144). И вот чем хвалился индийский царь в "Сказании об Индийском царстве": "А обедаютъ со мною на трапезе по вся дни 12 патриархов, 10 царей, 12 митрополитов, 45 протопопов, 300 попов, 100 диаконов, 50 певцев, 900 крилосников, 365 игуменов, 300 князей; а во зборной моеи церкви служатъ 300 игуменов да 65, да 50 попов, да 30 диконов, и обедаютъ со мною" (366), т.е. сидят за царским столом в основном только церковники, вплоть до довольно мелких.

Происходило дальнейшее, и почти полное, замещение общерусского местным; в произведениях XIII–XIV вв. уже только в редчайших случаях можно встретить обобщающие замечания о том, какому социальному слою что "достоит", как, скажем, в "Галицко-Волынской летописи": "Увиша и оксамитомъ со круживомъ, яко же достоить цесаремъ" (918). Собственно социальная мысль писателей кружила в узких местных пределах: "политический горизонт замыкается феодальной околицей"¹⁸. Если рассказывалось, например, о князьях или о нищих, то имелись в виду именно местные, областные князья и местные городские нищие.

Художественным сужением социально-географического горизонта отличалось "Сказание об Индийском царстве". Все Индийское царство представлялось жестко ограниченным: граница с одной стороны – "тамо соткнуся небо з землею" (362), другая граница – море, "того же моря не преходить никаков человек ни кораблем, ни которым промыслом. И за тем морем не ведает никаков человек, есть ли тамо люди, нет ли" (364); еще одна граница – "горы высоки и толсты, не лзе на них человеку зрети" (364). Создавалось ощущение не простора, а подавляющей утесненности этого царства: идти по нему, казалось бы, многие версты, да все забито гигантскими существами, гигантскими птицами на гигантских гнездах ("гнездо на 15 дубов" – 362), колоссальными песчаными валами, громадными каменными реками, к тому же непроходимо "пылаеть огонь по многим местом" (364).

Если отвлечься от гиперболических цифр и определений, то реальный социальный кругозор "Сказания об Индийском царстве" придется свести к городку или царскому "двору"; двор, палаты, процессии, обеды – вот о чем рассказывал индийский царь: "Двор у мене имею таков. . . А во дворе моем. . ." (366, 368). Из социальных тем затрагивались лишь хозяйственно-семейные – о детях и женах, их обыденных занятиях: "Люди же тоя земли. . . кормятъ свои дети сырыми рыбами, и понируютъ в реку. . . ищутъ камения драгого. За тою рекою. . . живутъ черви. . . и те черви точатъ ис себе нити. . . и в техъ нитех наши жены делаютъ нам порты, и те порты, коли ся изрудятъ, водою их не мываютъ. . ." и т.п. (364). В другом списке "Сказания" (не Кирилло-Белозерском, а Волоколамском) индийский царь советовал греческому царю: "Продаи же землю свою греческую всу да приди ко мне сам, послужиши мне" (71), – как будто речь шла о продаже земельного поместья, а не государства.

"Сказание об Индийском царстве" считается переводными произведением, но веет от него русским областническим, удельным духом. Оно вписывается в процесс ослабления и сужения социального мироощущения на Руси XIII–XIV вв.

Далее. Усилилась бессистемность социально-имущественных представлений – настолько противоречивыми по содержанию стали высказывания даже у одних и тех же авторов. Например, вечный вопрос о помощи нищим и убогим, вдовам и сиротам теперь получил двоящееся разрешение: с одной стороны, писатели постоянно поощряли за такую помощь, а с другой стороны, они же вопияли о ее отсутствии. Серапион Владимир-

¹⁸Будовниц И.У. Указ. соч. С.375.
2. Зак. 1126

ский поучал: "Милостыню к нищим по силе створим", но одновременно не надеялся на эту милость: "Несытовство именье. . . не дасть миловати ны сироть" ("Поучение второе", 6; "Поучение третье", 9). Чем отчаянней писатели призывали помнить о нищих и сиротах, тем жестче те же писатели и отзывались: "Мы же обидимъ еще сирот и вдовам насилуемъ и убогих отъимаемъ" ("Слово о мятежи житиа сего" Ефрема, 483); "когда приидет година та злая, богатии поперут убогья" ("Сказание о двенадцати снах царя Шахаиши", 9). Помощь и насилие представляли как два равносильных отношения к убогим, вдовам и сиротам. Недаром в своем "Наказании" тверской епископ Семен употребил следующую фразу: "Будуть ли князь. . . сирот не милуетъ и вдовицам не печалуетъ. . ." (376), — т.е. князь может миловать, а может и не миловать, то и другое одинаково возможно. Похожий смысл имело обращение вдовицы в апокрифическом "Сказании о Соломоне и Китоврасе": "Господине, вдовица есмь убога. Не оскорби мя!" (68), — ожидать можно всякого, господин может "оскорбить" или не "оскорбить" вдовицу.

Подобные противоречия встречались на каждом шагу. Например, проповедовалась верность слуги господину: "Отца бо оставити человекъ может, а добра господина не мощно оставити: аще бы лзе, и въ гробъ бы лезлъ с ним!" ("Житие Александра Невского", 178). Но с той же вероятностью допускалась противоположная возможность: слуга или подданный "мыслить зло на своего господаря" ("Сказание об Индийском царстве", Кирилло-Белозерский список, 368). Неискренность и корыстная хитрость уже отмечались как вполне допустимое обыкновение: "А богатым и бо всякъ ся щитится послужити и въ животе и при смерти, да наследует что от имениа их" ("Псковская первая летопись", 22); "и аще видять кого багата или въ власти, к темъ присваивають ся и дарове имъ приносят гортани ради своего" ("Сказание о двенадцати снах царя Шахаиши", 6). Все зыбко. . .

В XIII–XIV вв. социально-имущественные умонастроения писателей стали деформироваться и расплываться в своих важнейших основаниях — еще одно подтверждение слов К. Маркса о татаро-монгольском иге: "Это иго не только давило, но оно оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой"¹⁹.

XV век

Казалось бы, что нового можно вычитать из текста хорошо известного древнерусского памятника, составленного не ранее 1380 г., — из "Задонщины", со всей ее подражательностью "Слову о полку Игореве", с ее фанфарно-патриотическим духом и вместе с тем довольно сильной невразумительностью текста? Однако кое-какие детали противоречат сложившемуся мнению о "Задонщине" как о памятнике художественно не интересном и заставляют нас эстетически внимательно вчитываться в

¹⁹Перевод цит. по кн.: Гудзий Н.К. История древней русской литературы. 7-е изд., испр. и доп. М., 1966. С. 177. Ср.: Marx K. Secret diplomatic history of the XVIII century. L., 1899. P. 78.

авторский текст, пусть реконструированный, но дающий возможность почувствовать подлинную, неофициальную и нерекламируемую душевную настроенность автора "Задонщины".

Мы имеем в виду хозяйственно-имущественные мотивы произведения, прежде всего — о "богатстве". Уже в самом начале "Задонщины" наши высокие патриотические ожидания несколько охлаждает следующая фраза: "Князи, и бояря, и удалые люди, иже оставиша вся дома своя и богатство, жены и дети и скот, честь и славу мира сего получивши, главы своя положиша за землю за Русскую и за веру християнскую" (цитируем список Ундольского, 535). Все детали и все выражения здесь обычны, традиционны, их во множестве можно найти в летописании, особенно в статьях на воинские темы, да и в иных памятниках; но совершенно необычен порядок изложения: на первое место вынесена мысль, почти что сожаление, о потере домов и богатства, а потом уж о чести и славе за защиту веры. Не означало ли это, что для автора "Задонщины" на первом месте стояло материальное богатство, а на втором — честь, или что во всяком случае богатство для автора "Задонщины" значило очень много? Конечно, можно предполагать какую-то порчу текста только в одном списке или в одном изводе, а не в оригинале, или всего лишь невольную неудачность композиции; но тем не менее подозрение в "меркантильности" на авторе "Задонщины" все-таки остается.

Для того чтобы найти дополнительные свидетельства хозяйственной настроенности действительно автора "Задонщины", нужно просмотреть дальше несколько эпизодов, вплоть до отправления собравшегося русского войска в поход против Мама; тут содержатся любопытные высказывания насчет полей и вотчины. Князю Дмитрию Донскому жалуются его брат: "Уже бо поганые поля русские наступают и вотчину отнимают" (список Ундольского, 537). Эта фраза, несомненно, уже входила в авторский текст, ибо ее повторяли списки обоих изводов "Задонщины". Например, в Музейском первом списке того же извода Ундольского стоит: татары "поля наступают, отнимают отчину нашу" (543); в Кирилло-Белозерском списке, хотя и другого, Синодального извода, сказано сходно: ". . . татарове на поля на наши наступают, а вотчину нашу у нас отнимают" (548–549).

Присмотримся к авторскому словоупотреблению в этой фразе, прежде всего к значению слова "поля" (во множественном числе). Словосочетание "поля наступают" (или "на поля наступают") не встречалось в других памятниках и, вероятно, было навеяно "Словом о полку Игореве": "Наступи на землю Половецкую". Но "Слово" обозначило победоносное наступление ногами: "Наступи. . . притопта. . . взмути. . ." (50); в "Задонщине" же смысл фразы изменился, и говорилось о занятии полей как территории, т. е. о захвате чужого владения. Автор смотрел на поля, так сказать, с землевладельческой точки зрения.

Это же словосочетание автор повторил еще раз, в другом месте "Задонщины": "Уже бо поганые татары поля наступают" (список Ундольского, 539); сходно в списках обоих изводов — 544, 546, 549, 555); и добавил, что в полях кони "в крови по колено бродят", — таким образом, поля представляли и местом сражений, и сферой владения, и средой обитания.

Немного далее в "Задонщине" слово "поля" (во множественном числе) употребляется еще дважды, притом в одной фразе: "И все великое войско широкие поля кликом огородиша. . . а трупы татарскими поля насяяша" (список Ундольского, 539; фраза входила в авторский текст, так как она однотипно отразилась в списках обоих изводов, – 544, 547, 549). Рассмотрим два словосочетания – "поля огородиша" и "поля насяяша". Поначалу кажется, что автор полностью шел за "Словом о полку Игореве"; однако второе словосочетание ("поля насяяша") содержит заметное отличие. В "Слове" говорилось о земле, а не о поле: "Чръна земля. . . была посеяна" (48), – о "насяенных" полях в "Слове" не упоминалось нигде; упоминание "насяенных" полей – это особенность "Задонщины", ее автор исходил из представления (скрытого, неразвернутого) о сельскохозяйственной освоенности полей – на его основе и построил метафору.

Правда, первое словосочетание ("поля огородиша") почти совпало со "Словом"; в "Задонщине": "поля огородиша" (в Кирилло-Белозерском списке: "поля перегороди" – 550); в "Слове о полку Игореве": "поля прегородиша. . . преградиша" (47). И все-таки было различие: "прегородить" и "огородить" различались не просто морфологически, а семантически; "Слово" указывало на преграды – для продвижения войска в полях; "Задонщина" же указывала на ограды: автор, хоть и неясно, представлял поля огороженными, как бы хозяйственно поделенными, – на этом и основывалась его метафора.

Четыре примера (других нет) позволяют предполагать, что автор, пусть неотчетливо, представлял "поля" как территорию, принадлежащую кому-то, огороженную и засеянную, ставшую хозяйственным объектом. В "Слове о полку Игореве" же поля (во множественном числе) представляли лишь местом походов: через поля рыскали, через поля неслись, их меряли мыслью, чтобы быстро пересечь, их прикрывала пыль, поднятая мчащимися войсками (44, 46, 47, 55). Автор "Задонщины" стал мерять поля уже не столько военной, сколько хозяйственной мыслью.

Слово "поле" (в единственном числе) традиционно в "Задонщине" означало место битвы, но однажды и в него проник новый смысл. Говоря о перипетиях сражения, автор выразился так: "И в то время по Рязанской земле около Дону ни ратаи, ни пастухи в поле не кличут. . . трава кровию пролита бысть, а дрeвеса тугою к земли приклонишася" (список Ундольского, 538. Текст аналогичен в списках обоих изводов). Соответствующие выражения были выбраны автором из "Слова о полку Игореве": "Тогда по Русской земли ретко ратаеве кикахуть. . . чръна земля. . . кровию поляна. . . Ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилось" (48–49). Но в соответственном отрывке "Слова" речь шла не о поле, а о Русской земле, слово "поле" там даже не употреблялось; автор же "Задонщины" мыслил менее масштабно, но более хозяйственно, – категорией поля, в котором растут трава и "древеса", в котором трудятся ратаи, а сверх того и пастухи, вовсе не упоминаемые "Словом". Приземленность настроения автора в "Задонщине" ощущается явственно.

Прodelав экскурсы по поводу значения слов "поля" и "поле", вернемся к исходной фразе, с которой мы экскурсы начинали: "Уже бо поганые

поля русские наступают и вотчину отнимают" (537). В этой фразе автор "Задонщины" слово "вотчина" употребил в своеобразном значении: подобно тому, как слова "наступают" и "отнимают" выступили в роли синонимов, так и слова "поля" и "вотчина" связались как близкие по смыслу; т. е. слово "вотчина" автор приравнял к "полям", употребив его в хозяйственном смысле. В памятниках XII–XIV вв., и в литературных и даже в деловых, слово "отчина" понималось иначе – соответствующие приравнивания были политическими: "отчина" означала город, принадлежащий князю; примеры, думается, пояснять не надо: "князюшу ему въ отчине своей, во Тфери", "въ Суздаль, въ свою отчину" ("Софийская первая летопись" под 1319 и 1362 гг., 207, 229), "на Москву, въ свою отчину" ("О побоище, иже на Дону", краткая повесть, 15) и т. д. "Отчина" означала и княжество, страну, землю: "свою отчину и великое свое княжение" ("О побоище, иже на Дону", пространная повесть, 18), "въ свою отчину, въ землю Залескую" ("Тверская летопись" под 1380 г., 440), "расудивъ имъ когождо в свою отчину, и приежаша съ честию на свою землю" ("Суздальская летопись" под 1244 г., 447). "Задонщина" же во фразе о вотчине, сохраняя, быть может, старый, политический оттенок (отчина-страна), выдвинула на первый план новый оттенок – хозяйственный (отчина-поля).

Кстати говоря, приравнивание вотчины к полям еще раз скрыто отразилось в Синодальном списке "Задонщины", где употреблена фраза: "Замкни отчин ворота" (554). Сразу вспоминается "Слово о полку Игореве": "Загородите полю ворота. . ." (53). В Синодальном списке "Задонщины" слово "поле" заменено на слово "отчины" – как синоним.

Кроме того, выражение "вотчину отнимают" также указывало не столько на политические, сколько на имущественные отношения сторон. Другие памятники при упоминании вотчины делали акцент как раз на отношениях военно-государственных: "боронити своея отчины", "вотчина. . . въ полону будетъ", "искаше подъ ними отчины ихъ" и пр. ("Софийская первая летопись" под 1347, 1319, 1139 гг., 226, 210, 158). Автор "Задонщины" больше склонялся к тем имущественным представлениям о вотчине, какие выражались в документальной письменности (ср. формулу "давать вотчину" в грамотах и письмах)²⁰.

Хозяйственный оттенок в высказывании "Задонщины" об отнимаемой вотчине оказался не соответствующим исторической действительности: Мамай вовсе не стремился присвоить именно "вотчину", именно поля; действительные цели Мамаева были военно-политическими, что засвидетельствовала, например, краткая летописная повесть "О побоище, иже на Дону": Мамай "хотя пленити землю Русскую" (14). Да и сама "Задонщина" в начале подтверждала: татары "хотят пройти всю Рускую землю" (список Ундольского, 537; ср.: Синодальный список, 552)²¹. Но автор

²⁰Примеры см.: *Срезневский И.И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. М., 1958. Т. 1. Стб. 308; Т. 2. Стб. 831.

²¹О целях Мамаева см., например: *Черепнин Л.В.* Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках: Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 601–603.

"Задонщины" вдруг испытал вотчинно-владельческое беспокойство – "наступают. . . отнимают", – опять проявив именно хозяйственную настроенность. "Домы и богатства", земельные владения и обработанные поля – вот что занимало душу автора "Задонщины" наряду с воинско-героической темой.

Конец "Задонщины" дарит нам еще одну хозяйственную деталь среди прочих; автор перечислил трофеи: русское войско захватило "татарская узорочья, доспехи, и кони, волю, и вельблуды, вино, сахар, дорогое узорочье, камки, насычеве. . ." (Музейский первый список, 545). Подобный перечень был традиционен, включая упоминание и такого экзотического трофея, как верблуды; состав трофеев аналогичен во многих памятниках, в том числе в краткой летописной повести "О побоище, иже на Дону": "многа стада кони, и вельблуды, и волю. . . и доспех, и порты, и товаръ" (15, ср. пространную повесть, 23); если идти в обратном хронологическом порядке, то в "Повести временных лет" под 1103 г.: "скоты, и овце, и коне, и вельблуды, и веже с добыткомъ и с челядью" (269); под 1095 г.: "скоты, и коне, вельблуды, и челядь" (221); в "Истории иудейской войны": "Скот же, и кони, и вельблуды, и ослы. . ." (343); в Библии: "на скоты. . . и на коня, и на ослы, и на вельблуды, и на говяда, и на овца" (Исх., гл. 9, л. 28 об. 2; ср.: Первая книга царств, гл. 27, л. 138.2; Иудиф, гл. 2, л. 254.2).

Индивидуальным для "Задонщины" было упоминание сахара. Правда, этот элемент налицо в изводе Ундольского, а для Синодального извода установить упоминание сахара сложнее, потому что в дошедших списках Синодального извода текст дефектен – в Кирилло-Белозерском списке нет этого перечня, а в Синодальном списке сахар как раз и не упомянут. Но он упомянут в другом тексте, использовавшем "Задонщину" именно Синодального извода, – в "Сказании о Мамаевом побоище", в списках Печатного варианта Основной редакции²²: "коней, и воды, и вельблуды, меды, и вина, и сахары" (126). Скорее всего, сахар упоминался в обоих изводах, восходя к авторскому тексту "Задонщины".

Но сахар был непривычен и даже неведом для древнерусского быта того времени²³. Напрашивается предположение, что сахар в авторском тексте "Задонщины" мог появиться в результате невольного искажения текста Библии; в Первой книге Паралипоменон, в главе 12, содержится сходный перечень в отрывке о пропитании войска Давидова: "Но иже близяху до Исахара, и Заулону, и Нефалима принесоша имъ хлеба на ослахъ, и вельбудехъ, и мскахъ, и волехъ на ядение, муку, перевясла, смокви, и гроздие сухое, вино, и елеи, и волю, и овны. . . (л. 191 об. 1). Библейское географическое название "Исахар" преобразилось в "сахар", редкостный, привозной продукт, который вместе с другой перечисляемой в Библии

²²См.: *Дмитриев Л.А.* Вставки из "Задонщины" в "Сказании о Мамаевом побоище" как показатели по истории текста этих произведений // "Слово о полку Игореве" и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания "Слова". М.; Л., 1966. С. 431–434.

²³См., например: *Рабинович М.Г.* Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988. С. 218, 238.

экзотикой проник в "Задонщину". Для хозяйственно настроенного автора "Задонщины", равнодушного к "импорту", такая ассоциация была вполне естественна.

Упоминание "сахаров" и других трофеев в данном месте "Задонщины" отличается "домашним" оттенком: оно завершается замечанием, будто взятые трофеи "руския сынове. . . везут женам своим". В прочих произведениях трофеи обычно везли в свою землю или в свой город, но не специально женам – внезапному предмету забот как раз автора "Задонщины".

Тут припоминаются промелькнувшие раньше в "Задонщине" странные слова, произнесенные князем Дмитрием Донским в разгар битвы, в ответственный момент: "Братия. . . то ти ваши московские слаткие меды и великие места. Туто добудете себе места и своим женам" (список Ундольского, 539; ср. другие списки, 544, 547, 555)²⁴. В отличие от рыцарственного "Слова о полку Игореве", герои "Задонщины" в запале сражения не только не забывают своих "хотей", но, не стесняясь меркантильности, надеются заполучить сласти и "места" для своих жен; автор "Задонщины" вовсе не чуждался подобных соображений даже в самые патетические моменты. Круг замкнулся – "дома", "богатства", "вотчины", обработанные поля и обеспеченные жены – вот хозяйственные мотивы, "подстилающие" высокое воинское повествование в "Задонщине".

В "Задонщине" автору принадлежит не менее десятка описаний русского войска, что очень много для небольшого памятника, но теперь нельзя не заметить, что все они воспевали не столько общую боеготовность и боевой дух русского войска, сколько делали знаменательный акцент на материальном, парадном снаряжении воинов. Самое длинное из описаний явно содержало хозяйственный оттенок; тот же Дмитрий Донской, отправившись навстречу татарам, горделиво охарактеризовал свое войско (цитируем по списку Ундольского): ". . . а под собою имеем добрые кони, а на себе злаченны доспехи. . ." (537; ср.: Музейский первый список, 543; в Синодальном списке: ". . . а под собою маем. . . но себе маем. . ." – 553). Делопроизводственное слово "имеем", конечно, необычно для воинских описаний (ср. цитированную нами фразу из "Сказания об Индийском царстве": "Двор у мене имею таков" – 366); в "Слове о полку Игореве" более изящно сказано: "Суть бо у ваю. . ." (52)²⁵. Так что же, выражаясь хозяйственно-бюрократически, "мы имеем"? Следовал длинный перечень предметов, преимущественно с географическими эпитетами – якобы по месту, где их лучше всего производят; шесть и более предметов: "злаченны доспехи, а шеломя черкаские, а щиты

²⁴"В этом нельзя не видеть отображения московского феодального быта. . ." (Ржига В.Ф. Слово Софония Рязанца о Куликовской битве (Задонщина) как литературный памятник 80-х годов XIV в. // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 389); ". . . типичный московский бюрократизм XIV–XV вв. . . ." (Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 293).

²⁵О делопроизводственном стиле в "Задонщине" см.: Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. С. 291–96.

московские, а сулицы немецкие, а кинжалы фряские, а мечи булатные” (537; вариации: в Музейском первом списке упомянуты ”сулицы ординские, а чары франьския” – 543; в Синодальном списке – ”кофыи фразския, а кинжалы мисурскими” – 543). Даже в ”Слове о полку Игореве” при самом ярком описании воинских доспехов лаконично упоминались два предмета: ”железные паворзи подь шеломы Латинскими” (52), однажды – три предмета: ”златыи шеломы, и сулицы Ляцкии, и щиты” (53). Автор же ”Задонщины” сделал обзор, так сказать, ”импортного” войскового снаряжения – как ценящий вещи хозяйственник.

Далее в описаниях ”Задонщины” доспехи представляли в зримом изображении – празднично сияющими на воинах: ”А в них сияли сильные доспехи злаченые” (список Ундольского, 538; ср. другие списки, 543, 553). Это сияние имело связь с библейскими картинами: ”И яко вьсяа солнце на щиты златы, и обсиаша горы от них и облисташа, яко лампады огненныя” (Первая книга Маккавейская, гл. 6, л. 6.2); ср. в ”Хронике” Георгия Амартола: ”Яко же вьсяа солнце на златыя щиты и на оружия, блистахуся горы от них и сияху, яко светил горящъ” (203–204); ср. еще: ”блистающе ся оружиемъ и землю светяще” (”Слово о всех святых” Иоанна Златоуста, 406.1); ”и бе полковъ его светлость велика от оружия блистающася” (”Галицко-Волынская летопись”, 322). Та же тема была продолжена в ”Задонщине” в изводе Ундольского: снаряжение стало настолько сияющим, что ”все великое войско широкие поля. . . злаченными доспехами осветиша” (список Ундольского 539; ср. другие списки, 544, 547). Однако цитированная выше фраза о ”сильных” доспехах отклонялась от библейской традиции: доспехи ничего не освещали, а камерно сияли сами по себе – подразумевалась их целость, необбитность, новизна, чистота, т. е. у автора опять выделялся мотив хозяйственно-снаряженческий.

В ”Задонщине” то один, то другой герой ”злаченным доспехом посвельчивает” (список Ундольского, 538; ср. другие списки, 543, 554), ”а златым шеломом посвельчивает” (список Ундольского, 539; ср. другие списки, 544, 546, 554). Упоминание о посвечивающем шлеме, несомненно, было заимствовано из ”Слова о полку Игореве”: ”Камо, Турь, поскочаще, своимъ златымъ шеломомъ посвечивая, – тамо лежать поганая головы Половецкыя” (47); но в ”Слове” златой шлем посвечивал у истова сражавшегося князя; в ”Задонщине” же доспехи воинов просто выставлялись напоказ, словно парад продолжался и в бою; посвечивали – когда картинно: ”то ти ступишася руские удалцы с погаными татары” (список Ундольского, 538), когда аккуратно: ”Пересвет поскакивает на своем добре коне” (538) и ”Владимерь Андреевичъ. . . скакаше во полцех поганых в татарских. . . а скакаша со всем своим войским” (539). В Кирилло-Белозерском списке парадная тема была по-своему продолжена: ”Пашутся хоригови берчати, светяться калантыри злачены” (548), – все парадно-новенькое.

Ряд описаний снаряжения дополнялся звуковыми деталями и выражал авторское ощущение прочности доспехов – опять-таки не столько для боя, сколько для парада: на смотрях ”стучит великая силная рать. . . громят удалцы руские злаченными доспехи и черлеными щиты московски-

ми" (список Ундольского, 537; ср. другие списки, 542, 549, 552). Правда, в "Задонщине" оружие использовалось и в бою, но как бы для испытания его надежности: "Испытаем мечев своих литовских о шеломах татарские, а сулицы немецких о боеданы бусорманские" (список Ундольского, 537; ср. другие списки, 542, 549, 552). В "Слове о полку Игореве" громахание было иным – от применения оружия в бою: "саблямъ потручяти о шеломах Половецкыя", "гремлеши о шеломах мечи харалужными" (47), "grimлють сабли о шеломах" (48), "позвони своими острыми мечи о шеломах Литовския" (53).

Когда автор "Задонщины" сравнил изготовившееся русское войско с ловчими соколами и ястребами, то и это традиционное сравнение он дополнил мотивом снаряжения птиц новенькими золотыми колодками и злачеными колокольчиками: "То уже соколи белозерстии и ястреби хваруются от златых колодиць. . . , возгремеша злачеными колоколы. . ." (список Ундольского, 537; ср. другие списки, 542, 549; в Синодальном списке была добавлена еще одна деталь снаряжения: "шевковая опутины" – 552). Другие памятники не обращали внимания на детали птичьего снаряжения, тем более не "золотили" его (лишь однажды Владимир Мономах в своем "Поучении" упомянул, да и то в общей форме, "ловчий нарядъ. . . о соколахъ и о ястребахъ" – 408).

Даже географические упоминания насыщались "снаряжением": например, автор сообщал, что войско собралось "в каменом граде Москве" и пошло "ис камена града Москвы" (список Ундольского, 537; ср. другие списки, 542, 549, 552), т. е. как бы вся Москва представлялась каменной (чего тогда еще не было). Эпитет "каменный" по отношению к Москве не применялся до "Задонщины", однако в литературных памятниках словосочетание "каменный град" прямо связывалось с темой городской обустроенности; такими представляли города, например, в "Слове о погибели Русской земли": "твердыху каменнии города железными ворота" (157). Автор "Задонщины" расширил идеализирующее представление о хорошо снаряженном войске в хорошо обустроенной Москве.

Говоря о Новгороде, автор тоже ввел детали городской обустроенности: "Звонять в колоколы вечныя в Великом Новгороде. Стоят мужи новгородские у Софьи премудрые" (список Ундольского, 536; ср. другие списки, 541, 548, 561) – вечевые колокола и здание главной церкви. Упоминания колоколов Софии характерны для новгородской литературы, но не в сообщениях о вече, обычно лапидарных: "сзвониша вече у святеи Софьи" или "сташа вецею" – и всего лишь. Автор же "Задонщины" несколько выпятил материальное окружение новгородского веча, оставаясь верным своей военно-хозяйственной настроенности.

И последняя особенность "Задонщины" – "счетность". Когда мы в самом конце "Задонщины" читаем длинный числовой перечень погибших в битве, принадлежность которого к первоначальному, якобы чисто поэтическому авторскому тексту вызвала сомнения у некоторых исследователей, то мы видим теперь именно органичность такого перечня хозяйственному настрою автора "Задонщины". Недаром даже главный герой "Задонщины" призывал к счету: «И рече князь великий Дмитрей Ивановичь: "Считаетесь, братия, колько у нас воевод нет и колько

молодых людей нет» (список Ундольского, 540; ср.: Музейский первый список, 545, а также Печатный вариант Основной редакции "Сказания о Мамаевом побоище", 126). В Библии попадались аналогичные эпизоды, например в Первой книге Царств: «И рече Сауль людемъ сущим с нимъ: "Считаетеся ныне и дозрета, егда где кто есть отшелъ от насъ". И съчтошася» (гл. 14, л. 129 об. 2). Есть сходный эпизод в "Истории иудейской войны": "И повеле писцемъ своимъ исчесть каждо их по ряду..." (435). В летописях встречались подобные подсчеты и перечни, но не так часто. Автор же "Задонщины" "считался" многократно, приводя новые и новые цифры: "7000 воиска", "7000 окованные рати", "70 бояринов", "триста тысящ окованные рати", "четыреста тысящ окованные рати", "40 бояринов московских, 12 князеи белозерских, 30 новгородских посадников" и т. д. и т. п. (список Ундольского, 536, 537, 540; ср. другие списки, 541–543, 545; 551–553, 555); перечислялись имена то назначенных, то погибших воевод (537, 538; ср.: 543, 550, 552, 553). В "Задонщине" "счетны" ее первая половина и самый конец, но нет уверенности в достоверности приведенных цифр, особенно "круглых": статистика "Задонщины", безусловно, эстетична и лишь создает видимость рачительного учета, выражая душевную потребность автора – хозяйственную.

Статистика "Задонщины" была основана на теме воображаемого смотра. Постоянно повторялся глагол "посмотрети": "Посмотрим своих полков" – и приводились итоговые цифры собранного войска; "посмотрети иже лежат трупы крестьянские" – и шел перечень погибших, именной и числовой; "посмотри к сильному граду Москве" – и далее говорилось о сборах, новгородских и московских; "посмотрим по всеи земли Руской" – и давался общий обзор состояния дел, в том числе русских "богатств" (список Ундольского, 537, 540, 536, 535; ср. другие списки, 542 и 552; 545; 541 и 551; 547 и 551). В памятниках не было столь частых смотров и обзоров (ср. лишь однажды в "Истории иудейской войны": "то бо есть гора, и лзе оттуда видети и знати храмы и церквь..." – 362). Автор же "Задонщины" уже не мыслил мир без надзора и счета.

Читая "Задонщину", нельзя забывать, что перед нами не мертвый сколок со "Слова о полку Игореве", а живое произведение конца XIV – начала XV вв., времени политического и экономического возрождения Руси; что хозяйственное возрождение – всему голова, оно предшествует возрождению культурному и вносит переворот в литературу, в том числе в детали и мотивы; что с конца XIV в. хозяйственно-эстетические мотивы проникли и в другие произведения древнерусской литературы и стали неотъемлемы от военных сюжетов; что "Задонщина", следовательно, была ранней предтечей нового явления – мощной хозяйственно-производственной художественной темы, никогда не покидавшей русскую литературу.

Обратимся к другим памятникам. С конца XIV в. усиливается писательское внимание с вопросу о накоплении и сохранности имущества и богатства. Возможно, одним из первых поднял такую тему митрополит Киприан в "Послании игуменам Сергию и Феодору" 1378 г.; он вполне оправдывал имущественные устремления мирян, отчего в соответствующих декларациях употреблял глаголы в "вечном" настоящем времени:

"миряне. . . у нихъ жены и дети, стяжания и богатства, и того не хотятъ погубити" (432); "купляй. . . владыка хочетъ быти купимому" (434).

Киприан ратовал и за сохранность церковного имущества, поэтому он запрещал епископам его раздаривать: "Котории бо яже стяжаша имения въ своего епископства времени, не имутъ власти оставляти, им же хотятъ" (432). О себе Киприан свидетельствовал как о собирателе и хранителе церковного имущества: "Места церковная, запустошена давными леты, оправиль есмь приложить к митрополии всея Руси", и еще целый городок — "яз его оправиль и десятину доспел к митрополии же и села", и в большой области "места исправиль", а еще иные места — "и язъ тых доискуваюся" (438), — неукротимый хозяин. И за совсем чужое имущество, даже имущество своего врага, великого князя, Киприан счел нужным вступить и ругал расхитителей: "Тако ли не обретесе никто же на Москве добра похотети души князя великаго и всей отчине его? . . . от 40 и штий коний ни единъ не оцалъся целъ — все заморили, похромил. . . и нынече теряются" (430, 432). Тема сохранения имущества не являлась главной в "Послании" Киприана, но при всей своей второстепенности она оказалась сравнительно новой: раньше в посланиях (и в поучениях) чаще всего говорилось о безнадежном разорении, а не о сбережении и накоплении богатства.

"Послание" Киприана прямо высказывало его мнение и больше относилось к публицистике. Однако и в собственно литературе проявилось соответствующее умонастроение писателей видеть богатство в целостности и сохранности. Так, в "Повести о нашествии Тохтамыша" автор страстно желал, чтобы богатство хранилось, собиралось, пополнялось. Довольно большой отрывок в повести служил своего рода гимном богатству — церковному, княжескому, боярскому, купеческому, хотя внешне речь шла об обратном — о разорении, истощении, расхищении богатства врагами. Стенания о разграбленном богатстве были обычны для произведений того времени; необычно то, что в данной повести очень горячи и благоговейны эпитеты — "многоскровенное скровище", "велехранное богатство и богатотворное имение", "казны долговременствомъ сбираемы и благоденьствомъ наплняемы, и хранилища их испльнь богатства и имения многоценнаго и неизчетнаго", "храмины ихъ наполнены всякого добра, и клети ихъ нанесены всякого товара разноличнаго" (198, 200) и т. д.; ранее в литературе не встречалось таких прочувствованных эпитетов по отношению к богатству. В сущности, автор "Повести" ввел в литературу тему благоговения перед богатством — не любования его красотой, а довольства запасами, если таковые имелись.

Писательское внимание к имуществу проявилось в постоянном касательстве вопросов о том, как хранить и как тратить имущество, мирское ли, церковное ли. С открытым интересом о таких делах говорилось в публицистике, больше всего в посланиях Иосифа Волоцкого. Вот один из его решительных указов: "Аще кто прост человек богатство свое, а не церковное, раздает богатым и пьяницам, — ино не похвально ни от Бога, ни от человек" ("Послание Ивану Третьякову", 206–207). И подобных примеров из посланий Волоцкого можно привести немало. Автора, столь

поглощенного распределением имущества, предыдущая эпистолярная традиция не знала.

Авторы житийных произведений XV в. тоже оказались равнодушны к тому, как тратить "имение". Так, "Повесть об Ионе Новгородском" уже не мимоходом сообщала о тратах; автор различал два рода средств, которые могли быть употреблены на ремонт монастыря: собственные доходы Ионы, "приходящее имение", и церковные средства, "церковное стяжание", — и пояснял, как ими распоряжались: "церковное стяжание" не трогали, то было "невредимо имение", а тратили средства Ионы, "имение избываемо". Это звучало в житии как некий экономический отчет: "Изволи же ся честному отце Ионе, архиепископу нашему, поновити обитель. . . — от приходящаго ему имения, но не от церковнаго стяжания. . . и невредимо имение то снабдимо бе. Тому же особь приходящее имение избываемо, им же обнови. . ." (358). Автор заботливо обставлял оговорками (о видах расходов) весь дальнейший рассказ о ремонте: "Толико же любоместень о Божиих угодницех и тепль, яко вся своя особная имения светлости их ради истощевати" (360). И в других эпизодах: "Тои же приходящая ему имения не собе сокровиществуе, но въ общину всем живущимъ ему полагает" (354). И далее: ". . . одаривъ. . . множеством сребра, куны же и соболями почтивъ зело. . . не пощадевъ имения множества истощевати светлости ради памятем Божиих угодникъ" (362). Автор "тепло" относился не только к Ионе, но и к имуществу. Для житий предыдущих периодов подобные, упрямо сообщаемые экономические подробности были необычны. Имущественная тема, конечно, лишь фон в "Повести об Ионе Новгородском", но фон очень характерный для XV в.

Внимание к распоряжению имуществом было особенно присуще новгородским агиографам. Например, в другом новгородском житии XV в. — в "Повести об Антонии Римлянине" — имущество уже служило двигателем сюжета: нашлась бочка, наполненная драгоценной посудой, золотом и серебром, и автор подробно прослеживает судьбу богатства, объясняя, каким образом ценности попали в бочку (267); рассказывает, как они хранились (герой "полагаетъ сокровище свое во святительстей ризнице на соблюдение" — 268); вникает, как производились траты (герой "имения же. . . ни от кого же не восприять", только "ценою изъ пречистыя сосуда, сиречь из бочки" — 268, 270).

И все-таки не одни только новгородцы живо отзывались на имущественные расходы. В "Житии Сергия Радонежского" Епифания Премудрого был помещен рассказ о причинах обнищания отца героя: "Сей убо. . . Кириль преже имаше житие велико в Ростовстей области, боляринъ сый, единъ от славных и нарочитых боляръ, богатством многимъ изобилуя, но напослед на старость обнища и оскуде. Како же и что ради обнища, да скажем и се. . .", — далее следовал рассказ о том, как "имения обнажени быша" (288–289). А раньше кому из писателей было дело, почему человек обнищал? (Однако и в "Житии" подобный эпизод единичен).

Имущественно-эстетические умонастроения писателей XV в. проявлялись еще в довольно частом и равнодушном упоминании денег, без их

упоминания не обходилось почти ни одно литературное произведение XV в. Например, в "Повести о благовещенской церкви" (из житийного цикла об Иоанне Новгородском) не скрывалось, что персонажи молились о даровании им именно денег. И вот произошло чудесное обретение: ". . .видяще. . . конь велми дивень предстоящ. . . приступиста к коню и видят два чомоданьца, — сиречь сумочки две — не малы, по обе страны седла висяща, полна суща. И дивястася коня оного стоянию, и красоте, и кротости. . . взята мешца она оба с седла — и начаша, радуящася, разрешати мешца, и обретоша во едином злато, и в другом сребро, полна суща оба" (466). Необыкновенна ласковость авторского тона: мешки большие, "не малы", а он их называет умильно — "два чомоданьца", "сумочки две", "мешца оба" ("мешци" — мешки, а "мешци" — мешочки); и ласковость эта относится только к мешкам с деньгами — не к коню, не к седлу и пр. Автор с удовлетворением подчеркивает и увесистость мешков с деньгами — "полна суща", "полна суща оба", на них "сель довольно куписта". И характерно это настроение именно для XV — начала XVI в., а не для более раннего времени, — агиограф любил деньги и не скрывал этого (правда, дополнительных свидетельств такой настроенности нет — повесть слишком коротка).

В других повестях XV в. писателям нравилось указывать на большие деньги — не вообще, а во впечатляющем весе и объеме: герой "тяжестию сребра утоляя", "многу и велику тяжесть имениа ту истоци" ("Повесть об Ионе Новгородском", 352, 360); "и обрете. . . басманы великие, полны насыпаны злата и сребра и драгихъ камней" ("Повесть о Тимофее Владимирском", 64, 66); "наполниша възила. . . кунъ и ты колесницы. . . едва можаху како двизатися им" ("Повесть о Петре Ордынском", 28). Раньше такой традиции в описании денег не существовало, а в XV в. деньги не так уж потяжелели, чтобы вслед за этим "потяжелели" литературные описания, — "утяжеляющие" пояснения о деньгах авторы делали из уважения к деньгам.

Пробудившееся эстетическое отношение к деньгам отражалось и в эффектных денежно-цифровых подсчетах. Так, в конце "Повести о нашествии Тохтамыша" автор подводил итоги, но какие, — сначала он задумывался о расходах на погребение убитых, а затем прикидывал сумму убытков вообще: "И съчтоша: того всего дано бысть от погребания мертвых 300 рублей. А опрочъ того, елико зделаша татари напасти же и убытка Руси и княжению великому! . . . А аще бы мощно было то вси убытки, и напасти, и проторы исчитати, убо не смею рещи, мню, яко ни тысяща тысящ рублей не имет число!" (204). Никогда еще до этого в повестях не подводился именно денежный итог событиям, в рублях, пусть и неточный. Сам ли автор повести придумал подобную форму итога или заимствовал ее из деловых либо летописных выкладок, но налицо склонность считать деньги, придавать большое значение деньгам даже в самый эмоционально напряженный момент.

Мотив скрупулезного подсчета денег персонажами вообще стал распространенным в повестях (и житиях) XV в. Деньги в реальности считали всегда, но до XV в. писатели об этом почти не упоминали. В XV в. в новгородских житиях этим делом уже не стеснялись заниматься и самые

благочестивые герои: "И начать преподобный разчитати обретенное в бочки серебро и злато. . ." ("Повесть об Антонии Римляanine", 268); считали деньги и князья: "И урядися князь с мастера: и даст имъ задатка 30 рублевъ, а после имъ взяти 100 рублевъ да по однорядки" ("Повесть о житии Михаила Клопского", 338). Притом ничто в сюжетах не заставляло авторов обязательно упоминать подсчет денег; видимо, самим авторам подобные операции казались важными. Когда же подсчет денег был необходим и по сюжету, то персонаж пересчитывал деньги дважды: "Купец же въставъ, и обрете злато, и прочет единою и дващи" ("Сказание о Дракуле", 558). Даже святые, являвшиеся герою во сне, советовали отсчитывать деньги с максимальным вниманием: "А въпросят меняиши 9 серебряных, а 10-й златъ. И ты даждь по единому", – т. е. отсчитывай по одной монете ("Повесть о Петре Ордынском", 24). Ценили деньги, как видим, не только новгородские писатели; небывало дотошно рассуждал по поводу денежных расчетов Иосиф Волоцкий в своих душеспасительных посланиях (например, в "Послании Марии Голениной").

Эстетическую привычку к деньгам, возможно, демонстрировала также одна статья в "Московском летописном своде" конца XV в. Под 1472 г. описывалось войско: "И видевъ многие полкы великого князя, аки море колеблющися, доспеси же на них бяху чисты велми, яко серебро, блистающы" (297), – доспеси были сравнены с серебром: редкостное сравнение для доспехов; если вспомнить, что деньги в XV в. обычно назывались "сребро", то можно думать о денежной ассоциации у кого-то из редакторов статьи в своде XV в. В других летописях это сообщение содержало традиционные тропы: полки в доспехах "яко море колыблющися или яко озеро сияющися", – серебра тут нет.

Сравнительно с писателями предыдущих периодов авторы повестей XV в. больше приглядывались к составу различных богатств, больше были склонны к созданию эстетически впечатляющих описей предметов. Такова уже упоминавшаяся "Повесть о нашествии Тохтамыша". Вот, например, эпизод разграбления татарами московских церквей: "И церкви съборныа разграбиша; и олтаря святыа места попраша; и кресты честныа и иконы чюдныа одраша, украшенныа златомъ, и серебромъ, и женчюгом, и бисеромъ, и каменiemъ драгымъ; и пелены, златомъ шитыа и женчюгомъ саженыа, оборваши; и съ святых икон кузнь съдравше, а святыа иконы попраша; и съсуды церковныа, служебныа, священныа, златокованыа, и серебряныа, многоценныа, поймаши; и ризы поповскыа многоценныа расхитиша" (198), – повествовалось с отчаянием, эмоционально (кресты – честные, иконы – чудные, сосуды и ризы – многоценные, и все это украшено золотом, золотом шито, златоковано, – порядок и повторы слов тоже имели эмоциональное значение). И все-таки основу изложения составила своего рода опись ценностей (по разделам – какое украшение крестов и икон, какие пелены, какая посуда, какая одежда). Конечно, в литературе и до "Повести о нашествии Тохтамыша" было высказано немало жалоб о разграблении церквей или, наоборот, похвал их обустройству, но эти описания не отличались систематичностью. В "Повести о нашествии Тохтамыша" же, пожалуй впервые, объединились эмоции и упорядоченная опись вещей.

Автор повести горестно рассказал о Москве, осажденной татарами: "Татарове. . . поехала около града, обзирающе и разсматривающе приступы, и рвы, и врата, и забралы, и стрелници" (194) — это сжатая, простейшая опись видов оборонительных сооружений Москвы. Или: "Граждане же воду в котлах варяще, кипятню и ляху на ня. . . ови стрелами стреляху съ заборол, овии же камением шибаху на ня, друзии же тюфяки пуцаху на них, а инии самострелы напрязающе, пругаху и пороки. Есть же неции, егда и самыа ты пушки пуцаху" (196) — кипятки, стрелы, камни, тюфяки, самострелы, пороки, пушки; это эмоциональная картина, но одновременно — и чуть завуалированная опись видов оборонительных средств москвичей. К некоей социальной описи восходили упоминания об оборонявшихся: "Приключишася в то время бояре, сурожане, суконники и прочии купцы, архимандрити, и игумени, протопопы, прозвитеры, дяконы, черньци, и всякъ възрасть" (194); "и отвориша врата градная, и выйдоша съ своимъ княземъ. . . архимандритове, игумени, и попове. . . и по них бояре, и лучшие мужи, и потомъ народъ, и черньци люди" (198). Длинная опись церковныхъ действий составляла основу плача: ". . . престала служба. . . престала святая литургия, престала святая просфира приношение еже на святомъ жертвнице, престала молитва заутренняя и вечерняя, преста гласъ псалму. . . Где благочиние и благостояние церковное? Где четцы и певцы? Где клиросники церковнии? Где суть священники, служащии Богу день и ночь?. . . Нестъ позвонения в колоколы; и в било несть зовущаго, ни текущаго; не слышати в церкви гласа поюща; несть слышати славословия, ни хвалословия; не бысть по церквамъ стихословия и благодарения" (202). Даже рассказ о чувствах горожан приобрел вид описи: "И быше видети тогда в граде плач, и рыдание, и вопль многъ, слезы неисчетныя, крикъ неутолимый, стонание многое, оханье сетованное, печаль горкая, скорбь неутешимая, беда нестерпимая, нужда ужасная, горесть смертная, страх, трепет, ужасъ, дряхлование" и т. д. и т. п. (200), — тут ошутимъ стиль не только "плетения словес", но и предметной описи. "Повесть о нашествии Тохтамыша" знаменовала еще большее усиление материальной обстоятельности литературных описаний в произведениях середины XV в.

Большая статья под названием "О поезде великого князя в Великий Новгород" ("миромъ") под 1476 г. помещена в "Софийскихъ летописяхъ", причем в "Софийской второй летописи" помещена первоначальная, пространная редакция статьи (см. примечание издателей на с. 17). В ее последней части рассказывалось о дарах новгородцев великому князю — свидетельство того, насколько Новгород покорились Москве; перечисление даров перемежалось сообщениями о явно политических деяниях князя: кого он "пожаловал", на кого "озлобился", чье челобитие отверг, как кого рассудил и пр. (200—205). В "Софийской первой летописи" же, т. е. не позднее XV в., статья была резко сокращена (оставлена лишь последняя часть), политические сведения убраны, а упоминания о дарах дополнены, и в результате вся статья превратилась в сплошной и длиннейший хозяйственно-цифровой перечень: царю подарены "три поставы сукна ипского, а поставы по 30 рублевъ, да 100 золотыхъ корабленыхъ. . . бочка вина красного, а другая белого. . . два кречета да соколъ. . . да

жеребець. . . да 20 бочки меду. . . да 2 зуба рыбьихъ. . . да два сорока соболей. . . да лошакъ серъ. . . да ковшъ золотъ съ жемчугомъ, а въ немъ 2 гривенки злата, да 2 рога окованы сребромъ, да мису серебряну, а въ ней 12 гривенокъ сребра. . . чепь злату. . . да другое чарку златую же. . . да поясъ сребрянъ золочень великия оковы. . .” и т. д. (16–18). В чисто документальные устремления редактора поверить нельзя: его повествование грешит ошибками в датах и даже нарушением хронологии, да и грубо он сводит статьи, находившиеся в первоначальной редакции под разными годами.

Но при всем своем пиетете по отношению к “имению” и деньгам значительное, а тем более чрезмерное обогащение писатели не одобряли. Очень богатый литературный герой, судя по эпитетам, стал для авторов повестей XV в. героем отрицательным: “а богатства много безчислено собра. . . сотвори же ся Лука напрасен и безстуден” (“Повесть о Луке Колочском”, 54), “золь гонитель бысть и лють кровопийца христианескъ. . . и разбогатель вельми” (“Повесть о Тимофее Владимирском”, 60). Образ немилостивого богача давно был знаком литературе, но это не значило, что всякий богач считался немилостивым. И только в повестях XV в. начала выделяться более постоянная связь: очень богатый – очень злой; сюда, возможно, тяготело и замечание о поступке Дракулы: “Учи-ниша же ему мастери бочки железны; он же насыпа их злата, в реку положи. А мастеровъ техъ посети повеле, да никто ж увестъ съделанного имъ океанства, токмо тезоименити ему дьяволъ” (“Сказание о Дракуле”, 562), – именно очень богатый человек дьявольски жесток.

Если же писатель хотел оправдать богатого героя, то по ходу сюжета уменьшал его богатство до каких-то совестливых пределов: “Живущу же ему в богатстве мнозе. . . имаше же лихвы на 14 гривень и 4 денги точию по единой денге на год – боле же того отнюд не имаше” (“Повесть о Щиле Новгородском”, 210). Другой, еще более положительный герой не остался “дръжащи многа имениа ему. Он же вся та. . . разда нищим татарьскимъ требующимъ”; а когда он получил новое “имение”, то уже “малое се земли”, как и надлежит достойному человеку; владение героя, правда, не было совсем уж маленьким (“множество земель от езера, воды и лесы”), но ограничение богатства помогало хранить ему “сладци ответы и добрыа обычая въ всемъ” (“Повесть о Петре Ордынском”, 22, 30).

В целом же имущественная тема не то чтобы вышла на передний план в литературе XV в., но заметным образом распространилась, а имущественные представления писателей стали отличаться многообразием и тонкостью. Исторически это понятно: XV век – время окончательного освобождения Руси от татаро-монгольского ига, время усиленного хозяйственного строительства, пробудившегося энциклопедического интереса писателей ко всему в мире, в том числе и к делам имущественным, которые получили художественное отражение в повестях XV в., – явление еще невиданное.

Однако до полного обновления социально-имущественных представлений и превращения их в художественные в XV в. было еще далеко. Собственно социальные темы новизна почти не затронула. Во всяком случае, традиционными оставались имущественные характеристики царей,

князей, вельмож, бояр. Например, в "Повести о Луке Колочском" традиционно описывалось княжеское "веселие": герой "постави двор себе, яко некий князь, храмы светлыи и велици, и слуг много собра, престоющих и предтекущих ему отроков много имеяще, во утварех украшени. И трапеза его много брашна имееши, тучных и драгих и питий благовонных много, и ядыше и упивашеся сои сущими его служатели" (54).

И у вельможи (или боярина) писатели ожидали увидеть привычное же: "чти же, и величества, и славы. . . портъ красных. . . многоценных. . . отрокъ, предстоящих ему. . . слугъ, скоро рищущих. . . множество рабъ, служащихъ или чсть въздающих ему" и т. д. ("Житие Сергия Радонежского" Епифания Премудрого, 354). Писательское мнение о других социальных слоях также не выходило за пределы традиционного. Например, о крестьянах говорилось: "поселянинъ, чином орачь, земледелець, живый на селе своемъ, орый плугом своим, и от своего труда питаася" (Там же, 352). Или о пастухах выражалось представление, совершенно библейски-традиционное: "Тако бо и пастырие творять. Донде же убо ничто же забавляет имъ зверь, под дубомъ или под смерчемъ себе повергыше, тростию свиряють, оставльше на власти всяцей овца пастися. Внегда же волкомъ нахождение ощутятъ бывшее, вскоре трость повергыше, пращу восхищают и, свирель оставльше, дреколиемъ и камениемъ себе вооружаютъ, пред стадом ставше, и велми ужасне воскликнувше, гласомъ множицею преже врежения зверя отгнавше" ("Просветитель" Иосифа Волоцкого, 528).

Новыми, возможно, были лишь стихийно проникавшие в изложение жизненные детали. То о княжеской охоте: "И на ловы ездяше со ястребы, и соколы, и з кречаты, и псов множество имеяше, и медведи имаше, и сими тешашеся" ("Повесть о Луке Колочском", 54); то в адрес "сребролюбцевъ богатых и брюхатых" ("Московский летописный свод" конца XV в. под 1481 г., 328); то о "черни": ходят "въ овчих шерстьех — . . . в сермягах" (Там же под 1425 г., 246); то о ремесленниках: ". . . спроста рещи, плотници и гоньчары и прочии, котории родився на лошади не бывали" ("Повесть о походе Ивана III на Новгород", московская, 390). Однако общая картина от этого не менялась. Социальные представления писателей XV в. не обновились, не сделали заметного шага вперед по сравнению с представлениями имущественными; представления же по вопросам имущественным в определенной мере остались оторваны от представлений социальных. Этому явлению подыскивается аналогия, если вспомнить об "абстрактном психологизме" в литературе конца XIV–XV вв., когда изображались чувства человека, но сами по себе, в отрыве от его характера²⁶.

XVI век

Социально-имущественные идеи писателей XVI в., особенно публицистов, изучены довольно обстоятельно: достаточно напомнить о полемике иосифлян и "нестяжателей" по вопросу о монастырском землевладении,

²⁶Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. С. 72–92; Он же. Развитие русской литературы X–XVII веков. С. 83–91.

о высказываниях по крестьянскому вопросу и п . Мы ограничимся лишь небольшими дополнениями из области писательских умонастроений по поводу накопления богатства. Одни писатели подходили к этому вопросу страстно, но абстрактно. Например, Максим Грек клеймил любовь к деньгам в самых резких (книжных) выражениях: "... всех злых родительное сребролюбие и богомерское взятие губительных лихвъ, им же последствует лютое и безчеловеческо лихоимство" ("На несытное чрево и бесчисленных зол виновно иночествуущим", 153). Но он клеймил лихоимство догматически — только как явление, не предусмотренное "писанием": "Где таково, что безчеловечное дерзнуто бывше праведными оными писано есть? Никако же нигде же обрящещи" ("Стязание о известном иноческом жителстве", 94–95).

Для Максима Грека была характерна замена обсуждения реальности обсуждением "писания"; например, он упоминал факт социального неравенства: в мире "неравне подающе человекомъ имения же и саны властелныя"; реальных пояснений не следовало, Максим Грек сразу же сворачивал к книжным вопросам, — это, мол, некоторые философы приписывают неравенство действию слепой судьбы, фортуны, а надо опираться на "писание": «Потщися убо, Бога ради потщися, отскочи таковыя немецкыя прелести и исповедуй пряме и чисте съ богодухновенными Давидомъ и пророчицею Анною, глаголющими сице, яве и без хитрословия всякого: "Господь убожит и богатит, смиряеть и высить. . .»» ("Послание к некоему иноку, бывшему в игуменах, о немецкой прелести, глаголемой Фортуне, и о колесе ее", 458, 462). Впрочем, исследователи уже по разным поводам отметили в сочинениях Максима Грека "сильный налет отвлеченной христианской этики"²⁷, который "в силу своей внутренней логики зовет к уходу от жизни"²⁸.

Другая, самая многочисленная группа писателей XVI в. в своих рассуждениях с трезвой, реалистической настроенностью формулировала принципы социально-имущественной жизни — особенно в посланиях. Так, Филофей в "Послании о злых днях и часах" констатировал разделение общества на социальные слои: "А сие, честный человеце, разумей, яко от царя царевич родится, а от князя князь, и аще и не достигнет малым чим отчаа славы и чести, но земледелец не бывает, ни за земледелцев царие дщерей не дают, ни у них за своа сынове дщерей взимают, но все то состоится по неведомым судбам вся строящаго Бога" (446), — очень трезвая и однозначная фиксация реального положения дел. Раньше в литературе еще ожидалась разные возможности — даже "некий старец, живой в пустыни", мог домогаться руки царской дочери и получить ее в жены ("Повесть о старце", 46, 48).

Федор Карпов в послании митрополиту Даниилу тоже спокойно характеризовал богатство богатых: "В мирском же начальстве истязуют много бо подовластных — овогда убо слугъ, иногда оружии, другойци коней, иногда одежъ красныхъ, иногда ина, коя състоятся сребромъ, пенязьми"

²⁷ Казакова Н.А. Очерки русской общественной мысли: Первая треть XVI века. Л., 1970. С. 262.

²⁸ Клибанов А.И. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М., 1960. С. 356.

(510), — это традиционные детали той суетной жизни властей и богачей, которая раньше осуждалась, а теперь принимается как объективная данность. И о страшной алчности своих современников Федор Карпов писал так же спокойно: "Налезить пагуба: взяв ризу хочет взяти и срачицу. Украдый овцу мыслит отвести и корову. Ни же в томъ конецъ поставляет, но, аще можетъ, все прилежить ближняго похитити. Ни же в томъ почит, донеле последи того же ближняго своего от сего житъа отовлечетъ" и т.д. (516), — ни следа возмущения. Как выразился о своей настроенности Федор Карпов, "трѣпениа не отврѣгох" (514). Своего высокого адресата Федор призывал так же трезво понимать суть реальной действительности: "От сихъ бо цело уразумель еси, коль вредными и неугодными стезями, хромыми ногами, слепыми очима она земная власть и все естество человѣчское ходитъ ныне" (516).

Еще один писатель XVI в. — Вассиан Патрикеев — признавал дурные нравы как стойкую реальность; выразительны его риторические вопросы об иноках сравнительно с мирскими людьми: "И еже убо что у мирских видим дивно, то всего силою подвизаемся, дабы и у нас тако же было. . . Не имеем ли сел, яко же и мирстии чловецы? . . . Не имеем ли хранин светлых и ковчег со имением твердо храними? Не украшаем ли ся ризами и величаемся? Не обеди ли и праздницы у мирских нами полни бывают? Не мы ли мирских богатынь у себе на обеде посаждаем, большее хотяще дерзновение к домам их имети?" и т.д. ("Собрание некоего старца", 225–226). Хотя и саркастически, но как явление неистребимое, описывал он проявления корыстности: ". . . и в руках богатых взираем, разным образом ласкающе их и раболепне угаждающе им, да же и возможемъ приати у них или деревнишку, или сребришко" ("Слово ответно противу клеветущих истину евангельскую", 257).

Сарказм Ивана Грозного, по-видимому, также таил в себе признание противной и возмутительной, но объективной реальности. Вот, например, его "Послание в Кирилло-Белозерский монастырь", где царь использовал отрывок из сочинения Вассиана Патрикеева (с небольшими изменениями и дополнениями): "Не имеем ли сел, яко же и мирѣстии, не словут ли нивы чернеческия, и езера, и пажити скотом, и домове твердо ограждени, и храмы светли? Не имеем ли ковчеги со имением твердо хранимы, яко же и мирския домодержцы? Не красуем ли ся блистанием златным и веселимся светлостию ризною и величаемся?" и т.д. (183). Итог царских обличений — подробная картина монастырской жизни, которая неуклонно идет сама по себе; царь даже отстранился, чтобы не мешать: "Сами ведаете, как себе. . . хотите, а мне до того ни до чего дела нет!" (192).

Трезвое понимание всеобщности борьбы за имущество выразилось и в некоторых житиях XVI в. Например, в "Сказании вкратце о Даниле Переяславском" ("Степенная книга") вопиющие факты излагались созерцательно: миряне "со оружиемъ и дреколиемъ приходяше и во ограде у монастыря не дадуше инокомъ земљи копати" (619), — никаких эмоций по этому поводу, лишь краткое объяснение цели действий. Или: "И ту нощию нападоша. . . разбойницы и гражанскихъ купьцевъ. . . крепко мучаху и, огнемъ подпалююще, имения пытаху" (623), — опять никаких авторских эмоций, только пояснение, зачем так делали. Для ре-

доктора, приспособившего житие Даниила к "Степенной книге", такие жизненные явления уже были привычны и понятны (в "Житии Зосимы и Савватия Соловецких" о попытке населения отхватить монастырские земли говорилось так же бестрепетно, с объективным раскрытием причин через речь самих покушавшихся: "Хощем же и мы тамо участие имети в наследие себе и чядом нашим и в прочая родовъ наших лета" – 15).

Для трезвого приятия действительности показательно, что даже в радостной и торжественной "Казанской истории" попадались резко диссонирующие социальные признания: "И великия наша отчины... небрежением нашим или неможением в конечное запустение предахом" (116); "и скорбь великая обдержаше много лет все христьянство Руския земля, убогих, и богатых, и воин, и воевод, и князей, и бояляр, и всех людей простых, – изнемогаху бо земския люди и простые с частых подадей и великих и не успеваху даючи царския оброки" (173).

Но XVI век – это еще и время упорядочивающих планов деятельности, в том числе в области социально-имущественной, из-за чего сочинения некоторых писателей XVI в. приобрели некий нормирующий, "технологический" оттенок. Например, в одном из своих поучений митрополит Даниил посылал всякого правоверного "прохладитися". Но странное это "прохлаждение": "И аще хощеши прохладитися, изыди на предверие храмины твоеа... изыди на дворъ твой и обойди кругомъ храмины твоеа... тако же и дворъ твой. И аще что разсыпся или пастися хощеть, създай, ветхаа поновляй, неутверженаа укрепи, прахъ и гной згребый вместо... И аще хощеши вящше прохладитися, изыди въ оградъ твой и разсмотри сюду и сюду, яко же ко плодоносию... Изыди на поле сель твоихъ, и вижь нивы твоя, умножающа плоды ово пшеницею, ово ячмень и прочаа..." ("Почуение двенадцатое", 25–26). Ясно, что проповедник призывал не только благочестиво отдохнуть и поразмышлять, а прежде всего посылал правоверных заниматься хозяйством, сгребать "прах и гной" в кучи (как выразился И.У. Будовниц, митрополит "прямо тыкал их лицом в навоз"²⁹). Ранее для поучений, тем более митрополичьих, такая хозяйственная настроенность была все-таки чужда.

В другом поучении Даниил с удовольствием перечислял деятелей, главным образом хозяйственных: "... купецъ ли еси, рукодельникъ ли еси, земледельца ли еси, ловецъ ли еси, бортникъ ли еси, каменосечецъ ли еси, кузнецъ ли еси, швецъ ли еси, древоделъ ли еси, писецъ ли еси, зотчий ли еси...", – в каких поучениях раньше можно было встретить перечисление подобного ряда ремесленников, которые, по словам Даниила же, "на вся потребы и проторы издающе" ("Почуение шестнадцатое", 38)?!

Еще решительнее это хозяйственно-нормирующее направление интересов выразилось в сочинениях Ивана Пересветова: он постоянно распространялся о том, что делать и как делать; в социально-имущественной области его предложения многочисленны и настойчивы. Например, он сформулировал правило распределения государственных доходов: "... силному государю годится со всего царства своего доходы себе

²⁹ Будовниц И.У. Русская публицистика XVI века. М.; Л., 1947. С. 132.

в казну имати, а из казны свояе воинником сердца веселити, — ино казне ево конца не будет” (“Большая челобитная”, 610); и в другом сочинении: чтобы царь “со всего царства — из городов, и из волостей, ис поместей, и из вотчин — все доходы в казну свою царскую велел збирати по всяк час”, “а никому ни в котором граде наместничества не дал велможам своим” (“Сказание о Магмете-салтане”, 227, 225). Пересветов регламентировал и сравнительно мелкие, частные вопросы, например, порядок на захваченной территории: каждый царский воин обязан покупать, а не грабить — “а всему цена уставлена, што за што дати, а купят все в вес. . . и он, заплативше цену, да возмет по цареву указу” (“Сказание о Магмете-салтане”, 229). Такого писателя-проектировщика на Руси еще не появлялось.

Вершину хозяйственно-“технологического” изложения в литературе XVI в. составили, пожалуй, сочинения Ермолая-Еразма, в особенности его трактат “Царям правительница и землемерие”. Ермолай был склонен к цифровым раскладкам: “Достоит убо и дань у ратаев царем и велможам всем имати от жит притяжания их пятая часть. . . Кроме же сего ничесо же” (654), — и обосновывался точный расчет “даней” в государстве. Ермолай в трактате еще более подробно, с цифровыми решениями задач, пояснил разработанный им новый способ измерения земель. Хозяйственных мелочей Ермолай тоже не чуждался; он предложил, например, реформу в изготовлении ножей: “Еще же душегубства ради да заповедавают во всех странах ковачем, абы ножеве ковали притупо, без концов” (662).

Нужно сказать, что и в своей знаменитой “Повести о Петре и Февронии” Ермолай-Еразм оставался таким же деловитым и “технологичным”, когда речь касалась предметов хозяйственных. Например, фольклорный мотив выполнения невыполнимого поручения превратился в изложении Еразма в несколько нудноватую сцену отклонения Февронией хозяйственного предложения князя Петра. Петр «посла к ней съ единым от слуг своих едино повесмо лну, рек, яко ”. . . да в сием лну учинит мне срачицу, и порты, и убрусець. . .”» Автор прослеживает, как передается предложение: “Слуга же принесе к ней повесмо лну, и дасть ей, и княже слово сказа”. Затем начинается, так сказать, деловая игра: Феврония же «рече слуге: ”Взыди на пещь нашу и, снем гряд поленье, снеси сего”. Он же, послушав ея, снесе поленье». Проводятся замеры: «Она же отмерив пядию, рече: ”Отсеки сие от поленца сего”. Он же отсеке». Следует ответное предложение — Феврония слуге-исполнителю «глагола: ”Возми сий утинок поленца сего, и, шед, дай князю своему от мене и рцы ему. . . да приготовит ми в сем утинце стань и все строение, кийм сочтется полотно его”». Задание получено: “Слуга же принесе ко князю своему утинок поленца и речь девицу сказа”. Князь наталкивается на непреодолимую трудность и «рече: ”Шед, рцы, девицы, яко невозможно есть в такове мале древце. . . сицева строения сотворити”». Обсуждение заходит в тупик: «Слуга же пришед, сказа ей князю речь. Девица же отрече: ”А се ли возможно есть. . . въ едином повесме лну. . . сотворити срачицу, и порты, и убрусець?”»». Дело срывается, инициатор озадачен: “Слуга же отоиде и сказа князю. Князь же дивлся ответу ея” (“Повесть

о Петре и Февронии", 636). Конечно, мы сгустили краски и модернизировали ситуацию, — но для того, чтобы сбросить наваждение якобы тонкой, бестелесной поэтичности "Повести о Петре и Февронии". Феврония у Еразма в каждом ее жесте аккуратна и бережлива — в соответствии с повадками женщины-хозяйки в "Домострое"; поэтична фольклорная основа повести, а не сам Еразм.

Хозяйственно-нормирующая настроенность приводила многих авторов XVI в. к безмерной мелочности. "Домострой": "крохи на землю не уронити" (72), "обрески беречи" (108), "а у всего не додашь, а у рубля четверть збудется" (126) и т.д. и т.п. Персонажа могли осуждать за то, что свечей зажег больше положенного — "содевает бо велику тыщету свещамъ", или за то, что в квас однажды "прибави муки кроме обиходных меры" ("Сказание вкратце о Даниле Переяславском", 619, 621). Хозяйственно-мелочность проявлял даже царь Иван Грозный: в первом послании Андрею Курбскому он припомнил давние недостатки своего обихода, в том числе — "шуба мухояр зелен на куницах, да и те ветхи" (29). Курбский почувствовал эту мелочную хватку царского послания: "Тутю же о постелях, о телогреях и иные бещисленные, воистинну, яко бы неистовых баб басни" ("Послание Ивану Грозному" Андрея Курбского, второе, 101).

Социально-имущественные умонастроения писателей в XVI в. продолжали развиваться неравномерно: собственно социальные представления (о социальных слоях, их имуществе) остались примерно на прежнем, XV века, уровне; имущественные же умонастроения (по поводу богатства, доходов и др.) стали еще более разнообразными. И все же в XVI в. острее преобладали логические, пусть и эмоциональные рассуждения по соответствующим поводам, а художественные картины встречались гораздо реже.

Цельные характеристики литературы XVI в. давали различные исследователи (А.С. Орлов — об "обобщающих мероприятиях", Д.С. Лихачев — об "идеализирующем биографизме", Я.С. Лурье — об "исчезновении" беллетристики); однако из всех сделанных наблюдений (включая и изложенные нами) пока не вырисовывается главного, синтезирующего умонастроения писателей XVI в. (если таковое было). Нужны дальнейшие исследования.

Первая четверть XVII века

Социально-имущественные умонастроения писателей в XVII в. менялись в относительно короткие хронологические периоды. Об этих отрезках времени мы скажем совсем сжато, характеризуя отдельные памятники, и только в дополнение к тому, что говорилось ранее в нашей монографии³⁰.

В первой четверти века у писателей преобладало, так сказать, "охранительное" отношение к имуществу и богатству; писатели проявляли

³⁰ Демин А.С. Писатель и общество в России XVI—XVII вв.: (Общественные настроения). М., 1985.

крайнюю чувствительность к утратам и тратам имущества. Так, уже в одном из самых ранних сочинений Смутного времени – в "Послании дворянина дворянину" – автор касался имущественной темы: "Не оставили ни волосца животца . . . не оставили шерстинки, ни лошадки, ни коровки, а в земли не сеяно ни горстки" (184), – все уменьшительные существительные. Уничажительно-уменьшительные существительные употреблялись в челобитных при обозначении имущества жалобщика, но в документах суффиксы были другие – "-ишк". Такой официально-документальный уменьшительный суффикс проник, например, в "Послание дворительное недругу", пародировавшее просительное послание бедного человека к богатому: "животишек не забыл" (30). Между "животцом" "Послания дворянина к дворянину" и "животишком" "Послания дворительного" большая стилистическая разница: "животишки" – форма нормированно-документальная, обозначающая незначительность просителя и его потребностей перед высоким адресатом; а вот "животца", "волосца", "шерстинки", "лошадки", "коровки" и др. – это непринужденно-народные формы, отражавшие авторское отчаяние от полнейшего разорения. Автор нарисовал трагическую картину краха, что видно и из контекста: "Да немало, государь, лет, а разума нет, и не переписать своих бед. Розван, что баран, разорен до конца, а сед, что овца . . . А ныне воистину живем в погребнице, и кладем огнище, а на ногах воистину остались одне голенища" и пр. (183–184).

В произведениях XVII в. (особенно написанных народным языком) уменьшительные существительные нередко использовались для "рыдательного" выражения различных горестных чувств авторов или героев по поводу материальных потерь или обнищания, – уменьшительное существительное стояло рядом (или почти рядом) с обозначением чувства. Обнищавший, обносившийся сын молил отца: "Одень мою спинку, вели дати свитку . . . Свитченко у меня одно, и то не бывало с плечь давно... Смилуйся, государь, и прикажи вьскоре размыть мое горе и угаси рыдание слезное" ("Послание сына, от наготы гневного, к отцу" 77), – "свитченко" и "горе". Ограбленный молодец: "Чары и чулочки – все поснимано, рубашка и портки – все слуплено . . . а кирпичек положен под буйну его голову . . . в ногах у него лежат лапотки-отопочки . . . И вставал молодец . . . закручинился" ("Повесть о Горе-Злочасти", 8); "чулочки", "портки", "лапотки" и – "закручинился". В своем "Житии" Аввакум вспоминал: "Курочка у нас черненька была, по два яичка на день приносила . . . На нарте везучи, в то время удавили по грехом. И нынеча мне жаль курочки той, как на разум придет . . . А та птичка . . . нас кормила" (39); "курочка", "яички", "птичка", и – "жаль". Официально-документальный уничижительный суффикс "-ишк" иногда тоже связывался с чувствами: "Страмно мне, молодцу . . . а на мне лохонишко в полденежки", "покою себе не обретаю, а лабтишка розбиваю" ("Азбука о голом и небогатом человеке", 27, 29); "лохонишко" и – "страмно", "лабтишки" и – нет "покою".

Произошло размежевание социального кругозора писателей: в древнерусской литературе писатели не раз отчаивались от разорений и гибели богатства, но большого, "государственного"; с XVII в. же пронзитель-

ное чувство писателей стало изливаться на отдельные, единичные предметы – “лошадку”, “коровку”, “курочку”, “чулочки”, “лаптишки” и пр. Это означало, что право голоса в литературе получил не только “государственный” человек, но и мелкий хозяйчик со своими не такими уж большими материальными заботами, с невеликим перебором имущества. В “Послании дворянина дворянину” кругозор автора был явно ограничен личной деревенькой (“и деревню сожгли до кола” – 184), баней, башней, тюрьмой, лавкой и рогожей (“и лавка, государь, была уска . . . а послана рогожа” – 183), случайной едой (“рыбою насладихся” – 183) и пр.

Сходный узкий кругозор можно отметить и в другом произведении начала XVII в. – в “Сказании о крестьянском сыне”. Все действие развивалось здесь около крестьянской избы и в избе; упоминались предмет за предметом: крестьянский сын, а ныне тать, пришел “ко вратам”, проник во двор, “влес на крестьянскую клеть”, “и почал тать у клетки кровлю ломать”, “и пошел по клетки . . . и увидел на гвозди кнут”, “и нашел под кроватью ларец с казною да коробью с платьем”, “нашел у крестьянские жены убрус”, “и нашел в клетки коровой хлеба . . . и нашел на блюде калач да рыбу . . . и нашел в оловенике пиво” и т.д. (87–88). Рассказать о воровстве, естественно, нельзя без упоминания отнятых вещей, но у автора “Сказания” (и редакторов) вещи оказывались настолько хороши, что необычный вор тут же жадно использовал их, как бы забыв о продаже и не опасаясь хозяев: “Нашел у крестьянские жены сапоги красные и почал в них обуватися . . . И нашел на блюде калачь да рыбу и учал ясти . . . И увидел на крестьянине новую шубу . . . да на себя болокался” и т.д. (87–88); под кроватью помещалась масса неожиданно разных предметов – не только ларец с деньгами и короб с одеждой: “И крестьянин . . . пол кровать наклонился и взял березавой ослоп”, “и нашел тать под кроватью тас с водою, и он взял ис-под кровати и учал руки умывати” (88). Каждый предмет, хватаемый вором, “возвышался” библейскими параллелями: «Нашел у крестьянские жены убрус и учал опоясываться, а сам рече: “Препоясывается Исус лентием, а я – крестьянские жены убрусом”» (87) и пр. Все литературные средства свидетельствовали, что автор, замкнувшись в пределах “дворового” мира, очень ценил вещи.

Начинал изложение автор “Сказания” с другого эпизода – с обучения крестьянского сына грамоте у учителя. Но и тут предметный мир оставался социально узок. Упоминалось, что учитель бил ученика, “подымаючи на козел” – деталь интерьера, а ученик мечтал: “И да будет у меня денешка скорая и горячая” (87), – думал, так сказать, о карманных деньгах. В позднейшем варианте “Сказания” в конце был добавлен еще один эпизод: “И пошли домой по дороге. Навстречу им мужык идет с коровою. Тать же взя корову за рога . . .” (89), – но далеко за пределы двора действие так и не распространилось.

То же и в “Послании дворительном недругу” – рожь, кляча, шуба и порты, ворота, хлеб да соль (30). Юмористические (или сатирические) послания и повести начала XVII в., затрагивавшие имущественные темы, писали, по-видимому, люди “негосударственного” ума, очень скромного положения (во всяком случае, такой была их социальная позиция).

В литературе начала XVII в. на тему о сохранности имущества писали и авторы с "государственным" кругозором. Например, автор "Новой повести о преславном Российском царстве" заботился о сохранности всего государственного богатства: ведь польский король "хочет сие великое наше государство и в нем безчисленное богатство взяти и владети" (193). Таких прямолинейных предупреждений о поползновениях врагов на богатство Руси в древнерусской литературе было предостаточно. Но автора повести тревожил тройной комплекс чувств в связи с проблемой сохранности богатства: во-первых, горечь от произошедшего "крупного похищения", "понеже от давних лет мыслят на наше великое государство все они, окаянники и безбожники, — како бы им великое государство наше похитить" (193); второе авторское чувство — какая-то обнадуженность настоящим: враг "еще не до конца великое наше государство в руках своих держит . . . и, некоея ради вины, еще не до конца его видит в руках своих . . ." (193); и, наконец, третье авторское чувство — опасение полного разорения: "Дондеже сродников и доброхотов . . . силою и некоем ухищрением их победит и под ся покарит, тогда . . . и со всем ея богатством получит" (193), — допущение, что может случиться и так. Подобного сложного чувства не выражали другие писатели — ни в начале XVII в., ни до того; по своей "мерцающей" настроенности "Новая повесть" стоит особняком в литературе: "То ли вам не весть, то ли вам не повеление, то ли вам не наказание . . ." (206).

В первой четверти XVII в. создавались произведения и "среднего" хозяйственного кругозора (т.е. не "государственного", но и не "дворового"). Например, в "Сказании" Авраамия Палицына авторский взгляд охватывал расхищаемое имущество на пространстве зримого поля, селения, города, монастыря: ". . . обретется бесчисленно расхищаемо всякого хлеба, и давняя житница не истощены, и поля скирд стояху, гумна же пренаполнены одоной, и копен, и зородов" (106). Или: "Нигде бо христиане земледельцы и вси бегающе и не могуще жит семенных всячески скрыти; везде бо из ям зверие ископоваху и поядяху. Инии же зверие токмо по лесу и по грязи разсыповаху далече. Также и казаки и изменники, иде же что останется каковых жит, то в воду и в грязь сыплюще и конми топчающе. А иде же не пожгут домов или не мощно взяти домовных потреб, то все мелко колюще и в воду мещуще, входы же и затворы всякия разсекающе, дабы никому же не жительствовати ту" (122), — перечень явно усилительный, и вроде бы необязательная деталь — "мелко колюще" — доводит до апогея рисуемую автором картину бессмысленного, иступленного и повсеместного изничтожения жита и запасов. И далее в сходной манере автор описывал порчу церковных вещей: "Ови же, святыя иконы колюще и вариво и печиво строяще . . . Инии же, яко не ругающеся, святыя сосуды преливающе и разбивающе на свою потребу и на конскую" (124), — ломали не только с целью поругания, а просто так, для сиюминутной хозяйственной "потребы" (тут следовал перечень этих "потреб"). Все рос и дополнялся в первых главах "Сказания" образ безудержного расхищения и порчи материальных ценностей. Деньги особо броским и даже фантастическим способом участвовали в процессе расхищения богатства: "Сами убо мы вси не токмо пшеницу изъедаем на

трапезах наших, но много золота и серебра в чревеса наша проходит от воздуха, и от земли, и от вод в брашнях" (108), "что же в том пиришестве лукавом содевается? Много золота и серебра в кал обращен пременится" (277 – текст первой редакции). До Авраамия Палицына никто с такой подробностью не обсуждал обстоятельства городского, "полевого" и монастырского разорения. "Средний" кругозор оказался более литературно плодотворным, в то время как "государственный" кругозор приводил к слишком общим, "статистическим" описаниям, а "дворовый" – к слишком мелким, "поштучным".

Авторы повестей первой четверти XVII в. с публицистической нервностью разрабатывали тему гибели царской казны. Вот соответствующий отрывок из "Новой повести": "И еще же враг и лютый злодей наш. . . в цареву ризницу вьеса, казити и губити то великое царское сокровище, от многих лет многими государи-самодержцы, великими князи и цари всеа Руси собраны и положено. Он же, окаянный. . . во едином часе, или паки не во мнозе времени, все хочет извести, и расточить, и погубить, и ту цареву ризницу хочет пусту до конца оставити. . . И ныне те великия сокровища, тяжкоценная камыки, и портища, и всякие вещи, иже нами неведомы и незнаемы, своими единомысленники разбивает и вещь к вещи прибирает, к тому же золота и серебра и бисерия велия ковчеги насыпает, и к тому прежереченному сопостату нашему, врагу-королю и похитителю. . . посылает" (207). Ясна идеальная программа автора: то, что делают враги, нельзя делать, т.е. нельзя в царскую казну "введаться", ее "казити и губити"; нельзя казну "во едином часе или паки не во мнозе времени извести и расточить"; нельзя "цареву ризницу пусту до конца оставити"; нельзя "вещь к вещи прибирать" (присваивать) и насыпать и отсылать из нее "золота и серебра и бисерия велия ковчеги". А что должно? Должно, чтобы "великия сокровища, тяжкоценныя камыки и портища, и всякия вещи" были "собранны и положены" в такой неприкосновенности, что даже "нами неведомы и незнаемы" были бы. Подразумеваемая автором "Новой повести" программа крайне бережного, благоговейного распоряжения ризницей в принципе не нова, но сравнительно с прошлым XVI веком она предстает более подробной и эмоциональной в своей запретительной части – исторический опыт Смутного времени давал о себе знать.

В сходных тонах о царской казне писал и Иван Тимофеев в своем "Временнике", осуждая в первую очередь Бориса. Нельзя широко отворять царскую сокровищницу, а Борис "царевых сокровищ вся хранилища. . . яко играя и скача. . . во изношение отворити повеле. . . дароваными невозбранно венчевая. . . елико успе сего скорость" (40), "в скорости намздити рук тех не упразднися. . . его же таковому наглому удовольнию намного удивлятися сотвори. . ." (42). Нельзя предаваться частым осмотрам вещей в сокровищнице, что делал Борис, "зане частыми смотренными вещи сея превзимаяся, предварших его всероссийских деспот всех уничижая сим" (65). Наконец, недопустимо вообще истощать сокровищницу, а это делали правитель за правителем: "царевы ризница истощишася" на "предваршую неправедне лихву" (42), "сокровичная же хранилища. . . вся истощи без чина и рассмотрения не в лепоту разточительне"

(89), "царския сокровищныя хранилища истоци, яко уже ему сими его скотскому житию не доветится. . . к потребе своего студожительства. . . блуднически изжившу" (103) и т.д., — чем дальше, тем более резок был Иван Тимофеев. Все это напоминает позицию автора "Новой повести". Положительная же программа Тимофеева тоже сходна: чтобы были "самодержавных сокровищныя хранилища обременены, иже от родов в роды наполняема" (96), "исполнены до верха" (102–103).

Запретительных тем по отношению к царской казне коснулся и Авраамий Палицын в первых двух главах своего "Сказания". Он также был против ее истощения: Борис "комуждо и не по достоинству, но вдвое и втрое повеле давати погоревшим на домовное строение от царския казны. Боляром же и инем. . . повеле бесчислено имати, не токмо на домовное строение, но и на ино, что кто хочет" (103), — нельзя давать из царской казны "не по достоинству", "бесчислено", "на ино, что кто хочет". Но при завершении работы автора над "Сказанием" (к 1620 г.) проблема сохранности царской казны уже "остыла"; о царской казне автор упомянул с каким-то спутанно-двойственным чувством: хотя и нехорошо растрачивать казну, зато этим Борис "многочисленное московское множество в кротость введе" (103), — и плохо и хорошо. Показательно, что в позднейшем варианте главы "Об оскудении денежной казны в дому чудотворца Сергия" (в конце "Сказания") появилось добавление, где с явными оправданиями сообщалось о растрате царской казны (на этот раз не Борисом, а Василием Шуйским): ". . . царская великая сокровища тогда зело оскудеша. Надолзе бо царствующий град во осаде бысть и тмочисленныи людие. . . питаеми бываху от царских сокровищ, зане не пощаде державный не токмо казны своея. . . но и своя царские багряницы. . . Ни мало о сем не поболе, но промышляше, еже от погибели избавити христианство" (67; ср.: 204). Да уже и в первой редакции "Сказания", во второй главе, парадоксальным образом осуждена была не растрата царской казны, а как раз ее пополнение: Борис "древняя царская сокровища вся сим оскверни" — "домы велики бояр сосланных вся истоци и принесе в царския полаты" (105).

С начала XVII в. многие писательские высказывания на имущественные темы получили явственную социальную окраску, притом консервативную, — писатели высказывались за прежнее имущественное разделение общества. Так, Иван Тимофеев во "Временнике" прямо осуждал имущественные перемены, когда, по его выражению, "всякая гордость умножается преизобилных вещей, яко купно всех к сим притяжение дщанно бе, еже средних к первым безмерно же желание, последних же к средним рачение несотно" (93), т.е., судя по употребленным эпитетам, пусть "первые", "средние" и "последние" остаются на прежних своих местах. "Сопротивна бо древних царей уставным законом начаша вся во всех бывати: малая великих одолевати. . . рабы — своих им владык; и купно всяко вся честная на бесчестная прелагаема" (111). ". . . Чрез естество облечеса нелепотне. . . по всему подобне, яко нога венчеваема, глава же смиряема" (111–112), — вот что такое для непреклонного Тимофеева социально-имущественные перемены Смутного времени. Тимофеев постоянно порицал и всевозможные частные нарушения

социально-имущественной иерархии: плохо, когда некие "рабы" "во всех же несвойственнейших им потребах изобилующе" и "общерабския же соображения вся в срабных им во одеждах и в снадных пременяема" (156); плохо, когда "корысти же вся людий. . . царь по жребию равно с рабы роздели" (13), и царица находится "в скудости телесных потреб. . . по равенству от раб, даже до пища, сосуд же, и одежд и протчих" (43–44), и царевне приходится "всякого безчестия скудость и нужду претерпети" (86). Не нравилось Тимофееву перераспределение богатства даже среди богатых же: «Могут та паки от них отъятися и инем вдатися, яже бо имяху собранная, вся к ним приити, тако же и отъяти. О сих они Богом реченная словеса лжу по себе непщующе, еже "собираяй не весть, кому собирает"; и прочия о сих таковым писание многи укоризны имать» (122–123).

В "Сказании" Авраамия Палицына (в первых шести главах) была выражена такая же консервативная социально-имущественная точка зрения. Достаточно привести отрывок, тоже с прямой характеристикой происходивших перемен: "Всяк же от своего чину выше начаша сходити: раби убо господие хотяще быти, и неволнии к свободе прескачюще. Силнии же разумом от тех в прах вменяеми бываху и ничто же не по ним не смеюще рещи. Царем же играху, яко детищем. И всяк вышши меры своя жалованья хотяше" (119). Соответственно и разные частные отступления от традиции Авраамий осуждал; например, перемену нарядов у незнатных: "Неведомо же каковыя радости, не токмо. . . весь синьклит, но и простии вси, яко женихи, и от конца и до конца улиц в злате, и в серебре, в багрех странских ходяще, веселяхуся" – не пристало "простым" так ходить, их Авраамий предпочитал "видети смиренно ходящих" (112). Осуждал автор (в первой редакции) и слова Бориса во время венчания на царство: «. . . не вемы, что ради, испусти сицев глагол, зело высок и богомерзостен: ". . . Никто же убо будет в моем царьствии нищ или беден". . . Словесе же сего никто недоумевся взбранити. . .», – эти царские слова хотелось "взбранити" автору "Сказания" скорее всего не потому, что они нарушили обычный чин венчания, а из-за их содержания: как же можно обходиться без нищих и бедных?

Имущественные темы в произведениях первой четверти XVII в. воплотились в основном в декларации, хотя и эмоциональные; но шло и движение вперед, к литературе нового времени: наряду с "открытием человеческого характера"³¹ писатели нащупывали путь к художественному освоению тем собственно социальных.

Первая треть XVII века

В 1620–1630-е годы писатели пришли к художественному допущению такой социальной жизни, которая разительно отличалась от привычной действительности. Речь идет не об утопиях разного рода, но о "расшатывающем" отношении писателей к сложившимся социальным устоям. Например, автор "Повести об Улиянии Осорьиной" муромский

³¹ См.: Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. С. 6–24.

дворянин Дружина Осорьин рассказал о жизни своей матери, особенно же о том, как эта состоятельная хозяйка помогала нищим, больным, вдовам и сиротам, – дотошно занималась социальным обеспечением множества нуждающихся: "А иже сироты и вдовы немощныя в веси той бяху, и всех обшиваше и всех нужных и болных всяцем добром назираше, яко всем дивитися разуму ея и благоверию" (277), – показателен повтор слов "всех–всех–всяцем–всем". Повторы количественных обозначений следовали через все произведение: "много же милостыню... творяше" (278); "она же много милостыню... творяше... гладным все раздаше" (278–279); "много милостыню... разда" (279); "и егда кто умираше, она же... на погребение сребреники даяше... И аще кто умираше, она же мнози сироты своим руками омываше... и сорокоуст даяше" (279); "и милостыню доволну даяше... и ни единого от просящих не отпусти тща... и никого нища тща не отпусти" (282); "много нищим поставляше во всю 40-цу по вся дни... милостыню посылаше... она же по ним много имения в милостыню истроши не в точию в ты дни, но и по вся лета..." (279). Автор повести, пусть и незамысловато, выразил представление о налаженности помощи нищим и прочим нуждавшимся.

Дружина Осорьин постоянно отмечает, за счет каких средств Улияния помогала: "Она в та времена по вся нощи без сна пребываше, в молбах и в рукоделии, в прядиве и в пяличном деле. И то продав, нищим цену даяше..." (278); или: "Она же... взимаше пищу у свекрови на утреннее и на полдненное ядение, и то все нищим гладным даяше" (278); "и займая, даяше нищим милостыню... – взимаше у детей своих сребреники... и то раздая нищим" (280); "но елико оставшися скоты, и ризы, и сосуды вся распрода на жито и от того... милостыню доволну даяше" (281), – любопытно это точное знание автором благотворительных методов Улиянии. Он осознавал ее принцип совершенно ясно: она "точию нужные потребы домовные оставляше, и пищу точию год до года разчиташе, а избыток весь требующим растакаше" (281), т.е. автор показал, что помощь бедным была именно организована, и организована хорошо.

Автор подчеркнул и то, что поступала эта помощь из "фонда" Улиянии бесперебойно: благотворительница "вдовами и сироты, аки истовая мать, печашеся" (278), настолько истово, что когда "многажды не остати у нея ни единой сребреницы", она все равно находила выход – "и в нищите обычныя милостыни не остана" (280, 281–282).

Вся жизнь Улиянии была изображена в повести именно как деятельность ("делом исполняше" – 277, "добрых дел прилежаше" – 278), как деятельность плодотворная (охвачено много людей), рационально организованная ("вся смыслено и разумно разсуждая" – 279) и неотступная ("непреткновенно совершаше" – 277), – словом, очень значимая благотворительность: недаром бесы "плача, вопияше" на невозможность сотворить "спону" ее делу "чюжих кормити" (281).

Что-то особое чувствовал автор в благотворительной деятельности Улиянии; ведь она стала заниматься ею из внутреннего побуждения, без воздействия церковного учения – автор указал на это: "И не

лучися ей в девичестве возрасте в церковь приходити, ни слышати словес Божиих почитаемых, ни учителя учаща на спасение николи же; но смыслом благим наставляема нраву добродетельному” (277). Да и потом в церковь Улияния ходила нерегулярно, а в конце жизни снова вообще “не ходаше к церкви” (282), – автор каждый раз объяснял это благовидными предложениями (дальностью расстояния до церкви, сильными морозами, старостью и пр.); но ощущение удивительности поведения Улиянии оставалось, и автор подчеркивал: “яко всем дивитися разуму ея и благоверию... яко всем дивитися о ней... и вси дивляхуся разуму ея” (277), “соседи же... дивися” (282).

Цель такой деятельности – смягчить разницу между богатыми и бедными, чему, судя по эпизодам повести, способствовали и “милостыня” нищим, и мягкое обращение с “рабами”, и обхождение Улиянии без прислуги (“но все сама собою творяше” – 278), и скудная еда (“сама с детьми и рабы питашеся” – 282), и прямое обнищание (“дойде же в последнюю нищету” – 282) и пр. Но автором подразумевалось только лишь смягчение социально-имущественной разницы, а не ее преодоление: бедные в повести, несмотря на “много милостыню”, не богатели, а Улияния даже в “последней нищете” имела, оказывается, “рабов” и какие-то деньги³².

Повесть, в сущности, предлагала – и не без настойчивости – идеальный пример для многих: поэтому Улиянию благословлял на дело сам Никола-чудотворец (278), “глас от иконы Богородичны”, а затем о ней и поп “поведа пред многими” (280–281), и сама Улияния, “призва дети и рабы своя и поучив их” (282). Однако идеальная деятельность героини не подавалась автором как единственный и обязательный образец: благотворительность могла быть и “много сварима... посмехаема” (277) и вполне уважаема, – автор повести видел альтернативные возможности в имущественных отношениях своего времени. Тут сказался опыт оживленного социально-хозяйственного строительства 1620 – 1630-х годов (после разрухи Смутного времени).

Сатирическая “Повесть о Ерше Ершовиче”, казалось бы, абсолютно ни в чем не похожа на “Повесть об Улиянии Осорьиной”, в том числе и в художественной разработке социально-имущественной темы: в “Повести об Улиянии” имущество, собственность весомы, реальны, а в “Повести о Ерше” все имущество – это обман. Борьба идет за вотчину – Ростовское озеро, но то бессмысленная вотчина: “А как, господа, то озеро позасохло в прежние лета и стало в томь озере хлебная скудость...” (8), “в прошлых, господа мои, годех то Ростовское озеро горело с Ыльина дни да до Семеня дни летоначатца” (10), – что это за озеро, которое горело или в котором содержался хлеб? Ведь имелась в виду все-таки вода: “ходят поверх воды” (8). Местонахождение людей в этой вотчине тоже было бессмысленным: “в большом озере Ростовском съезжались судии всех городов” (7), “пришел в Ростовское озеро и впросился... начевать” (7) и т.д. – съезжались и ночевали в воде? И

³²Об атмосфере социальной мягченности в “Повести об Улиянии Осорьиной” см.: Демин А.С. Указ. соч. С.58–60, 73.

другие люди жили с таким же неудобным и даже зловещим удобством: "Сшлемся... на доброво человека, а живет он в Новгородском уезде, в реке Волге... да на другово доброво человека, а живет он под Новым городом, в реке" (8), "шлемся... на доброво человека, а живет он в Переславском озере" (9). Материальная польза от ростовской вотчины тоже эфемерна – Ерш жаловался на своих соседей: "И коли оне жили в Ростовскомь озере, и оне мне никогда и свету не дали" (8), – кроме света нечего и ожидать. Да и богатые владельцы в повести вовсе не богатые: "...оне люди богатые, а живут на дороге" (9), – это скорее нищие или разбойники. Во всей "Повести о Ерше Ершовиче" ни разу не упомянуто реальное имущество, которое можно потрогать руками, – одна пустота.

Подобное отношение к имуществу нельзя объяснить только юмористической, "переворачивающей" настроенностью автора (или авторов) повести; за юмором ощущается мировоззрение: все людские взаимоотношения – обман. Ерш неоднократно назывался обманщиком, он даже "вековой обманщик" (10), и честь Ерша обманная: "Человек я доброй, знают меня на Москве князи и бояря... и едят меня в ухе с перцем" и т.д. (8). Приводились примеры обманных поступков Ерша (10–11). Но обманщик не только Ерш. Сомнительны на суде и речи свидетеля – Леща: "Пути-де у нас и даные утерялися, а сверх тово и всем ведамо, что то озеро Ростовское наше, а не Ершево" (8), – "сверх" чего "ведамо"? "Сверх" отсутствующих документов. И кивал Лещ на других людей жульнически – на тех, кто с ним "во племени... и они по Леще покроют" (9). И другой персонаж, понятой Мень, тоже обманывал – отнекивался от дела: "Брюхо у меня велико – ходити я не могу. А се у меня глаза малы – далеко не вижу. А се меня губы толсты – перед добрыми людьми говорить не умею" (9). И приговор обманный, недействительный: "А за воровство Ершево велели по всем бродом рыбным и по омуту рыбным бить его кнутом нещадно" (11), – бить кнутом по воде или в воде? Вся нещадная хлесткость битья гасится, тормозится водой. И оформление приговора ненастоящее, обманное же: "Имена целовальником – Треска Жеребцов, Конев брат... А печатал грамоту дьяк Рак Глазунов, печатал левою клешнею" и т.д. (12), – скачущая и пятящаяся произвольность имен и действий. Перед нами фантазмагорический мир (в отличие от добротного мира "Повести об Улиянии Осорьиной").

Имущественная цель героя повести оставалась вполне серьезной и вовсе не зыбкой: "хозяина-то выжить" (10), – совсем другая, даже противоположная, чем в "Повести об Улиянии". И все же существенное сходство между обеими повестями есть. "Повесть о Ерше Ершовиче" тоже показывала деятельность Ерша как образчик поведения многих людей – ведь таких "знают... весь мир во многих людях и городех" (8), таких "знают... всякие люди" (10); такие, как Ерш, живут во множестве мест – не в одном Ростовском озере, а "по рекам и озерам на дне" (10); говоря о Ерше, автор иногда и переходил на множественное число ("знают Ерша... купит ершев, возьмет много... а промыслу у них никакого опричь плутовства и ябедничества" – 10). "Повесть о Ерше

Ершовиче”, как и “Повесть об Улиании Осорьиной”, также предлагала альтернативу привычной имущественной деятельности, – но не самую идеальную, а самую бессовестную: и такому деятелю тоже жить можно, и его “нельзя никак проглотить” (11). Из социальных обстоятельств первой трети XVII в. разные писатели извлекали разные уроки. У авторов повестей этого времени (особенно 1620–1630-х годов) в отборе героев и ситуации проявилась склонность к своеобразному социально-имущественному эксперименту, к художественному поиску альтернативных путей хозяйственной деятельности – жизнь давала этому поводы, а искусство уже было в силах это отобразить.

Вторая половина XVII века

Мы рассмотрим всего лишь несколько ярких сочинений второй половины XVII в.; новой чертой литературы этого периода (как можно предположить на ограниченном материале) было выраженное через художественные картины трагическое отношение некоторых авторов к теме богатства и бедности. Вот, например, “Повесть о Горе-Злочастии”: ее автор в трагических тонах упоминал о жизни состоятельных людей – им грозили ограбление и бесчестие. Родители предупреждали Молодца: “...боишься глупа, чтобы глупые на тебя не подумали, да не сняли бы с тебя драгих порт, не доспели бы тебе позорства и стыда великаго, и племянники укору, и поносу безделнаго” (6). Так оно и происходило: “А что сняты с него драгие порты, чары и чулочки – все похищено, рубашка и портки – все слуплено, и вся собина у его ограблена...” (8); “как не стало денги, ни полуденги, так не стало ни друга, не полдруга; род и племя отчитаются, все дружи прочь отпираются. Стало срамно Молодцу появиться к своему отцу и матери” и т.д. (9). Причем речь шла не только об одном этом Молодце, а как бы обо всех денежных и богато одетых людях. Состоятельному человеку грозила гибель: “Быть тебе от невесты истравлену, еще быть тебе от твоей жены удушену, из золота и серебра бысть убитому” (12), – на каждом этапе жизни (до женитьбы и после) угрожало убийство разнообразными способами, и все из-за денег.

Даже неосторожное слово вело к гибели: “А всегда гнило слово похвалное, похвала живет человеку пагуба” (11). И Горе зловеще поясняло Молодцу: “Не хвастай своим богатством! Бывали люди у меня, Гора, и мудрая тебя и досужает... учинися им злочастие великое... во злом злочастии позорилися... они во гроб вселилися...” (11–12).

Само стремление к богатству (большому) уже было чревато опасностью. Родители учили Молодца: “Не прелщайся, чадо, на золото и серебро, не собирай богатства неправого... да и тебе покрывает Бог от всякого зла” (7). А наоборот – разразятся несчастья: “...богато жить – убить и ограбить, чтобы Молодца за то повесили или с камнем в воду посадили” (16).

Богатый (или состоятельный человек) в повести жил в очень грозном, неуравновешенном мире – всюду подстерегали опасности. Поэтому родители ограничивали Молодца: “Не ходи, чадо... не садися... не давай очам воли... не ложися... не ходи... не знайся... не дружися...” (6–7).

Поэтому и пир состоятельных людей шел отгороженно и замкнуто от мира: "...двор, что град стоит, изба на дворе, что высок терем, а в избе идет велик пир почестен" (9). И сами пирующие советовали Молодцу "житьи умеючи" – настороженно: "А чюжих ты дел не объявлявай, а что слышишь или видишь, не сказывай" (11)³³.

Но бедность в повести тоже представляла трагичной; на всем протяжении повести автор, как бы плачась, говорил о тех, кого Бог "положил... в напасти великия, и срамные позоры немерныя, безживотие злое... злую немерную наготу и босоту, и бесконечную нищету, и недостатки последние" (6); бедность – это "многия скорби неисцельныя, и печали неутешныя, скудость, и недостатки, и нищета последняя" (10), "нагота и босота безмерная, легота-безпроторица великая" (12) и пр., – автор никогда не упоминал бедность без крайне усугубляющих эпитетов, даже при беглом упоминании – обязательно с эпитетом "великий". Бедность настолько велика, беспросветна, безмерна, бесконечна, неутешна, что вызывает юмор отчаяния: "Житие мне Бог дал великое – ясти-кушати стало нечево!" (8–9); "за нагим-то горе не погонитца, да никто к нагому не привяжетца" (12); "на себя что купить, то проторится, а ты, удал молодец, и так живешь" (12); "да не бьют, не мучат нагих-босых, и из раю нагих-босых не выгонят, а с тово свету сюды не вытепут" (13), "а в горе жить – некручинну быть" (14), "когда у меня нет ничево, и тужить мне не о чем" (14), – такими пословицами пересыпались все рассказы о бедности. Виделся и конец: "А нагому-босому шумить разбой" (12, 13), – с неизбежной казнью: "...умереть будет напрасною смертию" (16); или самоубийством: "Ино кинусь я, молодец, в быстру реку, полощы мое тело, быстра река, ино еште, рыбы, мое тело белое! Ино лутчи мне жития сего позорного" (13).

О трагичности "Повести" (употребляя именно этот термин) уже писал Д.С. Лихачев: «"Повесть о Горе-Злочасти" не смешна, а трагична»; «глубокий пессимизм самого замысла "Повести о Горе-Злочасти" следует, быть может, поставить в связь с тем, что автор ее мог наблюдать в реальной русской действительности второй половины XVII в. Экономический кризис, приведший в это время к многочисленным крестьянским и городским восстаниям»³⁴, воздействовал на умонастроение автора повести и рисуемые им картины.

Однако этот пессимизм, кажется, не держался долго, и в литературе последней трети XVII в. уже возобладали иные художественные представления: сформировалась откровенно положительная эстетика богатства и имущества. Возьмем, например, главные сочинения протопопа Аввакума ("Книгу бесед", "Книгу толкований и нравоучений" и "Житие") – никакого отвержения материальных благ в них не было. Наоборот, Аввакум, в сущности, любовался материальными богатствами и их красотой, независимо от того, как он относился к их владельцам. Царь может быть горд и суетен, но его град красив сам по себе: "Палаты и

³³Об "отгороженности" от опасного мира в "Повести о Горе-Злочасти" см. также: Демин А.С. Указ. соч. С. 140–152.

³⁴Лихачев Д.С. Избр. работы: В 3 т. Л., 1987. Т. 2. С. 400, 337. Ср. также: с. 321, 397, 399.

теремы златоверхими украшены, преграды и стены златом устроены, и пути камнями драгими намощены, и садовые деревья различные насажены, и птицы воспевающе, и зверие в садах глумящися, и крины и травы процветающе, благоухание износяще повеваемо" ("Книга бесед", 286), – авторское удовольствие от зримой картины передавалось ритмичностью изложения и соответствующими эпитетами. Аввакум хотя едко и ругал царя за "вся затеи и заводы пустошаго сего века", но от предметного, сочного изображения его довольства не отказывался: "...столовые, долгие и бесконечные, пироги, и меды сладкие, и водка процеженная, з зеленем вином... перина пуховая и возглавие... евнухи опахивают... чтобы мухи не кусали великаго государя... светлоблещающися ризы и уряжение коней... златоверхие полаты... багряноносная перфира и венец царской, бисером и камением драгим устроен... светлообразныя рыащды, яко ангели, пред тобою оруженосцы попархивали в блещащихся ризах" ("Книга толкований и нравоучений", 574–575).

Аввакум испытывал тягу и к изображению материальных деталей бедности: "А ты, душе, много ли имеешь...? Разве мешок, да горшок, а третье – лапти на ногах" ("Книга бесед", 252–253), – эти мешок, горшок и лапти вовсе не презираемы автором. Или: "Курочка у нас черненька была; по два яичка на день приносила робяти на пищу, Божиим повелением нужде нашей помогая... Ни курочка, ни што чудо была: во весь год по два яичка на день давала; сто рублей при ней – плюново дело, железо! А та птичка одушевлена, Божие творение, нас кормила, а сама с нами кашку сосновую из котла тут же клевала, или и рыбки прилучится, и рыбку клевала; а нам против того по два яичка на день давала" ("Житие", редакция А, 39), – Аввакум вспоминал "необязательные" детали: что курочка была черненькой и как она клевала, – курочка действительно становилась "одушевленной", теплой, ценной.

В приведенном отрывке о курочке обращает внимание трижды повторенное Аввакумом выражение "по два яичка на день" ("чудо была") и восхищенное восклицание "сто рублей при ней – плюново дело, железо!" Умиление Аввакума понятно, но он мог бы обойтись и без цифр, как это было во множестве житий. Оказывается, любил Аввакум считать и в цифры (как и в зримые детали) тоже вкладывал свое уважение к хозяйству, к имуществу, даже мизерному; поэтому в "Житии" нередко были подсчеты предметов: "...царь... впрямь добр до нас бывал... яйцами нас делил... Ино государь сам руку к губам робенку принес, два яйца ему дал и погладил по голове" (редакция В, 62), – почему запомнилось Аввакуму, что яиц было дано именно два? От них не зависело спасение жизни (яйца пасхальные), степень царской милости по количеству яиц не определялась, и нарушения церковного этикета тоже не произошло: просто Аввакум, скорее всего, не мог не пояснить хозяйственно, хоть и мимоходом, сколько яиц было дано.

В других местах "Жития" конкретные подсчеты делались специально: "Иногда пришлют кусок мяса, иногда колобок, иногда мучки и овсеца, колько сойдется – четверть пуда и гривенку-другую, а иногда и полпудика накопит" (редакция А, 36); "прикащик же мучки гривенок с тридцетью дал, да коровку, да овечек пять-шесть" (44), "ано мне Бог дал шесть язей

да две шуки... На другие сутки рыб с десять мне Бог дал" (редакция В, 76), – цифры выражали серьезное отношение протопопа к материальным запасам.

Такое же внимание проявлял Аввакум к деньгам, к ценам: "У протопопицы моей однарядка московская была, не сгнила, – по-русскому рублей в полтретьяцеть и больши по тамошнему. Дал нам четыре мешка ржи за нея" (редакция А, 35); "в двадети в пяти рублях сия нам пришла корова" (редакция В, 78); "пожаловал, прислал ко мне десеть рублей денег, царица десеть рублей же денег, Лукьян духовник десеть рублей же, Родион Стрешнев десеть рублей же, а дружище наше старое Федор Ртищев, тот и шестьдесят рублей казначею своему велел в шапку мне сунуть; а про иных нечева и сказывать: всяк тащит да несет всячиною!" (редакция А, 50–51), – не жаден, не рачителен и не пунктуален Аввакум в счете денег, а все-таки сообщал о них детально, знал им цену.

При изображении людей богатых авторский счет сохранялся, только числа были большими: "Осмь тысящ хрестиян имела, домовова заводу тысящ болши двух сот было, – дети мне духовныя, ведаю про них" ("Книга бесед", 252), – с уважением поминал Аввакум богатство боярыни Морозовой. Или в другом месте о ней же: "Жена ты была боярская... вдова честная... Дома твоего тебе служащих было человек с три ста, у тебя же было хрестиян осмь сот, имения в дому твоём на двесте тысящ или на полтретьи было... Другов и сродников в Москве множество много. Ездил к ним на колеснице, еже есть в корете драгой и устроенной серебром и златом, и аргамаки многи – 6 или дванадесать, – с гремющими чепьми. За тобою же слуг, рабов и рабыней грядущих сто или два ста, а иногда человек и с триста..." ("Книга бесед", 408).

Аввакума нельзя зачислять в борцы с богатством; эстетически он выступил его певцом, – знаменательная черта времени царя Алексея Михайловича, с его диковинными экономическими и вещевыми экспериментами.

В конце XVII в. подобные умонастроения усилились: писательские, т.е. художественные, интересы сосредоточились на изображении того, как можно быстро разбогатеть. Особенно выразительной в этом отношении является "Повесть о Фроле Скобееве" конца XVII – начала XVIII в., в которой "он, Скобеев, дворянин небогатой" (Погодинский список, 690), "и сам, как собака, голоден" (695), но на глазах у читателей он получал – цифры следовали за цифрами – сначала "денгами 300 рублей" и тут же еще "денег 200 рублей" (689), потом икону – "образ, которой обложен был златом и драгим камением, как прикладу всего на 500 рублей" (694), а еще "какова запасу на 6 лошадей" (695), затем перепадает ему "вотчина... в Синбирском уезде, которая по переписи состоит в 300-х дворах" (685; в Титовском списке добавлено: "да в Новгородском уезде в 200 дворах" – 424), и, наконец, следует апофеоз: сам царский стольник "учинил при жизни своей Фрола Скобеева наследником во всем своем движимом и недвижимом имении. И стал жить Фрол Скобеев в великом богатстве" (Погодинский список, 696; в Титовском списке сам царь обещает: "а мою милостию против протчих своей братьи оставлен не будет" – 423, и добавлено о Фроле, что он "стал жить очень роскошно" –

424; в Тартуском списке еще добавлено: "А сам стал жить в доме столника" – 375).

Автор повести не увлекался живописанием богатства, его интересовал наиболее ловкий путь к обогащению – недаром он отметил, что "весьма Скобееву удивлялись, что он зделал такую притчину так смело" (Погодинский список, 695). Вся повесть – это своего рода ответ на вопрос, как сделать "такую притчину". Автор сначала излагал исходные данные (как излагается в задаче то, что "дано"): "В Новгородском уезде имелся дворенин Фрол Скобеев. В том же Ноугородском уезде имелись вотчины столника Нардина-Нащокина, имелась дочь Аннушка, которая жила в тех новгородских вогчинах" (686). При необходимости вводились новые данные (например: "И у того столника Нардина-Нащекина имелас сестра, пострижена в Девичьем монастыре" – 689). Общая задача разделялась на три последовательные задачи – их формулировал сам Фрол: во-первых, "возыметь любовь с тою Аннушкою" (686); во-вторых, "Аннушку достать себе в жену" (689); и, в-третьих, взять богатство и жить "постоянно", т.е. обеспеченно (692).

Фрол Скобеев занимался решением этих задач – подсчитывал, соображал, догадывался и достигал цели, о чем регулярно информировала повесть: "проведал", "взял себе намерение", "умыслил", "усмотрел" (686) – и вот "желаемое исполнил" (689); и снова: "проведал", "стал в великом сумнении, не ведает, что делать", "взял себе намерение" (689), "пришло в память" (690), "усмотрел" (690) – "и вот женился" (691); и снова: "не ведает, что делать" (691), "умыслил" (692), "усмотрил" (694) – и вот "справил тое вотчину за себя" (696).

Автор повести не столько описывал, сколько разлагал жизнь героя на ряд последовательных успешных действий и через такие повторяющиеся примеры подсказывал читателям достаточно циничные принципы достижения успеха. Первый принцип пройдохи – надо крутиться в нужном кругу, чтобы все тебя знали. Вот и Фрол "имел себе более пропитание всегда ходить в Москве поверенным з делами" (689) – поэтому "ево многия знатныя персоны знали" (690), "и все столники Фрола Скобеева знают" (692), «и столник Нардин-Нащокин закричал: "...Знаю тебя давно, плута..."» (693).

Второй принцип: для того, чтобы заполучить нужного конкретного человека, полезно рассчитать привычные занятия и маршруты такого рода лиц вообще (какой они "имели в то время обычай" – Тартуский список, 373). Так и Фрол Скобеев не был знаком ни с Аннушкой, ни с кем другим из ее окружения, но рассчитал: раз есть у отца ее вотчина, значит, есть и приказчик – нашел его "и всегда ездил в дом того прикащика" (Погодинский список, 686). Раз есть приказчик, то по какому-нибудь делу придут к нему и другие слуги из той же вотчины: и действительно – "пришла к тому прикащику мамка дочери столника" (686), а Фрол тут как тут. Раз есть мамка (а "та мамка живет всегда при Аннушки" – 686), то выполняет она желания и поручения стольничей дочери; а желания типичные и вполне предвидимые: "И во время увеселительных вечеров, которые бывают в веселости девичеству, называемыя по их девичеству званию святки, и та столника Нардина-Нащокина дочь Аннушка приказа-

ла мамке своей... у которых дворян имеютца дочери-девицы, чтоб тех дочерей просить к той столнической дочери Аннушке для веселости их вечеринку" (687). Фрол знал, как "бывает", оттого проник в дом Аннушки и познакомился с ней. Нужно Фролу иметь беседу с Нардиным-Нащокиным, и опять ему помогает знание типичного времяпрепровождения стольников: "И после обедни... стоять... в собрани на Ивановской площади" (692), – Фрол туда заявился вовремя и к месту: "И пришел Фрол Скобеев в Успенский собор к обедни. И столник Нардин-Нащокин, и Ловчиков, и другия столники, – все были. И по отшествии литурги в то время имелись в собрани на Ивановской площади, против Ивана Великого, и все столники собрались на оную площадь, и Нардин-Нащокин тоже" (692).

Рассчитывать надо также на типичные чувства людей. Например, слуга за подарки будет чувствовать себя обязанным (так и мамка перед Фролом, «памятуя ево к себе два многия подарки, объявила ему: "Добро, господин Скобеев, за твою ко мне милость..."» – 688). Любовница будет "жалеть" своего любовника (так "и та Аннушка сожалея того Фрола Скобеева" – 688; в Титовском списке добавлено: "...понеже он тотчас вложил жалость в сердце ее, как с нею лежал во особливой полате... Уже тако жалость вселилась в сердце Аннушкино, что великою нуждою отстала от Фрола Скобеева" – 418). Отец девицы погневается да смягчится (так и родители Аннушки "в сердцах своих бранят дочь свою, и проклинают, и не ведают, что чинить над нею. И пришли в память, и сожалея дочери своей, и стали разсуждать... И столник и з женою своею соболезовали о ней... Однако же, оставя весь свой гнев родительской, отпуста ей вину..." – Погодинский список, 693–695).

Третий принцип – знать, "как кого обмануть" (690), чтобы каждый только и мог сказать: "А куды он поехал, Скобеев, и что делал, не знаю" (691). Для этого надо не раскрывать, "не объявлять" истинной цели своих действий. Фрол ни разу цели своей "вскоре... не объявил" (686); лишь потом окружающие начинали догадываться о фроловых целях – "о том весма стала думать" (687), "и как усмотрела... и стала в великом сумнении" (688), «стал в великом сумнении и сказал ему: "Настоящей ты плут! Что ты надо мною зделал?"» (692) и т.п. Кстати говоря, и другие герои в повести поступали так же: "...и мамка та... ничего о том не объявила" (686), "и никому о том не объявила" (688), "и та Аннушка никому о том не объявила" (688).

Разговаривать и обделывать дела с нужными людьми надо тайно, наедине – повторы в повести подчеркивали и это неявно проповедуемое правило сокрытия информации: "И как пошла та мамка от того прикащика... и Фрол Скобеев вышел за нею" (686), "вышел Фрол Скобеев из церкви и стал ждать мамку" (689), "и кроме всех столников пал пред ногами Скобеев столнику Нардину-Нащокину" (692), "и та Аннушка... мамку взяла за руку и отвела от тех девиц и стала ей говорить искусно" (688; в Титовском списке добавлено: "и отвела в особливую палату" – 418).

Обманывать допустимо любым способом ("как можно" – Погодинский список 689, 690), в том числе менять свой облик ("под видом других" –

690). Поэтому Фрол то "убрався в девичей убор" (687), то "убрався в лакейское платье" (690); Аннушка тоже при нужде готова "притворить себя, яко жестоко болна" (694). Обман – главный и совершенно не осуждаемый принцип поведения буквально всех героев повести (кроме столтника Нардина-Нащокина, но на то была физическая причина: "И столтник летами древен" – 693, в Титовском списке добавлено: "и зрением от древности уже помрачен" – 422; и еще кроме эпизодического персонажа, который тоже не в силах был обманывать, – кучера, "весма жестока пьяна" – Погодинский список, 690).

Четвертый принцип – тонкость обхождения. Как Фрол, например, называл Нардина-Нащокина? Сначала: "Милостивой государь, столтник первы..." (692–693). Потом покороче – передавал слуге: "Донеси их милости..." (694). Потом осторожно перешел на другую терминологию: «И сказал Фрол Скобеев: "Тако ж и Аннушка благодарит батюшку..."» (694). А потом и прямо от себя стал называть: «И Фрол Скобеев сказал человеку: "Донеси батюшку..."» (695). И заключительное обращение Фрола непосредственно к столтнику: "Ну, государь-батюшка..." (695). Перемены в назывании всегда несколько предшествовали в повести переменам реальным, выступали в качестве намека, – таков "плут"!

Наконец, пятый принцип – решительность действий, риск, "не взирая ни на какой себе страх" (688); "либо буду полковник или покойник" (689).

Повесть типизировала не только действия "плута", но и обстоятельства, в которых ему везет, а повезти ему могло тогда, когда все энергичны, все сами пребывают в суете. Герои повести только и делают, что приезжают и уезжают: например, мамка "ехала ко всем дворянам... И приехала та мамка в дом Фрола Скобеева... И мамка поехала в дом к госпоже своей Аннушке" (686–687); "и Аннушка... собрався вскоре и поехала в Москву" (689), "и та Аннушка поехала на квартиру Фрола Скобеева" (690); "и Фрол Скобеев убрався з женою своею Аннушкою и поехал в дом тестя своего" (695), "и сидев не много время, и поехал Фрол Скобеев и з женою своею на квартиру" (696). О самом Фроле и говорить нечего – он в повести приходил и уходил, приезжал и уезжал постоянно и резко (в Титовском списке сказано так: "...будем не умедля... и ездил к тестю своему безпрестанно" – 424). Даже престарелый Нардин-Нащокин и тот ездил: "И тот столтник приехал к сестре своей в монастыре" (Погодинский список, 689–690); "и случится по некоторому времени тому столтнику Нардину-Нащекину ехать в гости з женою своею" (690); "и столтник Нардин-Нащокин приехал из гостей" (691), и снова "потом столтник Нардин-Нащокин поехал в монастырь к сестре своей... И приехал в дом... И наутре столтник Нащокин поехал к государю" (691) и т.д. и т.п. Герои все время были заняты – "время таково нет" (691).

Встречаясь, герои погружались в переговоры, явно деловые ("и много имели разговоров" – 690, "имел с ним разъговоров много" – 690, "имел с ним много разговоров" – 692, "имели оныя столтники между собою разговоры, что им надобно" – 692, "и стал ево разговаривать" – 693). Слова и дела тесно следовали друг за другом. Например, обстоятельно излагалась просьба: «Потом сестра ево просила брата своего покорно, чтоб

он отпустил к ней в монастырь для свидания дочь свою Аннушку... И просила ево: "...пришлю я по ея корету и возников, чтоб ты приказал ей ехать ко мне..."» Тут же следовало обещание: "И столник Нардин-Нащекин обещал к ней отпустить дочь свою". За обещанием немедленно следовало приказание: Нардин «приказывает дочери своей: "Ежели пришет по тебе из Москвы сестра корету и с возниками, то ты поезжай к ней"». Приказ немедленно исполнялся, да еще с отчетом: «Та мамка сказала, что "по приказу вашему отпущена к сестрице вашей в монастырь, для того что она прислала корету и возников"». Отчеты продолжались и далее: «И столник Нардин-Нащекин сказал сестре своей: "...для того что она отпущена к тебе... для того что ты присылала по нея корету с возниками... и по приказу нашему отпущена к тебе"» и т.д. (690–691), – повторения слов "по приказу отпустить", "прислать корету с возниками", "ехать" создавали атмосферу полнейшей договоренности и исполнимости.

Именно к такой обстановке мог подстраиваться Фрол Скобеев (в сонной и аморфной среде его авантюры не прошли бы). Именно в такой атмосфере люди подчинялись воле энергичнейшего человека: сестра Фрола "не смела преслушать воли брата своего" (687), и "Аннушка учинила по воли мужа своего" (694), и мамка признавалась Фролу: "...готова чинить все по воли твоей" (688). Автор повести эстетизировал, так сказать, методологию достижения богатства. Это характерная черта Петровского времени – эстетизация конструкций, приемов, "артикулов"³⁵.

Подведем предварительный итог. Предложенный очень неполный и схематический очерк социально-имущественных умонастроений древнерусских писателей XI–XVII вв. все же выявляет несколько "сквозных" линий их развития. Социально-имущественные темы в древнерусской литературе с течением времени неуклонно занимали все более значительное место, особенно с XVI в. Понемногу усиливалась собственно социальная содержательность тем, в особенности с XVII в. Волнообразно, с подъемами и спадами, происходило художественное развертывание этих тем и мотивов: первый прорыв пришелся на XV в., следующий начался со второй четверти XVII в. и с нарастанием охватил большую часть столетия. С XV в. по начало XVIII в. нередким было изображение писателями неких желательных образцов или норм социальной жизни. Наиболее же был своеобразен вклад социально-имущественной тематики в историю древнерусской литературы в XV и XVII вв.

³⁵Об итогах изучения повести см.: *Душечкина Е.В.* Стилистика русской бытовой повести XVII века: (Повесть о Фроле Скобееве): Учебный материал по древнерусской литературе. Таллинн, 1986.

"ЧЕСТЬ": ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЧЕСТИ И БЕСЧЕСТИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XI–XVII ВВ.

(Л.А. Черная)

Все многочисленные значения понятия "честь", которые встречаются уже в переводных и оригинальных памятниках XI столетия, от века к веку наполнялись новым содержанием. Как ни медлительна была жизнь феодальной эпохи, но и она менялась, наполняя новым смыслом старые слова. "Честь" – почет, уважение, почитание, благоговение, достоинство, слава, преимущество¹. Объединяются эти значения в три основные группы: честь как достоинство человека – это всеобъемлющее, главное значение: честь как слава, в особенности воинская; и, наконец, – как святость.

Различна судьба каждой из этих групп. Привнесенная с христианской богослужебной и богословской литературой честь-святость раз и навсегда закрепилась в традиционных оборотах, образах и практически оставалась неизменной на протяжении всего рассматриваемого периода. Например, в "Житии Феодосия Печерского" читаем: "С лепотьною честию и с пением погребоша честное тело его" (390). И в дальнейшей русской агиографической литературе не встретим ни одного святого мученика или старца, тело которого не было бы "честным", а мощи – "честными мощами". Уже в XI в. распространились эпитеты "честный отче", "честной старец", "честной гроб", "честнаа главо", "честной крест" и т.п.

Основой подобных устойчивых словосочетаний являлось представление об абсолютной чести Бога. Еще в "Изборнике" 1076 г. мысль об этом повторялась неоднократно. Так, говоря о символе веры, о триединстве Бога, автор подчеркивал, что Отец, Сын и Дух Святой имеют "триедину волю, едину славу, едину честь" (29); а далее он призывал воздавать "с верою честь" всем святыням и иконам (30, 44). Древнерусские писатели каждое свое произведение создавали "в честь и славу Бога", испытывая при этом, с одной стороны, естественную робость неопитов, с другой – страх перед несоизмеримостью задачи и своими слабыми силами.

Божественная ("небесная") честь – резко противопоставлялась земной славе ("чести мира сего"): первая несла в себе элемент абсолютного, вторая – элемент относительного; первая была бесплотно-духовна, вторая телесна, а потому неизбежно греховна, и от нее следовало уклоняться. В "Притче о человеческой душе и о теле" Кирилла Туровского говорится: "Аз дух есмь, да ни ясти, ни пити хотел есмь, ни чести, ни славы земныя искал есмь" (304).

¹См.: Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка. СПб., 1903. Т. 3. Стб. 1571–1573.

Таким образом, понимание чести как святости отличается крайней устойчивостью. Гораздо более сложным путем развивались представления о чести как личном достоинстве человека. Определяющим в этом процессе был социальный фактор, который и следует учитывать в первую очередь. Древнерусский человек осознавал себя прежде всего членом своей семьи, рода, затем – более широкой социальной группы (общины, дружины, городского посада и т.п.) и, наконец, мыслил себя в рамках государства. Представления о чести пронизывают эту структуру как вдоль, так и поперек: продольный срез показывает отношения отцов и детей, старших и младших, богатых и бедных, власть имущих и безвластных и т.д.; поперечный срез дает картину взаимоотношений внутри равноправных сообществ, между членами княжеской дружины.

XI – XII века

Русская литература XI–XII вв. отличается особым пристрастием к теме чести. В ее разнообразных по форме и содержанию произведениях, начиная с "Повести временных лет" и кончая "Молением Даниила Заточника", проблемы, связанные с княжеской, дружинной, боярской, родовой честью занимают едва ли не самое большое место: ведь, с одной стороны, это время складывания феодальных отношений, выяснения, кто есть кто в русском обществе, а с другой стороны, это время утверждения христианства с его открытием личности в человека, время становления нового типа культуры, когда человек еще только примеряется к месту на социально-иерархической лестнице, когда он тысячами нитей связан со своим родом, но в то же время уже выделен из него как личность, потому что христианская религия построена на прямом диалоге человека с Богом и не признает разницы между князем и смердом, богатым и бедным в праве на этот диалог.

Отсюда честь как достоинство человека соотнесена, во-первых, с его социальным статусом, а во-вторых, с исполнением им христианских нравственных норм и переходит в благую честь – "благочестие".

Честь князя – излюбленный мотив летописных повествований, договорных и духовных грамот, "Поучения" Владимира Мономаха, "Моления Даниила Заточника" и других произведений. Причем в них дается не абстрактное понятие, а рельефно, выпукло рисуются все составные элементы, из коих и складывается княжеская честь. У дохристианских князей важнейший составной элемент чести – военное могущество; у христианских на первом месте уже милосердие. Добытые в чистом поле с помощью дружины "злато-серебро", "скот и челядь" – вот залог почета, каковым будет пользоваться князь и на который он имеет законные права. Отсюда дружина – залог этого залога, она дороже любого богатства, ибо, как известно, имея дружину, князь добудет злато, а не имея таковой – пропадет. . . Блестящий Даниил Заточник нашел емкую афористическую форму для этой простой мысли, однако в его время одной дружины с ее физическим и военным потенциалом уже было явно недостаточно для придания своему князю вящей славы: появилась потребность в мудрецах, украшающих княжеские хоромы. В мудрые советники

князя, как известно, и метил Даниил: "Паволока бо испестрена многими шолкы и красно лице являеть; тако и ты, княже, многими людьми честен и славен по всем странам" (392). По наблюдениям Б.А. Романова, XIII век внес в эту формулировку еще одно уточнение: теперь князь "честен" не просто многолюдством, но "умными бояры предо многими людьми и по многим странам славен явися"².

С развитием феодальных отношений, когда князь из предводителя и полководца постепенно превращается в землевладельца и правителя, в слагаемые его чести попадает, помимо мудрых советников, и нечто более приземленное – "многие села". Формула XII столетия – честен князь многими воинами – в XIII в. как бы сменяется на новую – честен князь многими селами.

Вершиной княжеского достоинства, безусловно, считалось достижение великого княжения. Это уже "великая честь", которую должны признавать все удельные князья, все боярство, все подданные не только на Руси, но и в окрестных государствах и землях. В "Повести временных лет" традиционная летописная формула, которая приписывает великому князю честь, принадлежавшую его роду и в свое время перешедшую непосредственно на него: "Изяслав же в Киеве седе на столе деда своего и отца своего, с честью великою" (416). Честь как некая идеальная субстанция нисходит на князя вместе с титулом, престолом, всеми атрибутами княжеской власти, ее возлагают на его главу как венец: "Поклонил ми ся и честь на мне положил, и в Киеве мя посадил, и отцем мя назвал" (421).

Об охране и соблюдении чести великого князя как главы рода особенно много начинают писать русские авторы во время междоусобий, в период феодальной раздробленности. Ни одна из договорных грамот великих князей вплоть до XV в. не лишена клятвы: "А тебе, брату моему младшему. . . держати ти подо мною княженье мое великое честно и грозно" (Договорная грамота Дмитрия Ивановича 1362 г., 101). И чем больше было братоубийственных войн и посягательств на великий стол киевский, тем настойчивее звучала эта клятва в договорных грамотах.

Качественные и количественные параметры княжеской чести столь осязаемы, материалистичны, что привнесение в них христианского толкования чести поначалу изменило очень немногое: к большому богатству князя присоединяется и богатая милостыня, к ценным дарам и обильным пирам для дружины присовокупляется защита "сирот и вдовиц", к личной храбрости князя на войне или на охоте добавляется "почитание книжное", искренняя молитва и покаянное настроение. Но довольно скоро идеал князя начинает венчать "благочестие". Если рассказывая о преставившемся в 1036 г. Мстиславе, летописец в "Повести временных лет" дает ему еще как бы языческую характеристику: "бе же Мъстиславъ дебель телом, чермень лицом, великыма очима, храборъ на рати, милостивъ, любяше дружину повелику, именья не щадяше, ни питья, ни еденья браняше" (138), – то описывая его современника Ярослава Мудрого, особо подчеркивает его любовь к вере, церкви, "черноризцам", а главное, к святым книгам (139). Полный синкретизм

²Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. М.; Л., 1966. С. 251.

старых и новых представлений демонстрирует "Повесть о разорении Рязани Батыем", где погибшие князья все как один "... христолюбивы, благолюбивы, лецем красны, очима светлы, взором грозны, паче меры храбры, сердцем легкы, к бояром ласковы, к приеждим приветливы, на пированье тщивы. . . чистоту душевную и телесную без порока соблюдаста. . ." (200). Нарушил этот синкретизм в представлениях о княжеской чести Владимир Всеволодович Мономах. Его "Поучение", обращенное к детям, четко определило, где честь языческая, а где христианская. Первая связана с кровью, проливаемой в войнах и грабежах, с "гривнами", за которые покупается совесть и душа воинов-дружинников; с отсутствием "страха Божия" и т.п., т.е. со всем тем, что вошло позднее в понятие "чести мира сего" и "суеты мира". Мономах приводит слова Василия Великого о необходимости отказаться от земной славы и пренебречь ею: "... ни в кую же имети, еже от всех честь" (396).

Вторая – христианская – честь, по Мономаху, кроется совсем в другом и дается не от людей, а от Бога. Правда, земная честь им не совсем забыта, но она относительна, а божественная абсолютна; кроме того, она не должна противоречить благочестию и должна быть связана с принесением пользы людям. Призывая своих сыновей не лениться, учиться добрым делам, он приводит в пример своего отца, который "дома сея", т.е. не выезжая в чужие земли, "изумяше 5 язык" и тем заслужил "честь от инехъ земля" (400). Тем самым Владимир Мономах одним из первых заложил традицию, хорошо прослеживаемую в древнерусской литературе, связывать понятие чести с образованностью, знанием, "книжным учением".

Христианское толкование чести в XI–XIII вв. проповедовали и многие переводные произведения. Среди них "Повесть о Варлааме и Иоасафе". Ожерелье восточнохристианской премудрости, каковым она является, в нескольких своих звеньях представлено размышлениями на интересующую нас тему. В притче о некоем царе описывается любопытная ситуация, которая шокировала царских вельмож – царь "поклонился пад при земле" двум христианским мученикам, одетым в лохмотья, истязавшим свои тела веригами и постом, а затем обнял и облобызал их. Вельможи и князья "негодоваша о сем", считая, что этим поступком их правитель уронил царскую честь – "высоту царьскаго венца". Однако побоявшись сказать о том открыто, они направили к царю его родного брата, упрекнувшего царя в совершенном проступке. Царь же не только не раскаялся, а убедительно доказал свою правоту, посрамив приближенных: он поклонился истинной божественной чести, носителями которой были двое нищих. Царь приказал наполнить два позолоченных ковчега костями смердящих мертвецов и забить крышку золотыми гвоздями, а два других ковчега обмазать смолою и дегтем, но вложить вовнутрь драгоценные камни, жемчуг и благовония (189). Оказавшись перед выбором, его вельможи отдали предпочтение двум первым ларцам, рассчитывая внутри увидеть также золото. Суть притчи выражена в словах царя: "... чювьственма очима чювьственный образъ разумеете, еще же не тако подобаетъ творити, нъ внутренима очима внутрь лежащее подобаетъ видети, ли честь, ли бесщестие" (200). Призыв различать разум-

ными "очима" честь душевную, которая дороже царского венца и несравнимо выше внешней почести, прослеживается далее в русской литературе последующих столетий и становится одной из главных ее идей.

Переходя к вопросу о чести княжеских дружинников, видим, что если князь честен своими воинами, то дружинник честен своим князем: "Ливия за буйаном кони паствити, тако и за добрымъ князем воевати"; "дубъ крепок множеством корення, тако и градъ нашъ твоею дръжаваю" ("Моление Даниила Заточника", 392).

Князь – глава войска, а значит, и каждого в этом войске. Даниил Заточник повторяет фразу, хорошо известную в мировой литературе, о том, что войско без князя как огромный сильный зверь без головы. В "Пчеле" данный образ зафиксирован в словах Эпаминонда из Фив: "...много вои без добра воеводы – велик зверь, но главы не имать" (494).

Воинская честь складывается не только из наличия честного князя во главе войска, но и из многочисленных и славных побед, совершенных сообща, а также из личной храбрости, мужества, достоинства каждого члена дружины. У честной победы есть альтернатива – честная гибель на поле брани; и то и другое одинаково почетно. Когда Святослав оказался со своим десяти тысячным войском перед стотысячным греческим (по сведениям "Повести временных лет") и "русь убояшася зело множества вой", тогда князь призвал "братью и дружину" не посрамить земли Русской: "Уже нам некамо ся дети, волею и неволею стати противу; да не посраимъ земле Руские, но ляжемъ костьми, мертвыи бо срама не имамъ. . . азъ же предъ вами поиду: аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою". В ответ на этот призыв князя русские воины произносят слова, поднимающие их на один уровень с самоотверженным полководцем: "...идеже глава твоя, ту и свои главы сложимъ" (61).

Общая слава князя и дружины может обернуться общим бесчестьем – это аксиома, усвоенная русской литературой из действительной жизни. Вот почему в "Слове о полку Игореве" русские полки выступают, "ищу-чи себе чести, а князю славы", а Игорь убеждает их в общности их доли и судьбы: "...с вами, русици, хочу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону" (374). Взаимная клятва верности замешана на понятии о чести полководца, воина и, конечно, Русской земли. "Не посраимъ земли Русской" – боевой клич на протяжении многих столетий.

Третий компонент, входящий в понятие воинской чести, – личная честь дружинника. Здесь речь не идет о праве личности на достоинство по природе своей человеческой. О такой чести и не ведали в дохристианской дружинной среде, да и в XI–XII вв. мало что изменилось. Личная честь воина соответствует его месту на социальной лестнице: недалеко от князя, далеко от смерда.

В древнейшей редакции "Русской Правды" в статьях, посвященных дружинным отношениям, вопросам чести отводится большое место, но, как всякий законодательный памятник, она исходит из нарушений чести – бесчестья, хотя в ранних редакциях "Русской Правды" этот термин заменяется синонимами "обида", "сором". Впервые указание – "а се бещестие" – появляется в дополнительной статье "О мужи крова-

ве”, в Пространной редакции: “Аще приидет кровав муж на двор или синь, то видока ему не искати, но платити ему продажа за бесчестие, каков будет” (73). Ранее же честь дружинника, ущемленная на пиру или в драке, восстанавливалась личной мстью, и только когда он физически не мог отплатить за обиду, назначалась денежная компенсация. Во второй статье Краткой редакции “Русской Правды” говорится: “. . . оже ли себе не можеть мстити, то взяти ему за обиду 3 гривне. . .” (47). Следует обратить внимание на тот факт, что за разную обиду одному и тому же лицу полагался разный штраф; обида состояла в основном в ущемлении личной чести, когда обиден был не сам удар, а то, чем он нанесен. Воину почетнее было получить удар мечом, чем батогом, жердью, чашею, застольным рогом, из которого пили на пирах. . .

Показательно также, что в ранних вариантах “Русской Правды” дружинники названы “мужами” и приравнены друг другу. В дальнейшем же плата за бесчестие начинает дробиться на категории, причем в основу этого дробления кладется не разный по значимости моральный ущерб – бесчестие, а разное социальное положение формируемого феодального “чина” того или иного лица. В Пространной редакции уже фигурирует денежное возмещение за “бесчестие” в зависимости от социального положения, что выражается словами: “болярин великих боляр или меньших боляр”, “людин городский”, “селянин” – “по его пути платити бесчестие” (73). Этот принцип, закрепленный в дополнительных статьях Пространной редакции “Русской Правды”, в дальнейшем постоянно дорабатывался в одном и том же направлении вплоть до конца XVII в. Просто каждая новая прослойка толстого российского социального “пирога” получила свое место между старыми устоявшимися слоями и прослойками и законодательный эквивалент своей групповой чести, выраженный в конкретной денежной сумме.

Как только дружинник князя осел на земле, завел хозяйство – “села”, он превратился из воина в “мужа богата”. Закономерные изменения происходят и с содержанием, вкладываемым в понятие чести. Колоритный образ боярина создает Даниил Заточник: “. . . богат муж везде знаем есть и на чюжей стране друзи держит. . . их же ризы светлы, тех речь честна” (390). Уже не личная храбрость, а личное богатство обеспечивают ему известность, причем не только в Русской земле, но и в других странах; уже не булатный меч и крепкие доспехи украшают его, а светлые ризы, дорогие одежды; уже не честной бой и героический поединок на охоте, а хитрый ум, сладкая речь создают ему славу и почет. В “Наказании богатым” из “Изборника” 1076 г. говорится, что и уважение богатый муж должен как бы покупать у окружающих: “Аште от всьсех хоштеши честь имети, буди всемь благодетель обышт [и]. . .” (25).

Правда, масштаб его чести по сравнению с княжеской еще недостаточно велик, что метко фиксирует “Моление Даниила Заточника”: автор предпочитает быть нулем при князе, чем единицей при боярине, пить воду в княжеском доме, чем мед в боярском, ходить в лаптях по княжеской земле, чем в красных сапожках по боярской, и т.п.

И тем не менее боярская честь достаточно высока, чтобы в литературе

закрепился оборот "боляры честные" ("Слово о погибели Русской земли", 130), а также и мысль о том, что рядом с княжескими родами существуют и знатные боярские роды, а по "породе" и честь. . .

Кульм родовоу чести – один из главнейших принципов феодальной культуры, питающийся еще во многом языческим мировоззрением, принимавшим род за конечную структурную единицу общества. Христианство вычленило человека из рода, делая его конечной социальной единицей. Процесс феодализации закреплял родовую честь, христианская религия сопротивлялась этому в пределах своих возможностей, в особенности посредством литературы. Проповедь отказа от родовой чести пронизывает житийную повесть. В "Житии" преподобный Феодосий Печерский подает пример братии, покинув знатных родителей, уготовивших ему земную честь, которой он предпочел честь небесную. Дабы предотвратить его уход в монашество, мать Феодосия прибегает к последнему средству – призывает его подумать о родовой чести: поступок Феодосия нанесет ей непоправимый урон, "укоризну" (312). По наблюдениям В.О. Ключевского, отказ от честных, т.е. знатных и богатых родных становится общим местом в житиях святых³.

В светской же литературе честь рода заменяет личную честь. Уже в "Изборнике" 1076 г. считалось неопровержимой истиной, что "слава человеку от чести отца своего" (156).

По родовой теории Эверса-Соловьева, Древней Русью управлял не великий князь, а род великого князя, представленный тремя старшими братьями, перемещавшимися с Переяславского стола на Черниговский, а затем уже на Киевский. Когда же Андрей Боголюбский провозгласил новый принцип, отразившийся в феодальной раздробленности, – "мое, потому что мною устроено", – тогда власть рода дала первую трещину⁴. Вернуть роду великих князей былое единство в реальной действительности пытались Ярослав Мудрый, Владимир Мономах и другие правители, подталкиваемые угрозой вторжения со стороны "поля". В литературе призыв к сохранению великокняжеского рода как особой структуры власти (великий князь – "старший брат", остальные князья – "младшие братья") наиболее громко прозвучал, конечно же, в "Слове о полку Игореве", где идеальные времена единения князей вспоминаются как "золотые". Поход Игоря и Всеволода назван великим Святославом "нечестным": "Рано еста начала Половецкую землю мечи цвелити, а себе славы искати. Нь нечестно одолесте, нечестно бо кровь поганую пролиясте" (380). Из контекста однозначно следует, что нечестным поход назван не по отношению к половцам – "поганым"! – а по отношению к великокняжескому роду, ко всем русским князьям и, главное, ко всей Русской земле.

В рамках чести рода культивировался особый почет родителей. Христианская истина – "чти отца своего" – питалась истоками еще глубоко языческого культа предков, в котором отец как старший рода выполнял

³Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

⁴См.: Соловьев С.М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 1847. С. VI.

как бы функцию жреца своего семейного пантеона. Поучения о почитании родителей входили и в "Изборник" 1076 г., и в "Измарагд", и в "Пчелу", и в "Златую цепь", и в другие нравоучительные произведения и сохраняли свою значимость на протяжении всего средневековья. В них утверждалось, что человек, воздающий должную честь и любовь родителям, прежде всего очищается от греха, затем прославляет отца и мать своих и весь свой род так, как если бы он стал неслышанно богат; и наконец, почитающий отца своего будет и сам уважен детьми своими. Честь родителей зиждилась также и на элементарном старшинстве, что отразилось в определенной иерархии чести.

Иерархия чести вытекала из самого понятия о ней – ведь честь всегда относительна (кроме божественной), всегда предполагала количественный показатель "больше–меньше", и, судя по литературе XI–XII вв., уже тогда начала оформляться ее иерархическая лестница. Принципы, положенные в основу этой иерархии, были довольно-таки просты и соответствовали общей феодальной структуре общества. "Сан" или "чин", т.е. место в социальной пирамиде, наделялись в сознании людей того времени неким идеальным ферментом, выразившимся понятием "честь", на которую владелец места получал определенные права и мог требовать от окружающих соответствующей по размерам чести, иногда даже выраженной в денежной сумме. Очень наглядно фиксирует эту ситуацию, правда, а пределах церковной иерархии, "Кормчая" Ефремовская: "По саном же всем честь отдавай, с точными же любися, а меньшины милуй" (13); "Не подобает дьякону пред попом седати. . . также же имети честь и дьяконом от слуг и всех клирик" (18). Русская церковь почерпнула этот принцип во многом из византийских правовых сборников, хотя он целиком соответствовал светским понятиям о чести, к отказу от которых как от "суетной чести мира сего" церковь призывала своих прихожан. Сама же она оказалась в бюрократической ловушке, хотя и не признавалась в этом, обосновывая разную честь церковнослужителей их разным положением по отношению к абсолютной божественной чести.

В светской же литературе к подобным уловкам не прибегали вовсе, там аксиомой было: "Пред честнейшим себе потрудися стояти" ("Изборник" 1076 г., 9). Только от равных себе по положению в обществе можно было ожидать не формальной оценки и официального чествования, а иного подхода – личностного, когда уважение нужно было заслужить личными поступками либо личными качествами. Если общая иерархия чести опиралась на количественный фактор, то частная внутренняя иерархия в рамках исконно равных прав на честь внутри одной социальной группы опиралась на качественный фактор. И этот принцип имел своих апологетов в литературе. Так, Ксенофонт приписывалась сентенция, с которой он якобы обращался к своим детям: "Азь, чаде, реку вама. . . како от всьех честень бехъ и любимъ не сана ради велика, но норовомъ великомъ" (155). Или в другом месте того же "Изборника" 1076 г. говорилось, что от друзей своих человек "хочет славы", т.е. пытается заслужить ее так или иначе, а вот от "меньших" он требует "поклонения и чести" (47).

Принцип иерархичности чести, вытекающий из ее якобы имманентной

относительности, получил большое развитие в средневековом местничестве.

В целом же русская литература XI–XII вв. переживала крайне важный процесс открытия личности в человеке, провозглашаемого христианским вероучением. Античные отголоски, переплетаясь с раннехристианскими представлениями, попали на реальную русскую почву, и процесс феодализации жестко корректировал их, втискивая в прокрустово ложе социального статуса человека. Мы видели, что литературные произведения отражали четкую разделительную черту между внешней честью, приобретаемой в суете мира сего, и внутренней, дающейся, как правило, за отказ от первой. Их противостояние, перерастающее в антагонизм, вызывалось, на наш взгляд, отсутствием "среднего пути" (по определению С.С. Аверинцева⁵), максимализмом русского мышления. Компромиссное решение было достигнуто в образе идеального правителя-князя: он и в миру честен – вроде как по положению, но одновременно и является носителем внутренней религиозной чести – вроде как по личным достоинствам; он знает цену суетной преходящей земной чести, а потому ставит ее гораздо ниже славы вечной. От этого идеала, отражающего "должное", по концепции Д.С. Лихачева⁶, отталкивался литературный этикет.

XIII – XIV века

Русская литература XIII–XIV вв. получила в наследство глубоко разработанные представления о чести, среди которых важнейшее место заняло понятие о чести Русской земли. Здесь, как и во многих других случаях, возобладало женское начало. Чтобы пояснить свою мысль, обратимся к понятию Софии – премудрости Божией: в византийском варианте София представляла собой непостижимое триединство божественной премудрости, выраженное высшей абстракцией; в древнерусской культуре София приобрела ярко выраженное женское начало – "София – дева". Именно в образе девы она предстает в "Житии святого Кирилла" (5), получившем широкое распространение. Другим примером может служить Богородичный культ – Успенские соборы; Владимирская, Смоленская, Казанская и другие типы икон Богоматери, – ставший главнейшим на Руси.

Представляется, что торжество женского начала в русской культуре в своей исходной точке связано с инстинктивным стремлением к защите и охране женской чести. Физическая слабость женщины, ее зависимость от мужского начала отразились, например, в "Русской Правде", где нанесение оскорбления замужней женщине ("боярской жене") считалось оскорблением ее мужа. Женская честь – ответ чести ее защитника-мужа. Эта мысль легко прослеживается и в других памятниках XI–XII вв., таких, как "Моление Даниила Заточника", "Изборник" 1076 г. и др. Необычайная высота образа Богоматери, безусловно, была перенесена на

⁵См.: Аверинцев С.С. Русь и Византия: два типа духовности // Новый мир. 1988. № 7. С. 210–211.

⁶См.: Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М., 1979. С. 80–101.

понятие о матери-родине, матери-женщине вообще. Христианская символика сделала Богородицу носительницей чести своего Бога-сына; ее честь – это тоже отраженный свет, но абсолютный. Соотношение Бога и Богоматери было в какой-то мере перенесено на соотношение Русской земли и ее князя-защитника, воинов-сынов и т.п.

Татаро-монгольское нашествие воспринималось как поругание чести Русской земли, усугубленное иноверием захватчиков. Правда, христианская корректировка событий, переносящая всегда акцент на внутреннюю нравственную причинность, увидела в ордынцах возмездие за греховность Руси. Среди многих прегрешений, вызвавших Божью месть в виде набегов страшной татарской конницы, русские авторы указывали и на утрату былой воинской славы и чести. Перевелись богатыри на Руси, некому ее защищать, она беззащитна перед "диким полем". Такую ситуацию рисуют летописи в повествованиях о битве на Калке 1223 г.⁷

Вместе с поруганием чести Родины утрачивают достоинство и ее защитники – князья и бояре. Недаром "Слово о погибели Русской земли" упоминает о "честных боярах" в прошедшем времени, сожалея об утрате (103). Бремя татаро-монгольского ига придавило все лучшие чувства свободных людей – гордость, достоинство, уважение к себе: "... величество наше смерися, красота наша погыбе, богатство наше онемь в користь бысть, трудъ нашъ погании наследоваша, земля наша иноплемеником в достояние бысть, в поношение быхом живущим вскраи земля наша, в посмех быхом врагом нашим, ибс сведохом собе, акы дождь с небеси, гнев Господень!" ("Поучение" Серапиона Владимирского, 448).

Былая честь утрачена, ее место заступила "злая честь татарская" – такую альтернативу видят авторы литературных произведений, посвященных борьбе с игом. Одним из первых испытал это на себе Даниил Романович Галицкий, испивший горькую чашу бесчестия вместе с "черным молоком" – кумысом ("Галицко-Волынская летопись", 805).

В "Повести о разорении Рязани Батыем" Евпатий Коловрат, мстящий за гибель рязанцев, своей местью как бы воздает должную честь "сильному царю" Батыю. Мужество и храбрость небольшой дружины Евпатия вызывают удивление татарского владыки, но не меньшее удивление вызывает и мудрый ответ раненых русских воинов, приведенных к нему: "Посланы от князя Ингваря Ингоревича Резанскаго тебя, силна царя, почтити и честна проводити, и честь тебе воздати. Да не подиви, царю, не успевати наливати чаш на великую силу – рать татарскую. ..." (192). Поэтика воинских повестей насыщена символикой честного пира: сражающиеся воздают друг другу честь, поднося смертные чаши для испытания. Русские воины "все до едина", как неоднократно подчеркивает автор "Повести о разорении Рязани Батыем", испили смертную чашу и погибли, все равны перед смертью. Видимо, для времени решающих столкновений с завоевателями крайне важно было уравнивать всех, принявших бой, предпочитающих славную смерть порабощению, и оказать им всем равную честь, независимо от знатности рода или занимаемого места на феодальной

⁷См.: Лихачев Д.С. Летописные известия об Александре Поповиче // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 25.

лестнице. Равенство всех перед смертью, живое и реальное, а не отнесенное в далекое загробное будущее, стерло и социальные различия, которые ярко проступали в прежних представлениях о чести.

Враги Руси – татаро-монгольские орды становятся олицетворением "злой чести", противопоставляемой не только христианской, но и светской – как "доброй". Хан Батый получает эпитет "злочестивый царь" – так он величается в "Слове о Меркурии Смоленском" (204, 206 и др.).

О лжечести, "античести", оказываемой русским князьям в ханской ставке, повествует "Сказание об убиении в орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора". Доблестный князь отказался от ярлыка на великое княжение, приобретаемого бесчестным путем – отказом от христианской веры. Михаил и Феодор сознательно идут на мученический подвиг, пробуждая угасшую честь русских князей, предающих себя, свою веру, свою землю за власть, получаемую из рук хана (128).

Представления о княжеской чести во второй половине XIII – первой половине XIV в. все более тяготеют к христианскому идеалу мученической чести-святости. Если ранее князь не мыслился без дружины и бояр, то теперь их место заняло белое и черное духовенство. Князь остался без дружины, воины его либо перебиты, либо разбежались кто куда, опорой князю служит только церковь. Таков образ Довмонта зятя великого князя, много раз спасавшего Псков от литовского войска. В "Сказании о Довмонте" подчеркивается, что на бой он выходит с малыми силами – псковским ополчением; побеждает же Довмонт большие отряды врагов исключительно благодаря своей вере и покровительству святых мучеников, в дни памяти которых совершаются битвы. Характеристика князя, содержащаяся в конце повествования, логично вытекает из предшествующего рассказа о нем: "Сей же бе князь не одином храборством показан бысть от Бога, но и боголюбець показася, в мире приветлив, и церкви украшаа, и попы и нищаа любя, и вся праздники честно проводя, и попы и чернца кормля, и милостыню даа и сиротам и вдовицам" (56). Таким образом, князь опирается уже не на свою дружину и бояр, а на народное ополчение, на "мужей-псковичей", идущих с ним на смертный бой. Отсюда и честь победы или славной гибели он делит теперь не между приближенными воинами своими, а между всеми участниками сражения: "Братья мужи псковичи, кто стар, то отець, а кто млад, той брат! Слышал есмь мужество ваше во всех странах, се же, братья, нам предлежит живот и смерть. Братья мужи псковичи,, потягнете за святую Троицу и за святыа церкви, за свое отечество!" (52). Обращает на себя внимание уже неоднократно встречавшаяся формула общей родовой чести, примененная и в "Сказании о Довмонте": кто стар, того князь почитает как отца, а кто молод, тот становится с ним ровень, общая же судьба после битвы наделит их либо равной честью, либо равным бесчестьем.

Итак, княжеская честь все более сливается с честью святого мученика, и чем ближе к эпохе Куликовской битвы, тем благотворнее это слияние.

Как известно, Мамаеву побоищу отводится центральное место в литературе XIV – начала XV в.; при описании этого главного исторического события "времени национального подъема" (по определению

Д.С Лихачева⁸), в свою очередь, на первое место выходит вопрос национальной чести.

Русская земля устала от тоски и печали, от "жалости", которая выпала на ее долю, начиная с поражения на пограничной реке Калке – "от Калатских рати до Мамаева побоища тугою и печалию покрывшаяся, чады своя поминаючи" (96), а посему автор "Задонщины" предлагает отбросить печаль в ордынские пределы, в стан врагов, и "возвеселить Русскую землю" похвалой Дмитрию Ивановичу и Владимиру Андреевичу. Этот зачин, перекликающийся затем с зачином "Слова о полку Игореве", как бы возрождает честь Русской земли, отнятую игом, а вместе с ней и былую славу, радость и веселие. Автор подчеркивает рубеж возврата, указывая, что уже 160 лет длится период "туги и печали", от Калки до Дона. И что же представляет собой эта возвращенная честь? Что в ней от старых времен, как бы воскреснувших вместе со "Словом о полку Игореве" на страницах "Задонщины", а что – от новых, времен собирания Руси в единое сильное государство?

Кое-где от "Задонщины" веет духом давно утраченной дружинной чести: будто князь и дружина все еще существуют как профессиональный военный отряд, не имеющий другой жизни, кроме походной, и не ведающий другой чести, кроме как добытой в бою. Так, Дмитрий Иванович призывает своих бояр: "Братия бояра и воеводы и дети боярские, то ти ваши московские слаткие меды и великие места! Туто добудете себе места и своим женам. Туто, брате, стару помолодеть, а молодому чести добыть" (106). Заканчивается произведение опять-таки рефреном, заимствованным из далеких дружинных времен: "а чести есми, брате, добыли и славного имени!" (110). Используя образы "Слова о полку Игореве", автор перечисляет достоинства русского воинства: "А воеводы у нас крепкия, а дружина сведома, а под собою имеем борзых комони, а на себе злаченны доспехи. . .", – однако современность властно вторгается и корректирует этот перечень: "...а шеломы черкасские, а щиты московские, а сулицы немецкие, а кинжалы фряские, а мечи булатные. . ." (102). Войско Дмитрия Ивановича – это уже не дружина его, а объединенное ополчение многих земель, и идет оно "головой своя положить за землю Рускую и за веру крестьянскую", а уж потом добывать себе "места" и "славного имени". Образ дружины в "Задонщине" – чисто художественный образ, как нельзя более удачно использованный для характеристики единения русского воинства вокруг Дмитрия Донского.

Не забыт и мотив родовой чести, так явственно прослеживаемый в "Слове о полку Игореве". Спустя два столетия он не только по-прежнему актуален, но становится предтечей будущей главной темы литературы XV – начала XVI в. – темы преемственности московской государственности. В "Задонщине" честь рода русских великих князей еще опрокинута в прошлое: Дмитрий Иванович напоминает приехавшим по его зову князьям, что все они "гнездо есмя были великого князя Владимира Киевского!", что по "рожению" своему и по крови принадлежат они к высокому честному роду, не предназначенному на "обиду"-бесчестие

⁸Лихачев Д.С. Литература времени национального подъема // ПЛДР. Вып. 3. С. 5.

”ни соколу, ни ястребу, ни кречату, ни черному ворону, ни поганому сему Момаю!” (100). В ”Задонщине” не разъясняется, почему родоначальником русских князей назван Владимир Святославович, но в ”Сказании о Мамаевом побоище” эта мысль получает развитие: ”. . . гнездо есмь князя Владимира Святославича Киевского, ему же откры господь познати православную веру. . . иже просвети всю землю Русскую святым крещением, изведе нас от страстей еллинских и заповеда нам ту же веру святую крепко держати и хранити и поборати по ней” (144). Намеченная линия религиозной преемственности превалирует в XIV в. над линией кровной связи князей.

Памятники Куликовского цикла, в том числе ”Сказание о Мамаевом побоище”, включают в мотивировку сражения ”великую обиду” Дмитрия Ивановича, вероятно, подразумевая под ней подневольное состояние ”присяжника” Орды (144). За великой обидой кроется тяга к национальной независимости, которая и является главной движущей силой Куликовской победы. В ”Слове о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского” указана ”великая честь”, адекватно компенсирующая ”великую обиду”: русский правитель не должен быть титулом ниже своего притеснителя, он имеет право на звание ”царя”, что подчеркнуто в самом заглавии жития. На этом праве строится и сюжетная завязка основного прижизненного подвига Дмитрия. Враги великого князя донесли царю Мамаю, что ”Дмитрий, великий князь, себе именует Русской земли царя, и паче честнейша тебе славою, супротивно стоит твоему царствию” (210). Мера чести великого князя — царский титул, который он защищает сначала в битве на реке Воже, а затем и на Непрядве. И как резюмирует ”Слово”, ”возвратися Дмитрий с великою победою. И тако ти заступаше Рускую землю, отчину свою” (210). Характерно указание на ”отчину”, каковой стала теперь вся Русская земля. В.О. Ключевский подметил, что первоначально в XI–XII вв. ”отчина” означала лишь очередность наследников киевского престола, а затем, с укреплением феодальных отношений, под ней стали понимать землю как наследственную собственность по отцовской линии⁹. К концу XIV в. понятие ”отчина” закрепилось как определение законной наследственной земельной собственности. Великий князь Дмитрий объявляется, таким образом, законным наследником всей Русской земли, а хан оценивается как узурпатор, вырвавший законную власть из рук русского ”царя”.

”Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича” содержит и развернутую характеристику теперь уже ”царской чести”. Автор начинает с прямого указания, что всем ”царям и князьям несрамно будет” поучиться у ”нашего царя”. Далее он перечисляет, чему именно несрамно поучиться: усердию в духовных делах и, главное, отказу от внешней чести, соответствующей вроде бы царскому сану. Автор выстраивает ряд противопоставлений, раскрывающих последний тезис: ”Царьскыи убо санъ дръжаше, и аггелскыи живяше... Землю Русскую управляше, на престоле седяше, яко пещеру в сердци дръжаше; царскую багряницу и венець ношаше, а в чернечьскыи ризы по вся дни облещися желаше”

⁹Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1937. Ч. 1. С. 182–184.

(214). Сталкивая внешнюю честь царя с внутренней честью христианина, автор целиком отдает предпочтение второй, как, впрочем, и герой его "Слова" Дмитрий Донской, показанный как несостоявшийся монах, который мечтает о мученическом служении Богу, но вынужден светскую "честь и славу от всего мира принимать". Тем не менее он более всего заботится о чистоте своей души, готовясь предстать перед Божиим судом, и вполне заслуживает, по мнению автора, звания "земного ангела" (214).

Собирание русских земель вокруг Москвы и начавшееся освобождение от татаро-монгольской зависимости подняли авторитет великого князя на невиданную высоту, но еще выше была поднята честь Русской земли. В летописных повестях конца XIV–XV в. великие князья называются "самодержцами", слава которых доходит до земных пределов: их послы в Орду удостаиваются чести и даров и отпускаются с миром на Русь ("Сказание о нашествии Едигея", 246).

Если переживание бесчестия и возвращение чести Русской земле можно считать главной темой литературы XIII–XIV вв., то вопрос о личной и родовой чести в это время как бы отступает в тень. Литература не забывает и о нем, свидетельством чего является "Послание игуменам Сергию и Феодору" митрополита Киприана 1378 г. Киприан подробно описывает бесчестие, которому подвергся со стороны великого князя, не желающего признать в Киприане главу русской церкви: он был схвачен, посажен под замок, его люди были ограблены – и все это по распоряжению князя. Каплей, переполнившей чашу обиды, автор считает ту издевку, которую позволил себе воевода Никифор: "А еще бешестнейше: мене ведуще, и сторожеве, и проклятый Никифор воевода, одежами моих слуг оболчени и на их коних и седлах ехаше", – восклицает в негодовании Киприан (440). Перечислив все свои обиды, митрополит делает вполне логичный для того времени вывод: "Мне же их бешестие болшу честь приложило по всей земли и в Царигороде" (422). Понятно, что речь идет о славе мученика, незаслуженно пострадавшего от своевольного князя, который не почтил высшего церковного иерарха.

Интересен поворот темы – бесчестие обращается в большую честь, – встречающийся на страницах летописей начиная с "Повести временных лет", а также в произведениях многих других жанров. Опираясь на известное библейское изречение о переменчивости жизни, русские авторы прибегали к сентенциям типа: "и обратился плач в радость", "и обратился смех в печаль" и т.п.; данный прием, примененный Киприаном, был хорошо известен в литературе.

Тему личной чести в какой-то мере затрагивает и "Житие Сергия Радонежского", подробно излагающее его жизнь. Епифаний Премудрый создал цельный образ уникальной личности. С этого произведения, как нам кажется, можно вести отсчет сложившимся в русской культуре представлениям о так называемой "имянной чести".

Это особая категория чести, хорошо известная позднее. Ее удостаивались люди, которые сделали себе "имя", прославившееся по всей стране. Масштаб деяний этих лиц был настолько значительнее обычных норм родовой и социальной чести, настолько перекрывал их, что требовал для себя новой формы, каковой и стала "имянная честь". Ею обладали Андрей

Рублев, Феофан Грек, Епифаний Премудрый, Стефан Пермский, Максим Грек и многие другие. Их имена были мерилom, по которому "отмеряли" честь стремившимся уподобиться им. Появление "имянной чести" знаменовало также приближение Предвозрождения и Возрождения, чувствительно коснувшихся русской культуры XV в.

XV – начало XVI века

Нельзя не согласиться с Д.С. Лихачевым, что "элементы русского Ренессанса связаны с попытками исторического осмысления нравственного долга страны и личности в жизни страны, роли личности в государстве"¹⁰. Ренессансные представления о чести, основанной на природном человеческом достоинстве – *dignitas*, – еще, пожалуй, слишком далеки от русских источников. Но возрождается определенная значимость светской чести-славы, в особенности же заслуженной гуманитарными знаниями, и прежде всего писательством.

Писательская честь достигается разными путями, которые обсуждаются в произведениях разных жанров, причем получается, что в зависимости от избранного жанра честь его автору делают совершенно разные литературные и нелитературные достижения. Так, если составляется летописная повесть, то честь автору придает нелицеприятная объективная позиция. Об этом рассуждает автор летописного "Сказания о нашествии Едигея", акцентируя внимание читателей на том, что писал он "ни завидяще чести вашей", что главная цель его в правдивом отражении истины. Образцом для него служит Сильвестр Выдубицкий, названный "великим", который, "не украшая пишушаго, почет почиеш" (254).

Авторы панегирических слов и житийных текстов, напротив, не скупятся на похвалы своему герою, отнюдь не стремясь к нелицеприятству. Их мастерство в "плетении словес" осознается ими как достаточное основание для писательской славы, хотя чаще всего они объявляют себя не претендующими на нее, подчеркивают свою "скудость" и "неразумие". Напрямую заявляет о своих заслугах как панегириста инок Фома в "Слове похвальном о благоверном великом князе Борисе Александровиче". Он однозначно дает понять, что умение воспеть чужую честь может служить источником для достижения собственной славы. Обращаясь к "самодержавному государю" тверскому князю, Фома пишет: "Но и отседе ти пою песнь победную, яко же и Мариам древле, но и отвсюду себе честь и веселие привлекаючи твоим здравием. И еще же, господине. . . надеемся и мы не забытнии познани тобою быти, и жаждуше от тебе милости, и яко же и елень воды" (284). Инок Фома представляется прямым наследником Даниила Заточника, не скупящимся на похвалы самому себе. Но его самовосхваление не идет ни в какое сравнение с похвалой "государю".

Жанр "похвалы", известный еще с дописьменных времен, достигает в XV в. своего апогея. Раздвигаются границы единого русского государства, но слава его правителя опережает их рост и уже достигает границ

¹⁰Лихачев Д.С. Литература эпохи исторических размышлений // ПЛДР. Вып. 5. С. 7.

мира: от востока до запада, от моря до моря, "среди 70 языков" и т.п. (280). Уже не только русские книжники превозносят своих героев, но их восхваляют и иностранцы; уже не хватает великих имен из библейской и мировой истории, каковым можно было бы уподобить восхваляемый персонаж; уже приходит к логическому концу излюбленный поэтический прием уподобления.

Еще со времен митрополита Илариона главным стимулом для уподобления восхваляемого героя тому или иному предшественнику являлись честь и слава последнего. В "Слове о законе и благодати" Иларион сравнивал Владимира с императором Константином: ". . . его уже убо подобник сый, с тем же единою славы и чести обещыника сотворилъ тя Господь на небесех, благовериа твоего ради. . ." (32).

К концу XV в. образцов для сравнения стало не хватать, вернее, их было так много, что перечислялись все возможные претенденты и ни один уже не удовлетворял автора. Так, в "Слове похвальном" инок Фома уподобляет великого князя Бориса Александровича премудрому Солomonу, кесарю Тиберию, Льву Премудрому, императору Августу, пророку Моисею, Иосифу Прекрасному и многим другим знаменитостям и не может остановиться в выборе, поскольку всех их превосходит его герой. Как бы пытаясь остановить себя в тщетных поисках достойного прототипа, автор неоднократно восклицает: "Но что нареку сего самодержавного любимийшаго ми государя. . . Но почто много глаголю!" и т.п. (282). Для каждого претендента на сходство с князем инок Фома находит какое-нибудь "но", которое делает сопоставление недействительным. Посему он прибегает к словам Иакова: ". . . иже кто слыша честь государя своего веселиться, той совершен есть", – обобщая этим все достоинства князя через понятие "честь" (284). Кроме того, он отказывает в мудрости тем, кто не признает "чести и славы великого государя", потому как "сей бо есть земли вашей честь" (288).

Жанр "похвалы" венчает тему чести, теме бесчестия посвящены другие жанры, в частности любимый гуманистами жанр "послания".

Послания представляли собой, с одной стороны, эпистолярный жанр, наиболее полно отражают личностное начало как автора, так и адресата; с другой стороны, являясь признанной литературной формой, они подчинены этикету, канону, стилю эпохи.

Тема бесчестия стала стимулом, заставившим авторов многих посланий XV в. взяться за перо, обратиться с призывом, побуждающим адресата к тому или иному действию, решению, поступку. "Послание на Угру" Вассиана Рыло, направленное Ивану III, "боголюбивому вседержавному государю", затрагивает самый больной вопрос русской истории – бесчестие от Орды. Сомневающегося Ивана, теряющего твердость духа и решимость принять главный бой, по мнению автора, необходимо укрепить, дабы его "честь в безчестие и слава в беславие не преложилась" (526). Вассиан напоминает князю слова апостола Павла: "Открывается гнев Божий с небесе на всяко нечестие и неправду человеком" (526), – призывает его последовать примеру своих "прародителей" Игоря, Святослава, Владимира Святославича и Владимира Мономаха и, конечно же, Дмитрия Донского (528). О последнем разговор в "Послании" особый,

поскольку он "без сомнения скочи в подвиг" (528), прославил себя и очистил от грехов победой над "сыроядцами", заслужил звание "великого", которым довольно смело оперирует Вассиан.

Призыв избежать бесчестия содержится и в "Послании Иоасафу" Геннадия, правда, речь идет уже о личном бесчестии, и автор только намекает на "срам", заставивший Иоасафа уйти с архиепископской кафедры (540).

В конце XV – начале XVI в. жанр "послания" становится, пожалуй, самым популярным в русской литературе – не только в силу публицистичности, вызванной общим оживлением общественной и религиозной мысли, но и в силу своей личностности. Он требовал от автора назвать себя, четко определить свою позицию, раскрыть свое "я" в полной мере. Развитое авторское самосознание – вот наибольшее достижение литературы того времени, доказываемое таким бурным всплеском именно этого жанра. Разумеется, и по содержанию и по форме русские "Послания" далеки от знаменитой переписки итальянских гуманистов, но есть и нечто общее, сближающее их. Это и темы "государя" и "мудреца", тема личного переживания и осмысления действительности, тема еретичества как свободы веры, астролого-мистические вопросы и т.п. Но если для итальянских гуманистов центральной оказалась тема человека как такового, то русская литература XV–XVI вв. до таких демократических глубин еще не доросла.

Тема чести была поднята посланиями, связанными с полемикой "иосифлян" и "нестяжателей", на уровень религиозной войны. Обвиняя сторонников Иосифа Волоцкого в желании приобрести светскую суетную славу мира, выражающуюся в земельных владениях и денежных богатствах, "нестяжатели" требовали полного отречения от нее. С наибольшей силой это требование выражено в "Завещании" Нила Сорского. "Честной старец", много лет безмолствовавший в пустыне, заклинал не погреть себя, требовал, чтобы его тело было отдано на растерзание зверям и птицам. В крайнем случае он позволял братии "ископавше ров на месте, иде же живем, со всяким бесчестием" захоронить его (320). Желание это он обосновывал не только и не столько своей греховностью и недостойностью – нет, столь большое уничтожение при жизни и при смерти должно было обернуться для него наивысшей честью в вечной жизни. Нил Сорский ссылается на пример "великого Арсения", стремившегося ни в коем случае не сподобиться "чести и славы века сего некоторые" (322). Бесчестие в этом мире служит гарантией чести в загробном мире, бесчестие тела обеспечивает честь душе. Подобная логическая увязка закономерно вытекала из нестяжательской концепции.

Формой послания часто пользовался и Максим Грек, называвшийся, кстати, среди своих учеников "честнейшим". В его произведениях также часто обсуждается тема бесчестия, связанного то с распространением "немецкой лжи" о Фортуне, то с отклонениями от иноческой чистоты и честности, то поднятая на философскую высоту.

Максим Грек посвятил теме чести одно из наиболее ярких произведений – "Слово. . . пространне излагающе, с жалостию, нестроения и безчиния царей и властей последнего жития". Нарисовав образ женщины в

черном, сидящей при пути, ”стоящу горце и плачущу без утехи”, окруженной хищными зверями – львами, медведями, волками и лисицами, – автор не сразу поясняет, кто скрывается под этим образом. Постепенно он подводит читателя к отгадке: под одеждами горькой вдовицы прячется поруганная честь царства земного – Василии. Образ царства в русской традиции связывается более с мужским началом, чем с женским, к которому тяготел образ церкви, но образ Русской земли, как помним, уже глубоко укоренился в сознании русских людей в облике матери-женщины. Василия – царственность, переводимая Максимом с греческого как начальство, власть, владычество, господство. Ее женское обличье продиктовано замыслом автора: царственность обесчещена лютостью и безумием ее повелителей, которые ”вси бо своих си ищут, а не яже вышняго, не яко да его прославят праведными деянии. . . но яко да себе разширят пределы держав своих, друг на друга враждебне опалчашеся” (320), она слаба и бессильна перед алчностью земных правителей и призывает только молиться – ”. . . да восприимут правду и всякого богоугоднаго жительства и щедроты подручником, да сподобятся и отступят всякия злобы и неправды. . .” (326).

Тема униженной, обесчещенной царственности, поднятая Максимом Греком, несколько контрастирует с общим направлением в русской литературе конца XV – начала XVI в., закреплявшим вселенский масштаб русской государственности. В литературе того периода самодержавный государь вписывается в общий ряд мировых монархов, его честь и достоинство измеряются глубиной его связей с библейской и общеевропейской историей. Для доказательства изначальной древности рода русских великих князей создаются ”Послания” старца Филофея, ”Сказание о князьях Владимирских” и другие произведения. Вместе со священным крестом, сделанным из животворящего древа, сердоликовой чашей императора Августа и другими дарами Владимир принимает от Константина Мономаха нечто гораздо большее: ”царьский жребий” – честь и славу (”Сказание о князьях Владимирских”, 428). Так же и Москва принимает свой жребий – честь мировой столицы – от Рима и Царьграда. Концепция ”Москва – третий Рим”, как известно, была закреплена в качестве официальной при Иване Грозном (см.: ”Послание” Филофея, 436 и др.).

Таким образом, русская литература конца XV – начала XVI в. решала проблему чести на общетеоретическом и политическом уровне, и на уровне конкретных задач защиты русской церкви от еретиков, и на уровне ренессансной проблематики.

Вторая половина XVI – первая половина XVII века

Вторая половина XVI в. внесла в проблему чести ощутимую струю догматизации. Государство взяло на себя функцию устроителя культуры, унифицировав многообразие в единообразии, канонизировав и содержание и форму различных произведений и т.д. Закрепленные в ”Степенной книге”, ”Четьих минеях”, ”Лицевом летописном своде”, ”Домострое” и других источниках идеи и идеалы, сюжеты и образы должны были стать общерусскими и общеобязательными.

Понятие чести попало в первый ряд унифицированных принципов русской культуры: оно было кодификационно закреплено в "Судебнике" 1550 г., оно все более "огосударствливало" человека, лишая его индивидуальной значимости и ценности, приравнивая личное достоинство социальному статусу – "чину".

Иерархия чести, начинавшаяся с абсолютной чести Бога, продолжалась "чином" русского самодержца: царь шел вторым как наместник Бога на земле, как носитель его чести, требовавшей такого же поклонения и "страха". Святительский "чин" и князья считались носителями вполне определенной нормированной чести, которая в источниках чаще всего называлась "должной" (см.: "Домострой", 74, 76). Мера долженствования была хорошо известна людям того времени.

Царская честь согревала каждого, попавшего под сень крыл двуглавого орла. Они становились носителями частицы царской чести, падающей как тень от этих крыл, и в то же время все более и более утрачивали свою человеческую значимость (например, царские послы и посланники, превращавшиеся во временные вместилища царственности, в сосуды, наполненные царским достоинством, и лишённые другой функции).

Примерно так же, как вели себя известные послы в "Повести о Дракуне", должны были вести себя и реальные представители Руси за границей. Но если литературная ситуация трагически утрирована – послы, боявшиеся уронить честь своего государя и не снявшие шапок перед Дракулой, подверглись мучительной казни, – то русская действительность приводила иногда к комической ситуации. Так, очень показательное поведение в Лондоне в 1600 г. посла Г.И. Микулина (судя по его "Статейному списку"). С одной стороны, он отказался от приглашения мэра города только потому, что мэр в приглашении оговорил, что ему "сидети по своему чину в большем месте", а послам – "ниже его места". Микулин мотивировал свой отказ тем, что он представляет своего государя и "читать" его следует "для царского величества имени". С другой стороны, когда дело касалось личной чести самого посла, то она сводилась на нет. Микулин на аудиенции у Елизаветы отказался умыть руки перед обедом из того же сосуда, что и Елизавета, говоря, что "великий государь наш. . . Елизавет-королевну зовет себе любительною сестрою, и мне, холопу его, при ней рук умывати не пригодитца" (178).

Г.И. Микулин – человек своего времени, хорошо усвоивший идею Ивана IV, неоднократно звучавшую в царских посланиях к Андрею Курбскому: все подданные русского самодержца не имеют никакой иной чести, кроме той, которая в виде милости нисходит на них от царя, по отношению к своему государю они все до единого бесчестны, аки холопы.

Известная переписка Грозного с Курбским, уходящая в схоластику как в прикрытие истинных целей, настоянна на горячих переживаниях утраты чести со стороны опального князя и узурпации ее со стороны царя. Призывая Ивана IV к покаянию в невинно пролитой крови и в преследовании верных своих слуг, Андрей Курбский снимает с себя обвинения в посягательстве на честь царя: "А еже пиешши, аки бы тебе не покоряхся и землю твою хотех владети, и изменником, и изгнанцом нарицающе мене, сие отвещание оставляю явственного ради от тебе навету,

или потвору” (94). Он уже как будто смирился со своим положением ”в странстве”, ”много оскорбленного и без правды изгнанного” (74), но упова-ет на высший суд, который вернет ему славное имя и честь на вечные времена.

Чем дальше от крыл двуглавого орла, от царского двора, чем ниже по социальной лестнице, тем проще решался вопрос чести и бесчестия. Мери-лом здесь служил ”чин”, занимаемый тем или иным лицом, адекватным выражением чести — денежный оклад, которым оплачивалась служба. По мнению М.Ф. Владимирского-Буданова, ”государство иначе и не может оценить ее (честь. — Л.Ч.), как справившись, во сколько оно само оцени-вает службу себе этого человека и как высоко положение его в общест-ве”¹¹. С историко-культурной точки зрения, такая оценка личной чести доказывает, что вне государства она просто не мыслилась, что человек не воспринимался как самоценная личность.

В ”Судебнике” 1550 г. отдельная статья посвящена штрафам за ”бес-честие”: дети боярские получали в качестве компенсации за словесное ущемление их чести столько, ”сколко которой жалованья имал”; дья-кам ”полатным и дворцовым безчестие, что царь и великий князь ука-жет”, ”торговым людем и посадским людем и всем середним бесчестие пять рублей”, крестьянская честь ценилась ниже всего — в один рубль (101). Вызывает удивление сумма, которой оценена честь ”торговых гос-тей больших” — пятьдесят рублей. По предположению П.П. Смирнова, куп-цы намеренно выделены правительством в ”особый честный чин” — с целью создать себе опору в этой богатой среде¹². Следует отметить, что и спустя столетие, в 1649 г., ”Уложение” царя Алексея Михайловича подтвердило эту привилегию купечества.

Стесненное положение женщины в русском обществе, ее полная зави-симость от мужа, замкнутый быт и жесткий контроль до замужества, отсутствие юридической самостоятельности (кроме как у вдов) и дру-гие обстоятельства привели к тому, что в законодательстве вопрос о чести жены полностью зависел от социального статуса мужа. Двойной размер штрафа за словесное оскорбление женщины известен еще со вре-мен ”Русской Правды” и отражает, на наш взгляд, не особое уважение к ней, как было в XI–XII вв., а все тот же формально-государственный под-ход к частной жизни человека: жена — собственность мужа, хранитель-ница его чести, а посему бесчестие падает не на нее как таковую, а на мужа, при этом как бы удваиваясь, так как затронута честь обоих член-ов семьи.

Система ”огосударствления” человека привела к упрощенной социо-культурной установке: честь по достоинству, достоинство по ”чину”, ”чин” по породе. Каждый член общества знал свое место в иерархии чести. В середине XVI в. начали создаваться многочисленные родослов-ные книги, разрядные книги, боярские списки, ”Тысячная книга” 1550 г. и ”Дворовая тетрадь”, где служилая знать четко фиксировала свое место

¹¹Владимирский-Буданов М.Ф. Христоматия по истории русского права. Киев, 1880. Вып. 2. С. 130.

¹²См.: Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 109–110.

на официальной лестнице "чинов"¹³. Одновременно развернулась ожесточенная местническая борьба, взаимные обвинения в "бесчестии" представителей знатных родов посыпались, как из рога изобилия¹⁴.

Догматизация и формализация понятия "честь" все же не коснулась глубин русской культуры, где подспудно росло сопротивление социальному неравенству. Официальный доктрине чести противопоставлялась христианская традиция толкования ее как внутреннего духовного дара, несоизмеримого в силу своей абсолютной значимости с преходящей внешней честью. Великолепно выражена эта мысль в одном из "Стихов покаянных":

Аще хочещи победити
Безвременную печаль,
Не опечалися никогда же
За кою-либо временную вещь.
Аще и бьень будещи,
Или обесчестень,
Или отгнать,
Не опечалися,
Но паче радуися (556).

Тема смерти, уравнивающей всех со всеми, также проводила подобную мысль; теме смерти были посвящены и "Стихи покаянные" и известное "Прение живота со смертью", широко распространенное в XVI в. Рефреном всех подобных произведений служили давно известные слова: "... бесчестье обернется вящею честью!".

Народное сознание в противовес официальной иерархии чести признавало только честь, заслуженную либо добрыми делами, либо добрым нравом, т.е. основанную на личностном начале. Подтверждение тому нетрудно найти в русских пословицах и поговорках, которые хотя и были записаны позднее, но создавались и бытовали в XVI в. безусловно: "Мужа чтят за разум, а жену по уму" ("Сборник пословиц", 73); "Место человека не просветит, но человек место" (72); "Честь ум порождает, а безестие и старое теряет" (382); "Почитай божественное честно" (368); "Смирение человеку ожерелье" (372) и т.п. В то же время многие поговорки и пословицы с иронией говорят об официальной системе деления на честных и бесчестных: "По милости по царской и сам себе Пожарской" (369); "Царю предстояти, себя зазирати" (381); "Ударил лицом своим в гряз, хотя князь" (376); "Посла не бьют, ни секут, бранят, лише жалуют" (368); "Цветное платье в большое место несет" (381); "Честен перстень у дворян на руке" (382); "Человек в чести сый, не разуме" (381).

Тем не менее официальная концепция – честь по "чину" – настолько возобладала в культуре конца XVI – начала XVII в., что считалась одним из принципов божественного порядка мироустройства. Авторы литературно-публицистических произведений о Смуте видели в посягательстве на этот порядок основную причину всех бедствий. Неизвестный создатель "Новой повести о преславном Российском царстве", возмущаясь

¹³См.: Быčkova М.Е. Родословные книги XVI–XVII вв. М., 1975.

¹⁴См.: Маркевич А.И. История местничества в Московском государстве XV–XVIII вв. Одесса, 1880; Кобрин В.Б. К истории местничества XVI в. // Исторический архив. 1960. № 1.

приглашением на русский престол польского королевича, обвинял "злодеев" в том, что они "... растлилися умы своими, и восхотеша прелести мира сего работати, и в велицей славе быти, и инии, не сый человеци, — не по своему достоинству саны честны достигнути" (30). Ему вторит и Авраамий Палицын в "Сказании", видевший причины разорения страны в том, что "... раби убо господие хотяще быти и неволнии к свободе прескачюще. . . всяк же от своего чину выше начаша сходити. . ." (119). Дьяк Иван Тимофеев во "Временнике" несколько глубже проникает в суть случившегося, пытаясь высветить и отрицательное и положительное в характере Бориса Годунова и его политике (к которой и сам дьяк имел отношение), вдумываясь в суть устройства Русского государства. По его мнению, чины должны были раздаваться в государстве "по достоинству" — "по отечеству", во-первых, и "благих вин послужения", во-вторых, когда же на троне оказались "недостойные" правители, тогда и сломался весь правильный строй: "Царски чины ради студных делъ недостойный недостойным недостойне раздая чрез естество и возраст. . ." (314).

Благородная задача возрождения чести растерзанной Смутой России, стоявшая перед автором "Новой повести" — и перед Авраамием Палицыным, и Иваном Тимофеевым, и другими, конечно же, извиняла их тяготение к восстановлению традиционных норм и представлений. Все они сходились на мысли, что Бог долготерпелив, что посланное им испытание вызвано греховностью россиян, но что он не потерпит "нечестия" и вернет былую славу Русской земле.

С воцарением Михаила Романова, заключением договора со Швецией и Польшей, постепенным восстановлением хозяйства возвращается утраченный в Смуту порядок, а вместе с ним и бывшие представления о чести и бесчестии. Так, во всяком случае, явствует из "Хронографа" 1617 г., бывшего официальным политическим источником на протяжении XVII в. От него так и веет "монументализмом" времен Грозного: все персонажи делятся на честных и нечестных, идеализируемый Федор Иоаннович назван "одушевленным раем", Борис Годунов "хитростным пронырством" пробрался к царской чести, расстрига Гришка Отрепьев дьявольским наущением "диаконьский чин попра" "простоокія люди русьскія прелстиль. . . и царство сице восхити" (328). Гермоген, поддавшись лести мятежников, сначала дал им "попрать царский венец", а затем и сам был подвергнут бесчестию — "святительскую красоту зле поруганиемъ обезчестиша" (350), и, наконец, воцарение Михаила преподносится читателям как божественное изволение, которое восстановило честный образ царев — "бысть православию глава и богозрачному благочестию начало и государь всемъ правоверным" (356).

Князь Иван Хворостинин в своем сочинении "Словеса дней, и царей, и святителей московских" как бы подвел черту под обсуждением проблемы чести. Он увидел суть происходивших в России потрясений в том, что после пресечения законного царского рода незаконный правитель с помощью чародейства покусился на абсолютную божественную честь: «. . . и возвысися зело и почитание сотвори себе яко Богу, и восписовашеся: "Паче творца тварь почтешя"». По мнению автора, Бог не пренебрег этим и "укроти высокоумие его" (436). Восстановление иерархии чести,

требующее от царей чтить Бога со страхом и радоваться ему с трепетом, повлекло за собой размышления о том, как должен царь выполнять свою миссию.

Одним из первых на этот вопрос попытался ответить автор "Описания вин и причин, которыми к гибели и к разоренью всякие царства приходят и которыми делами в целости и в покою содержатца и строятца". Опираясь на античные источники, автор призывал государей и начальников управлять по правде и тем самым получить любовь и преданность подданных, что и составит честь и славу; и напротив, притеснения и беззакония приведут к ненависти и страху у подданных, что и есть прямое бесчестие правителя: "...аще начальником всяким любовь подданных тех, которыми владеют, есть красотою и честью и безстрашным житием, так опять нелюбовь и ненавидство подданных бесчестьем есть государем и начальником всяким, многожды къ гибели приводить их" (468).

Смутное время, таким образом, внесло значительные коррективы в представления о чести, особенно государевой: оно показало, как опасно нарушение иерархии чести со стороны монарха и подданных и вместе с тем резко возвысило честь царя небесного и его служителей на земле, т.е. честь церкви. В целом же иерархия чести в новом варианте была закреплена "Уложением" царя Алексея Михайловича 1649 г.

Открывалось "Уложение" статьями о чести Христа, Марии, церкви и священнослужителей, и это показательно. Человеку, "возложившему хулу" на Бога, Богородицу, честный крест, святых угодников, полагалась казнь сожжением (85). Если же во время церковной службы кто-либо из прихожан "обесчестит словом" другого, то за это он несет двойное наказание: платит за бесчестие пострадавшему и отбывает месячный тюремный срок за "церковное бесчинство" (86).

Вторая глава "О государьской чести. . ." и третья глава "О государеве дворе. . ." фиксирует нормы наказания как за посягательство на честь и здоровье царя, так и за нарушения "чести государева двора", например: "Буди кто при царьском величестве, в его государеве дворе. . . не опасючи чести царского величества, кого обесчестит словом, а тот, кого он обесчестит, учнет на него государю бити челом о управе. . . и по сыску за честь государева двора. . . посадити в тюрьму на две недели. . ." (89). Честь государева двора оценивалась вдвое "дешевле", чем честь храма. . .

Другим новшеством было введение телесных наказаний и заключение в тюрьму на разные сроки за бесчестие "думных людей" (бояр, окольничих, думных дворян и думных дьяков); "служилые люди" по-прежнему получали только денежное возмещение; та же ситуация в церковной иерархии: за бесчестие патриарха – торговая казнь и месяц тюрьмы, митрополита – битье батогами и 4 дня тюрьмы, архиепископа и епископа – батоги и 3 дня тюрьмы, а далее, по "чинам" и санам, денежная компенсация в размере от 100 рублей (архимандриту Троице-Сергиева монастыря) до 6 рублей – в зависимости еще и от места монастыря на "лестнице" чести. . . (107).

Вытягивалась цепочка денежных штрафов, очень напоминающая положение "Судебника" 1550 г., с незначительными добавлениями, в част-

ности особой статьи, оговаривающей бесчестие "имянитых людей" Строгановых – 100 рублей, вдвое против остальных "гостей", имевших, по старому, 50 рублей (111). Учитывалось также "бесчестье" дочери-девке и сыну неверстанному: первой сумма за бесчестие превышала "оклад" отца в 4 раза, второму – составила половину отцовского "бесчестья" (112).

В "Уложении" царя Алексея Михайловича 1649 г. фиксировались давно установившиеся и всем известные формы "бесчестья". Обращает на себя внимание другое – новый, хотя еще и недостаточно выраженный принцип в расплате за бесчестие: теперь размер выплачиваемой суммы зависит не только от чина пострадавшего, но и от чина нанесшего оскорбление. Так, если схлестнулись "непригожими словами" думные люди и патриарх, то думных выдают патриарху "головую", а если думные люди оскорбили иерархов пониже, то митрополиту они платят 400 рублей, архиепископу 300, епископу 200 рублей (106). Введение разных форм и норм наказания за бесчестие одного и того же лица говорит и об усложнении феодальной иерархии и о повышении роли и "места" думных представителей, но нигде не встречается даже намека на понимание чести как личного достоинства любого человека. . . Личная честь как присущая по "естеству" каждому человеку не фигурирует в законодательных памятниках, но мысль о ее наличии все же появляется в русской литературе второй половины XVII в.

Вторая половина XVII – начало XVIII века

Русская литература второй половины XVII – начала XVIII в. открыла в человеке личность¹⁵, и в то же время личность открыла для себя литературу как одну из художественных сфер бытия. Отсюда "плюрализм" жанров, ослабление дидактической направленности, формирование лирики, рост авторского самосознания и многое другое. Закономерную эволюцию переживают и представления о чести и бесчестии.

Прежде всего, человек отделяется от рода, а значит, и от родовой чести, "породы" или худородности. Правда, освобождение это идет очень медленно и трудно, как в реальной действительности, так и в литературе. Изображается герой либо стоящий в самом низу иерархии, либо совсем из нее выпадающий: Савва Грудцын, Фрол Скобеев, Молодец из "Повести о Горе-Злочасти", а за ними и "новый герой" петровских повестей – матрос, бедный дворянин, "кавалер". . . И плохого и хорошего в своей жизни они достигают собственными усилиями. Молодец из "Повести о Горе-Злочасти" предстает не как член какого бы то ни было рода, а как просто человек, обобщенное лицо – член рода человеческого, недаром "Повесть" начинается с сотворения Адама и Евы; Молодец – их потомок, как и все люди на земле. Родители его тоже не названы, не указано их со-

¹⁵См.: Лихачев Д.С. Семнадцатый век в русской литературе // ПЛДР. Вып. 10. С. 5–20; Черная Л.А. Концепция личности в русской литературе второй половины XVII – первой половины XVIII в. // Развитие барокко и зарождение классицизма в России. М., 1989; Демин А.С. Русская литература второй половины XVII – начала XVIII века. М., 1977.; и др.

циальное происхождение, о них сказано только, что учили они сына добру:

Не ходи, чадо, в пиры и в братчины,
не садися ты на место большее. . .
Не безчестуй, чадо, богата и убога,
а имей всех равно по единому. . . (29).

Когда кабацкое горе выпроваживает Молодца "от роду и племени" в "чужу землю", то и там "люди добрыя" учат его заслужить честь и уважение своим нравом и поведением: ". . . смирение ко всем имей и ты с кротостию держися истинны с правдою, — то тебе будеть честь и хваля великая. . ." (33).

Решенная в совершенно ином ключе — в жанре плутовского романа — "Повесть о Фроле Скобееве" обыгрывает тему чести-"породы" в качестве главной. Новгородский дворянин-плут Фрол Скобеев, зная, что он не пара дочери стольника Нардина-Нащокина, хитростью проникает в дом Аннушки и в конце концов женится на ней. Стольник вынужден смириться, хотя не раз восклицает: "Тебе ли, плуту, владеть дочерью моей?" (61). Ситуация настолько понятна читателям, что не требует пояснений, почему именно Фрол нанес ущерб чести рода Нардиных-Нащокиных, однако и автор и читатели тем не менее на стороне удачливого плута.

Упомянутых героев XVIII в. вопрос чести рода не волнует, зато появляются намеки на сословную честь. Так, в "Гистории о храбром российском кавалере Александре" герой, сообщая родителям о своем намерении поехать за границу, говорит, что в случае отказа он не будет достоин дворянской чести. Что же "кавалер" имеет в виду? Прежде всего военную службу на "общую пользу" и благо государства: "Не зная поля, не выдав неприятеля и не слышав оружейного стука, како приближуся монарху моему и коим достоинством пожаловать повелит мя" (221). Идеи Петра I о служении отечеству и личной выслуге чинов (по "Табели о рангах") недвусмысленно объясняют ситуацию с Александром. О формировании особой сословной чести свидетельствуют и многие другие источники того времени.

Вторым важнейшим моментом в новом толковании чести следует признать реабилитацию "чести мира сего". Причины ее вполне ясны: поскольку личная честь достигается не заслугами предков, а собственным трудом, постольку и награда за труд в земной жизни теряет элемент греховности. Напротив, авторы произведений прямо призывают добиваться мирской славы и указывают пути к ней. Одним из кратчайших считался путь через науку. Если ранее именной чести, как мы видели, удостаивались писатели, художники, мыслители-проповедники, то теперь к ним добавились "ученые", под которыми в XVII в. понимались книжники, осваивавшие "семь свободных художеств", а в начале XVIII в. — учащиеся военному, морскому, аптекарскому и т.п. "делу". Еще в предисловии к "Азбуке" Василия Бурцева указывалось, что "грамотное учение" необходимо человеку "на просвещение ума его и смысла и на прославление своего имени" (7об.). Широко известен спор по поводу "внешней мудрости" и "семи свободных наук", закончившийся победой Симеона

Полоцкого, Николая Спафария, Сильвестра Медведева и их сторонников¹⁶. В начале XVIII в. к добыванию "чести мира сего" наукой призывали Леонтий Магницкий, Федор Поликарпов, Илья Копиевский, Феофан Прокопович, Антиох Кантемир, В.Н. Татищев и многие другие. Герои же литературных произведений давали пример служения науке: в "Истории о российском матросе Василии Кориотском" знание наук приносит "славу" и звание "старшего" матросу Василию (191), в "Повести о шляхетском сыне" шляхетский сын "через высокую и славную свою науку заслужил себе великую славу и честь и кавалерский чин. . . и пожалован королевичем в Англии" (295).

Третьим существенным моментом в эволюции представлений о чести было, вероятно, разделение идеи государя и государства. Средневековая мысль объединяла великого князя и его отчину, царя и Московское царство в неразрывное целое; честь правителя приравнивалась чести Русской земли, и наоборот. Служение России осознавалось как служение государю и выполнение "государева дела". Уже события Смутного времени пошатнули веру в эту связь, отделили Русскую землю – высшую ценность – от непосредственного ее правителя – временного владельца. Царская честь, как бы высоко она не поднималась, уступала чести Русской земли.

Певцом царской чести во второй половине XVII в. был, безусловно, Симеон Полоцкий, посвятивший едва ли не каждому событию в царской семье отдельный панегирик. Поэт нашел образ, который позволял ему и соединять царя и Россию и в то же время не отождествлять их, – это образ российского орла, запечатленного гербом еще Московского царства при Иване III. В поэме "Орел Российский" Симеон Полоцкий придал своему излюбленному образу вселенский масштаб – "Глава ти небес самых достизает, простертость крилу весь мир покривает" (14), – тем самым возвеличивая и русского царя и его державу всемирной честью.

Тяга к барочной символике, свойственная Симеону, во многом объясняет пристрастие к гиперболам при изображении русского царя и его чести. И Алексей Михайлович и Федор Алексеевич в похвалах поэта сравниваются с солнцем, согревающим землю и своих подданных, не говоря уже о традиционных сравнениях с библейскими и историческими героями. Так, в "Гусли доброй славы", написанной ко дню венчания на царство Федора, Симеон называл Русь "новым Израилем", а юному правителю желал: ". . . да будеши церкви вторый Константин, или новый Владимир царствию. . ." (111). Не скупясь на похвалы и сравнения, не боясь переоценить честь своего монарха, Симеон часто абсолютизировал ее, ставя над честью России, – но никогда не пытался возвыситься над божественной славой. У него монарх – дар Бога людям, он несет с собой часть божественной чести, но только часть, а потому он должен слушать божественное слово, передающееся через мудрых советников типа самого Симеона. Эта мысль тоже довольно-таки четко прослеживается в

¹⁶См. подробнее: Робинсон А.Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974. С.45–50.

дидактически окрашенных панегириках поэта, например, в "Гласе последнем":

Мало есть правды царю мудру быти
И подчиненных мудрости лишити.
Речки малыя реку расширяют,
Мудрии раби царя прославляют (17).

Предложенная Симеоном Полоцким схема – Бог дарует людям власть в лице достойных правителей – нашла своих апологетов: Сильвестра Медведева, Кариона Истомина и др.

Карион Истомин в "Книге желательно приветство мудрости" подчеркивал богоизбранность в основном Петра: Бог "начало же есмь и конец, дах ти Петре царский венец" (50); от имени Бога обращается к Петру:

Возми мудрость, сыне Петре,
Она мраки все перетре.
Буди тем ми любезен,
Человек всем полезен (50).

Дарованная царю честь управлять своим царством обязывает его, по мнению Кариона Истомина, управлять по правде, следуя божественной воле. В "Стихах на венчание царскими венцами Иоанна и Петра Алексеичей" сказано:

Всеворец Господь тварию царствует,
В велией ползе цари людем дарствует.
Производит он во власти достойных
Правити царства времен лет устроинных (95).

Когда в русскую литературу проникают отголоски "естественного права" и "естественного договора", тогда в начале XVIII в. возникает и идея отделения государя от государства. Исходит она "сверху", непосредственно от Петра I, объявившего себя простым бомбардиром Петром Михайловым, служащим общему благу государства наравне со всеми остальными подданными. Феофан Прокопович в ряде произведений дал обстоятельную характеристику и оценку службы Петра I отечеству: "О бы тако верне и трудолюбне служили тебе, царю, слуги и поддании твои, якоже ты, царь сый, слугам и подданным твоим служиш" ("Панегирикос", 188). Когда Петр Великий из рядового "сына отечества" превратился в "Отца Отечества", приняв этот императорский титул в 1721 г., его превращение было умело подготовлено и обосновано все тем же Феофаном Прокоповичем. В 1718 г. появилось его "Слово о власти и чести царской", в котором обосновывалось право монарха на имя "Бог": "за власть убо свою, от Бога данную, бози, си есть наместницы Божии на земли, наречены суть" (85); а также и на имя "Христос": «само бо имя "помазанный" ясно есть, сие есть: поставлен и оправдан от Бога царствовать» (87); но наилучшим наименованием он признал "Отец Отечества", который "во всем обновил, или паче отродил Россию" (91). Титул "Отца Отечества" резал слух православных россиян, поскольку до уничтожения патриаршества подобным образом называли патриарха. Еще отец Петра I Алексей Михайлович обращался к Никону "отец великий" (26). Так что многие, особенно в старообрядческой среде, восприняли этот титул как узурпацию патриаршей чести¹⁷.

¹⁷См.: Успенский Б.А. *Historia sub specie semioticae* // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С.288.

Политика Петра I в вопросе чести своих подданных характеризуется, по нашим наблюдениям, попытками расшатать иерархию чести, лишить ее догматизации и формализма. Вероятно, в конце XVII в. судебных исков о "бесчестии" было гораздо больше, чем ранее, до отмены местничества в 1682 г. Во всяком случае, в целом ряде указов ставился вопрос о "не-назывании никого поносными словами" (Указы Петра I, № 963); о случайных или намеренных "описках" в письмах при обращении к разным чиновным людям и их женам (№ 1101) и т.п. Правительство молодого Петра начинает отказывать в исках о бесчестии, связанных с "прописками", искажающими отчество адресата, или с выяснением отношений на государственном дворе и т.д. В частности, когда князь Я.Ф. Долгорукий в государственной палате назвал князя Б.А. Голицына "изменничьим правнуком" (прадед Голицына был проповедником при Гришке Отрепьеве), то за это "полатное бесчестье" Долгорукого поначалу чуть было не отправили в тюрьму, но вернули с полдороги ("Записки" Желябужского, 25). Наконец, в законодательстве намечается новый принцип оценки чести: не по положению оскорбленного лица, а по сути самого оскорбления. Если, например, челобитчик жаловался, что его называли "дураком" либо "сынишком боярским", "трусом", "лапотником", "подговорником и злодеем", или сделали сравнение не в его пользу (типа "не Воротынский де ты", "пади таких в допросе спрашивают", "разорены де мы от тебя", "мучил де ты меня", "ис под печки тебя вытащили" и т.п.), то в иске ему отказывали, да к тому же брали двойную пошлину — "что они исцы бьют челом на них ответчиков, приличая те слова за бесчестье приметками своими. . ." (Указ Петра I от 16 июля 1700 г., 116). К сожалению, дальнейшее развитие намеченный принцип не получил. Напротив, после введения "Табели о рангах" и увеличения бюрократической прослойки в обществе возобладал принцип «честь по "чину"» и крепко подчинил себе взаимоотношения между людьми.

Но русская гуманистическая мысль продолжала разрушительную работу, направленную на восстановление чести как достоинства человека, независимо от его "чина". Здесь самую значительную лепту внесли Антиох Кантемир и В.Н. Татищев. Первый своими сатирами "На дворян злонравных", "К уму своему", "О воспитании" перенес понятие чести из официально-социальной сферы в сферу нравственно-этическую:

Разнится — потомком быть предков благородных
Или благородным быть (71).

Честной или бесчестной может быть душа человека независимо от его "породы":

Слаба душа трудно
Средину может держать: в светлый день гордится
Чресчур, и подла чресчур, как небо затмится (130).

В.Н. Татищев в своем "Разговоре двух приятелей о пользе наук и училищ" детально обсудил идею сословной чести дворянства. Он высмеивал заблуждение русских дворян относительно того, что "кто в богатстве и славе живет, тот в совершенном благополучии живет" (51), постепенно подводя читателей к выводу, что "благоразумный человек и в убожестве

довольнее, нежели глупый в богатстве и чести" (70–71). Далее автор обстоятельно доказывал, что честь, как и любовь, достигается "благоразсудными поступками" и "наука главная есть, чтоб человек мог себя познать" (51).

Конечно, было бы большим преувеличением говорить о полном переосмыслении понятия "честь" к концу XVII – началу XVIII в. Но, обозревая длительную историю развития древнерусских представлений о чести, все же можно сделать вывод о разрыве традиционной логической цепи понятий, выработанной феодально-иерархической культурой: честь по достоинству, достоинство по "чину", "чин" по породе. Действительно, из этой цепи сначала выпадает последнее звено – "порода", затем расшатывается и связка "честь – чин". Начинает формироваться, пусть только в рамках дворянского сословия, новое представление о чести как о равном праве личности. Гуманистическая же мысль поднимается до вершин Возрождения, защищая честь и достоинство человека как такового.

ГЛАВА III

"КЪНИГЫ": ОТНОШЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ К КНИГЕ

(В.В. Калугин)

Во все времена нравственный и духовный уровни народа и каждого человека в отдельности определяются их отношением к книге и письменному слову, авторитетом литературы и писателя. Во взглядах на книгу и творчество отчетливо отражаются все, казалось бы даже самые незначительные, изменения, происходящие в социальных сферах. Поэтому в истории мировой культуры книга пережила периоды гонений и запретов, сомнений и споров, возвеличивания и обожествления. Иначе и не могло быть. Ведь история отношения к книге – это, по существу, история народа и его духовного развития. Поэтому наша тема включает в себя разнообразный круг вопросов – от философских проблем до проблемы сохранности древних текстов. Колоссальное рукописное и старопечатное богатство, сбереженное вопреки многочисленным социальным перипетиям и оставленное нам в наследство Древней Русью, уже само по себе наводит на мысль об исключительном авторитете книги в жизни русского народа.

Появление книг у восточных славян

Не касаясь до конца не выясненного вопроса о существовании в языческой Руси собственной письменности и не отрицая наличия в ту эпоху старославянских, греческих и других текстов, следует признать, что массовое распространение книг в древнерусском государстве началось только после его официального крещения в 988 г. "Христианская вера, – писал М.П. Погодин, – сделалась и источником нашего образования, источником единственным в противоположность с западными народами, которые, кроме христианской веры, получили себе в наследство, еще прежде ее введения, греческое и римское образование, сильное и многостороннее"¹. Поэтому в сознании древнерусов книга на старославянском языке являлась символом христианства, просвещения и нового жизненного уклада². Не случайно при испытании христианства идолопоклонниками прежде всего подверглась проверке книга. Как сообщается в "Житии равноапостольного князя Владимира", от архиерея Михаила, присланного на Русь с миссионерской целью Константинопольским патриархом Фотием, язычники потребовали положить в огонь книгу, "яже учит вашей христианския веры" (449). И только после того, как Евангелие не

¹Погодин М.П. Образование и грамотность в древнем перисде русской истории // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1871. Ч. 153: Январь. С. 1.

²О символике книги начиная со средневековья см. в исследовании: Curtius E.R. European Literature and the Latin Middle Ages. Princeton, 1973. P. 302–347.

сгорело, многие из "невегласов" поверили в истинность нового вероучения и крестились. Впрочем, не только книга, но и сама славянская письменность овеяна ореолом чуда. Ведь озарение Константина Философа после молитвы и мгновенное изобретение им славянской азбуки – это не что иное, как результат божественного откровения³. Таким образом, уже на первых порах понятия "христианство", "книга" и "чудо" тесно переплелись между собой.

Усвоение Киевской Русью книг значительно облегчалось тем, что они были созданы на близкородственном старославянском языке. Да и сама просветительная деятельность солунских братьев Кирилла и Мефодия, хотя и протекала по преимуществу в Великоморавском и Блатенском княжествах, имела, однако, общеславянское значение. Именно поэтому в "Прогласе", предисловии к Евангелию (древнейшем стихотворном произведении), содержится обращение ко всему славянскому миру: "Услышите, словени вьси! Дар бо съ от Бога дан есть. . . Слышите, словеньский народ вьсь, слышите! Слово от Бога прииде; Слово, иже крьмитъ душа чловечьская; Слово, еже крепить срьдъца и умы; Слово, вься готова Бога познати. Якоже бо без света радость не будетъ оку, видяшту тварь вьсу Божию, нъ вьсе без света несть лепо видимое, тако и вьсакая душа безъсловесъна, не видяшти Божия закона добре, закона кънижъна, душевънаго закона, рай Божий являюшти. . . Паче сего, душа безъбукъвьна (не просвещенная Писанием. – В.К.) мрътъва является в чловецех" (145–146). С первых шагов на славянской земле книга и ее "почитание" оказались противопоставлены "безбуквовой душе" как свет благодати – тьме неверия, вечная жизнь – смерти, духовное начало в человеке – его плоти. Эти антитезы, типичные для дуалистического мышления средневековья, в образной форме были выражены еще Иоанном Златоустом в "Маргарите": "Сладостен убо цветник и рай (имеется в виду земной сад. – В.К.) – много же сладостнее книжное прочитание и разум: тамо убо цветы увядающе – zde же разумения възростаема; тамо зефиръ дыша – zde же духовное прохлаждение; тамо терние загражающее – zde же Божий промысл утвержающий; тамо щурове поюще – zde же пророцы воспевающе; тамо красование от зрениа – zde же польза от прочитаниа; рай на едином ест месте – Писаниа же всюду по вселенней; рай работает временным нуждам – Писаниа же и в зиму и в жатву растят листивие, тяжюще плоды" (117 об. 2-го счета).

Авторитет книги и письменного слова рос вместе с увеличивавшимся влиянием церкви в жизни Киевской Руси. Общеизвестна просветительная деятельность князей-книжников X–XIII вв. Владимира Равноапостольного, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха, Ярослава Осмомысла, Константина Всеволодовича Ростовского, Владимира Васильковича Волынского, митрополитов XI–XII вв. Илариона и Климента Смолятича, ростовского епископа Кирилла (умер в 1230 г.) и др. Церковные и светские власти заботились не только о повсеместном распростране-

³ См.: Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы: Сказания о начале славянской письменности/ Вступ. ст., перевод и коммент. Б.Н. Флори. М., 1981. С. 87, 127–128.

нии нового вероучения, но и стремились внушить во всех слоях общества мысль о необходимости грамотности и книг, душеполезного чтения и поучения. "Мира сего властели. . . и в житиских тружашеися вещех человеци прилежно требуют книжного поучения", – убеждал аудиторию Кирилл Туровский в "Притче о человеческой душе и о теле" (292).

На протяжении всей русской истории особенно большое значение имели монастыри как центры культуры, просвещения и милосердия. Ведь если христианство немыслимо без книг, а "монашество, по идее своей, есть высшее проявление духа христианства"⁴, то в глазах народа черное духовенство было носителем книжной мудрости и обладателем сокровенных знаний. По свидетельству "Жития Стефана Пермского" инока Елифания, будущий миссионер и писатель принял постриг именно в ростовском монастыре Григория Богослова, так как там находилась большая библиотека: "Книги многи бяху ту, довольныи суща ему на потребу почитания ради" (993). Этот поступок Стефана, совершенный в духе лучших традиций эпохи Ренессанса, подчеркивает неразрывную связь русского монашества и книги. Намного позднее, во второй половине XVII в., Симеон Полоцкий в стихотворении "Женитва" рассматривал монашеский обет безбрачия как наиболее благоприятное условие интеллектуальной жизни, потому что семья мешает творчеству и занятиям с книгами, требующими подвижнического труда и отречения от житейской суеты:

Человек, иже мудрость от Бога прияше,
о ней же во юности труды полагаше,
Аще восхощет жену в супружество взяти,
нужду имать мудрости тщету восприяти, –
Ибо не будет мощно с книгами седети,
удалит от них жена, удалят и дети.
. . . Ей, неудобно книги довольно читати
и хотение жены в доме исполняти! . . .
На покойное место ко книгам склонися,
кроме бед супружества век свой жити тщися (61, 63).

В представлении Симеона лучшим "покойным местом" была монастырская келья. Под влиянием таких идей полоцкого "дидаскала" подьячий Приказа тайных дел Сенька Медведев в расцвете сил оставил престижную гражданскую службу, постригся в монахи с именем Сильвестра и после смерти своего учителя занял его место придворного поэта, закончив, правда, творческий путь гораздо хуже удачливого Симеона – на плахе. Тем не менее "в силу непосредственного контакта с книгами русские монахи всех времен имели большой личный и углубленный опыт в духовном чтении, и с этой точки зрения они могут послужить примером для других"⁵. Ведь даже монастырский устав, не разрешая черноризцам иметь личное имущество, не распространял это запрещение на книги⁶. Пахомий Серб, изображая в "Житии Кирилла Белозер-

⁴Порфирьев И. Я. Списывание книг в древние времена России // Православный собеседник. Казань, 1862. Ч. 1. С. 149.

⁵Томас, иеромонах (Шпидлих). Авторитет книги в древнерусском монашестве // Тысячелетие Крещения Руси: Междунар. церковно-ист. конф. Киев, 21–28 июля 1986 г.: Материалы. М., 1988. С. 212.

⁶Адрианова-Перетц В. П. К вопросу о круге чтения древнерусского писателя // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 5–6.

ского" аскетическую жизнь братии, замечает: "Ничтоже в келии быше видети, разве иконы или книги" (XXIII). Вследствие исключительной роли монастыря в духовной жизни народа в древнерусском обществе рано сформировался взгляд, согласно которому углубленные занятия с книгами и систематическое чтение рассматривались как непосредственная обязанность и социальный долг чернецов. Свидетельством тому является хотя бы "Наказание", одно время приписывавшееся Кириллу Туровскому и известное в другой редакции в составе "Измарагда" под названием "Слово апостола Павла, истолковано Иоанном Златоустом и Василием Великим". В этом памятнике осуждаются нерадивые миряне, под любым предлогом избегавшие чтения и считавшие его делом одних иноков. «Не глаголите, – убеждал автор таких людей, – "Жену имам, и дети кормлю, и дом строю, ли князю служю, ли власть держю, ли ремесство – да не наше есть дело почитанье книжное, но чернечское"» (70).

При поддержке светских и духовных властей книга и ее "почитание" быстро распространились в Киевской Руси, и уже митрополит Иларион в "Слове о законе и благодати", построенном по всем правилам риторики, обращался "ни к неведущим. . . нъ преизлиха насыщтышемся сладости книжныа" (79). В более позднем по времени "Киево-Печерском патерике" всего лишь однажды сообщается о неграмотном монахе – Спиридоне-просвирнике. Причем автор, словно оправдывая его и извиняясь перед читателями, пояснил, что чернец был "невежа словом", так как он происходил не из города, а из села. В монастыре же простец Спиридон начал учиться и наизусть запомнил всю Псалтирь (586). Только глубокая уверенность в необходимости просвещения, твердая убежденность в пользе книг и страстная любовь к чтению могли заставить летописца поместить в "Повести временных лет" под 1037 г., после прославления просветительной деятельности Ярослава Мудрого, торжественный гимн книге (166). Анализируя его, В.В. Кусков справедливо отмечает, «что в этом гимне книге, книжному учению летописец подчеркивает ее роль не только в образовании, но и в нравственном воспитании. Книга – источник мудрости, знания и одновременно средство "наказания", т.е. наставления, поучения, "узда воздержания" от низменных побуждений и страстей»⁷.

Иерархия книг

"Все чтомые книги на Руси" образовывали особую, упорядоченную систему. Для самих средневековых писателей ее наличие было очевидно. "Прежде заповеди Господня и толкования их и апостольская предания, таже и жития и учение святых отец" – так в общих чертах наметил классификацию книг Нил Сорский в "Послании брату (Герману Подольному. – В.К.), просившу от него написать ему еже на пользу душе" (142). Верхнюю ступень иерархической лестницы занимало Священное Писание, точнее Новой Завет – наиболее авторитетный и распространенный в восточно-

⁷ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. М., 1989. С. 32 (раздел написан В.В. Кусковым).

славянских землях библейский кодекс. Отношение к нему и его значение в жизни Древней Руси были определены Кириллом Туровским в "Притче о человеческой душе и о теле" (290). В экспозиции этого произведения особо подчеркнуто, что чтение Священного Писания, сокровища вечной жизни, формирует совершенного человека на земле и помогает ему достичь блаженства после смерти. Следом за библейскими текстами шли святоотеческие творения, церковные предания, агиографические произведения и другие памятники духовной письменности. Теоретически все читательские запросы, жанрово разнообразные, могли быть удовлетворены одной конфессиональной литературой, содержащей непреходящие ценности христианского вероучения, богословия и морали. «И еще ли хощещи почести душиспасительныи книги, и ть почти святых отец жития их; и аще ли хощещи посланий чести, то апостольскими книги имаши; и аще ли хощещи повестных книг, то почти "Царства"»⁸, – рекомендовал духовные творения в качестве универсального чтения инок Фома в "Слове похвальном о благоверном великом князе Борисе Александровиче" (300). На низшей ступени иерархической лестницы пребывали мирские сочинения, не преследовавшие дидактических целей. За исключением исторических произведений и памятников деловой письменности, имевших практическое значение, они расценивались средневековым читателем как "суетные". Посвященные земной жизни и человеческим страстям "баснословные притчи", по сути, были бесполезны, потому что не могли выполнить главную функцию книги – стать средством спасения души: «"Все, что служит не ради пользы, а ради прикрасы, подлежит обвинению в суетности". Эти слова Василия Великого во многом определяли отношение древнерусского феодального общества к произведениям письменности»⁸. Поэтому, согласно ортодоксальным взглядам, мирская литература даже не заслуживала серьезного внимания. "Не лепо бо есть о тех писати, иже не имуть свидетельства от Божественных Писаний" – так, по крайней мере, рассуждал ригорист Иосиф Волоцкий в "Просветителе, или Обличении ереси жидовствующих" (354). Такого же мнения придерживался и его идеологический противник Нил Сорский. За пределами официальной книжной системы находились ложные и отреченные сочинения, чтение которых было запрещено под угрозой гражданского и церковного наказаний (о них см. ниже). Учитывая особую культурную ситуацию Древней Руси, следует признать, что когда в источниках XI–XVI вв. говорится о пользе книг, то по преимуществу имеется в виду не чтение вообще, а чтение религиозных текстов – и в первую очередь Священного Писания, которое восточные славяне впитывали в себя, как губка воду, – образ, использованный еще в "Повести временных лет" применительно к княгине Ольге (74).

На преобладание церковных "творений" в книжном репертуаре домонгольского периода указывает также содержание дошедших до нашего времени кодексов XI–XIII вв. Разумеется, сохранность конфессиональной литературы была лучше сохранности памятников светской письменности. Однако лишь только этим нельзя объяснить приводимые ниже

⁸Кусков В.В. История древнерусской литературы. 4-е изд. М., 1982. С. 5–6.

данные⁹. Все дело в специфике духовной культуры православного средневековья, в особом взгляде на назначение книги и цели чтения. Итак, к настоящему времени выявлено и научно описано 498 славяно-русских рукописей (включая отрывки) XI–XIII вв., находящихся в книгохранилищах страны¹⁰. По подсчетам А.А. Алексеева¹¹ (с нашими уточнениями), из данного числа на списки Евангелия и Апостола приходится 158 единиц, на "Минеи" – 66, на "Триоди" – 30, на литургические тексты других типов ("Ирмологии", "Кондакари", "Октоихи", "Параклитики", "Служебники", "Стихирари", "Требники", "Часословы") и богослужебные сборники – 89, на копии Псалтири – 16, на рукописи "Паремейника" – 12, на толковые ветхозаветные книги (кроме Псалтири) – 4 и на Апокалипсис – 1 единица. Всего это составляет 376 библейских и богослужебных текстов, или 75,5% от общего числа известных нам памятников письменности.

Весьма примечательно, что оригинальные восточнославянские сочинения светского содержания из 498 рукописей представлены всего-навсего в трех кодексах. Это "Кормчая" русской редакции 1280 г. с древнейшими списками "Русской Правды" Пространной редакции, "Азбуковника" и некоторыми другими статьями (СК, № 183), "Новгородская первая летопись старшего извода" XIII в. (СК, № 270) и "Сборник толкований" XIII в., содержащий "Азбуковники" (СК, № 309). Все остальные тексты XI–XIII вв. так или иначе относятся к церковной литературе (кстати, в результате лингвистического комментирования которой возникли и "Азбуковники"). И хотя со временем количественное соотношение изменилось в пользу светских произведений, число которых значительно возросло, в целом же духовные творения заметно преобладали в книжном репертуаре Древней Руси. Приведем еще один пример. Согласно предварительным данным, в книгохранилищах страны находится 3422 славяно-русские рукописи (в том числе и отрывки) XV в. (см.: ПС – XV). По наблюдениям А.А. Алексеева, из них только на долю библейских и богослужебных сочинений приходится 1929 единиц, т.е. 56%¹². Особенно важно отметить большой удельный вес библейских текстов служебного, четьевого и толкового типов, оставивших "далеко позади численность списков других литературных произведений"¹³. Ведь до нашего времени сохранилось около 5000 списков XI–XVII вв. ветхозаветных книг. Число новозаветных списков этого же периода вообще трудно поддается под-

⁹О возможном количестве книг в XI–XIII вв. и их сохранности см.: Жуковская Л.П. Сколько книг было в Древней Руси? // Рус. речь. М., 1971. № 1. С. 73–80; Сапунов Б.В. Книга в России в XI–XIII вв. Л., 1978. С. 30–83.

¹⁰Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI–XIII вв. М., 1984 (далее: СК). Сведения о четырех рукописях, не вошедших в СК, приводятся в кн.: Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР: (Для Сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР). М., 1986. С. 367 (далее: ПС – XV).

¹¹Алексеев А.А. Цели и методы текстологического исследования лингвистических источников XI–XVII вв. // Русистика сегодня. М., 1988. С. 191, 192.

¹²Там же. С. 192.

¹³Алексеев А.А., Лихачева О.П. Библия // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1: (XI – первая половина XIV в.). С. 68–69.

счету — оно, видимо, ”вдвое или втрое больше”¹⁴. Кроме того, библейские тексты представлены многими старопечатными изданиями XV–XVII вв. Преобладание Священного Писания в книжном наследии Древней Руси — следствие его исключительного положения в культуре православного средневековья. Ограничимся только одним примером, как нам кажется, особенно важным для понимания отношения автора к книге. В эпоху отсутствия и становления общенациональных норм русского литературного языка и их кодификации (в современном смысле терминов) огромное значение имели образцы литературного выражения. Библейские тексты и были теми освященными, божественным авторитетом образцами языкового употребления, на которые следовало ориентироваться в индивидуальном творчестве. Обладая идеологическим достоинством — способностью вещать боговдохновенную истину, они определяли средневековые языковую и стилистические нормы (как на уровне отдельных лингвистических единиц, так и на уровне всего текста, его структуры) и служили эталоном для древнерусских писателей¹⁵.

Крайне важно учитывать специфику восприятия и усвоения библейских книг. Ведь основной формой их существования был служебный тип, сложившийся раньше других — уже в X в.¹⁶. Между тем полный четкий кодекс у православных славян появился только в 1499 г. — так называемая ”Геннадиевская Библия”, созданная в Новгородском архиепископском скриптории. Вследствие этого библейские сюжеты и предания, образы и символы, особенности языка и стиля по преимуществу усваивались на слух во время литургии, когда чтение отрывков Священного Писания сопровождалось изображением в лицах важнейших событий ветхо- и новозаветной истории. По этой же причине знание библейских текстов ”редко выходило за пределы того, что читалось за богослужением. Поэтому и библейские цитаты, заполнявшие в большом количестве как переводные, так и оригинальные памятники письменности, обычно выступают в той языковой форме, какая характерна для служебного типа библейского текста”¹⁷. Как ни странно, но знание духовной литературы и ”внутренняя мудрость” непосредственно не зависели от грамотности: многое просто усваивалось на слух в церкви, монастыре или быту. На это прямо указано в ”Измарагде”: ”Книги изо уст навыхохом и мудрости наполнихомся” (11).

Однако далеко не все библейские книги в равной степени были известны и почитаемы в Древней Руси. Наибольшей популярностью пользовались Евангелие, Апостол и Псалтирь. Все христиане, ”веже и невеже” (”Наказание” Кирилла, 71), даже не умевшие читать, были знакомы с их важнейшими сюжетами, ежедневно излагавшимися на богослужении

¹⁴ Там же. С. 69.

¹⁵ См.: *Picchio R. Models and Patterns in the Literary Traditions of Medieval Orthodox Slavdom // Xenia Slavica. The Hague; Paris, 1975. P. 149–161.*

¹⁶ См. об этом: *Алексеев А.А. Кирилло-мефодиевское переводческое наследие и его исторические судьбы: (Переводы Св. Писания в славянской письменности) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: X Междунар. съезд славистов, София, сентябрь 1988 г.: Докл. сов. делегации. М., 1988. С. 139.*

¹⁷ *Алексеев А.А., Лихачева О.Л. Библия. С. 74.*

(основу которого, кстати, составляет Псалтирь) и изображенными на фресках и иконах – этих своеобразных книгах для не просвещенных Писанием людей (так в соответствии с традицией определено назначение церковной живописи "для неученых" в "Послании патриархов Восточно-Кафолической Церкви о православной вере" – 43). Псалтирь, наряду с "Часословом", являлась главным учебным пособием. По ней в средневековые (а в старообрядческой среде вплоть до недавнего времени) учились читать по-церковнославянски, запоминая наизусть многие песнопения. С детских лет и до самой смерти древнерусский человек не расставался с Псалтирью, находя в ней утешение и помощь в трудные минуты жизни. В "Измарагде" даже имеется "Слово некоего старца", в котором утверждается, "яко полезнее всех книг почитати Псалтырь" (11 об.). У старообрядцев в наши дни все еще бытует пословица, отразившая исключительную роль этого памятника в народном образовании и веру в его безграничные возможности: "Псалтырь всем книгам богатырь. Кто ее прочитает, тот всю премудрость узнает!" Не случайно именно песнопения царя Давида использовались с гадательными целями. Желавший узнать судьбу наугад раскрывал книгу и читал доставшийся ему текст. «Взем Псалтырю, в печали разгнух я, и то ми ся выня: "Вскую печалуеши, душе? Всякую смущаеши мя?" – и прочая» – так описано гадание в "Поучении" Владимира Мономаха (392). Кроме того, у восточных и южных славян еще в древнейший период существовали особые списки Псалтири с многочисленными гадательными приписками на полях (см.: СК, № 28, 299, 382).

Остальные книги Ветхого Завета, большинство которых было известно в Киевской Руси еще по кирилло-мефодиевским, симеоновским и другим переводам, заметно уступали в популярности Евангелию, Апостолу и Псалтири. По сути, до самого конца XV в. основными сводами, содержащими ветхозаветные тексты и сведения по Священной истории до Рождества Христова, являлись "Паремейник", сборник отрывков из ветхозаветных писаний, использовавшийся во время богослужения, и "Палее", представленная Толковой, Хронографической и Исторической редакциями. В "Палее" дан пересказ многих ветхозаветных текстов, сопровождаемый антииудейскими толкованиями, различными комментариями и дополнениями. Хотя в отличие от канонических библейских книг этот памятник не считался боговдохновенным, его авторитет как своеобразной "богословской энциклопедии" ни у кого не вызывал сомнений.

В известной ситуации чрезмерное увлечение Ветхим Заветом могло вызвать осуждение и рассматриваться как одна из форм дьявольского искушения. В связи с этим представляет значительный интерес 25-е слово "Киево-Печерского патерика", в котором повествуется о затворнике Никите. Прельщенный бесом, Никита перестал молиться и начал прилежно заниматься чтением только ветхозаветных текстов. По прошествии времени никто из монастырской братии не мог состязаться с ним в знании этих книг, которые он все выучил наизусть. Когда черноризец "вся книги жидовьския сведаше добре" (518), он с помощью беса стал творить пророчества. Однако в обители обратили внимание на то, что непутевый

Никита не только не хотел ни видеть, ни слышать, ни читать Евангелие и Апостол, но даже не разрешал другим беседовать с собою о них. Из этого все заключили, что монах прельщен нечистым духом. Молитвами киево-печерских старцев — игумена Никона Великого, Григория Чудотворца, Нестора Летописца и др. — бес был отогнан от Никиты, и, когда затворника вывели из пещеры и спросили о Ветхом Завете, он покаялся, что никогда не читал его. Знаменательно, что Никита, "иже прежде умеа-ше изоуст жидовскыя книги" (520), теперь вообще разучился читать. Святые отцы едва смогли научить его грамоте. Итак, самостоятельное (без духовного наставника) и систематическое чтение Ветхого Завета по меньшей мере внушало подозрение в православном характере этого занятия. Тем более были опасны произвольные толкования священных текстов. Учитывая это, иерархи в "Послании патриархов Восточно-Кафолической Церкви о православной вере" запрещали всем без разбора и надежного руководства читать некоторые библейские книги, и в особенности ветхозаветные части (39). Знакомство с ними было желательно, но совершенно необязательно для благочестивого христианина, Писание для которого могло быть ограничено Евангелием, Апостолом и Псалтирью. Кроме того, в XV–XVIII вв. заметно возросла популярность Апокалипсиса в связи с ожиданием конца света и второго пришествия, расколом церкви и верой в царство Антихриста и другими эсхатологическими воззрениями. Противопоставление Ветхого Завета и Нового Завета, идущее, между прочим, от самой Библии (в качестве примера можно привести Послание к Галатам апостола Павла, IV, 21 – 31, л. 44 об.¹⁸), в древнерусской литературе очень рано получило яркое художественное воплощение в "Слове о законе и благодати" митрополита Илариона. Достоин внимания, что от XI–XIII вв. сохранилось 159 списков новозаветных творений и всего лишь 4 ветхозаветные книги (кроме Псалтири). От XV в., насколько можно судить по данным ПС — XV, до нашего времени дошло, не считая все той же Псалтири, уже 69 ветхозаветных текстов. Однако лишь только копии Апостола XV в., всего 151 единица, более чем в два раза превышают это число. Причем для сравнения специально выбран Апостол, а не Евангелие, чтобы избежать возражения в том, что лучшая сохранность многочисленнейших рукописей Евангелия была предопределена авторитетом этого наиболее почитаемого памятника (по подсчетам Л.П. Жуковской, списки Евангелия составляют "более 25% от рукописных книг XI–XIV вв."¹⁹, находящихся в книгохранилищах страны).

Разные концепции текста отразились уже в "Послании пресвитеру Фоме" Климента Смолятича, книжника и философа, подобного которому не было в Русской земле (по характеристике, данной ему в "Ипатьевской летописи" (340) под 1147 г.). Возражая своему оппоненту пресвитеру Фоме, упрекавшему митрополита в тщеславии, желании прослыть философом и в том, что он, оставив "почитаемаа писания", ссылается на Гомера, Аристотеля и Платона, Климент отвечал: "Аще и писах, но не к тебе,

¹⁸Здесь и далее цитируется "Острожская Библия" 1581 г. Ивана Федорова.

¹⁹Жуковская Л.П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976. С. 5.

но ко князю" (104). Следовательно, ссылки на "еллинских мудрецов" уместны и допустимы в сочинении, предназначенном светскому лицу, и могут вызвать возражения и даже протест, если они сделаны в произведении, адресатом которого является представитель духовенства. Расхождение во взглядах Климента и Фомы также касается восприятия Священного Писания. Согласно теории митрополита, недостаточно буквально понять предметное значение библейских текстов: эта первичная информация служит материальной опорой скрытых вторичных смыслов, постичь которые значит приблизиться к познанию субстанции – первоосновы, сущности всех вещей и явлений. Отсюда стремление к аллегорическому, тропологическому и анагогическому прочтению содержания, желание "пытати потонку (тщательно. – В.К.) Божественных Писаний" (105), осмыслить их "праведно и духовне" – правильно и душою, найти силу слова, т.е. его истинное значение и возможные семантические оттенки (124), чтобы уловить величие и глубину мысли, квинтэссенцию текста. В дальнейшем мы увидим, что похожие идеи, опираясь на старую риторическую традицию, развивал Симеон Полоцкий.

Рассматривая отношение средневекового писателя к книге, необходимо учитывать специфику функционирования текстов. В Древней Руси основной формой существования литературных памятников был сборник, а произведение воспринималось в окружении других сочинений, помещенных вместе с ним под одним переплетом. Сборник – это своеобразный симфонический оркестр, понять музыку которого можно только тогда, когда внимательно вслушиваешься во все его партии. В сущности, сборниками являлись и богослужебные книги: к основному корпусу текстов нередко добавляли тропари, каноны, кондаки, уставные указания и т.п. Например, универсальный литургический свод "Псалтирь следованная" может включать в себя до 50 отдельных частей. Однако важно подчеркнуть, что в кодексе, наряду с материально представленными сочинениями, могут существовать ненаписанные, невидимые разделы: воспроизводя богослужебное произведение, писец в ряде случаев отмечал только самое начало общеизвестных текстов или исключал их совсем. Такие опущенные места читались и пелись по памяти. Видимо, данной традиции обязаны происхождением сокращенные редакции некоторых памятников.

Восприятие книги

В представлении православного средневековья "почитание книжное" было нравственной заслугой и добродетелью, так как оно способствовало формированию совершенного человека. Для достижения этой цели прежде всего следовало систематически, "в нощи и в дне" читать и перечитывать духовную литературу. Так, по свидетельству "Повести временных лет" (166), поступал еще Ярослав Мудрый. Так же поступали и его потомки. "Воды бо часто капля каплющая и камень удалит, тако и книги, чтомы часто, наведут на истинный путь", – с помощью хорошо известного в топики мировой литературы образа выражено это правило в "Измарагде" (2 об.). Вместе с тем искусство чтения, согласно воззрениям

средневековых авторов, состояло в медленном, сосредоточенном и обдуманном восприятии написанного "всьемь сердцьмъ" – по выражению "Слова некоего калугера о почитании книжном" (151)²⁰. В соответствии с принципом "повторного чтения" требовалось останавливаться и перечитывать наиболее важные места, внимательно всматриваясь в глубину смысла и улавливая тончайшие оттенки содержания. "Егда чьтешы книги, не тьштыся бързо иштисти до другыя главизны, нъ поразумей, чьто глаголють книги и словеса та, и тришды обращаяся о единой главизне", – настойчиво убеждал все тот же "некий калугер" в "Изборнике" 1076 г. (152). Разумеется, не к бессмысленной зубрежке призывали средневековые авторы. Здесь другая культура, иная философия чтения, которые учили распознавать за внешней оболочкой скрытую природу вещей, постигать "духовныма очима" невидимый простому глазу мир. Если в конфессиональном тексте ничего нельзя прибавить и убавить, не исказив при этом сущности, то его чтение не может быть отдыхом для глаз. Поэтому Епифаний Премудрый, описывая в "Житии Стефана Пермского" ученые занятия своего героя, с похвалой отозвался о его привычке читать вдумчиво и неторопливо: "Прилежно же имяше обычей почитати почитание книжное, и не бедно учения ради умедливая в учении, но да дондеже до конца по истине разумеет о коемждо стисе словеса, о чем глаголет, ти тако протолковаше" (994–995).

В топике мировой культуры особенно интересен мотив съедания книги или слова, несомненно заслуживающий отдельного монографического исследования. Так, повиниясь велению небесных сил, поступили библейские персонажи – пророк Иезекииль (II, 8 – 10, л. 126; III, 1 – 3, л. 126) и Иоанн Богослов в Апокалипсисе (X, 8 – 10, л. 67). Причем съеденная книга показалась Иезекиилю сладкой, как мед, а Иоанну – в устах так же сладкой, а во чреве – горькой. (Разные "вкусовые" характеристики мотивированы сложной библейской символикой.) Сам Христос, отвечая диаволу-искусителю в пустыне, говорил, цитируя Второзаконие (VIII, 3, л. 84), о пище духовной как антитезе пищи плотской (Матф. IV, 4, л. 3; Лука, IV, 4, л. 29). Это изречение, став крылатой фразой, получило многочисленные художественные воплощения²¹. Метафора съедания книги была одной из излюбленных в творчестве Симеона Полоцкого. Ее он использовал в названиях сборников "Обед душевный" (1681 г.) и "Вечеря душевная" (1683 г.). (Несколько ранее, в 1661 г., в типографии Иверского монастыря была напечатана книга с похожим наименованием – "Брашно духовное".) В предисловии к "Обеду душевному" чтение и осмысление текста уподоблены процессу еды. Читатель берет духовную пищу руками ума, пережевывает ее зубами размышления и проглатывает в желудок

²⁰О нем см.: Розов Н.Н. Как "сделана" вступительная статья "Изборника 1076 года" // Культурное наследие Древней Руси: Истоки, становление, традиции. М., 1976. С. 42–46; Picchio R. The Impact of Ecclesiastic Culture on Old Russian Literary Techniques // Medieval Russian Culture. Los Angeles, 1984. P. 257–260 (= California Slavic Studies. Vol. 12.).

²¹См. об этом: Полякова С.В. "Всякого добра добрейша суть книжное поучение": (Об усвоении Аввакумом метафоры съедания слова) // Культурное наследие Древней Руси: Истоки, становление, традиции. М., 1976. С. 188–190.

памяти, наслаждаясь и получая пользу от съеденного: «Ты, благочестивый читателю, прими любезно "Обед" сей простоуготованный и яждь, здрав, во спасение ти душевное. Яждь, взяв рукама ума твоего, жуя зубами разсуждения и поглощай в стомах (желудок. – В.К.) памяти твоя – и будет ти во ползу» (8). Развивая сравнение, Симеон утверждал, что в чтении, как и в еде, необходимы строгие правила. Ведь нельзя же давать любую пищу младенцам, а неискушенному грамотею позволять читать все подряд. Только желудки "совершенных мужей" способны переварить глубину мысли любого текста. "Аще ти сладка есть пища словес – яждь на обеде сем зубом ти приличная, яждь, младенче, млеко – твердую же пищу остави мужем совершенным", – наставлял Симеон в "Предисловии к читателю благочестивому" (10). (Эти же мысли и даже образы использованы в "Послании патриархов Восточно-Кафолической Церкви о православной вере" (39), о котором речь пойдет ниже.) Несмотря на заверения автора, его книжно-славянский "Обед" получился отнюдь не простоуготованным и пришелся многим не по зубам. По свидетельству "Статира", проповеди из "Обеда душевного" и "Вечери душевной" в церкви "простейшим людям за высоту словес тяжка бысть слышати, и грубым разумом не внимателна" (5).

В Древней Руси чтение конфессиональной литературы никогда не было индивидуальным занятием, оно являлось общественной обязанностью и "соборным" актом. В источниках постоянно встречаются призывы не просто читать, а "испытывать" содержание под руководством ученых и праведных наставников, так как только им доступна суть написанного. "Мы же должны есмы истинная писания испытати от чтений сих и бесед духовных и разумных мужей. Не вси бо, но разумнии разумевают сиа", – повторял общеизвестные истины старец Артемий в "Послании князю" (1343–1344). В "Житии Стефана Пермского" инока Епифания в этом отношении представляется образцовым поведение главного героя, постоянного "совопросника и събеседника" мудрых и благочестивых людей, с которыми будущий миссионер "соводворяшеся и обнощеваше и утреваше" в поисках смысла прочитанного (995). Требование иметь опытных наставников было вызвано опасениями заблуждений, ересей и вероотступничества. Примеры, когда личная интерпретация Библии шла вразрез с ортодоксальными догматами, многочисленны. Вероятно, поэтому в средневековье большим авторитетом пользовался толковый тип библейских книг. Ветхо- и новозаветные тексты, сопровождаемые экзегетическими объяснениями, переписывались еще в XVII и XVIII вв., когда после появления печатного станка рукописное копирование служебной и четьей формы Священного Писания фактически прекратилось²². Можно сказать, что богословские комментарии выполняли функцию наставника "любителей душепитательных словес". Проблема чтения Библии занимает одно из центральных мест в "Послании патриархов Восточно-Кафолической Церкви о православной вере" 1723 г. В этом документе на вопрос: "Все ли вообще христиане должны читать Священное Писание?" –

²²Алексеев А. А. Кирилло-мефодиевское переводческое наследие и его исторические судьбы. С. 140.

в принципе дан отрицательный ответ: "Читать его не все способны, но только те, которые знают, каким образом надлежит испытывать Писание, изучать и правильно разуметь оное. . . Не всякому позволяется без руководства читать некоторые части Писания, особенно ветхозаветного. Без разбору позволять неискусным чтение Священного Писания тоже значит, что и младенцам предложить употребление крепкой пищи" (39). Видимо, исходя из этих соображений в Древней Руси, хотя и не в такой открытой форме, как в католических странах, временами раздавались голоса, призывавшие запретить простоялюдинам читать Библию. Старец Артемий в "Послании царю" с негодованием вспоминал об этом: «И ина словеса глаголются от неких мнящихся быти учителей: "Грех простым чести Апостол и Евангелие!" И мнози от ненаказанных боятся и в руки взять» (1383–1384).

В обязанности книжника входило не только постоянно и углубленно изучать литературу, но и делиться прочитанным с другими, которые внимали "разумныма ушима. . . силу и поучение святых книг" ("Изборник" 1076 г., 156). Идеальный образ такого начетчика изображен в "Духовной грамоте" Иосифа Волоцкого, где о старце Варсонофии сообщается, что он "толико сподобися божественныя благодати, якоже ему вся Божественная Писания помнити, и на языке обносити, и всякому требующему нескудно подавати" (554). Это сознание общественного долга побудило Ивана Федорова не подчиниться приказу гетмана Г.А. Ходкевича оставить издательскую деятельность и заняться земледелием. В послесловии к львовскому "Апостолу" 1574 г. просветитель заявил, что его призвание – "духовная семена по вселенней разсевати и всем по чину раздавати духовную сию пищу" (294). Программное высказывание Ивана Федорова является одним из важнейших положений в системе художественных взглядов древнерусских писателей. В соответствии с ним средневековый автор никогда не оставлял книгу и творчество. По свидетельству "Сказания известно о приходе на Русь Максима Грека и како претерпе до скончания своего", заточенный в Иосифо-Волоколамский монастырь афонский старец "терпел различнаа озлобления и томления. . . и от дыма, и от горести темничные был на мног час яко мерт". Однако и там он сочинил канон и молитву: «А писал, – указывается в "Сказании", – углем по стенам, темным, а пера и чернила не имущу ему в темницы» (28). После многих лет ссылки Максим просил в "Послании князю П.И. Шуйскому" лишь о самом необходимом для него – допустить до причастия, которого он был лишен 17 лет, и вернуть привезенные с Афона греческие книги (419). Весьма красноречиво свидетельство "Жития Гурия и Варсонофия Казанских" патриарха Гермогена. В миру Григорий (после пострижения Гурий) был оклеветан и посажен в глубокую яму, куда ему, чтобы он не умер от голода, раз в три дня бросали сноп овса и подавали немного воды. На исходе второго года заключения друг Григория вызвался приносить ему еду. Узник же наотрез отказался от телесной пищи и приказал раздобыть бумаги, чернил и трость. Получив их, Григорий стал писать "книжицы малыя, яже в научения бывают малым детищам" (38), – очевидно, "Азбучки".

Такое рассеивание духовных семян по вселенной несовместимо с пре-

тензиями отдельного лица на право исключительного обладания знаниями. Использование книг с личными, корыстными умыслами, сокрытие истины от других людей с целью собственного возвеличивания вводит в мир "глад словеси Божия" – знамение последних дней. В "Измарагде" (в "Слове Иоанна Златоуста о не дающих книг чести и переписать") решительно отвергается эгоцентризм в духовной сфере: "Ты же, человече, что ради чести втайне, брата ли хочеши препрети (переспорить. – В.К.), а не спасти? Бываеши повинен многих пагубе, глад душевный вводяи в весь мир" (4 об.). Поэтому, согласно представлениям древнерусских авторов, требовалось не только иметь книги, но и постоянно читать их, не только тщательно "испытывать писание", но и делиться узанным с другими, чтобы, по меткому выражению Кирилла Туровского в "Притче о человеческой душе и о теле", быть "уже не себе единому. . . на спасение, но и инемь многим послушающим" (290).

Общественная функция книги также проявилась в обязанности каждого человека совершать добрые дела в соответствии с указаниями прочитанных текстов. Систематические требования "не токмо написанная чести, но и творити я" ("Измарагд", 1) восходят к библейской традиции, проповедающей неразрывную связь слова и дела. В Евангелии от Луки (VI, 46 – 49, л. 31) всякий слушающий и исполняющий заповеди Нового Завета уподоблен мастеру, построившему дом на прочном фундаменте – камне; а слушающий и не исполняющий правила сравнивается со строителем, воздвигнувшим дом без основания, который во время наводнения полностью был разрушен. Ведь само по себе чтение еще не гарантировало спасения, оно было недействительно без благочестия, без постоянного стремления делать добро и руководствоваться в повседневной жизни нормами христианской морали. Именно по этой причине "Измарагд" неумолимо строг к любителям хмельного питья из числа грамотеев: "Самохот муж книжен, а пьянчив не может Богу управитися на истину спасения" (3).

Если чтение – это добродетель и нравственная заслуга, что провозглашалось еще в "Слове некоего калугера о почитании книжном": "Начятъкъ добрым делом поучение святых книг" (156),... то "непочитание книжное" рассматривалось как главный источник всевозможных грехов и бед. "Велико зло есть еже книг не разумети", – сказано об этом в "Златоструе" 1474 г. (100 об.). С точки зрения православной догматики, особую опасность представляло "мудрствование" невежд и малограмотных людей. В "Измарагде" (в "Слове Иоанна Златоуста како не ленитися книг чести") самонадеянные простецы метафорически уподоблены ограде или забору, не имеющему подпор: «Аще хто не умеет книг и мудрует, таковый подобен оплоту, без подпор стоящу: аще будет ветер, то падется. Тако мудруя, а не книжник, аще на нь греховный (в других списках добавлено: "пахнет". – В.К.) ветер, падет, не имы подпора словес книжных и мудрости книгам» (3). В известном смысле пренебрежение чтением было хуже неграмотности, оно расценивалось как добровольный отказ от наиболее эффективного средства нравственного совершенствования и спасения души. Ведь "невежа словом" мог вести праведный образ жизни и даже с божественной помощью, не учась, овладеть "книжным разумом",

как это случилось, например, с отроком Варфоломеем в "Житии Сергия Радонежского" Епифания Премудрого (280–284) или с александрийской блудницей Марией. Последний пример особенно поучителен. В "Житии Марии Египетской" сообщается, что монах Зосима встретил в Иорданской пустыне бывшую гетеру, которая после раскаяния скиталась там уже 47 лет. Когда отшельница стала беседовать со старцем о Священном Писании, изумленный Зосима спросил, где она изучила библейские тексты? В ответ подвижница «осклабися и рече к нему:» "... А книгам николиже не учихся, ни поюща же никого же слышах, ни чтуще. Слово Божие живущее то учить человека всякому разуму"» (26). Таким образом, книжная мудрость и духовность могут быть приобретены не только в результате систематического чтения, но и нравственным подвигом. Совершенные знания открыты и простецам. Ведь праведник – это живая книга Господа, сердце – материал письма, а чернила – Святой Дух, о чем свидетельствовал еще апостол Павел, обращаясь к Коринфской церкви (2 Кор., III, 3, л. 39 об.).

Хуже обстояло дело с книжником, сознательно пренебрегавшим своим общественным долгом – чтением. Нерадивый грамотей был подобен ленивому рабу, зарывшему талант в землю (Матф., XXV, 14 – 30, л. 14–14 об.), он бездумно шествовал широким путем греха, непрестанно впадал в сомнения и ереси, и в конечном счете его ожидали заслуженная пещ огненная, плач и скрежет зубовой. Вот почему еще Козьма Пресвитер в "Беседе на богомилов" отказывал в праве называться христианами бездельникам, которые "кошуны и бляди любят паче книг" (419). Добавим, что в "Пчеле", в статье "О любомудрии и об учении детей" (500), со ссылкой на авторитет Иоанна Златоуста, также порицаются лентяи, не имеющие книг и предпочитающие духовным занятием развлечением – игры в шашки и шахматы. Подобными отлучениями и осуждениями пестрит средневековая дидактическая литература, дихотомическая структура которой построена на противопоставлении понятий веры и язычества, праведности и греховности, жизни и смерти, "почитания" и "непочитания книжного" и т.п. Слово-Логос входит в систему вечных ценностей православия, значит, внимать ему обязан каждый христианин.

Однако не только пренебрежение книгами вело к соращению с истинного пути и гибели. Не меньшую опасность представляла "внешняя мудрость" (секуляризованные знания) и "величание" ею перед людьми. "Во человецех высок, а пред Богом гнусно есть", – скрытой библейской цитатой (ср.: "... какое же есть в человецех высоко, мръзость есть пред Богом" – Лука, XVI, 15, л. 37 об.) "Измарагд" (4 об.) предостерегал гордцев, искавших не бессмертных истин, а мирской славы и почестей. Конфессиональный практицизм вообще ярко выражен в "Измарагде". В "Слове о чтущих многие книги", приписанном константинопольскому патриарху Геннадию, категорически утверждается, что спасение можно заслужить вдумчивым чтением и неукоснительным соблюдением заповедей только одной, но самой главной книги. По этой причине приобретение разнообразных знаний бесполезно и заслуживает осуждения: "Земная бо мудрость – вражда Богу. . . Кая таковому польза, аще и много имат разума и многи чет книги, а сих (грехов. – В.К.) не станет?"

(11 – 11 об.). Древнерусские авторы подтверждают существование похожего мнения у своих современников. Старец Артемий, сбежавший из соловецкой ссылки за литовский рубеж, упрекал в "Послании царю" каких-то "мнящихся быти учителей", провозгласивших принцип: "Не чти много книг, да не во ересь впадеш!" (1383–1384). А.М. Курбский, следовавший примеру Артемия, также вспоминал недоверие к разностороннему образованию и страх перед возможным горем от ума. В "Предисловии" к переводу сочинений Иоанна Дамаскина князь писал, что противники "внешней мудрости" запугивали юношей печальными результатами эрудиции: "Не читайте книг много, – и указуют на тех, аще кто ума изступил, – оньсица, рече, в книгах зашелся, а оньсица в ересь впал" (361–362). Примечательно, что оба беглеца, между прочим ставшие в Литве ревностными защитниками православия, предъявили к некоторым соплеменникам одну и ту же претензию – стремление ограничить круг читательских интересов, не дать выйти интеллектуальным запросам за традиционные рамки. Отношение к учености и чтению многих книг как к главным причинам умопомрачения находит аналоги в Апостоле – после яркой защитительной речи Павла правитель Иудеи Порций Фест заявил ему: "Беснуеши ли ся, Павле! Многия тя книги в неистовство прилагают" (XXVI, 24, л. 15).

Несмотря на огромный авторитет книги, в древнерусском обществе развивалось критическое отношение к ней. Ведь далеко не каждое сочинение содержит боговдохновенные истины и заслуживает уважения. «Писания бо многа, – наставлял Гурия Тушина Нил Сорский в "Послании иному о пользе", – но не вся божественно суть» (140). Эти же мысли позднее повторил старец Артемий, последователь Нила, в "Послании Люторским учителям" (1212) и "Послании князю" (1343–1344). Такой скептицизм вполне понятен. Ведь книга как вместилище вечных идей и непреходящих ценностей во всех мелочах определяет повседневное поведение благочестивого читателя, формирует нравственный кодекс. «Аз убо не творю что без свидетельства Божественных Писаний, – излагал свое кредо Нил Сорский в "Послании иному о пользе", – но, по Святых Писаний последую, творю елико по силе. Егда бо сътворити ми что, попытаю прежде Божественаа Писания. И аще не обрящу съгласующа моему разуму в начинания дела, отлагаю то, донеже обрящу. Егда же обрящу благодатию Божиею, творю благодерзностно, яко известно. От себе же не смею творити, понеже невежда и поселянин есмь» (141). *Captatio benevolentiae* – последнюю самоуничижительную формулу – можно не принимать во внимание. Нил – один из образованнейших людей своего времени, и здесь им изображено идеальное двуединство человека и книги. В связи с этим закономерен вопрос: кто из них был выше в глазах средневековых писателей? Однозначно ответить, пожалуй, невозможно, ибо на протяжении более семи веков древнерусской литературы отношение к книге не было чем-то застывшим. Оно изменялось во времени и зависело от разных типов текста, индивидуальности автора, его художественно-эстетических принципов и других факторов. Все же следует признать, что в идеале Писание выше человека: ведь в нем дан образец нравственного совершенства, к которому стремился приблизиться христианин. Такая

концепция книги полностью укладывается в разработанную Нилом систему взглядов на цели и задачи монашества. Из "Повести о Нило-Сорском ските" известно, что он, стремясь возродить традиции Пахомия Великого (IV в.), основателя общежительных монастырей, принимал к себе в скит только грамотных людей.

Между тем созданные в другой культурной и исторической среде конфессиональные тексты полностью не могли быть применимы ко всем многообразным ситуациям в жизни Древней Руси. Теории ригористов противостояло стремление жить по "своим страстным волям" и "человеческим умышлениям", не согласуясь со стародавними заповедями и преданиями. "Не нам писана суть и не подлечьти еже в нынешнем роде хранити та", — объясняли свое поведение некоторые современники Нила Сорского, не хотевшие даже слышать о том, чтобы жить "по Святым Писаниям" (см. его "Послание брату, просившу от него написати ему еже на пользу душе", 143). Из "Послания царю" старца Артемия видно, что подобные взгляды разделяли даже отдельные епископы (1383).

Нами уже отмечалось, что когда в источниках вплоть до XVII в. речь идет о пользе книг и чтения, то в подавляющем большинстве случаев имеются в виду духовные творения. Вот почему заслуживает пристального внимания любая положительная характеристика светской литературы. Зиновий Отенский, полемизируя с еретическим учением Феодосия Косого в трактате "Истины показание к вопросившим о новом учении", считал необходимым создавать летописные, царские памятописные и уставные книги, "иже направляют на благожизние (т.е. на процветание. — В.К.) царствия по странам" (930—931). Эти слова не назовешь случайными. Вторая половина XVI в., время, когда они писались, — период составления монументальных исторических и генеалогических памятников: "Лицевого свода", "Степенной книги" и "Бархатной книги". Не менее интересны и переводные тексты. В "Истории Иудейской войны" Иосифа Флавия помещен рассказ об ученых занятиях ессеев — представителей одной из главных сект в иудаизме (253—254). "Древнерусские читатели, — отмечал Н.А. Мещерский, — с особым вниманием изучали эти страницы, находя в древних ессеях прообраз современного им монашества". Из перевода же можно заключить, что старинные книги, которые настойчиво разыскивали и "испытывали" ессеи, — это естественнонаучные и историко-географические труды, приносящие пользу душе и телу²³.

Различие между мирскими и духовными сочинениями заключено в самой их природе. Церковные писания, вместилища вечных ценностей, даны людям свыше. «И аще же когда прилучится кому в сию святую книгу вникнути. . . — провозглашено в предисловии к старопечатному "Уставу", — примиме же сие пречестное дело со благодарением и молением не яко вещи земныя, но яко свыше сходящее дарование небесное» (10—10 об.). Происхождение светской литературы иное. В "Александрии" 1-й редакции приведены такие слова толкователя снов, "мужа вавилонска нарочита суша", обращенные к правителю Филиппу: "А еже вязал еси

²³Мещерский Н.А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958. С. 492.

грамоту, веси, яко никдеже книги ражаются – токмо в Египте” (12). ”Рожденные” в Египте тексты, несомненно, воспринимались благочестивыми читателями как детища волхвов и чародеев. Представления об этой стране как центре магии и колдовства были распространены в средневековые и находили подтверждение в разных источниках, начиная с Пятикнижия Моисеева.

Под влиянием византийской традиции у православных славян рано определился круг запрещенной литературы и появились списки отреченных, не признанных церковью произведений, чтение которых объявлялось греховным. Тем не менее они пользовались популярностью. По свидетельству ”Стоглава”, его современники обращали ”испытующий” взор не только на памятники традиционного содержания, но и на ”Рафли”, ”Шестокрыл”, ”Воронов грай”, ”Астрономию”, ”Зодий”, ”Альманах”, ”Звездочет”, ”Аристотелевы врата” и другие хотя и ”богомерзкие”, по мнению ортодоксов, но очень увлекательные сочинения, одни названия которых звучат так заманчиво (139). Между тем даже подозрение в их чтении было чревато печальными последствиями.

В ”Житии Авраамия Смоленского” его ученик Ефрем с горечью вспоминал о том, что святому, одному из образованнейших людей своего времени, наряду с лживыми обвинениями в еретичестве, пророчествах, блуде и др., было поставлено в вину, что он ”глубинныя книги почитать” (80). Под ”глубинными книгами”, т.е. заветными, тайными писаниями, скорее всего подразумеваются апокрифы. Похожее словосочетание ”Книга глубины” могло обозначать ”Беседу трех святителей”²⁴, тесно связанную со средневековым фольклором. Обращает на себя внимание сходство этих наименований с названием духовного стиха ”Голубиная книга”. Считалось, что ”Голубиная книга” способна ответить на любые вопросы о космосе и мироустройстве и потому является кладезем сокровенных знаний, источником неиссякаемой мудрости, доступной лишь избранным. В духовном стихе отражены трансформированные в народном сознании и творчестве эсхатологические представления Откровения Иоанна Богослова о Книге Жизни, по которой умершие будут судимы сообразно с земными делами (XX, 11 – 15, л.70–70 об.). Вот почему вступление к ”Голубиной книге” имеет точки соприкосновения, с одной стороны, с 5-й главой Апокалипсиса и, с другой – с ”Вопросами Иоанна Богослова Господу на горе Фаворской”, или ”Апокрифическим Апокалипсисом Иоанна”. Проиллюстрируем это наблюдение сопоставлением отрывков, взятых из данных памятников (см. с. 103).

Несмотря на то, что приведенные фрагменты принадлежат к разным типам текста, они имеют одинаковую структурную организацию. Сначала повествуется о появлении Книги и описывается ее внешний вид, затем сообщается о безуспешных попытках открыть ее и далее находится лицо, которому она подчиняется. Впрочем, хотя ”Голубиная книга” и раскрылась перед Давыдом Есеевичем, она все-таки не далась ему в руки, и царь вынужден отвечать на вопросы ”по старой. . . памяти” (1600). Объ-

²⁴См.: Мочульский В. Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Варшава, 1887. С. 49–50.

Апокалипсис (V, 1–5, л. 65–65 об.)	”Апокрифический Апокалипсис Иоанна” по спискам XV и XVI вв.	”Голубиная книга”
¹И видех в деснице Сидящаго на престоле книгу, написану внутрью и внюю, запечатлену седмию печатю.	И видех книги лежаща, яко мноу, равно 7 гор толщина их, долгота же их ум человек не может разумети, имуще печатей семь (175).	Восходила туча сильна грозная, Выпала книга Голубиная, И не малая, и не великая: Долины книга сороку сажень, Поперечины двадцати сажень.
²И видех Аггела крепька, проповедающе гласом великим: ”Кто есть достоин разгнати книгу и разрешити печати ея?”	И рече ми Господь тогда: «Аггелца приведу и поставлю пред собою затворенны и запечатаны семью печатей. И рку аггелом моим: ”Кто отворит книги сеа?” –	К той книге ко божественной Соходилися, соезжалися Сорок царей со царевичам, Сорок князей со князевичам, Сорок попов, сорок дяконов, Много народу, людей мелких, Христиан православных. Никто ко книге не приступит, Никто ко Божьей не пришагнет.
⁴И аз плакахся много, яко не обретеся никтоже достоин разгнати и почести книги, ниже зрети ея.	”Агницю да тоа отверзет и поклонится агньцю летом тысящи”. Егда отверзется перваа печать» (188). [Далее описано разрушение вселенной по мере раз- решения печатей.]	Приходил ко книге премудрый царь, Премудрый царь Давид Есеевич. До Божьей до книги он доступается. Перед ним книга разгибается, Все божественное писание ему объявляется (1599–1600).
⁵И единь от старец глагола ми: ”Не плачися: се победил есть лев, иже сый от колена Иудова, корень Давидов, разгнати книгу и разрешити седмию печатии ея”.		

яснение этому следует искать в Откровении Иоанна Богослова, согласно которому только Агнец Божий может взять Книгу из десницы Бога Отца и прочитать ее (V, 7–9, л. 65 об.). Поэтому царь Давыд оказался недостойн даже заглянуть в нее. Что касается внешнего вида Книги, то он различно изображен в "Апокрифическом Апокалипсисе" и духовном стихе. В "Вопросах Иоанна Богослова" толщина Книги подобна величине семи гор, а ее длину человеческий ум вообще бессилён представить. Между тем в разных редакциях духовного стиха при характеристике "Голубиной книги" хотя и использованы эпико-гиперболические приемы (числа 20, 30, 40 и т.п.), но сама она во много раз меньше и измеряется лишь саженьями и локтями: «Таинственная книга "Апокрифического Апокалипсиса" есть книга конечных судеб мира, заключающая в себе главным образом бесчисленные деяния людей. . . Неизмеримой бесконечности грехов человеческих вполне отвечают апокалипсические книги, долготы которых человеческий ум не может постигнуть. Голубиная книга есть книга более настоящего, чем будущего. . . Следовательно, эта книга имеет дело с более определенным материалом, заключенным в определенные формы, а потому и обрисовка книги. . . имеет. . . более ограниченные размеры»²⁵.

Уже только на примере рассмотренных источников можно убедиться в том, что наша древняя литература изобилует экспрессивно-эмоциональными монологами, афоризмами и сентенциями о пользе книг и чтения, о пагубности невежества и неграмотности и т.п. В первой половине XVI в. даже известна своеобразная антология дидактических выписок о "почитании книжном" – "Книга, глаголемая Сборник", точнее, ее 1-я глава (5–48 об.), в которую вошли отрывки из переводных сочинений Иоанна Златоуста, Василия Великого, Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, Петра Дамаскина, а также фрагмент "Притчи о человеческой душе и о теле" Кирилла Туровского. Жанрово-композиционная организация и тематическая направленность данной компиляции предвосхитили популярные антологии изречений о книге и чтении²⁶. Многие из таких нравоучительных рассуждений построены по однотипной структурной схеме и состоят из общих мест (*loci communes*), имеющих богатую традицию в мировой культуре. Все они очень интересны в аспекте изучения средневековой топики и таксономии, с точки зрения анализа развития устойчивых формул и их функций в тексте. Традиционным формулам и их индивидуально-авторским вариантам, употреблявшимся для изображения творческой лаборатории писателя, посвящена статья Д.М. Буланина²⁷. Им всесторонне исследованы символ трудолюбивой пчелы, облетающей цветы и собирающей мед в соты (см.: "Моление Даниила Заточника", 398; "Житие Авраамия Смоленского", 72; "Слово на латинов" Макария Грека, 236 и т.д.), образ нищего, просящего милостыню и раздающего собранное своим "питомникам" (см.: "Книга толкований и нравоучений" Аввакума, 172), и некоторые другие общие места.

²⁵Там же. С. 29.

²⁶См., например: Шляпкин И.А. Похвала книге. Пг., 1917.

²⁷Буланин Д.М. О некоторых принципах работы древнерусских писателей // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 3–13.

В свою очередь кратко скажем об устойчивых формулах, обозначающих отношение к книге. Одним из распространенных топосов является сравнение заключенных в тексте знаний с морской глубиной, а читателя с ловцом жемчуга. К нему примыкает название переводного сборника морально-учительного содержания "Маргарит", сохранившего наименование византийского оригинала "Μαργαρίται" – "Жемчужины", заглавие сочинения Кирилла Транквиллиона Ставровецкого "Περλο многоценное" и т.п. По имени драгоценного камня назван известный сборник дидактического характера "Измарагд" (по-гречески "σμαράγδος"), в состав которого входит несколько статей о "почитании книжном". В этом памятнике, в "Слове святого Ефрема, како подобает слушати книг", приобретение духовных богатств метафорически отождествлено с добычей жемчуга: "Книги бо глубины морю подобни суть, в няже понираще бисер износят драги. Тако почитающе богодухновенныя книги приобретают себе сокровище, не имуща цены, всех исполнено благих, рекше душевных, исправлений" (3 об.). Для выражения понятия "неисчерпаемая мудрость" использовались семантически близкие символу моря образы воды и реки. «Яко вода покры море? – спрашивается в одном из списков "Беседы трех святителей" и отвечается: – Море – мир, а вода – учение книжное» (398). Метафора напояющих вселенную рек, употребленная еще в знаменитой похвале просвещению в "Повести временных лет" (166), пользуясь неизменной популярностью, благополучно дожила до XVII в. В послесловии к "Кирилловой книге" она уподоблена "велицей рече, текущей широстию и напояющей всяко животно, такоже и сия книга усладит и напоит всякого прочитающаго ю, аки сладкою водою или медвенными соты" (560 об.).

В топике литератур разных времен и народов широко известен символ "мир есть книга"²⁸, трактующий вселенную как длящуюся во времени и пространстве реализацию Слова Божия.

Мир сей преукрашенный – книга есть велика,
еже Словом написа всяческих Владыка –

так начал Симеон Полоцкий стихотворение "Мир есть книга" в "Вертограде многоцветном"²⁹. Согласно его художественным взглядам, вселенная и книга созданы по тождественной схеме и потому мир состоит из листов (небо, огонь, воздух, вода, земля), строк, слов и "письмен" – букв. Такое восприятие мироздания ни в коей мере не противоречит Библии, в которой использована похожая символика. В Книге пророка Исаии (XXXIV, 4, л.81) и Откровении Иоанна Богослова (VI, 14, л.66) небо, скрывшееся от человеческого взора, сравнивается со свитком – одной из древнейших форм книги. Художники, расписавшие в XII в. киевскую Кирилловскую церковь, изобразили в композиции Страшного Суда ангела,

²⁸Об этой метафоре и библиографию см.: Берков П.Н. Книга в поэзии Симеона Полоцкого // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 264–265; Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 178–182; Он же. Некоторые эстетические постулаты в "Шестоднев" Иоанна Экзарха // Русско-болгарские фольклорные и литературные связи. Л., 1976. Т. 1. С. 32–41.

²⁹Цит. по: Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века. С.179.

свертывающего небо-свиток. Между тем мир не только сотворен из хаоса Словом (Бытие, I, 1–31, л.1–1 об.), но и спасен им. Ведь распятый на кресте Христос – это и есть воплотившееся Слово-Логос, существующее вечно (Иоанн, I, 1–3, л.44) и избавившее человечество на Голгофе от первородного греха. Во втором стихотворении, входящем в цикл "Книга", Симеон Полоцкий уже утверждал, что не только мир есть книга, но книга – это и Ветхий Завет, и Христос, он же Новый Завет, и Богородица, и совесть каждого человека³⁰. (Последний образ навеян символикой Страшного Суда, использованной в Апокалипсисе, XX, 12, л.70–70 об.) Сложный комплекс философских и филологических воззрений на слово, творчество и книгу в конечном счете привел Симеона к выводу об уподоблении поэта его создателю. Ведь в представлении барочных авторов слово – это главное орудие "второго бога", писателя-профессионала, который творит им во всем подвластную его воле и замыслам вселенную в миниатюре³¹.

Понятие "книга как микрокосм" не менее широко распространено в топике мировой культуры. Его отражением в древнерусской литературе являются сравнения "почитания книжного" с надежным кораблем, тихой гаванью, где читатель, странствующий по бушующему морю житейскому, находит убежище от бурь, мятежей и печалей "мира сего пустошнаго... лестнаго" ("Наказание" Кирилла, 70). Эти традиционные формулы³² часто использовал такой общепризнанный в средневековые авторитет, как Иоанн Златоуст³³. "Аще бо Писанию внимаеши, изгоняет ти печаль, всажает тебе сладость, убивает злобу, вкореневает добродетель, не оставляет в мятежи вещей, яже обуреваемых, страдати, – постепенно подготавливает он аудиторию к своим излюбленным тропам и далее заключает: – Море волнуется – ты же с тишиною плаваеши, имаши бо кормчию – книжное чтение" ("Маргарит", 117 об.–118 2-го счета). Книга, следовательно, это микромир со своими законами, в котором "любители душепитательных словес", укрывшись от житейской суеты и пустых треволнений, наслаждаются вечными истинами, занимаются нравственным самосовершенствованием и получают лекарство душевное – утешение и поучение – в трудные минуты жизни, что утверждалось еще в Библии: "Утешение имуще святых книг в руках наших" (1 Мак., XII, 9, л.11 об.), а на заре российской словесности – в "Повести временных лет": "Сими бо в печали утешаеми есмы" (166).

³⁰См.: Там же. С.182.

³¹См.: Там же. С. 182–183.

³²См.: Кавдан А.П. "Корабль в бурном море": К вопросу о соотношении образной системы и исторических взглядов двух византийских писателей // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 3–16; Kahlmeyer J. Seesturm und Schiffbruch als Bild im antiken Schrifttum. Hildesheim, 1934; Curtius E.R. European Literature and the Latin Middle Ages. P. 128–130.

³³См.: Миллер Т.А. Образы моря в письмах каппадокийцев и Иоанна Златоуста: (Опыт сопоставительного анализа) // Античность и современность. М., 1972. С. 360–369.

Новый этап в отношении к книге наступил со времени так называемого "второго южнославянского влияния". Несмотря на взаимоисключающие мнения исследователей об этом явлении³⁴, очевидно, что XV век – особый период в истории русской рукописи, а процессы, которые традиционно обозначаются как "второе южнославянское влияние", изменили не только графико-орфографическую систему (что само по себе не так важно), а затронули все сферы духовной жизни Московской державы – религию, политику, литературу, искусство и т.д. Новое отношение к книге наложило отпечаток на ее внешнюю и внутреннюю структуры. С одной стороны, бумага окончательно вытеснила из употребления пергамен, заметно изменилась переплетная техника, в орнаменте вместо тератологии начали использовать неовизантийский и балканский стили, стали иными графика и орфография, с другой – широко распространилась риторическая манера изложения – стиль "плетения (извития) словес", развивались "обожение" букв, субстанциональное восприятие текста и его символично-аллегорическое истолкование, принципы которого раскрыты в известном сочинении "О письменах" (78–293) Константина Костенческого, ученика Евфимия Тырновского – последнего патриарха средневековой независимой Болгарии³⁵.

Реставрация древнекнижных традиций, намеренная архаизация языка и риторические ухищрения привели к еще более ощутимому расхождению двух форм функционирования старорусского языка – письменной и устной, к еще более углубившемуся противопоставлению церковнославянского и разговорного языков. Эти противоречия ясно осознавались писателями XV–XVI вв. Так, Зиновий Отенский, создавший на книжно-славянском типе литературного языка один из самых объемистых трактатов – "Истины показание к вопросившим о новом учении", не допускал и мысли о переводе конфессиональных текстов на современный ему общеупотребительный язык или хотя бы их частичной адаптации. Напротив, Зиновий с жаром доказывал, что если уж и браться за исправления, то – разговорной речи по образцу упорядоченного письменного языка. «Мню же, – возражал он в "Истины показании", – и се лукавого умышление в христорборцах или в грубых смыслом, еже уподобляти и низводити книжныя речи от общих народных речей. Аще же и есть полагати приличнейши, мню, от книжных речей и общия народныя речи исправляти, а не книжныя народными обезчещати» (967). В представлении пуристов упрощение книжно-письменного языка расценивалось как его вульгаризация и бесчестье, а архаизация разговорной речи – как сред-

³⁴Ср., например: *Соболевский А.И.* История русского литературного языка. Л., 1980. С. 147–158; *Жуковская Л.П.* Грецизация и архизация русского письма 2-й пол. XV – 1-й пол. XVI в.: (Об ошибочности понятия "второе южнославянское влияние") // *Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому*. М., 1987. С. 144–176.

³⁵Анализ книжной реформы Евфимия в изложении Константина и библиографию см.: *Лихачев Д.С.* Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого. М.; Л., 1962. С. 48–52; *Он же.* Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 84–88; *Ланченко А.М.* Русская литература в канун Петровских реформ. Л., 1984. С. 90–92.

ство ее усовершенствования и возвышения. Традиция рассматривать церковно-славянские тексты в качестве регулятора стилистической правильности и точности словоупотребления будет продолжена языковыми программами позднего В.К. Тредиаковского, М.В. Ломоносова, А.С. Шишкова и других "архаистов".

Между тем такое отношение к "писаниям" неизбежно ставило на повестку дня вопрос об их унификации. На грубые ошибки, вкравшиеся в рукописи по вине переписчиков, указывалось еще в постановлении "Стоглава" (96–97). Впрочем, его обращение к писцам с приказом использовать в работе только "добрые переводы" и редактировать тексты сохраняло силу лишь на бумаге. Во-первых, оставался неясен универсальный критерий определения надежных оригиналов, во-вторых, чинили препятствия многочисленность и социальная пестрота лиц, занимавшихся "книжным строением" в обширном Московском государстве. В Древней Руси переписывание книг всегда рассматривалось как богоугодное дело, послушание, средство искупления грехов и спасения души. Создание рукописи – это не просто ряд ремесленных операций, это освященное религией, традицией и временем действие, требовавшее возвышенных помыслов, благочестивого душевного настроя и особого ритуального поведения. Вот почему к нему допускался не каждый желающий. Некоторых останавливал внутренний самоконтроль. По свидетельству "Жития Феодосия Печерского", когда Никон Великий, составитель летописного свода около 1073 г., "делал книги", то Феодосий, чувствуя себя недостойным заняться таким трудом, осмеливался лишь присесть с краю и изготовлять нитки для их переплетения. "Таково ти бе того мужа съмерение и простость", – заключает Нестор на основании поведения своего героя (344). Все эти многовековые устои и обычаи оказались нарушены в середине XVI в., когда место благочестивого певца занял типографский станок.

Появление книгопечатания в России, у истоков которого стоит "Анонимная" типография, работавшая в Москве около 1553–1565 гг., знаменовало начало новой эпохи в истории книги и отношения к ней. Как и всякое нововведение, идущее вразрез с традиционным укладом, на первых порах оно было встречено с недоверием. Ведь пророки, апостолы и праведники фиксировали слова Святого Духа тростию (пером) и чернилами. Их изображения с привычными орудиями письма общеизвестны. В Библии и святоотеческой литературе нет и намека на возможность использования типографского станка, который вообще неправославное изобретение. Поэтому оправданны сомнения в его применении и справедливы опасения за "чистоту" веры. Было бы очень наивно видеть в подобных суждениях следы пресловутой культурной изоляции и технической отсталости Московской Руси. Дело в том, что неслыханное начинание затрагивало духовную жизнь всего народа "и естественным образом породило сложные проблемы"³⁶. Это недоверие тем более примечательно, что его вызвала царская затея. Иван Федоров в послесловии к "Апостолу" 1564 г. настойчиво стремился внушить читателям, что идея

³⁶Ланченко А.М. Русская культура в канун Петровских реформ. С. 3. См. также с. 4.

организации типографии принадлежала Ивану IV и встретила горячую поддержку митрополита Макария, назвавшего замысел царя данным от Бога даром (288). Поэтому послесловие представляет собой "густой концентрат официальных выражений"³⁷ и деклараций, выполнявших агитационно-пропагандистскую функцию воздействия. Оно было призвано, со ссылками на самые высокие авторитеты, убедить читательские массы в государственном значении и православии издательского дела, в святости и истинности печатных текстов, их превосходстве над рукописями. Усилия его автора понятны – даже спустя 20 лет, в 1584 г., француз Андре Теве отмечал: "Московиты. . . очень подозрительны. . . из страха, что печатные книги могут принести какие-либо изменения в их убеждения и религию"³⁸. Разразившиеся вскоре после выхода "Апостола" драматические события, суть которых до конца еще не выяснена, вынудили Ивана Федорова вместе с Петром Тимофеевым Мстиславцем покинуть "царствующий град". В период многолетних странствий он все еще не мог забыть и простить "презельного. . . озлобления", часто случавшегося "от многих начальник, и священноначальник, и учитель", которые на типографов "зависть ради многия ереси умышляли. . . туне и всею слово зло принесоша" (Послесловие к львовскому "Апостолу" 1574 г., 292). Из слов самого Федорова явствует, что зависть и ненависть стали причиной вынужденного отъезда полиграфистов из столицы. Прodelанный А.С. Демин анализ послесловий второй половины XVI в. «заставляет думать не о вспышке только, а о длительной атмосфере недоверия и враждебности к печатной книге, прежде всего в среде церковных и светских "начальников"»³⁹.

Книга и церковный раскол

Развитие книгопечатания настоятельно требовало унифицировать тексты изданий. Ведь если погрешность в рукописи была оплошностью частного лица, то теперь, когда книги стали выходить в свет из "государева Печатного двора" под надзором церковной власти, их текст приобрел "высшее утверждение, – но это утверждение получала и каждая ошибка в этом тексте"⁴⁰. Однако книжная реформа, проводимая по инициативе патриарха Никона, была воспринята ревнителями старины «как "свободное творчество", личное поползновение одного человека, презревшего "соборное свидетельство"»⁴¹. Нововведения в богослужебной литературе со всей остротой выявили антагонистические взгляды на принципы "справы", разное отношение к тексту, противоположные приемы его толкования и т.д. По точному определению С. Матхаузеровой, в церковном расколе столкнулись две полярные концепции текста – субстанциональное понятие старообрядцев и рационалистическая

³⁷Демин А.С. Писатель и общество в России XVI–XVII веков: (Общественные настроения). М., 1985. С. 20.

³⁸См.: Сапунов Б.В. К вопросу о прекращении деятельности первых типографий в Москве // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 434.

³⁹Демин А.С. Писатель и общество в России XVI–XVII веков. С. 27.

⁴⁰Пыпин А.Н. История русской литературы: Древняя письменность: Времена Московского царства: Канун преобразований. СПб., 1898. Т. 2. С. 250.

⁴¹Панченко А.М. Русская культура в канун Петровских реформ. С. 173.

теория их противников. Согласно представлениям традиционалистов, употребленное наименование "равняется обозначаемой субстанции, предмету. Слово Бог и Бог сам составлены из одной материи. Читать текст значит войти в сферу влияния самой материи, разница между субъектом и объектом восприятия отменяется"⁴². Поэтому в книге без соборного постановления нельзя изменить даже одну букву, не исказив при этом содержания и не нарушив связи между сущностью реалии и ее языковым воплощением. "Все формы языка, — писал В.В. Виноградов о традиционалистах, — понимались и толковались как непосредственное отображение религиозных сущностей и церковных догматов. Казалось, что изменение формы слова, перемена имени чего-нибудь влечет за собой искажение самого существа религиозного понятия или предмета культа. Священное слово представлялось наделенным религиозно-магической силой. . . Поборники церковной старины восставали против замены одних слов другими, так как от этой замены, по их представлениям, искажается внутреннее существо предметов культа и подлинная связь лиц и вещей в мире религиозного созерцания"⁴³. Ярким документальным подтверждением такого отношения к тексту еще в XVI в. являются показания известного писца Михаила Медоварцева на церковном соборе 1531 г., осудившем его вместе с Максимом Греком. Во время "книжной sprawy" Максим приказал своему помощнику стереть несколько строк в богослужбной рукописи. Соскоблив две строки, потрясенный писец остановился, будучи не в силах продолжать дальше. "Дрожь моя великая поимала и ужас на меня напал", — свидетельствовал он на суде⁴⁴. Тогда Максим собственноручно стер оставшийся текст и, по мнению наблюдавшего за ним Михаила, тем самым уничтожил "великий догмат премудрый". Было бы в высшей степени нелепо объяснять поведение Максима Грека и Михаила Медоварцева высокой культурой первого и невежеством второго, который, между прочим, известен как высококвалифицированный писец-профессионал⁴⁵. Здесь противопоставлены взаимоисключающие теории слова, получившие дальнейшее развитие в XVII в. в полемике традиционалистов и новаторов.

Никита Константинов Добрынин, один из первых идеологов и мучеников старообрядчества, в "Великой челобитной царю Алексею Михайловичу" обстоятельно доказывал незаконность нововведений и исправлений, сделанных по инициативе патриарха Никона, который "нарочно с хромых книг плевелные слова снискивал и в христоименитую веру всевал, чтоб ему како ю смутить и всяко с латиною соединить" (350). Поэтому Никита выступил против замены в изданиях Московского

⁴²Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. Прага, 1976. С. 20.

⁴³Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. 3-е изд. М., 1982. С. 40—41.

⁴⁴Цит. по: Синицына Н.В. Книжный мастер Михаил Медоварцев // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972. Сб. 1. С. 287.

⁴⁵Анализ его книгописной деятельности дан в исследованиях: Синицына Н.В. Книжный мастер Михаил Медоварцев. С. 286—317; Она же. Новые рукописи Михаила Медоварцева // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1974. Сб. 2. С. 145—149.

Печатного двора слов "крест" на "древо", "церковь" на "храм"⁴⁶, "обрадованная" на "благодатная" и др. (337, 350–351, 354–356)⁴⁷. В его представлении новые варианты унижали "честь и честность" обозначаемых ими реалий. Исходя из этих соображений Добрынин резко протестовал и против никоновской редакции молитвы чинопоследования крещения в "Требнике", где вместо фразы "тебе молятся звезды" было набрано "тебе собеседуют звезды" (339). Оба выражения понимались им с позиций конфессионального пуризма. Никита решительно отрицал возможность использования глагола "собеседовати" для характеристики отношения звезд к Творцу. "Ход его мыслей таков: даже ангелы не *сопрестольны*, т.е. не сидят за одним столом, престолом, с Богом и, следовательно, не могут беседовать с Богом как с равным. Тем более нельзя сказать это про звезды"⁴⁸. "А о звездах в Писании не обрящется, чтоб собеседницы Богу писались", – подвел итог своим рассуждениям Добрынин в "Великой челобитной царю Алексею Михайловичу" (339). Рационалист Симеон Полоцкий в трактате "Жезл правления" оспорил субстанциональное понятие и толкование молитвы. Он утверждал, что в ней метафорически изображен гимн природы Создателю, а не говорится "о собеседовании устным или умном, ибо звезды ни уст, ниже ума имеют, суть бо вещь не одушевленная"⁴⁹. Как показала С. Матхаузерова, изложенные в "Жезле правления" взгляды Симеона отразили рационалистическое понятие текста как критически воспринимаемого объекта. Полоцкий "дидаскал" доказывал, что "правда текста состоит не в его застывшем звучании, а в постоянной конфронтации с познавательными способностями читателя и с развивающимся уровнем его познания. . . Симеон Полоцкий считается с критическим субъектом, который стоит между словом и обозначаемым объектом, и восприятие текста, по его концепции, является соотношением трех компонентов: слово – объект – субъект"⁵⁰.

Субстанциональная теория в конечном итоге привела традиционалистов к трактовке "реформованных" книг (выражение Спиридона Потемкина) как знамения Антихриста. В связи с этим представляет значительный интерес "Повесть" соловецкого инок Ипатия. В 1667 г. он наяву увидел, как в монастырь пришли два беса в образе великих эфиопов и принесли с собою большую сатанинскую книгу. Эту богохульную книгу эфиопы стали читать над Ипатием, который, не выдержав, взмолился о помощи к небесным силам. Просьба была услышана, «и паде та книга из рук их ко Спасу на крыльцо. Многая же братия и миряня к той книге

⁴⁶Ср. решительный протест В.К. Тредиаковского против употребления А.П. Сумароковым в переложении псалмов слова "церковь" в значении "капище, иудейский храм" (см.: Успенский Б.А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века: Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М., 1985. С. 165–167).

⁴⁷Об отношении Никиты Добрынина к этим и другим заменам см. в кн.: Румянцев. И. Никита Константинович Добрынин ("Пустосвят"): Историко-критический очерк. Сергиев Посад, 1916. С. 461–466.

⁴⁸Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. С. 41.

⁴⁹См.: Там же.

⁵⁰Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. С. 21.

прикасались и померли. И повеле ангел Господень ту книгу снести в сокровенное место, чтобы иные не померли. И те беси, отбежав, говорят: "Много есми трудились без ума, а здесь сей книге конец!"» (122). В религиозном сознании средневековья с его бесконечными бинарными оппозициями Книга Жизни Апокалипсиса (о ней см. выше) противостояла сатанинская книга смерти, земным воплощением которой являлись "реформованные" тексты. Не случайно, что ей пришел конец именно в Соловецком монастыре. Ведь его братия, заперевшись в обители, около восьми лет (в 1668–1676 гг.) боролась с оружием в руках за веру и древнее российское благочестие против регулярных царских войск.

О том, как соловецкие старцы "сносили в сокровенное место" издания, красноречиво повествуют документальные источники. По свидетельству "Сказки" соловецкого чернеца Васьяна Крюкова 1669 г., ревнители старины «взяли в ружейной полате новоисправленные книги, и вывезли за монастырь, и просекли пролубь, и на берегу складили огонь. А в тех книгах были Евангелии на престолных и с евангелисты сребренными и позолочены, и Апостолы, и Служебники, и Треоди, и иные всякия богодухновенныя книги; евангелисты содрали. Да в тех же книгах были на листах напечатаны оброзы Божии в лицах: оброз Господа нашего Иисуса Христа, и пречистыя Богородицы, и Иванны Предтечи, и апостолы, и пророки, и многих святых. И те оне оброзы выдирали ис книг, и драли, и на них плевали, и под наги метали, и топтали, и в пролубь потапили. А каторой оброз кверху всплывет, и они копыи и бердуши в лица калоли и под лед подвадили, а доски пожгли. И, пришед в болницу (монастырскую. — В.К.), тот келарь Филип с подкеларщиком Иосифом стали похвалатца: "Таперва-де мы еретическия книги все листы в мори потапили, а доски на огни пожгли!"» (38). Причины особой ненависти к миниатюрам объяснены в "Сказке" соловецкого старца Исаяи Слепого 1669 г.: "А оброзы, которыя в лицах напечатаны, — указывается в ней, — те-де кумиры" (41). Нанесение бесчестия иллюстрациям в известной мере напоминает рассказы "Повести временных лет" (130, 132) и "Жития равноапостольского князя Владимира" (453 об. — 454, 455–455 об.) о сокрушении кумиров в Киеве и Новгороде после крещения Руси, точнее сообщения о низвержении в Днепр и Волхов идолов Перуна. Возможно, страстное желание традиционалистов во всем следовать древнему святоотеческому преданию проявилось и в способе их расправы с "реформованными" книгами.

Новое отношение к книге

Даже если оставить в стороне богатейшие материалы раскола, не подлежит сомнению, что XVII век — это переломный этап в отношении к богослужебной, церковной литературе. Причем изо всех библейских текстов новые веяния особенно ярко отразились на Псалтири — одном из наиболее авторитетных памятников православного средневековья. В XVII в. впервые в истории русской словесности конфессиональный текст стал объектом пародии на церковнославянском языке. Из-под писательского пера выходят такие произведения, как "Служба

кабаку", в буквальном смысле "выворачивающие наизнанку" архитекtonику и композицию литургии (напомним, основу которой составляет Псалтирь) и продолжающие традиции жанра "parodia sacra", широко распространенного в средневековой Европе⁵¹. Далее, появляются стихотворные переложения библейских книг. В 1680 г. в Москве, в Верхней типографии, Симеон Полоцкий издал "Псалтирь рифмованную", положившую начало многочисленным поэтическим переработкам псалмов царя Давида. Вслед за Симеоном над их переложением работали В.К. Тредиаковский, М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков, М.М. Херасков, Г.Р. Державин и др. И наконец, на исходе столетия, в 1683 г., толмач Посольского приказа Авраамий Панкратиев сын Фирсов перевел польскую кальвинистскую версию Псалтири "на наш простой, обыклой словенской язык", отразивший многие особенности разговорной речи того времени⁵². Причины, заставившие Фирсова взяться за столь необычное дело, указаны в "Предисловии к читателю", где говорится, что древняя церковнославянская редакция малопонятна "по множеству в ней речений разных языков"⁵³. Несмотря на то, что первые переводы Священного Писания на рубеже XVII–XVIII вв. не имели успеха и продолжения, они свидетельствуют о разрушении лингвистической ситуации, которую с помощью бытовой поговорки так охарактеризовал еще Г.В. Лудольф, автор "Русской грамматики" 1696 г.: "Разговаривать надо по-русски, а писать по-славянски" (114).

Кроме того, в XVII в. известны случаи использования пергаменных кодексов, невзирая на святость церковных творений и авторитет старины, в качестве вспомогательного рабочего материала. Сотрудники Московского Печатного двора систематически покупали у разных лиц харатейные рукописи, причем иногда значительными партиями, расплетали их и употребляли на тимпаны, для обтягивания фрашкетов и оклейки корешков книжных блоков. Среди приобретенной с этой целью харатей в документах Приказа книжного печатного дела значатся Евангелия, Апостолы, Псалтири, "Часословы", "Паремейники", "Минеи служебные", "Октоихи", "Прологи" и другие церковные писания, особо почитавшиеся в средневековье⁵⁴. Надо полагать, что общественное мнение оправдывало эти действия сложившейся профессиональной традицией, нехваткой вспомогательных материалов, а также тем, что с помощью пергамена издавались такие же святые книги, вдобавок более надежные в текстологическом отношении и более удобные при пользовании ими. За пределами производственной сферы аналогичные поступки были невозможны. Ограничимся только одним примером из числа многих фактов. В "Письме о

⁵¹О принципиальном отличии жанра средневековой пародии от современной см. в кн.: Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понирко Н.В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 10–11 (раздел написан Д.С. Лихачевым).

⁵²См.: Исаченко-Лисовая Т.А. Псалтирь Авраамия Фирсова 1683 г.: Особенности языка и перевода // Изв. АН СССР: Сер. лит. и яз. М., 1984. Т. 43, №3. С. 248–257.

⁵³См.: Филарет, архиепископ (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы: 862 – 1720. 3-е изд. СПб., 1884. Кн. 1. С. 253.

⁵⁴См.: Покровский А.А. Древнее псковско-новгородское письменное наследие: Обзор пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ. М., 1916. С. 11–12, 193–202.

нелюбках” иноков Кириллова и Иосифова монастырей, посвященном важным вопросам идейной борьбы иосифлян и нестяжателей, ”великой ересью” названо сожжение книги неким пустынножителем, виденное князем Дионисием Звенигородским, постриженником Иосифа Волоцкого, и мирским священником (368).

Все эти перемены являются следствием постепенной секуляризации духовной жизни Русского государства. Обмирщение книжного репертуара и нарастающее увлечение ”смехотворными притчами”, ”баснословными повестями”, ”бабскими бреднями” и ”старческими баснями”, православный характер которых по меньшей мере был сомнителен, решительно осуждались ригористами. Еще в XVI в. протест против падения интереса в светской среде к религиозно-учительной литературе нашел яркое выражение в творчестве митрополита Даниила⁵⁵. ”Вси от душеполезных притчей и повестей уклоняются, вси от духовных бесед бегают, вси плотская любят”, — с горечью констатировал проповедник в ”Пятнадцатом наказании” (36). Для него, ”высокиа книжности разуму уроженному” (по характеристике ”Послания митрополиту Даниилу” Федора Карпова, 504), светские, демократические произведения так же несли гибель душе, как и ”скомрахи, плясцы, сквернословцы”, сурово заклейменные им в ”Первой части Двенадцатого слова” (21). В XVII в. И. Бегичев в ”Послании о видимом образе Божиим” резко упрекал московских служилых аристократов за то, что они в духовной литературе ”с выеденое яйцо не знают”, читают только ”Повесть о Бове Королевиче”, ”Сказание о куре и лисице”, тексты ”иных таковых же баснословных повестей и смехотворных писм”. Обличая это ”несерьезное” чтение, он язвительно замечал, что такие изложенные ”от младенец” досужие выдумки, как ”Сказание о куре и лисице”, могли казаться его оппонентам душеполезными писаниями (4). Интересно, что в конце XVIII в. Г.Р. Державин в оде ”Фелица” в сатирической форме повторил некоторые упреки И. Бегичева:

То в книгах рыться я люблю,
Мой ум и сердце просвещаю,
Полкана и Бову читаю;
За Библией, зевая, сплю (100).

Как видим, у обоих писателей старинный рыцарский роман, прочно вошедший в народную культуру, является синонимом развлекательного массового чтения, противопоставленного серьезной литературе, авторитет которой хотя и безоговорочно признан всеми, но заглядывают в которую не очень-то охотно. Это уже симптом нового времени.

Начавшиеся после Смуты преобразования в духовной жизни Русского государства изменили и отношение к книге. Писатель стал видеть в ней не только залог своего спасения и сокровище вечной жизни, а рассчитывал получить удовольствие от текста и реальную, земную пользу от творчества. Именно этим объясняется стремление не ограничивать круг интересов традиционной тематикой, а, напротив, узнать как можно больше. ”И мнози ныне, свой хлеб и сокровища духовная во чтении и поучении изобилных книг словенских оставивше, за чужий, иже смертоносным

⁵⁵Адрианова-Перетц В.П. К вопросу о круге чтения древнерусского писателя. С. 10.

ядом устроены, хлеб хапаются”, – с нескрываемой тревогой говорится о происходящих переменах в предисловии к “Книге о вере” Нафанаила (3 об.). Это “хапанье чужого хлеба” очень характерно для всего XVII в., когда в российской словесности вместо искушенного в церковных творениях книжника появился литератор-интеллектуал. Если первое звание приобреталось углубленным изучением по преимуществу православных писаний, то второе – эрудицией и ученостью. “Чем меньше человек прочитал книг, – справедливо замечает А.М. Панченко о том (и не только том) времени, – тем меньше он знает и тем ниже ценится в среде интеллектуалов”⁵⁶. Отсюда проистекает увлечение библиофильством, ведь библиотека – это лицо интеллектуала⁵⁷. Весьма примечательно, что эрудит и полиглот Димитрий Ростовский в своей редакции “Жития Авраамия Смоленского” сравнил ум святого с “вивлиофией”, содержащей многие сочинения (725). После кончины просвещенного архиерея Ростовского, прославившегося аскетизмом и нестяжательством и позднее канонизированного, из его личного имущества остались лишь только предметы первой необходимости и большая библиотека на нескольких языках, которую он собирал всю жизнь⁵⁸. Черновики его произведений, согласно завещанию митрополита, положили вместе с ним в гроб: их он хотел представить Богу в качестве отчета о земных трудах (“Житие Димитрия Ростовского”, 39). Ведь подвижник более двадцати лет (1684–1705 гг.) посвятил выполнению тяжелейшего монашеского послушания – составлению грандиозного свода житий святых православной церкви, четырехтомных “Четий Миней”, ставших любимым народным чтением.

Друг Димитрия интеллектуал и библиофил Стефан Яворский перед смертью написал на латыни высокохудожественную элегию к своей библиотеке. Это глубоко лиричное стихотворение отразило сложившееся в барочной философии искусства новое отношение к книге, во многом отличное от ее восприятия в Древней Руси. Всем самым лучшим автор обязан книгам, которые были для него духовным богатством, источником наслаждений, земным раем и предметом любви. Но человек смертен, а книги вечны, их мудрость передается от поколения к поколению. Умирая, писатель с сожалением прощается с этими преданными друзьями, сопровождающими его до самого последнего мгновения. В силлабическом переводе XVIII в. начало первого в отечественной словесности прощания с библиотекой – “Стяжателя сих книг последнее книгам целование” – выглядит так:

Книги, мною многажды носимы, грядите,
Свет очю моею, от мене идите!
Идите благосчастно, иных насыщайте,
Сот ваш уже прочим ныне искапайте!
Увы мне! Око мое от вас устраниено,
Ниже вами может быть к тому насыщено.

⁵⁶Панченко А.М. Русская культура в канун Петровских реформ. С. 171.

⁵⁷См. об этом: Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века. С. 140–144.

⁵⁸См.: Шляпкин И.А. Св. Димитрий Ростовский и его время: (1651–1709 г.). СПб., 1891. С. 52–58 (Приложения: V. Опись имущества, оставшегося после Димитрия-митрополита).

Паче меда и сота вы мне сладши бесте,
С вами жить сладко бяше, горе яко несте.
Вы богатство, вы слава бесте мне велика,
Вы рай, любви радость и сладость колика,
Вы мене прославили, вы меня просветили,
Вы мне у лиц высоких милость приобрели.
Но более жить с вами (ах, тяжкое горе!)
Запрещает час смертный и горких слез море (LXVI).

Было бы в корне неправильно утверждать, что отличие между старым и новым восприятием текста состоит в том, что, скажем, для Нила Сорского книга была духовным руководителем и Словом Божиим, а для Стефана Яворского — ученым собеседником и необходимым предметом обихода.

Неодинаковое отношение предопределено функционально разными типами текста. На протяжении всей истории официальной церкви Библия рассматривалась и рассматривается как откровение, данное свыше, — между тем светские сочинения и памятники деловой письменности лишены этого статуса.

Далее, существенные различия заложены в понимании назначения книги. Для традиционалиста ее главная функция, которой подчинено все остальное, — спасение души; для автора нового времени текст стал источником земного наслаждения и удовольствия, а чтение и творчество преследовали вполне конкретные мирские цели, нередко направленные на поиски личных выгод. Ярким симптомом наступивших перемен является благодарность Стефана Яворского книгам за то, что они прославили его и приобрели ему "лиц высоких милость". Для традиционалиста подобное заявление просто невозможно. "Пред человеки мудрееши, а пред Богом в ненависти еси", — говорится по этому поводу в "Измарагде" (11). Вот почему Библия, изученная с корыстными намерениями или просмотренная для приятного времяпрепровождения, не есть душеполезное чтение, которое вообще недействительно без идущей из глубин сердца веры и благочестивого поведения.

Разные манеры восприятия текста хорошо осознавались самими древнерусскими книжниками, постоянно призывавшими "испытывать" писания со страхом и трепетом, "духовными очима", всем сердцем. Считалось, что обратившись к произведению с греховными помыслами, нельзя извлечь из него ничего для себя полезного. Выходная запись, сделанная в "Толковом Апокалипсисе" 1448 г., отразила эти представления, глубоко проникшие в сознание православного средневековья: "Аще ли кто испытливыми мыслями и не страхом Божиим приходит и почитает не пользы ради душевныя, но, ища словес, дабы друга препрети, дабы себя мудрейшим онаго показати, — да себе убо ничтоже полезно обрящет"⁵⁹.

Появление в XVII в. профессиональных литераторов, для которых творчество стало способом самовыражения и нравственного совершенствования, коренным образом изменило сложившиеся взгляды на книгу и чтение. Теперь они рассматривались как интеллектуальная пища для

⁵⁹Цит по: Розов Н.Н. Книга в России в XV веке. Л., 1981. С. 32.

ума и вместе с тем как средство приобретения земных благ, милостей влиятельных меценатов; "внешняя мудрость" из смертного греха превратилась в заслугу, во внушающий почтение признак ученой писательской элиты. Можно сказать, что в отношении к книге барочные авторы руководствовались знаменитым девизом Горация *"Utile dulci miscere"* – мешать приятное с полезным. В Петровскую эпоху многоступенчатая иерархия средневековых литературных родов и жанров оказалась полностью преобразована. Отныне ценность и истинность сочинения стали определяться художественно-эстетическим и идеологическим достоинствами текста, возможностью его практического применения. Такое отношение к книге характерно для нового времени, однако его истоки следует искать в духовной жизни Древней Руси.

ГЛАВА IV
**"ХУДОЖЕСТВО": ИЗОБРАЖЕНИЕ ЗОДЧЕГО
В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**
(В.К. Былинин)

Древнерусская литература неуклонно проводила мысль о том, что человек является "венцом творения" и подобием Господа, что весь прочий мир создан для человека и дан ему в удел. Естественно при этом, что в произведениях древнерусских писателей антропонимическая тематика занимает видное место. В последние годы она тщательно изучалась; вспомним хотя бы обстоятельное монографическое исследование Д.С. Лихачева "Человек в литературе Древней Руси" (2-е изд. М., 1970).

Вместе с тем до сих пор далекой от решения остается проблема изображения древнерусскими книжниками своих ближайших коллег по искусству, с которыми им приходилось так или иначе контактировать в процессе творчества — архитекторов, художников, музыкантов. Сегодня уже не нуждается в апологии идея слиянности разных искусств — словесного, музыкального, изобразительного, пластического — в средневековой Руси. Едва ли не первостепенным источником, своего рода цементирующей общей основой при этом выступала книжная словесность.

Древнерусский художник — изограф — был, в первую очередь, эрудированным читателем. Авторитетные словесные описания ценились им выше "натурального образа" и, зачастую, привычно заменяли потребность видеть его необходимостью прочесть о нем и вообразить перед "внутренними очима". Особую осведомленность художник демонстрировал в области церковной поэзии. Как известно, целый ряд иконографических сюжетов (в том числе исключительно русского происхождения) прямо связан с конкретными гимнографическими произведениями ("Единородный Сыне", "О тебе радуемся", "Акафист пресвятей Богородицы" и др.).

В свою очередь, церковные песнопения нередко посвящались выдающимся чудотворным иконам. Специфику этих песнопений, их звучание и этос, а также порядок и семантику храмовых росписей непременно должен был учитывать зодчий, размышляя над планом культового сооружения.

Другое дело, что на разных этапах развития древнерусской культуры характер этого синтеза, видимо, не был однозначным. И тем более любопытно было бы проследить, как менялось отношение писателей к мастерам—"несловесникам", одинаковым ли был их подход к зодчему, изографу, музыканту.

Целесообразна и такая постановка вопроса: каков был социальный статус древнерусских мастеров, менялся ли он со временем; наконец, существовало ли различие в оценке их личности и творчества со стороны писателей, выражавших интересы разных слоев общества?

Уже предварительные наблюдения в свете системного анализа изображения творческой личности в древнерусской литературе XI–XVII вв. заставляют усомниться в корректности широко бытующего в науке мнения, согласно которому строительство личностного сознания в России началось по-настоящему лишь в XVII столетии и тогда же получило высокое признание индивидуальное творчество. Фактически же отдельные случаи подобного признания обнаруживаются в древнерусской письменности во все века ее существования, начиная, очевидно, где-то с XII в. Надо, однако, заметить, что общей особенностью большинства литературных описаний видных мастеров, выполненных древнерусскими писателями-книжниками в разные эпохи, была некоторая идеализация или же сакрализация. Все это находит соответствующую параллель в духовной традиции византийского и западноевропейского средневековья¹ и свидетельствует о том, что для углубленного разговора о восприятии в Древней Руси артистической (т. е. все-таки нерядовой, неординарной) личности упрощенные схемы никак не подходят. Решение этой проблемы требует более многоаспектного, комплексного подхода.

Зодчество – самая монументальная область искусства Древней Руси, и, видимо, не случайно оно считалось, подобно тяжелому ратному труду, исключительно прерогативой мужчин, что подчеркивает первое же упоминание строительного дела в древнейшем памятнике оригинальной русской литературы – “Повести временных лет”: “Инъ же закон гиліомъ, – пишет Нестор, сообщая об удивительных, аномальных, с его точки зрения, обычаях некоторых иноземных народов, – жены в них орют, *зжють храми* (здесь и далее курсив в цитатах наш. – В.Б.) и мужская дела творять” (15).

Примем к сведению этот важный первый штрих к литературному портрету древнерусского зодчего.

Прежде чем обратиться к его более подробному литературному анализу, целесообразно рассмотреть вопрос о том, какое место среди прочих искусств и ремесел отводилось в древности архитектуре. Святое Писание, служившее высшим идейным авторитетом, отводило “архитектонству” первостепенное значение: “И рече Моисей сыном Израилевым: се нарече Бог именем Веселеила сына Уриина, сына Урова от племени Иудина, и наполни его духа Божия премудрости и разума, и умений всехъ: *архитектонствовати* во всех делесехъ древоделания, творити злато, и серебро, и медь, и ваяти камени, и делати древо, и творити по всему делу премудрости: и преуспевати даде во уме ему, и Елиаву Ахисаматову, от племени Данова: и наполни их премудрости, ума, еже разумети творити вся дела святыни (т. е. скинии. – В.Б.), ткания и пестрения, ткати червленицю, и багряницею, и виссоном, *творити всякое дело художества различна*” (Исх., XXXV, 30–35). Как видим, “архитектонство” названо первым в ряду иных “творительных” (рукодельных) искусств и ремесел – “всяких дел художеств”.

¹ См.: Голенищев-Кутузов И.Н. Средневековая латинская литература Италии. М., 1972; Алексеев М.П. Литература средневековой Англии и Шотландии. М., 1984; Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. С. 57 и след.

С аналогичной градацией "художеств" древнерусский читатель встречался в переведенном в XII в. с греческого языка "Житии Феодора Студийского". В нем говорится: "Того ради всяко художество имь (братии Студийского монастыря. — В.Б.) вьнуотрь очумо бе: житильско и кузньско, ткальчское же и каменьно сечение, и елико плетением имать дело, и елико прочая естъ" (268–269). Таким образом, еще в конце XII в., которым датируется цитированный список жития, у древнерусских книжников не было сомнения относительно "художественности" архитектуры, т. е. ее принадлежности к "художеству", а не к "хитрости" (к этому понятию мы еще вернемся). Поэтому среди определений зодчего весьма часто употреблялось слово "художник"², отличавшееся, как правило, позитивной смысловой окраской, до некоторой степени созвучной его современному расширительному толкованию. Так, в летописной "Похвале князю Рюрику Ростиславичу", составленной около 1200 г. игуменом Выдубицкого монастыря Моисеем, объявлялось: "Великий князь Рюрикъ потщавшася крепко паче праотецьскимъ стопамаъ воследовати трудолюбиемъ ко святому архистратигу Михаилу, прежде поминаемому монастырю, иже известно всемъ богомудрымъ делом, показа: изобрете бо подобна делу и художника и во своихъ си приятелихъ имене Мелонегъ, Петръ же по крещению, акы Моисей древле оногъ Веселеила. . ." (710–711; ср. — уже в XV в. инок Ефросин писал в одном из своих сборников: "А се дети Ароновы. . . священники скинии рекше храму господню и киоту завета господня, а художници храму господню Веселеил и Елиавъ"³). Не исключено, что столь превосходная оценка искусства Милонег, резко выделяющаяся на фоне скудных оценок творчества иных древнерусских мастеров архитектуры, обуславливалась его довольно высоким социальным статусом. Об этом свидетельствует летописная статья о строительстве Милонегом в 1185 г. новгородской церкви святого Вознесения, где он назван тысяцким⁴. Тысяцкие же на Руси, по наблюдениям В.А. Кучкина, нередко выполняли функции воспитателей великокняжеских детей (об этом он говорил в докладе «"Свой дядя" в завещании Симеона Гордого» 10 декабря 1986 г. на заседании семинария исследователей русской культуры XI–XVIII вв. при ИМЛИ). Если эти наблюдения верны, становится вполне понятным, почему Милонег числился "во приятелихъ" у Рюрика Ростиславича.

В древности, при возведении какого-либо архитектурного сооружения

² Термин "зодчий" (здьчий, зьдчий — производное от "здь" — глина) первоначально имел отличное от современного значение — горшечник, а также приготовитель раствора для скрепления камней и каменных плит зданий. Ср.: "сиде на зьде камене слагаашеся"; "помяни зьдчя и камене делающих". Поскольку же "здьчий" не только приготовлял раствор, но и вел кладку плит, термин этот получил расширенное толкование. Так, в "Маргарите" 1499 г. читаем: "Зьдчий основания положывъ, стены воздвигъ врхъ" (см.: Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка. М., 1893. Т. 1. Стб. 1011).

³ См.: Казан М.Д., Поньрыко Н.В., Рождественская М.В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 191.

⁴ См.: Карамзин Н.М. История Государства Российского. СПб., 1842. Кн. 1, т. 3. Примеч. 153. Стб. 66, 67, 69; Примеч. 256. Стб. 104.

участники строительства различались по своим обязанностям: были присмотрщики, выполнявшие общий контроль за производимыми работами от имени заказчика, были непосредственные исполнители: рабочие, плотники, каменщики, мастера, архитекторы – т. е. все те, без чьих специальных знаний любое строительство стало бы невозможным. (Ср. описание строительства башни в "Мучении Иринии Македонской" из "Успенского сборника" XII–XIII вв.: "Си рекъ и повелевъ цесарь, абие сустрои моужь на дело: 200 приставникъ, а творящихъ здание 3 тысяща и 500, художникъ же 200 и 30" – 136.)

В упомянутой же "Похвале Рюрику" зодчий Милонег назван одновременно и "художником", "приставником" (присмотрщиком) "богоизволению делу", и "мастером непростым", который *смог* возвести крепостную стену, *"ни от кого же помощи требуя"*. Слова "художник" и "мастер" здесь вполне синонимичны, они выступают как семантические эквиваленты. Особо знаменательно, на наш взгляд, последнее замечание автора похвалы – о целиком самостоятельной работе зодчего.

В данном случае, как и в упомянутом библейском рассказе о Весе-леиле, с которым сравнивается Милонег, перед нами возникает образ выдающегося мастера-универсала. Вхождение подобных образов в древнерусскую литературу (опять-таки благодаря библейским реминисценциям) отмечено столь ранним периодом. Достаточно вспомнить сказание "Повести временных лет" "О призвании философов", помеченное 6494 (986) г., где говорится: "Иеремия же рече: Сь Богъ наш, и не вменится инъ к нему. *Изобрете всякъ путь художства, и дасть Иякову отроку своему. . .*" (70). Надо полагать, что такие мастера-универсалы действительно были в древности, как были они и значительно позднее. Однако в условиях домонгольской Руси их появление из собственно русской среды, очевидно, представлялось редкостью. Особенно на раннем этапе становления "новой" христианизированной культуры. Недаром в той же "Повести временных лет" под 6497 (989) г. сообщается, что великий князь Владимир, задумав "создати церковь пресвятыя Богородица, и *пославъ приведе мастера от Грек*" (83). А в рассказе "Киево-Печерского патерика" о создании в 1068 г. соборной церкви Успения Богородицы повествуется о том, как сама Богородица нанимает в Константинополе *четыре византийских мастеров-строителей* и отправляет их к Антонию Печерскому. Построив храм, греческие мастера приняли постриг в Киево-Печерском монастыре и после смерти "положены в своем притворе, суть же и ныне свиты их на полатах и книги их греческая блюдомы в память такового чудеси"⁵. Этот рассказ примечателен для нас в нескольких отношениях. Во-первых, своим указанием на некие книги, которые греческие мастера принесли с собой в Киев; во-вторых, на то, что сама идея строительства церкви исходит от небесных сил, и, в-третьих, на чудесное происхождение храма, что как бы закономерно обуславливается предыдущим положением. Но "чудо" -- это одновременно и оценка результата творчества зодчих.

⁵См.: *Хорошев А.С.* Политическая история русской канонизации: (XI–XVI вв.). М., 1986. С. 40.

О характере названных греческих книг, конечно, приходится только гадать. Возможно, среди них были практические руководства по архитектуре. Но, к сожалению, кроме "Мерила Праведного" (около XI в.), включавшего текст "Закона Градского", или "Прохирона" – древнейшего архитектурного законодательства и в то же время практического руководства⁶, нам ничего не известно.

До конца XII в. в русской литературе практически нет свидетельств, чтобы творение зодчего именовалось "чудом". Древнерусские книжники восхищались неопишуемой красотой зданий ("Повесть временных лет", 75), их особой возвышенностью и святостью, "коим же не тъчнь ни весь мир" ("Сказание о Борисе и Глебе", 51) или необычностью: например, из "Повести временных лет" мы узнаем, что в 1089 г. митрополит Ефрем Скопец заложил в Переяславле не только церковные здания, но также "строенье банное камено, сего же не бысть преже в Руси" (137); из "Ипатьевской летописи" – что смоленский князь Давыд Ростиславич строит на Смядыни церковь Михаила Архангела, о чем сказано так: "... юже (церковь – В.Б.) бе сам создал во княжении своем, такое же несть в полунощной стране, и всем приходящим к ней дивитися изрядней красоте ея" (703–704). И все же определение "чудо" к этим творениям не применяли.

Одними из первых это сделали киево-печерский инок Симон и Моисей Выдубицкий. Моисеем приблизительно за год до рассмотренной нами летописной "Похвалы" (приблизительно в 1199 г.) был составлен энкомий – панегирическая речь по случаю постройки стены, подперевшей монастырскую церковь святого Михаила, которая находилась под угрозой обрушения в Днепр. Однако не новая стена и не ее действительный создатель (по-видимому, тот же Милонег) оказываются фактически объектом восхваления оратора, хотя монументальная постройка и приравнивается им к "чуду". Этим объектом становится тот, по указу которого данное "чудо" совершилось, "чудотворец", "несытый любовью о зданьих" – великий князь киевский Рюрик Ростиславич⁷.

Речь Моисея достаточно полно изучена, что избавляет нас от необходимости ее подробного разбора. Обратим внимание лишь на одну деталь, не отмеченную исследователями. Касаясь народной молвы, которая сложилась вокруг церкви святого Михаила, Моисей замечает: "овии бо глаголаху, яко *златом власом* повержена есть церкви от небесе и темь же утвержена". Ю.К. Бегунов дает этому фрагменту следующее разъяснение: "Согласно мнению одних, церковь Архистратига Михаила на крутом берегу Днепра не развалилась от сползания земли в реку, а *оказалась связанной золотым волосом с небесами*"⁸. Между тем оригинальный древнерусский текст включает в себе явно иной смысл. Народ думал, что церковь была повержена с неба (с небесных гор?) с помощью "златого

⁶ См.: Цапов Я.Н. Прохирон в восточнославянской письменности // Византийский временник. Т. 38. С. 51 и след.

⁷ Бегунов Ю.К. Речь Моисея Выдубицкого как памятник торжественного красноречия XII в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 64–66.

⁸ Там же. С. 66.

власа" и им же "утвержена" (т. е. сооружена, поставлена). Таким образом, налицо литературно засвидетельствованный факт вероятного отражения русским фольклором XII в. мотивов апокрифической "Повести о Соломоне и Китоврасе", в которой излагается сказочная легенда о "золотом волосе" морского царя. С помощью волоса "горный художник" (ср. выше), птица Кокот (Ногот) расщепляет прибрежные скалы, насаждая в образовавшиеся проломы семена деревьев, а Соломон строит себе величественный дворец, какого до него никому в мире не удавалось возводить (173–177). "Повесть о Соломоне и Китоврасе" читается в "Толковой палее" 1477 г., более ранних списков ее не было известно, что заставляло многих ученых датировать повесть условно XIV–XV столетиями⁹. Однако недавно найден более древний список "Толковой палеи" (ГИМ. Барсов. № 619; благодарим А.А. Турилова, любезно указавшего нам на эту рукопись), датированный самым началом XV в., что фактически снимает вопрос о принадлежности данного памятника к литературе жидовствующих и позволяет связать его появление с древнейшей литературной традицией. Об этом свидетельствует и изображение сюжета апокрифической "Повести о Соломоне и Китоврасе" на новгородских воротах, украшенных по повелению архиепископа Василия в 1336 г.¹⁰. По мнению Г.К. Вагнера, различные интерпретации апокрифа о Соломоне и Китоврасе входили в профессиональный фольклор русских зодчих уже в конце XII в., ибо нашли отражение в созданной ими в этот период фасадной скульптуре, сложных резных орнаментах белокаменных соборов¹¹. Наши наблюдения косвенно подтверждают авторитетное мнение ученого. Если их продолжить, то было бы логичным предположить, что "невегласы" просто проецировали апокрифический мотив на реальное событие, в результате чего строитель стены мог уподобляться ими Китоврасу, "царю демонов", обладающему чудодейственным "златым власом". Это, по-видимому, и вызвало активную отповедь у игумена Моисея, настаивавшего на идее абсолютной богоугодности постройки, осуществленной "приятелем" его сюзерена, князя Рюрика. Не потому ли самого Рюрика писатель сравнил в своем произведении не с Соломоном, а с Зоровавелем? (Ср., что о последнем говорилось в "Хронике" Георгия Амартола: "Яко убо Соломонъ перваго създания церковнаго бысть зижитель, тако Зоровавель втораго и последняго. Веща бо Захария: роуце Зоровавели основаста домъ съ и роуце его свершиста ю" – 271–272.)

Конкретная цитата из переводной "Хроники" Георгия Амартола заслуживает рассмотрения также в более широком аспекте, ибо касается такой важной проблемы, как наличие весьма ограниченного социального круга, представителям которого византийские и древнерусские писатели традиционно приписывали главную честь в создании того или иного

⁹Ср.: *Лурье Я.С.* Переводная беллетристика XIV–XV вв. // Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 329–331.

¹⁰См.: *Лазарев В.Н.* Васильевские врата 1336 г. // Сов. археология. 1953. Вып. 18. С. 424–427. Кстати, надпись на вратах именует Китовраса "братом Соломона" (!).

¹¹См.: *Вагнер Г.К.* Литература, апокрифы и фольклор в творчестве мастеров Всеволода III // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 77–79.

храма, города и т. д. В сущности речь шла почти исключительно о представителях высшей светской или церковной иерархии. Памятники древнерусской литературы XI–XIII вв. дают множество свидетельств, когда заслуга в появлении одного или ряда архитектурных сооружений всецело отдается не их подлинным творцам – зодчим, строителям, а, как сказали бы мы, пользуясь современной терминологией, заказчикам и финансистам, т. е. князьям, церковным иерархам. Митрополит Иларион в “Слове о законе и благодати” всецело приписывает честь в создании Софии Киевской Ярославу Мудрому. В риторическом обращении к его отцу, великому князю Владимиру, он говорит: “Добръ же зело и веренъ послух сынъ твой Георгий. . . иже недокончаннаа твоа доконча, акы Соломонъ Давыдова, иже дом Божий великий святый его премудрости създа на святость и освящение граду твоему, юже съ всякого красотою украси златомъ и сребромъ и каменiemъ драгымъ. . . яже церкви дивна и славна всемъ окружнымъ странамъ, яко же инна не обрящется въ всемъ полунощи земнемъ, отъ востока до запада, и славный градъ твой Киевъ величствомъ, яко венцемъ, обложи. . . (32; Георгий – христианское имя Ярослава Мудрого).

Из “Повести временных лет” читатель узнает, что еще великий князь Владимир Святославич “сдела” церковь Богородицы Пирогощей в Киеве (983 г., 58), “постави же церковь в Корсунѣ на горе. . . яже церкы стоить и до сего дне” (988 г., 80), “постави церковь святаго Василия на холме, иде же стояше кумиръ Перунъ и прочии” (81); “нача ставити города по Десне, и по Востри, и по Трубежеви, и по Суле” (83), “заложи град Белгородъ, и наруби въ нь от иныхъ городовъ” (991 г., 83); “заложи городъ на бродѣ. . . и нарече и Переяславъ” (992 г., 85). Входя в завершенную церковь пресвятой Богородицы, Владимир восклицает: “Господи Боже! . . . призри на церковь твою си, *юже создах, недостойный рабъ твой. . .*” (996 г., 85). В этой же церкви, пишет далее летописец, князь был похоронен; и добавляет – “юже бе създах сам” (1015 г., 89). Сын князя Владимира, Мстислав, “зареза Редедю... И пришедъ Тмутороканю, *заложи церковь святаго Богородица, и создаю, яже стоить и до сего дне Тмуторокани*” (1022 г., 99). Умершего Мстислава “положиша. . . в церкви у святаго Спаса *юже бе сам заложил*” (1036 г., 101). Его брат, Ярослав Мудрый, “постави градъ Юрьевъ” (1030 г., 101), потом “поча ставити города по Ръси” (1032 г., 101). А “въ лето 6545 (1037) заложил Ярославъ город великий, у него же града суть Златая врата; заложил же и церковь святаго Софья, митрополю, и посемъ церковь на Золотыхъ воротехъ святаго Богородица благовещенье, посемъ святаго Георгия манастирь и святаго Ирины” (1037 г., 102). Написав многие книги, он кладет их “въ святаго Софьи церкви, *юже созда самъ*” (103; см. также: 121, 136, 149, 152, 185, 187, 195, 196, 197, 199, 200–201). Игумен Киево-Печерского монастыря Антоний с братией “заложил церковь велику, и манастирь огородиша столпемъ, келье поставил многи, церковь свершил и иконами украсил” (1051 г., 106–107). Летописец, между прочим, выделяет эту постройку из всех остальных. Он пишет: “Мнози бо манастири *от цесарь и от боярь и от богатства поставлени, но не суть таци, каци суть поставлени слезами, попощенемъ, молитвою, бденемъ*” (107). Здесь уже как бы намечается

тема содействия в строительстве бедной монастырской братии небесных сил; эта тема вскоре получит широкое развитие в древнерусской литературе. Описывая архитектурные работы, развернутые в 1089 г. в Переяславле под присмотром митрополита Ефрема, Нестор отмечает: "В се же лето священа бысть церкы святого Михаила Переяславския... юже бе создалъ велику сущю, бе бо преже в Переяславли митрополья и пристройю великою пристрою, украсив ю всякою красотою... Сий бо Ефрем... тогда многа зданья въздвиже: докончавъ церковь святого Михаила, заложи церковь на воротехъ городныхъ во имя святого мученика Феодора, и посемь святого Андрея у церкви от воротъ... И град бе заложилъ камень, от церкви святого мученика Феодора, и украси город Переяславский зданиемъ церковными и прочими зданьи" (137). Единственный случай, когда в "Повести временных лет" строителем архитектурного памятника объявлен не князь и не церковный иерарх, представлен статьей новгородского тематического ареала, помеченной 1114 г.: "В се же лето заложена бысть Ладога камениемъ на приспе *Павлом посадником*, при князе Мъстиславѣ" (197).

В середине XII в. Новгород приобрел статус независимой от власти великого князя и киевского митрополита "вечевой республики". Особую роль в ее политической и культурной жизни играли, наряду с архиепископом, выполнявшим обязанности "Председателя" "совета господ"¹², именитые люди из местного боярства и купечества. Составлявшиеся в древнем Новгороде в течение XII–XIII вв. летописные своды, конечно, не могли не отразить этого обстоятельства. Так, например, в "Софийской первой", "Новгородской четвертой" и других летописях к известию о пожаре Софии Новгородской 6557 (1049) г. дана приписка, что сгоревший храм стоял, "идеже ныне постави Сотко церковь камену святого Бориса и Глеба"¹³. Кто такой Сотко, в тексте летописи не уточняется. Однако не исключено, что он и знаменитый былинный купец Садко (Сотько, Сотко), владевший "несчетной золотой казной", суть одно и то же лицо¹⁴. Другие литературные произведения XI–XIII вв. ("Хроника" Георгия Амартола, "Галицко-Волынская летопись", "Киево-Печерский патерик" и др.), где так или иначе затрагивается тема строительства архитектурных памятников представителями социальных верхов, говорят об их причастности к строительству теми же словами: "заложи своими руками", "там создах", "постави" и т. п. Завершим этот ряд примеров летописным свидетельством XIII в. о строительстве Боголюбова великим князем Андреем Юрьевичем. Князь Андрей "сздадъ бяше събе город камень Боголюбъ, и толь, яко Вышегород от Киева, тако жь Боголюбъ отъ Володимера. . .

¹²См.: Лихачев Д.С. "Софийский временник" и новгородский политический переворот 1136 г. // Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 166.

¹³Д.С. Лихачев датирует эту приписку временем до 1173 г., когда упоминаемая в ней церковь Бориса и Глеба была уже освящена. См.: Лихачев Д.С. "Софийский временник" и новгородский политический переворот 1136 г. С. 167–168.

¹⁴Ср.: Смирнов Ю.И., Смолицкий В.Г. Новгород и русская эпическая традиция // Новгородские былины. М., 1978. С. 318–323. Ср. также: Плисецкий М.М. Историзм русских былин. М., 1962; Азбелев С.Н. Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982. С. 217–225.

и церковь каменну святая Богородица Рождество посреди города създав въ Боголюбомъ, и удивив ю паче всех церквей; подобна та Святаа Святых, юже бе Соломон създал. . .”¹⁵.

Насколько можно судить по многочисленным материалам, особо важным для древнерусских писателей был тот факт, кем собственно заложено, кем *начато* здание. Это неудивительно, поскольку разметка и закладка любого здания в древности обязательно освящалась особым церковным обрядом и считалась основополагающим делом. Вспомним в этой связи известное высказывание апостола Павла: “Яко премудр архитектон основание положих, ин же назидает” (1 Кор., III, 10).

Кроме того, сооружение храма — “дома господня” (“Слова избранныя. . .” Григория Феолога, 178), особенно храма каменного, требовало немалых денежных средств, выделить которые было под силу лишь очень состоятельному заказчику. Зато оно и расценивалось как его *личный величайший* вклад в укрепление христианства и потому обеспечивало вкладчику долгую славу на земле и спасение в “вечной жизни”. Все это заставляло писателей, летописцев, прославлявших именитого “строителя”, отмечать не только его первостепенную роль в закладке, а порой даже в обнародовании самой идеи здания (ср.: в рассказе “Киево-Печерского патерика” о создании церкви пресвятой Богородицы эта идея провозглашается варягом княжеского рода Шимоном (412 и след.); в том же “Патерике” говорится, что Владимир Мономах, исцеленный в юности от недуга златым поясом варяга Шимона, “въземь меру” Печерской церкви и создал такую же в Ростове “писмя на хартии написавь, иде же кыждо праздникъ в коемъ месте написанъ есть”, а сын его Георгий — в Суздале (428); повествование о строительстве в 1276 г. города Каменца предваряется в “Ипатьевской летописи” таким сообщением: галицкий князь Владимир Васильевич “вся книги пророческия. . . розгнув. . . выняся ему пророчество Исаино: Дух Господень на мне. . . Воздвигнути города пусты” (875) и пр.), — идеи, по сути узурпированной у архитектора, а также суммы, отпущенной на строительство, в золоте и серебре. «Основана же бысть сия божественаа церкви Богородична (Печерская. — В.Б.), — читаем в “Киево-Печерском патерике”, — в лето 6581. Въ дъни благовернаго князя Святослава, сына Ярославля, нача здатися церкви сия, *иже своима руками нача ровъ копати. . . едав же 100 гривень злата* в помощь блаженному и меру положыше златым поясом. . .» (422). Еще более обстоятельно мотив первостепенного значения, едва ли не приравниваемого к “чуду”, материального вклада князя в строительство “священных зданий” раскрывается в проложном рассказе о построении по указу Ярослава Мудрого (в крещении — Георгия. — В.Б.) церкви святого Георгия. Ярослав “всхоте создати церковь¹⁶ в свое имя святого Георгия, да аще всхоте и створи; и яко начаша здати ю, и не бе много делатель у нея; и се видев князь призва тиуна: почто немного у церква

¹⁵Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. 1. Примеч. 27. Стб. 14.

¹⁶Примечательно, что этими же словами у Климента Смолятича охарактеризовано всеисие Бога. Ср.: “Вся бо, рече (Григорий Богослов? — В.Б.), елико восхоте, и сътвори на небеси и на земли. . .” (127). Ср. также: Псалтирь, XXXIII, 9.

стражущих? Тиун же рече: понеже *дело властелское*, боятся людье труд подыимше наима лишени будут. И рече князь: да аще тако есть, то аз сице створю. И повеле куны возити на телегах в коморы златых врат, и возвестиша на торгу людем да возмут кождо по ногате на день. И бысть множество делающих” (66). Приведенный рассказ содержит еще одно важное для нас свидетельство. Видимо, воля князя — “дело властелское” — отнюдь не всегда гарантировала строителям (“делателям”) прочный заработок, их труд мог оказаться и вообще неоплаченным. Однако официальных летописцев эти обстоятельства не занимали: главное, что князь “всхоте” строения воздвигнуты, — честь ему и хвала.

При обрисованном положении действительным мастерам древнерусского зодчества, за редким исключением (см. о Милонеге), практически не оставалось места в отечественной литературе XI–XIII вв. А если они и упоминаются в ней, то либо вскользь, без всякой оценки (как, например, в “Сказании о Борисе и Глебе”: “Ольгъ сынъ Святославль оумысли въздвигнуоти церковь съкроушивъшую ся Вышегороде камяноюу. И привесть зъдатеде повеле зъдати, въдавъ имъ вые пообилоу, яже на потребу. И съвършене еи бывъши” — 69), либо с явно пренебрежительным оттенком. Вот два примера из “Лаврентьевской” и “Ипатьевской” летописей: 1) “В лето 6524 (1016). Приде Ярославъ на Святополка. . . И воевода нача Святополчъ, ездя възле берегъ, *укарати новгородце*, глаголя: Что придосте с хромьцемъ симъ, а *вы плотници суще?* А пристаимъ въ хоромове рубити наших!” (“Повесть временных лет”, 96); 2) в лето 6683 (1174) г.; осмелевшие после убийства Андрея Боголюбского ростовцы и суждальцы говорили о новой столице княжества: “Пожжем Владимир или пошлем туда посадника: то наши холопы каменщики” (“Ипатьевская летопись”, 116).

Среди возможных объяснений такого отношения писателей к простым мастерам-строителям следует назвать не только их часто кабальную зависимость от господ — богатых заказчиков¹⁷, но также распространенное убеждение в том, что главный замысел любой величественной постройки должен исходить от потусторонних сил, а не от простого смертного. Классический пример тщетности людей игнорировать эти силы дает библейский рассказ о строительстве вавилонской башни, зафиксированный в “Повести временных лет”: “И быша человеци мнози и единоголасни, и реша другъ к другу: Съзижемъ столпъ до небесе, — повествуют великому князю Владимиру философы. — Начаша здати, и бе старейшина Невродъ, и рече Богъ: Се умножишася человеци и *помысли их суетьни*. И сниде Богъ и размеси языки на 70 и 2 языка” (986 г., 64)¹⁸.

¹⁷О горькой, нередко, участи наделенного “мудростью” (равно — профессиональными знаниями) “рабочего холопа” ярко говорится в “Молении Даниила Заточника”. И хотя здесь не идет речь конкретно о зодчих, находящихся “под рабочим ярмом. . . у государей злых”, но, думаем, и к ним вполне могли быть применимы некоторые афористически сформулированные Заточником определения, типа: “Нищъ бо, а мудръ, яко злато в калне сосуде”; “холопу, аще бо паче меры горделивъ былъ и буявъ, но укору ему своего не избыти, — холопья имени” и др.

¹⁸С другой стороны, не исключено, что в приведенных выше летописных фрагментах присутствует скрытый упрек “укоряющим” плотников и каменщиков. Ведь

Как уже отмечалось, официальная христианская литература домонгольского периода выставляла подлинными творцами, "авторами" архитектурных замыслов самого создателя мира — Бога, или Богородицу ("Сказание о строительстве печерской церкви"). Данное убеждение, безусловно, считалось издавна укоренившейся в народе верой в то, что священный храм божеству, святому не создается без активного участия самого божества или святого, и подкреплялось текстами Святого Писания (типа: "Премудрость созда себе дом, и утверди столпов седмь" — Притчи Сол., IX, 1–2; или: Господь — "камень жив", он "в Сионе — камень краеуголен" — 1 Петр, II, 3, 6 и т. п.), которые отразились во многих произведениях древнерусской литературы. Вспомним в этой связи свидетельство "Галицко-Волынской летописи": "Холмъ бо градъ сиче бысть создан Божиимъ повеленьемъ" (344).

В той же летописи неоднократно подчеркивалось, что князь Даниил Романович "видевъ же яко Бог помощникъ ему, и Иоанъ спешникъ ему есть, и созда градъ иный, его же татарове не возмогоша пряти, егда Батый в полон землю русскую пойма..." (344). (Ср. также пословицу: "Без троицы дом не строится".) Несколько забегая вперед, можно вспомнить и Пафнутия Боровского, любившего, по словам его биографов, повторять: "Аще не Господь созиждетъ дому, всеу трудишася зиждушей" ("Рассказ о смерти Пафнутия Боровского", 508). На фоне такого отношения к культовым постройкам не без иронии звучит вторая часть заключительной фразы переводного "Сказания об Индийском царстве": "А во дворе моем, — говорит индийский царь и пресвитер Иоанн, — церковей 150, ины сътворены Богом, а ины руками человеческими" (174; некоторые ученые относят признание "Сказания" в русскую литературу к началу XIII в.).

Переводная апокрифическая (отреченная) литература, напротив, нередко представляла главными хранителями архитектурной мудрости демонов, в разряд которых, между прочим, в полном соответствии с христианской трактовкой языческой мифологии, попадали и античные божества ("Хроника" Георгия Амартола, 30–33, 61, 62 и след.). Любопытным ранним свидетельством этого является сюжет из жизнеописания знаменитого мага и волхва Аполлония Тианского (II в. н. э.), отраженный "Повестью временных лет". Под 6420 (912) г. в ней рассказывается, что Аполлоний, "шествуа и творя всюду и в градах и в селех бесовская чюдеса", избавил население Антиохии от губительного нашествия комаров и скорпионов после того, как воздвиг "маль столпъ мраморен" над закопанным по его повелению в землю медным изваянием скорпиона. «О нем же, — заключает летописец свое сообщение об Аполлонии, — и великий Настасий Божья града рече: "Аполонию же даже и доньне на нецех местех собиваються створенаа (т. е. созданные им памятники. — В.Б.), стоаща ова на отвращение животень четверногъ,

современникам, знакомым с Евангелиями, было хорошо известно, что с похожими насмешками некие невегласы обращались к самому Иисусу Христу. Пораженные его пророческим даром, они говорили: "Откуда сему премудрость сия и силы; не сей ли есть тектонов (т. е. плотников. — В.Б.) сын?" (Матф., XIII, 5); "не сей ли есть тектон, сын Мариин?" (Марк, VI, 3).

птица, могущий вредить человеку, другая же на воздержание струамь речнымъ, не воздержанно текущимъ, но ина некая на тленье и вред человекомъ. . . стоять. . . *Таковая сотвориша бесове его ради.* . . во имя его на прелщение оканным человекомъ. . .» (30–31). Другой ранний пример исхождения конструктивной архитектурной идеи от демонических сил обнаруживает апокрифическая «Повесть о Соломоне и Китоврасе». Здесь царь Соломон говорит «царю демонов» Китоврасу: «Не на потребу ты приведох собе, но на *упрос очертанию святая святых*». Обративший на эти слова внимание Б.А. Рыбаков пишет: «Самым важным в этом эпизоде является то, что Китоврас, зная заранее, что он призван царем для изготовления плана «очертания». – В.Б.) будущего храма, явился к нему с деревянными мерилami, эталонами каких-то мер: «он же (Китоврас) *умеря прут 4 локоть* и вшед пред царя, поклонися и поверже *пруды* пред царем молча. . .»¹⁹. Действительно, указание весьма симптоматичное. Ведь и в рассмотренном выше патериковом рассказе о сооружении храма пресвятой Богородицы речь идет о своеобразном мериле, каковым, по небесному соизволению, должен послужить золотой пояс, снятый Шимоном-Симоном со святого распятия. Оба текста позволяют сделать однозначный вывод, что и «пруды» в четыре локтя и златой пояс предназначались прежде всего для разметки наземного чертежа зданий (т. е., согласно классической терминологии Витрувия, для составления «ихнографии»). Однако же в конфессиональном аспекте описанные эпизоды вряд ли могли быть идентифицированы древнерусским читателем, ибо ему должно было быть ясно, что привлечение к строительству «святая святых» в качестве архитектора верховного демона, Китовраса, неминуемо обрекало храм на недолговечность (что и подтверждалось священной историей), тогда как исхождение плана новой церкви от самого Господа гарантировало совершенно обратное.

Да, в Древней Руси умели строить на века и гордились своей самобытной и прекрасной архитектурой. К началу XIII столетия здесь было создано уже немало деревянных и каменных шедевров зодчества – жемчужин и жемчужных ожерелий земли русской, сотканных умелыми руками местных и зарубежных мастеров. Тем горестнее было наблюдать нашим предкам их варварское разрушение полчищами хана Батыя, нагрянувшими на Русь «от восточных стран». По следам этих событий в течение XIII в. был написан целый цикл летописных повестей о татаро-монгольском нашествии и разорении русских городов. Нескрываемая боль за попрание святынь и гибель красоты русской остро звучит в таких выдающихся произведениях этого времени, как «Слово о погибели Русской земли», «Повесть о разорении Батыем Рязани», «Слово» Серапиона Владимирского.

¹⁹См.: Рыбаков Б.А. Архитектурная математика древнерусских зодчих // Рыбаков Б.А. Из истории культуры Древней Руси: Исследования и заметки. М., 1984. С. 83. См. также: Веселовский А.Н. Из истории литературного общения Востока и Запада: Славянские сказания о Соломоне и Китабрасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872.

Интересный для нашего исследования материал дают "Житие Александра Невского" и "Галицко-Волынская летопись". Несмотря на преобладающую военно-героическую тематику, автор жизнеописания легендарного защитника Северной Руси от угрозы двойного порабощения – Ливонским Орденом и золотоордынцами – находит место для описания созидательной деятельности новгородского князя. Так, сравнивая князя Александра Ярославича с премудрым Соломоном, он пишет о восстановлении им Суздаля, разрушенного войсками Батыева воеводы Невруя: "По пленении же Невруеви князь великий Александр Ярославич церкви воздвигнувь и град исполнивъ. . ." (160). Вместе с тем великий князь, подобно "царю римскому Еуспасиану", разорившему Иерусалим, "изверже град из основания", который в его отечестве соорудили немецкие захватчики.

После страшного разорения ордами Батыева большинства центральных русских княжеств их население, избежавшее смерти и татарского плена, в значительном своем числе мигрировало на Запад – в Галицкие земли, на Волынь. Именно здесь – в Западной Руси – сосредоточилась какая-то часть опытных мастеров из Киева, Переяслава, Чернигова, Рязани, Владимира, Суздаля, других сожженных и разрушенных татарами русских городов, которые успели широко прославиться своими ремеслами, искусствами, школами зодчества. Поэтому неудивительно, что галицкий летописец предваряет описание грандиозного строительства города Холма следующим замечанием: "Видивъ же се князь Данило, яко Богу поспевающу месту тому, нача призывати. приходяе немце и русь, иноязычници и ляхы. Идяху день и во день и уноты и мастере всяцих, бежаху ис татар седелницы, и лучницы, и тулници, и кузнице железу, и меди, и серебру. И бе жизнь, и наполниша двory окрестъ града поле села" (344). Составитель данного летописного рассказа не отдает, как видно, предпочтения какому-то одному мастеру ("художнику") – универсалу. Он, напротив, отмечает участие в холмском строительстве многих мастеров, как сказали бы мы сегодня, "узкого профиля", творчеству которых выдается превосходная характеристика. Но наиболее талантливые называются особо. Среди них есть ваятели (ср.: "Созда же церковь святого Ивана, красну и лепу. Зданье же ее сиче бысть: комары 4 с каждо угла преводъ и стоянье ихъ на четырехъ головахъ челоуекихъ, изваяно отъ некоего хытрца. . ."), мастера прикладного искусства (ср.: "Двери же ей (церкви Иоанна Златоуста. – В.Б.) двоя украшены каменьемъ галицкимъ белымъ и зеленымъ холмскимъ тесанымъ; узоры те некимъ хытречемъ Авдьемъ прилепы отъ сехъ шаровъ и злата. . . яко же всимъ зрящимъ дивитися бе"), т. е. не архитекторы в широком смысле, а те, кто украшал интерьеры и экстерьеры возводимых зданий. Тем не менее обращает на себя внимание их именование "хытрцами". Это – довольно раннее свидетельство новой смысловой трактовки "рукотворных художеств", имевших практическое применение в средневековом монументальном строительстве. Более подробное разъяснение ее находим в ряде греческих памятников научной и учительской литературы, переведенных на славянский язык в XIV в. Например, в "Диоптрие" Филиппа Пустынника Плоть обращается к Душе с такими словами: "Приничиши очима моима и

блюдеши убо вся; и глаголеши языком моим, и слышиши ушима. . .; и руками делаеши хитрости паки обои и художества еся – от малых и худых даже и до великих” (77). Далее Плоть сообщает мнение Григория Нисского, согласно которому *”хитростное движенье”* ”в сдравых . . . удех всех телесных” сотворяет человеческий ум. ”Яко же кузнец, различная держа орудья к деянию своему и хитрости своей, и с ними делает яже любит и хочет. . .” (77).

В одном из ”Толкований” на книгу ”О божественных именах” Дионисия Ареопагита слово ”художество” специально разъясняется как правильное, истинное, не требующее подобающих подтверждений суждение или понимание дела (”Художество же есть слава права, помыслом связана, или слово истинно в мысли не предаваемо. . .” и т. д. – 91–92). Переведенная в том же XIV столетии ”Диалектика” Иоанна Дамаскина добавляла к этому определению: *”Хытрость есть иже въ нечесомь погрешающи, по некихъ, художество же иже ни в чесом же погрешающи”* (92); т. е. ”Искусство – это, по мнению одних, то, что в чем-то ошибается; художество же то, что ни в чем не ошибается”.

Согласно же другой формулировке, говорится в ”Диалектике”, *”хытрость есть иже руками делаемое, художество же всака словесна хытрость: граматика, риторика и сичеваа”* (92). Иначе говоря, где-то в середине XIII – начале XIV в. понимание зодчества и функционально связанных с ним искусств как ”художеств” сменилось пониманием их как ”хытростей” (в статье ”Тлькование неудобь познаваемомъ в писаныхъ речемъ”, приданной древнему славянскому списку ”Лествицы” Иоанна Синайского XIV в., прямо констатировалось: *”художество – хытрость”* – 423). Соответственно этому зодчий, или участвующий в строительстве ”узко-профильный” мастер все чаще получал у древнерусских писателей определение ”хытрец” (=искусник), тогда как термин ”художник” все прочнее ассоциировался с носителями гуманитарных знаний, каковые, по бытовавшим тогда канонам, обязаны были во всем стремиться к строгому соблюдению буквы и духа ”Божественнаго Писания” (т. е. ”слова истинна”, ”ни въ чесом же погрешающи”).

Мнение, что ”хытрец” творит по своему уму, что он в чем-то может и ошибаться, исходящее от авторитетных проповедников христианства, имело, несомненно, прогрессивное значение. Оно предполагало фактическое признание важной идеи относительной свободы художественного творчества в условиях устойчивого традиционализма древнерусской культуры.

Эта культура в XIV–XV вв. получила новый, мощный импульс к развитию, в котором обозначилась общая идейно-стилистическая и духовная направленность, названная Д.С. Лихачевым ”древнерусским Предвозрождением”²⁰. Общий подъем русской культуры в указанный период, совпавший по времени с так называемым ”вторым южнославян-

²⁰См.: Лихачев Д.С.: Предвозрождение на Руси в конце XIV – первой половине XV // Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. М., 1967. С. 136–182; Он же. Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 75–126.

ским влиянием”, обусловил и повсеместную активизацию архитектурно-строительства, особенно в северных и северо-восточных областях Руси. Закономерным следствием этого явился возросший интерес древнерусских писателей к архитектурной тематике, к фигуре самого строителя, зодчего, которая до сих пор сравнительно мало привлекала их внимание. Правда, иерархия авторитетов при распределении писателем основных заслуг в сооружении того или иного важнейшего архитектурного памятника в целом не изменилась. Так, главными вдохновителями и “поспешниками” строительства зданий и теперь нередко изображались Бог, небесные силы или святые, а главными “создателями” храмов, монастырей и городов – светские или церковные князья.

Обратимся к примерам. Согласно “Рогожскому летописцу” (XV в.), содержащему первую обработку “Троицкой летописи” – древнейшего летописного свода, единственный харатейный список которого сгорел в 1812 г.²¹, в 1346 г. князь Семен Иванович Гордый устраивает княжескую усыпальницу “милостию Божиею и молитвами святых Богородица и помощью святого архангела Михаила” (57; см. также статьи 1348, 1351, 1356 гг.).

Ученик Дионисия Суздальского Евфилей в 1352 г. по просьбе князя Бориса Константиновича “основал” в Суздале храм и “общий монастырь” во имя Преображения. «Еще по дороге туда, – отмечает Г.М. Прохоров, – он “церковь постави”. . . в красивом месте в пяти поприщах от града Гороховца»²². В том же году, сообщают “Суздальская” и “Никоновская” летописи, князь Константин Васильевич соорудил церковь святого Спаса Преображения в Нижнем Новгороде (532; 225). В 1359 г. древнерусские летописцы повествуют о строительстве князем Андреем Константиновичем церкви святого архангела Михаила в том же Нижнем Новгороде (“Никоновская летопись”, 230; “Никаноровская летопись”, 241; “Нижегородский летописец”, 11). Вообще, судя по летописным источникам, нижегородские князья во второй половине XIV в. становятся активными “строителями”: в 1365 г. князь Борис Константинович “заложил город Сыпати” (“Рогожский летописец”, 74–75); в 1369 г. он поставил соборную церковь святого архангела Михаила в Городце (“Рогожский летописец”, 87; “Симеоновская летопись”, 109; “Владимирская летопись”, 117); в 1371 г. его брат, Дмитрий Константинович, “заложил” каменную церковь святого Николы (соответственно 97; 111; 118). Следующий, 1372 г., тот же князь Дмитрий Константинович ознаменовал “закладкой каменного города”, а осенью того же года Борис Константинович “заложил” на реке Суре город Курмышь (100; 112; 119). По свидетельству “Симеоновской летописи” (конец XV – начало XVI в.), в 1378 г. умирает княгиня Василиса, жена великого князя нижегородско-суздальского Андрея Константиновича, сына Константина Васильевича. Ее захоронение состоялось в монастыре святого Зачатия, “еже сама создала” (131). “Церковными

²¹См.: *Приселков М.Д.* Троицкая летопись: реконструкция текста. М.; Л., 1950; *Муравьева Л.Л.* Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII – начала XV века. М., 1983. С. 23.

²²*Прохоров Г.М.* Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978. С. 70. Сведения по рукописи: ГПБ. ОЛДП. Ф. 233/175. Л. 113–116.

строителями” представлены в летописных сводах XIV–XV вв. и московские князья и другие. К примеру, в “Рогожском летописце” читаем, что весной 1380 г. “церковь камня на Коломне уже свершена дошедши, уже создал князь великий Дмитрий Иванович” (138). Более того, в Московском летописании означенного периода образ великого князя, зодчего, строителя приобретает особое иносказательное значение. Оно появляется в “Похвале Ивану Калите”, записанной под 1330 г. Прославляемый князь (как бы по апостольским словам – “яко премудрый архитектор”) уже не одному храму, а всему Московскому государству “благое основание положи”, чтобы “сице” его дети – правнучата – “по тому же ходяще и такоже творяще, ту же мзду и славу приемлют” (46). Конечно, и значительно раньше (в XI–XII вв.) составители “Похвал” часто ставили в заслугу князьям возведение церквей и городов, сравнивали их с легендарными библейскими строителями. В данном случае в уподоблении государя архитектору нам видится не простое возрождение традиции, но, в известной мере, результат реального повышения престижа зодчего в условиях широко развернувшейся реставрации древних русских святынь, строительства новых храмов и архитектурных ансамблей. В этом контексте следует отметить и такое явление, как наметившийся приблизительно с XIV столетия частичный отход древнерусских писателей от огульных определений, целиком “атрибутирующих” архитектурный памятник тому или иному именитому заказчику. От них не отказываются, но все чаще используют более корректные формулировки типа: “повеле ров сыпати” (князь Борис Константинович, 1365 г. – “Никаноровская летопись”, 243), “повеле делати каменую стену, и зачаты Дмитриевские ворота” (князь Дмитрий Константинович, 1374 г. – Там же) или “постави преподобный нареченный владыка Еуфимий полату у себе въ дворе” (архиепископ Евфимий Новгородский, 1433 г. – “Новгородская четвертая летопись”, 121) и подобные им.

Вообще начиная с XIV в. в древнерусской литературе все чаще упоминаются “градоделатели”, “каменосечцы”, “церковные”, “колокольные” и другие мастера, чье искусство традиционно связывалось с кругом основных или прикладных архитектурных работ. Причем эти упоминания нередко выдержаны в самом позитивном духе. Так, 1399 г. помечен летописный рассказ о перестройке в Твери Спасского собора, в котором особо отмечается участие “искусных каменосечцев”²³.

Устюжане гордились своей “великой деревяной” церковью, которую в 1399 г. построили им новгородские “церковные мастера”. Она простояла почти целое столетие, а когда в 1490 г. все же погибла от пожара, в Устюг для ее возобновления из Ростова был послан “мастер церковный” Алексей Вологжанин. Поначалу он не угодил устюжанам, заложив церковь крещатую “не по старине”, так что в 1492 г. ему же пришлось закладывать ее вновь – “и заложили круглу по старине о двадцати стенах”²⁴.

²³См.: История русской литературы / Под ред. А.С. Орлова, В.П. Адриановой-Перетц, Н.К. Гудзия. М.; Л., 1946. Т. 2, ч. 1. С. 99.

²⁴Там же. С. 61.

Псковский летописец не забывает отметить, что крепостные стены и многие здания в городе "поставиша псковичи". Например, говоря об эпидемии чумы, охватившей город в 1420 г., он сообщает: "Тогда начаша имати, где была первая церковь святой Власей, а на том месте стояше двор Артемьев, ворота, и псковичи давши ему серебро и изрывше двор, обретоша престол, и на том месте в один день поставиша церковь во имя святого Спаса"²⁵.

«Нигде в других областях Древней Руси этого времени, — пишет Н.Н. Воронин, — строительное дело не было так развито, как в Пскове; оно не являлось здесь профессией узкого круга мастеров-одиночек, а было широко распространено. . . Это широкое развитие строительного дела способствовало выявлению наиболее способных и талантливых мастеров, вышедших из народа. Среди них летопись иногда выделяет и определенные творческие индивидуальности. Так, в 1415 г. она упоминает имя зодчего Еремея, который по заказу псковских купцов заменяет деревянный Софийский храм каменным, а в 1420 г. называет "мастера святой Троицы" Федора, стоявшего во главе строительного братства "дружины">²⁶. Насколько высоким было индивидуально-личное сознание самих этих мастеров, свидетельствует летописная статья, в которой повествуется о том, что в 1374 г. псковский же мастер Кирилл "сам" поставил у Смердя моста (за Довмонтовым городом) церковь святого Кирилла "в свое имя"²⁷. "Господин Великий Новгород", возвышавшийся над Псковом политически, стремился не уступить ему и в "радении о зданых". Наиболее бурный период строительства в нем приходится на вторую четверть XV столетия — время архиепископства Евфимия II. Под 1433 г. летопись рассказывает: ". . . в Великом Новгороде владыко Евфимий поставил на дворе у себя палату каменну, а дверей в ней тридцать, а мастера ставили новгородские и немецкие за-за моря"²⁸. За палатой последовали другие строения, одно из которых, церковь Иоанна Златоуста, сразу по завершении своем неожиданно рухнуло ("заложил у себя во дворе церковь Ивана Златоуста на воротех. . . и егда мастера отступиша еси от церкви, и церковь вся и до основания падеся великим разрушением"). Знаменательно, что летописец, подробно описывая этот случай, не адресует повинным в нем зодчим ни единого упрека. Для него очевидно "подлинная" причина падения храма — божественное соизволение: ". . . се знамение показася, — уверенно констатирует он, — яко хочет власть. . . вся земля Новгородская разрушится"²⁹. Другие строительные мероприятия Евфимия II оказались более успешными. Архитектурными памятниками, созданными в период его правления, восхищался выдающийся славянский и русский писатель XV в. Пахомий Серб, дважды посетивший Новгород (в 40-х и 60-х годах столетия). Между прочим,

²⁵ См.: Карамзин Н.М. История Государства Российского. СПб., 1842. Кн. 2, т. 5. Примеч. 222. Стб. 86.

²⁶ История русского искусства. М., 1954. Т. 2. С. 319.

²⁷ См.: Там же. С. 318.

²⁸ См.: История русской литературы. Т. 2. ч. 1. С. 255.

²⁹ См.: Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. 2, т. 5. Примеч. 254. Стб. 121.

среди ближайших помощников владыки Евфимия Пахомий упоминает "некоего инока, казначея, хитра суца и художна к умышлению", который, по мнению Д.С. Лихачева, "возможно и был настоящим инициатором и осуществителем построек поры Евфимия"³⁰. Подлинным восхищением "хитрымь рукоделиемь", "мудростью недоуменной" западноевропейских зодчих и скульпторов пронизаны строки "Хожения на Флорентийский собор", написанного в 1439 г. неизвестным суздальцем – участником русского посольства в Италию (137–151; ср. также: "Хожение Авраамия Суздальского", 152–161). О славной работе искусных константинопольских "магистров и грацких делателей" увлеченно пишет и Нестор-Искандер в "Повести о взятии Царьграда турками" (216–220).

Итак, в XIV–XV вв. образ зодчего – конкретной творческой личности, наряду с его "коллективным образом", все активнее входит в оригинальную древнерусскую литературу. В определенной степени данный процесс стимулировали также некоторые переводные памятники, в частности "Сказание о создании великиа Божиа церкви святыа Софеа, яже есть в Костянтине граде". Неизвестный автор "Сказания" дает подробные сведения о ходе грандиозного строительства цареградской святыни. Подчеркивая деятельное участие в строительных работах самого императора Юстиниана ("Царь же Иоустиан размерив место, и обрете во основе вечный камень от олтаря даже и до долныа страны. . . Начен же царь здание церковное основы творити. . ."), он в то же время пишет: "Бяше же хитрых мастеров 100, имеющих наемитов 100, яко бысть всех 1000. Бяше же пръвый зижител Михаило, второй Игнатей" (291). Из комментария Ф.И. Буслаева, опубликовавшего это произведение по списку XVI в. (ныне рукописи ГИМ: Синод. № 792), можно заключить, что за читаемыми в нем именами "жижителей" – "Михаило" и "Игнатей" – стоят исторические лица: архитекторы Артемий из Траллеса ("гениальный, но и сведущий в математических науках человек"), а также «не менее славный его сотрудник "Исидор из Милета", оба – уроженцы Малой Азии, страны, издревле славившейся своими колоссальными постройками»³¹. Вместе с тем наличие в произведении двух зодчих наводит на мысль о библейской параллели (Веселеил и Елиав, Соломон и Зоровавель). Любопытно, что в другом переводном произведении – "Повести о создании и поплении Тройском", появление которого в русской письменности исследователи относят к XV в., речь идет тоже о двух зодчих. Это, правда, мифологические существа, "дьяволы земные" Тебуш и Нептенабуш (т. е. Феб и Нептун), коих для строительства троянских стен призывает царь Приам (подобно тому, как Соломон в апокрифической "Повести о Соломоне и Китоврасе" призывал на помощь демонов, "дивия зверя", Китовраса)³². Своеобразным вариантом эпического мотива "двух зодчих" представляется изображение согласной деятельности двух братьев-китовторов, которое находим в новгородской "Повести о Благовещенской

³⁰История русской литературы. Т. 2, ч. 1. С. 255–256.

³¹Буслаев Ф.И. Соч. СПб., 1908. Т. 1. С. 282.

³²См.: Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 278–281.

церкви" (около XIV в.). В ней рассказывается, как два родных брата – Григорий и Иоанн, ставшие позднее новгородскими архиепископами, "помыслиста. . . создати монастырь во имя пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Благовещения". И так они изначально, возможно, своими собственными силами "поставиша церковь древяну, и монастырь сотвориша, и соградиша, и вся, яже на потребу, устроиша и келии и трапезу". Но затем "не по мнозе времени, совещастася поставити церковь каменну, и наяша *хитрецевъ, зяждущих* церкви" (464)³³. В дальнейшем здесь обрисована ситуация, на которой мы хотели бы задержать внимание. Когда стены возводимой строителями церкви были доведены до уровня плеч, "не доставшу сребру на совершение". Деньги, недостающие ктиторах для завершения постройки храма, чудесным образом посылает его патронесса – Богородица.

Описанный эпизод по своему замыслу явно напоминает рассказ о "втором чуде" из упомянутого прежде "Сказания о создании великия Божия церкви святыа Софеа". Вот краткое изложение этого рассказа. Царю Иустиниану не хватило золота на позолоту закомар уже отстроенного храма, тогда ему, "стоящу горё на зданной стене", вдруг явился "кажник" (т. е. ангел в виде скопца), который вручил недостающее золото и исчез вместе с дивными палатами, куда были посланы царские слуги.

Подобные "чудеса", а также знаменательные "видения" и пророчества в XIV–XV и последующих веках становятся все более привычной частью летописных, житийных и других рассказов, связанных с архитектурной тематикой. В "Повести о взятии Царьграда турками" Нестора-Искандера выбрать место для новой столицы царю Константину помогает вещий сон («Слыша в сне глас: "Въ Визандию подобает Константину-граду създатися"»), а после, перед ихнографической разметкой места, царю и всем людям его было страшное пророческое знамение, предвестившее будущую гибель и последующее возрождение города (216–218)³⁴.

Автор второй редакции "Жития Варлаама Хутынского" (1438 г.) не преминул отметить, что выбрать надежное место под монастырь святому помог "некий божественный луч", "осиявший" берег Волхова³⁵. "Свет велик сияюще на Западно стране. . . аки заря преклоняше от небеси и к земли" – видение, которое наводит князя Федора Семеновича в летописном "Сказании об основании Воскресенской церкви, что у Соли Галичской" на мысль "воздвигнути церковь Воскресение Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, понеже воскресение свет видел и монастырь устроить" (43–44). Преданий такого типа немало в "Житии Сергия Радонежского", перерабо-

³³Ранее уже шла речь о взаимоотношениях заказчиков и подрядчиков при строительстве зданий в Древней Руси. В этой связи ср. также: Романов К.К. К вопросу о влиянии взаимоотношений между строителями и заказчиками на формы зодчества в Новгороде XV–XVI вв. // Изобразительное искусство. Л., 1927. С. 38–53.

³⁴Ср. также такие тексты, как "О съставлении Дохнарского монастыря чудо", или "Чудо архистратига Михаила, бывшее в Святей горе" (6), "О Ватопедском монастыре в Святой горе чудо" (361–362).

³⁵См.: Дмитриев Л.А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Л., 1973. С. 23.

танном в середине XV в. Пахомием Сербом; они вошли в рассказы "О начале монастыря иже на Киржаче", "Начало Андроникова монастыря", "Начало Симоновского монастыря", "О монастыре иже на Дубенке", "О Голутвинском монастыре", "О монастыре Высоком", не говоря уже о подробно описанной Пахомием истории основания Троицкого монастыря (368–392).

В "Житии митрополита Петра" отразилась одна из важных тенденций, исходивших в то время от русской церкви, – тенденция к усилению церковного контроля над монументальным культовым строительством, даже если таковое осуществлялось под эгидой великого князя. Петр "пророчествова" московскому князю: "Аще мене, сыну, послушаеши и храм пресвятое Богородици въздвигнеши въ своем граде, и самъ прославишися паче инех князий, и сынове и вьнуци твои в роды и град съ[й] славен будет в всех градах Русских. . . Сиа убо словеса князь от учителя с радостию великою прием, начят с тщанием о церкви прилежати" (211–212). Однако ближе к концу XV столетия обнаруживает себя решительное желание Московского великокняжеского двора (заметно укрепившего свое могущество благодаря присоединению к Москве большей части исконно русских земель) освободиться от церковной опеки, проводить самодержавную хозяйственную и культурную политику. Это сказалось и в ряде радикальных архитектурно-преобразовательных мероприятий Ивана III. Выражая позицию встревоженной ими части высшего русского духовенства, Новгородский архиепископ Геннадий писал в 1495 г. к митрополиту Зосиме: "Ныне беда ся стала земская. . . церкви извечныя выношены из города вон, да и монастыри с места переставлены. . . Здесь приехал жидовин новокрещеной, Данилом зовут, да мне сказывал за столом. . . князь *де великой* на Москве *церкви из города в селы метал вон*. . . А что дворы отодвинуты от города, ино то и в лепоту; а церкви бы стояли вокруг города: еще бы честь граду большая была. . . Где престол стоял, да и жертвенник, а ныне те места не огорожены: ино и собаки на те места ходят и всякой скот" (285, 287). Здесь уже нет хвалебного уподобления московского князя "премудрому архитектону", но есть осуждение его действий: он "*церкви извечныя. . . метал вон*" из Москвы. И хотя Геннадий не дает прямой оценки новым московским зданиям (а вместе с тем и их творцам), которые по указу государя освобождались от старой застройки, из сказанного должно быть ясно, что отношение к ним новгородского владыки более чем сдержанное. Подчеркнем еще раз, что такой настрой мысли разделялся отнюдь не всеми иерархами русской церкви. Тот же митрополит Зосима видел в великом князе Иване Васильевиче "нового царя Константина новому граду Константину – Москве, и всей русской земли" (Предисловие в "Изложении пасхалии", 795), а стало быть, и градостроительные преобразования великого князя митрополит оценивал иначе, чем Геннадий и его единомышленники.

Напомним, что в это время в столице трудились видные итальянские зодчие: Аристотель Фиораванти, Антон Фрязин, Марко Руффо (?), Пьетро Соларио, Алевиз Старый да Каркано. Вместе с ними работали лучшие русские мастера, вызванные сюда из разных областей России. Однако силами итальянских зодчих были воздвигнуты главные сооружения

Московского Кремля — его монументальные стены (1485–1499 гг.); Успенский (1477 г.) и Архангельский (1509 г.) соборы; казна (1483–1485 гг.); Грановитая палата (1487–1491 гг.); не сохранившийся до нашего времени дворец (1499–1508 гг.); а также другие каменные здания.

Плохо скрываемое недоверие к "фряжским хытрцам" испытывали многие из русских наблюдателей, но и любопытство к их жизни и творчеству было не меньшим. *Впервые* в истории древнерусской литературы фигура зодчего оказалась под столь пристальным вниманием писателей. Так, некоторые летописи в своих разделах, посвященных последней четверти XV в., помещают многочисленные подробности о личности, мастерстве и даже о семье и домашнем укладе "магистра инженерных работ" Аристотеля Фиораванти. Живейший придирчивый интерес летописца вызывало буквально все, что делал иноземный мастер при строительстве соборного храма Успения в Кремле. Рассказав о безрезультатной попытке Ивана III вызвать искусных мастеров из Пскова ("поне же бо. . . навикши тамо тому делу каменосечной хитрости" — "Московский летописный свод", 302) и о неудаче, постигшей "первых зиждителей" собора — Мышкина и Кривцова (выстроенное ими здание в 1474 г. неожиданно рухнуло), он переходит к обстоятельному изложению дальнейших событий: сменивший московских зодчих Аристотель быстро определил главную причину разрушения церкви — слабый раствор, и велел разобрать оставшиеся стены. Затем "на первое лето изведе церковь из земли Аристотель, известъ же как тесто густое растворяше, а мазаше лопатками железными, а камень равной внутри класти повеле; столпы же едины четыре обложи круглы, стоять, а в олтаре 2 столпа кирпичные, те на 4 углы, а *все делано в кружало и в правило*. . ." ³⁶ Одобрительный в целом тон летописца сменяется откровенным восторгом, когда он переходит к описанию завершенной Аристотелем Фиораванти постройки: "Бысть же та церковь чудна вельми величеством и высотой, светлостью и зъвноюстью и пространством, такова же прежде того не бывала в Руси, опроче Владимирския церкви, видети бо бяше ея мало оступив кому, яко един камень" (324). Приведенное сравнение московского Успенского собора с одноименным прославленным памятником древнерусской архитектуры показательно уже само по себе. Но осведомленный читатель этих строк мог знать, что с монолитом ("яко из единой горы") в древнерусской литературе сравнивались лишь храм Соломона и София цареградская; тем весомее звучала для него похвала творению итальянского зодчего ³⁷.

И все же интерес древнерусских писателей распространялся в это время не только на иностранных, но и на видных отечественных зодчих. Приблизительно в последнюю треть XV в. была составлена уникальная в своем роде "Ермолинская летопись". Название свое она получила в

³⁶ Ср.: Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. 2, т. 6. Примеч. 103. Стб. 23–24. Ср. также: "Московский летописный свод", 3–23.

³⁷ Почти через полвека это подтвердит игумен псковского Елеазарова монастыря Филофей. В своем послании государеву дьяку М.Г. Мисюрю-Мунехину он провозглашает, что Успенская церковь, "иже есть в богоспасаемом граде Москве", "едина въ вселенней паче солнца светится" (452).

связи с тем, что многие ее статьи посвящены жизни и архитектурно-строительной деятельности Василия Дмитриевича Ермолина³⁸.

Выходец из богатого купеческого рода, Ермолин, по-видимому, был не просто рядовой мастер-исполнитель. В летописи о нем часто говорится как о "предстателе", т.е. подрядчике, выполняющем "наряд". "Того же (1462. – В.Б.) лета... священа бысть церковь камена святыи Афонасий на Москве, во Фроловскихъ воротехъ, а придель у неа святыи Пантелеймон, а ставил ее Василей Дмитриевъ сынъ Ермолина. Того же лета стена поновлена городная от Свибловы стрелъницы до Боровицкихъ воротъ, каменем, представительством Василия Дмитриева сына Ермолина... лета (1469 – В.Б.) в Сергееве монастыри у Троици поставили трапезу камену, а предстатель у нее был Василей Дмитриевъ сынъ Ермолина..."; или – "Того же лета (1464. – В.Б.), месяца июля 15, поставлен бысть святыи великий мученикъ Георгий на воротехъ на Фроловскихъ, резанъ на камени, а нарядомъ Васильевымъ, Дмитриева сына Ермолина" и т.п. (442). Таким образом, вероятно, артель, или артели мастеров, возглавляемые Ермолиным, выполняли весьма крупные и ответственные заказы самого различного архитектурно-строительного профиля. Среди его заказчиков значатся имена членов великокняжеской семьи, митрополита Филиппа и др. Названы в летописи и некоторые сотрудники Ермолина. К примеру, Иван Голова Володимиров, с которым он не сошелся во мнениях ("промежь ихъ бысть прѣя") по поводу совместного участия в строительстве церкви Успения Богородицы в 1472 г. в Москве.

Наше представление о новациях в изображении русскими писателями XV в. непосредственных творцов зданий может быть неполным и неточным, если не учитывать, во-первых, то, что эти новации не отмечали прежних (неконкретизирующих или предельно лаконичных) форм повествования о творчестве зодчих, вписываясь с ними как бы на равных основаниях в литературную традицию; во-вторых, несмотря на заметный интерес писателей к личности мастерового человека как таковой, *крупного плана* в его изображении они еще не добиваются.

В русскую литературу следующего, XVI столетия зодчий входит молчаливо, без слов, представляемый преимущественно через свою неординарную профессиональную деятельность, окруженный целым "облаком" связанных с нею специальных терминов.

При этом все четче вырисовываются контуры иерархической квинты значимости участия различных сил в создании архитектурных памятников, каковы, согласно установившимся к тому времени воззрениям, обуславливались 1) "изволением" Божиим (или святых); 2) "повелением" великого князя; 3) "благословением" церковного иерарха; 4) "представительством" главы артели; 5) и, наконец, "хитрым рукоделием" мастеров-исполнителей. Как видим, в этой иерархии зодчему по-прежнему отводилось только последнее место. Нередко оно оставалось последним и в

³⁸ Летопись, "доведенная до 1481 г., — отмечает Я.С. Лурье, — была составлена после смерти Ермолина (строительная деятельность его оборвалась в 1472 г., но дата смерти неизвестна) как своего рода памятный летописный свод" (ПЛДР. Вып. 5. С. 654.).

порядке изложения летописцами известий о какой-либо архитектурной постройке. Так, описывая бурно продолжавшееся в Москве первой трети XVI в. каменное строительство, "Постниковский летописец" сообщает под 7022 (1513) г.: "Тое же весны князь велики Василей повеле заложити и зделати церкви каменные и кирпичные на Москве на Большом посаде Введение пречистые да Володимер Святый в Садах, да Благовещение святыя Богородица в Воронцове, да в городе на своем дворе Рождество пречистые, у нея же придел святыи Лазарь, да за Неглинною Леонтей, чюдотворец ростовский, да Петр, чюдотворец московский и всеа Руси, да на Ваганькове Благовещенье Богородицы, да за Черторье Алексей человек Божий в Девичье монастыре, да за рекою Усекновенье честныя главы Ивана Предтечи под Бором, да на Устретенской улице Введение пречистые. Да того же лета *поставиши церковь при ее животе кирпишную Варвару святую Василей Бобр з братьею с Вепрем да со Юшком Сурви-хвостовым. А всем тем церквам мастер был Алевиз Фрязин*" (11)³⁹.

Пространный, эмоционально окрашенный рассказ о строительстве каменного храма Григория Армянского в Хутынском монастыре содержит новгородская летопись. Постройка церкви началась в апреле 1535 г., "и совершиша ю в два лета о едином версе, но *вельми чудно, яко таковы несть в Новгородской земли: окольная стена имея углов 8, а двери 5... А строитель церкви игумен Феодосий, иже взят бысть из Иосифова монастыря; а мастера тверския земли: большему имя Ермола...*" ("Софийская вторая летопись", 296)⁴⁰.

И здесь, несмотря на превосходную оценку работы, речь о фактических ее исполнителях – в последнюю очередь. Вряд ли такой порядок изложения можно объяснить лишь структурной спецификой соответствующих летописных записей, – в нем отразилась общая мировоззренческая позиция писателей.

В только что цитированном нами тексте заслуживает рассмотрения именование хутынского игумена "строителем". Конкретный анализ древнерусской литературы показывает, что этим термином далеко не всегда обозначались лица, имевшие непосредственное отношение к архитектурной практике, труду "церковных делателей". Довольно часто под ним подразумевались *устроители* (т.е. организаторы) монастырской, хозяйственной, государственной жизни или же вкладчики, инициаторы определенной постройки, которая осуществлялась приглашенными для этого мастерами. Однако нам уже приходилось говорить вначале о студийских монахах, которые обучались в своей обители "зиждательству" и другим искусствам, необходимым в оформлении внешнего и внутреннего убранства зданий. В XVI в. (до 1521г.) епископ тверской Нил

³⁹Имеется в виду Алевиз Новый, проработавший в России с ноября 1504 г. по 1531 г., когда в результате взрыва на московском пороховом заводе был разрушен и "Алевизов двор". Летописи не уточняют, погиб ли при этом зодчий или нет. Но с тех пор его имя в них не упоминается. См.: Земцов С.М. Зодчие Москвы второй половины XV и первой половины XVI века // Зодчие Москвы. М., 1981. С. 70 – 76.

⁴⁰См. также: Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн.2, т. 8. Примеч. 71. Стб. 14–15; Булкин В.А. Древнерусское зодчество в оценке летописи // ТОДРЛ. Л., 1985. Т.38. С.214.

писал о святом Афанасии: "Великий Афанасий Афонский создал великую Лавру и в ней церковь святых Богородицы... И так... совершили великую ту церковь, иже стоит еще и до сего дня, и по совершению великий Афанасий с своим учеником пошли вверх церкви в лоб очистити кружала и подпоры, понеже сам был великий на то мастер и создатель..." ("Послание князю Георгию Ивановичу" епископа Нила, 187)⁴¹. В русских монастырях этим навыкам тоже старались уделять внимание, о чем, в частности, свидетельствуют такие записи: "... в четверток игумен Пафнутие и зосиминскими пустынники з братею заложил храм теплой, а церковь полутреи сажени..."⁴² Корнилий Комельский в 1515–1517 гг. с братией же "постави превелику" церковь Богородицы, начал "келейное здание" и устроил "четвероуголен образ монастырю" ("Устав" Корнилия Комельского, 257). Так что отнюдь не исключено широкое участие в различных постройках, которые производились в Московском государстве, наряду с профессиональными зодчими-мирянами и русского монашества, обученного архитектурному делу непосредственно в монастырях. Ко всему прочему, на Руси традиционно многие люди разных сословий владели плотничьим искусством. И если еще в XI в. занятие плотничеством могло вызывать у некоторых едкую иронию (см. выше), то в XVI в. отношение к нему заметно изменилось. Об этом, в частности, свидетельствует упомянутое послание епископа Нила сыну Ивана III и Софьи Палеолог, князю Юрию (Георгию) Ивановичу. Князь Юрий проявил заботу о душе умершего плотника; он спрашивал у святителя, по какому обряду надлежит того похоронить. На что Нил отвечал: "Пишешь, государь, к нашему смирению: с церкви с Покрова святых Богородицы в твоём селе в Покровском упал плотник да и умер. И ведомо, государь, от начала супостат наш враг завистник роду человеку: православный человек благодаря Бога пошел создати, а не разорити, и враг своим лукавством запял... А яз тебя, государя, благословляю... а по том... человеку, что упал с церкви, поминати, яко и по прочем христианине" (187).

Замечательными архитектурными творениями русских плотников восхищались многие русские писатели времени Ивана Грозного. К примеру, автор знаменитой "Казанской истории" так говорит о поставлении города Свияжска: царь посылает под Казань "многочисленное войско руское... и хитрецы, и градоздавцы, и делатели... Также и все... радостно поидоша... везуще с собою готовый град деревянный на великих лодиях белоозерскихъ, того же лета *новъ и хитръ* строениемъ... И Божиим повелением и поспешением въскоре дело конец прият не во мнози дни и, *готовый собравше, поставиша град велик* и красенъ в лето 7059-го

⁴¹Ср. также сказания XVI в. об афонских монастырях — см.: Шмидт С.О. Сказания об афонских монастырях в новгородской рукописи XVI века // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967; см. также: Сеницына Н.В. Послание Максима Грека Василию III об устройстве афонских монастырей (1518–1519) // Византийский временник. М., 1965. Т.26. С.111 и след.; "Об Афонской горе и тамошних монастырях", С.133 об.—134.

⁴²См.: Дмитриева Р.П. Волоколамские четьи сборники XVI века // ТОДРЛ. Л., 1974. Т.28. С.224 (сведения по летописному сборнику 20-х годов XVI в.: ГБЛ. Муз. № 3841).

месяца июня въ 30 день” (390–392). Детали были изготовлены заранее в Угличском уезде под руководством дьяка Ивана Выродкова⁴³.

Князь Андрей Курбский в своей “Истории о великом князе московском” называет эту, построенную на Свияге крепость “градом превеликим, зело прекрасным”, “воистину зело прекрасным” (230, 234). Кстати, после взятия Казани в строительстве в ней деревянных церквей принял живое участие сам царь Иван Васильевич. Описание этого эпизода в “Казанской истории” отличается непосредственностью и, несмотря на использование графического выражения – “рукама своима”, – звучит неординарно: “И вскоре восхоте благоверный царь обещание свое исполнити, еже обещася пред образом Спасовым, х Казани пошед: мечети поганая раскопати и святыя церкви воздвизати на местех их. И повелеваеть всемъ воеводамъ и воемъ на плещах своих от леса дровие носити, *самъ преже рукама своима древо секирою посече и от леса на плещу свою принесе*. И во единъ день созда храмъ соборный Благовещение пресвятыя владычицы нашея Богородицы на месте красне, на площади близ царева двора, предела два имущи... Вторую же церковь постави Воскресение Господа нашего Исуса Христа...” и т.д. (536).

Иначе обрисовал участие царя в закладке каменного Покровского собора в Москве составитель “Пискаревского летописца”: в 1560 г. «повелением царя... Ивана зачата делати церковь обетная, еже обещался во взятие Казанское: Троицу и Покров и семь пределов, еже имянуется “на Рву”. А мастер был Барма с товарищи. И прииде царь на оклад той церкви с царицею Настасиею и с отцем богомольцем Макарием митрополитом ... И стали молебны совершати и воду святити. И *первое основание сам царь касается своима рукама*. И разсмотриша мастера, что лишней престол обретется, и сказаша царю. И царь, и митрополит, и весь сунклит царьской во удивление прииде о том, что обретется лишней престол. И поволи царь ту быти престолу Николину: “И изволи де Бог, и полюби то место Никола, а у меня де не бысть в помышлении того”» (189). Здесь участие царя в закладке здания прямо показано как часть соответственного обряда, включавшего пение молебнов, затем – окропление избранного места святою водою и символическую закладку царем первого камня в основание храма. Данный церемониал, судя по приведенному тексту, предполагал также символическую *разметку* царем строительной площадки (т.е. нанесение им общих контуров земельного чертежа). Очевидно, во всех прочих случаях выбор места строительства и разметка земли производились священниками по принципу, если так можно выразиться, мистического наития или откровения. Вот два характерных примера. В 1555 г. казанскому архиепископу Гурию царским указом предписывалось задержаться в Чебоксарах, дабы исследовать, где “*благоволит Бог граду быти... и назнаменати место*, где граду быти, и молебная пев, и молитва граду говорити, и все освещение граду совершити, яко же указано во уставе, по знаменанному месту градскому со кресты ходити” (288). А Паисию Угличскому, который, согласно краткой редакции его “Жития”, составленной в конце XVI – начале XVII в., всю ночь молился перед

⁴³См.: ПЛДР. Вып.7. С.615 (коммент.).

закладкой в Богоявленском соборной каменной церкви, является Богородица на облаке, и не только место для постройки, но и самые размеры храма обозначаются лучами божественного света, исходящими от пяти вспыхнувших вдруг в небе крестов, "светящих до земли, — четыре косвенно, пятый же впрямь". Строго руководствуясь этим указанием, строители поставили соборный алтарь не на восток, как было принято, а на юг (227)⁴⁴. Летописец свидетельствует, что разметка была произведена именно царем Иваном, но либо непрофессионально — ведь потребовалось же "рассмотрение" ее мастерами, — либо без должного внимания. Не исключено, что царь, отличавшийся, как известно, особой жестокостью и злопамятностью, не удовлетворился только тем, что списал за счет божественного провидения допущенную погрешность, на которую ему тут же публично указали зодчие во главе с Бармой. Правда, единственным основанием для этого предположения служит довольно поздняя и к тому же не находящая себе подтверждения в древнерусских источниках легенда об ослеплении, по приказу Ивана Грозного, Бармы Постника⁴⁵ после завершения им строительства Покровского собора. По словам записавшего легенду иностранца, талантливый зодчий был ослеплен будто бы потому, что царь не хотел, чтоб тот применил свое поразительное искусство вновь для кого-то другого. А между тем, если принять во внимание рассмотренное свидетельство "Пискаревского летописца", более предпочтительным будет другое объяснение: изуверский акт мог быть совершен над зодчим в качестве наказания за его "излишнюю" зоркость и смелость. Но, повторяем, русская литература XVI в. молчит обо всем этом. Возможно, пролить дополнительный свет на данную историю позволят дальнейшие изыскания. Так, нередко ценный материал для восстановления биографии того или иного зодчего, дополняющий летописные и другие литературные источники, дают грамоты. В этом плане немалый интерес представляет царская грамота, посланная в 1556 г. новгородским дьякам. В грамоте, как бы в подтверждение слов "Никоновской летописи" о том, что Грозный "нещадною десницею украшение церковное любяще" (статья 1556 г., 273), царь демонстрирует особую заботу об искусных резчиках по камню, тепло называя одного из них, Мара (или Марка) Нефедьева, "Марушей". "Мы послали в Новгород мастера печатных книг Марушу Нефедьева, — пишет он, — велели ему посмотреть камень, который приготовлен на помост въ церковь къ Пречистой къ Сретению. Когда Маруша этот камень осмотрит, скажет вам, что он годится на помост церковный и лице будет на него наложить можно, то вы бы этот камень осмотрели сами, и мастеров добыли, кто бъ на нем лице наложил, как у Софии Премудрости Божией; а если сам *Маруша захочет поискусится*, лице наложить, то вы бы для образца прислали къ

⁴⁴См.: *Киссель Ф.* История города Углича. Ярославль, 1844. С.183—199; *Б. фон Эдинг.* Ростов Великий. Углич: Памятники художественной старины. М., б.г. С. 164.

⁴⁵О том, что городской мастер Барма и Постник Яковлев — одно лицо, см.: *Кузнецов И.И.* Покровский (Василия Блаженного) собор в Москве. М., 1900; *Калинин Н.Ф.* Постник Барма — строитель собора Василия Блаженного в Москве и Казанского кремля // Сов. архитектура. 1957. № 3. С.261 — 264.

нам камня два или три; да велели бы испытать всех трех камней: железницы, голубицы и красный. Маруша же нам сказывал, что есть в Новгороде, Васюком зовут, Никифоров, умеет резать резь всякую, — и вы бы этого Васюка прислали къ нам въ Москву”⁴⁶. Цитированная нами царская грамота 1556 г. небызынтересна также в том отношении, что проливает свет на начальную историю книгопечатания в Москве. В ней резчик Нефедьев прямо именуется “мастером печатных книг”, он же рекомендует царю другого мастера — Никифорова. Таким образом, известные слова Ивана Федорова в послесловии к “Апостолу” (260 об.) о том, что по указу зодчего “начаша изыскивати мастерства печатных книг, в лето 6061” (т.е. 1553) не является “алогизмом в обозначении годов”⁴⁷. В 1553 г. поиски мастеров-книгопечатников, видимо, действительно начались среди мастеров резьбы по камню, они продолжались, и по прошествии трех лет по крайней мере один мастер, Маруша Нефедьев, уже был найден и привлечен царем.

Любопытные подробности о творчестве “мастера церковного” Захара дает грамота царя Федора Иоанновича, отправленная в 7100 (1592) г. в новгородской Антониево-Сийский монастырь. В ней говорится, что зодчий был послан из Москвы “по челобитью игумена Питирима с братиею” и что на время строительства монастыря были даны льготы. В “те льготные лета, в пять лет, — читаем далее, — четыре года запас на церковь пасли, сваи, камен дичен и опоку и известь и песок и железо кирпичу-де сделали в нашу меру больше четырех сот тысяч, а мастер-де Захар подошву завел и сваи набил и камнем до половины выбутил, а церковь мерою заведена в Вознесенскую меру, что в Девиче монастыре у нас на Москве” (30–31). Не будем вдаваться в подробное комментирование этого текста⁴⁸. Сейчас хотелось бы только отметить, что грамоты XVI в. содержат богатейшие сведения, относящиеся к творческому, деловому портрету того или иного зодчего, того или иного мастера каменных дел.

Не менее ценным источником являются приходно-расходные и вкладные книги. В этом плане показательны новейшие разыскания советских историков архитектуры, касающиеся документальных известий о строителях (“градоделателях”, “градцах”) крепости Соловецкого монастыря. Три известных ныне “Соловецких летописца” конца XVI в. сообщают о начале строительства коротко, почти в идентичных выражениях: “Того ж году (7090 — 1582. — В.Б.) на Соловки приехал Иаков с Москвы и начат делати на Соловках город каменной...”⁴⁹. Из приведенной статейки

⁴⁶См.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. 2-е изд. СПб., б.г. Кн.2, т.7. Стб.389.

⁴⁷См.: Демин А.С. Писатель и общество в России XVI — XVII веков: (Общественные настроения). М., 1985. С. 25–26.

⁴⁸Подробнее см. новейшее исследование: Баталов А.Л. Собор Вознесенского монастыря в Московском Кремле // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник—1983. Л., 1985. С. 468–482.

⁴⁹См.: Косточкин В.В. Новые данные о стенах и башнях Соловецкого монастыря // Архитектурное наследство. М., 1972. Вып. 20. С. 33–38; Буров В.А., Скопин В.В. О времени строительства крепости Соловецкого монастыря и ее зодчем монахе

нельзя узнать, кто возводил крепостные стены и здания, как оценивался в монастыре труд зодчих. Ответить на эти вопросы позволяет исследование монастырских вкладных книг. В одной из них говорится: "С Вологды Иван Михайлов сын каменщик делал город каменный два года лета 7090 да 91 за 20 рублей, вкладом по десяти рублей на год". Как отметили В.А. Буров и В.В. Скопин, в записи "обращают на себя внимание годы работы мастера в монастыре – 1552 и 1583 гг. Это время начавшегося строительства крепости. Высокая оценка его труда – свидетельство большого вклада в ее сооружение, творческой самостоятельности и опытности". В другой «старой вкладной книге Соловецкого монастыря (ЛОИИ), – пишут те же исследователи, – ...среди прочих обнаружены следующие записи: "Да *старец* Трифон ненакшанин Кологривов дал вкладу 20 рублей", через несколько страниц: "*Старец* Трифон ненакшанин делал город каменный двенадцать лет, да ставил церковь каменную Благовещение пресвятыя Богородицы на воротех, да переходы делал на монастыре каменные. И игумен Исидор, поговоря с старцы с соборными за те ево труды написали в книги за вклад за пятьдесят рублей к прежнему его вкладу, и как Бог пошлет по душу его написать в литию без выписки и поминать его как и прочую братью вкладчиков докуды сия обитель стоит". Судя по порядку записей в книге, первая из них относится к 80 – 90-м годам XVI в., а вторая – к 1602 г. ...Данные сведения рисуют фигуру крупного русского зодчего конца XVI – начала XVII вв., чьи постройки – валунная крепость, каменные галереи, надвратная церковь – дошли до настоящего времени»⁵⁰.

Многие выдающиеся зодчие XVI столетия славны, в первую очередь, своими фортификационными сооружениями. Почти непрерывные войны, которые Россия вела в течение всего столетия с Польшей и Литвой, Ливонией и Швецией, а также с крымскими ханами, обуславливали необходимость тщательного укрепления русских городов и монастырей, создания в них мощных крепостей. Именно в это время новыми – каменными – крепостными стенами обстраиваются Новгород, Ярославль, Владимир, Тверь, другие старинные русские города, возводятся кремли в Казани, Астрахани, Смоленске. Неудивительно поэтому, что "градо-строительная" тематика занимает едва ли не центральное место в тех памятниках русской письменности XVI в., в которых заходит речь об архитектуре.

Более всего известий о "градоделателях", мастерах "турских" (= башенных) содержат летописи, государевы и владychные грамоты, приходно-расходные и вкладные книги, т.е. документально-историческая и деловая литература. Однако, сообразно известным особенностям документальных жанров, сведения эти отличаются определенной сухостью, в основном го-

Трифоне // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М., 1985. С. 58–59. Тексты названных летописцев читаются в следующих рукописях: ГИМ. Хлудов. № 184. Л. 1099 об. – 1131 об.; ГПБ. Соловецк. № 22/1481. Л. 71 об.; ГПБ. Соловецк. № 877/987. Л. 215 об.

⁵⁰Буров В.А., Скопин В.В. О времени строительства крепости Соловецкого монастыря... С. 69,64.

ворят о практической деятельности мастеров, а не о них самих. Поэтому для нас не менее важно, что повышенный интерес к ним проявляла также историческая беллетристика. Мы уже рассмотрели эмоционально окрашенное описание строительства свияжской крепости в "Казанской истории". Но архитектурная тематика на этом в ней не исчерпывается, 69-я глава "Истории" ("О пришедших фрязах. . .") представляет еще более восторженный панегирик, на сей раз – невиданному искусству итальянских фортификаторов. По словам писателя, эти *"выхитренныя мудрецы фрязи иноземца"* были посланы царю самим Богом, внезапно, *"яко аггела. . . ко Иисусу Навину"*. Царь сразу определил, что они – *"честныи мужи и взоромъ добры"*, и не ошибся. *"Хитрецы же со усердием яшася по делу. . . И прежде учиниша стрелцемъ с четырех странъ града башни 4 фряским обычаем – с каменiemъ и з землею, крепки и высоки, с тремя бои: с верхнимъ и среднимъ, и нижнимъ. . . И совершивше башни хитрецы и мосты на рвех и чрез реки мудростию великою, и вскоре другому делу болшому касаются, его же през того никто же на Руси видал"*. Порученное им дело расторопные итальянцы выполнили *"вборзе", "стройно и спешно. . . яко дивитися самодержцу и княземъ, и воеводамъ его новой мудрости той"* (494–498)⁵¹. До сих пор в древнерусской литературе зодчий мог хвalebно уподобляться легендарным библейским строителям, его творения априори осенялись божественными знамениями, в работе ему помогали святые и ангелы, но он не сравнивался с последними. Конечно, в данном контексте главный акцент проставлен на той мысли, что Ивану Грозному суждено овладеть Казанью с не меньшим блеском, чем Иисусу Навину удалось овладеть Иерихоном, разрушив его стены, *"магнитом утверженныя"*. И все же от этого отмеченное сравнение зодчих с ангелами не теряет своей силы. Пожалуй, впервые в тон сравнению им дана и общая *портретная характеристика*: достойные, благообразные на вид, мудрые, усердные в работе.

Зодчие, в свою очередь, не оставались в долгу перед литературой (правда, не без учета конкретных требований высоких заказчиков). Так, в 1585 г. городской мастер Федор Конь (Кондрат Федоров) "с товарищи" начали «повелением благочестиваго царя Федора Ивановича. . . делати град Каменной на Москве, где был Земляной, а имя ему "Царьград"» ("Новый летописец", 37; "Постниковский летописец", 195)⁵². Сейчас трудно говорить наверняка, была ли эта крепость, протянувшаяся на 9 км и включавшая 27 башен, названа "Царьградом" благодаря своей грандиозности или же ее строители были реально ориентированы на создание некоего подобия оборонительных стен Константинополя (бывшего, между

⁵¹Заметим, что иностранные специалисты и писатели, посетившие Россию в XVI в. – С. Герберштейн, А. Гваньини, А. Поссевино и др., – со своей стороны, подчас изумлялись совершенному "фортификационному искусству русских", предостерегая соотечественников от его недооценки (см.: Годовикова Л.Н. Иностранные писатели XVI в. о русском городе // Русский город: Исследования и материалы. М., 1986. Вып. 8. С. 71–74).

⁵²См. также: РИБ. Пг., 1923. Т. 37. Стб. 39; Сперанский А.Н. Очерки по истории приказа Каменных дел Московского государства. М., 1930. С. 38–39; Косточкин В.В. Государев мастер Федор Конь. М., 1964; Зимин А.А. В канун грозных потрясений: Предпосылки Первой крестьянской войны в России. М., 1986. С. 127, 273, 283.

прочим, как и Москва, "семихолмным градом")⁵³. Если не исключать возможности последнего, то резонно допустить, что Федор Конь мог пользоваться в своей работе различными иконографическими и литературными источниками.

Как бы то ни было, сменивший на престоле Федора Иоанновича Борис Годунов уже прямо подвиг зодчих штудировать литературные памятники. По словам Исаака Массы, он задумал возвести храм, который "своим видом и устройством походил бы на храм Соломона. . . Мастера тотчас же принялись за работу, причем обращались к книгам Священного Писания, к сочинению Иосифа Флавия и других писателей" ("Известие о Московии", 63)⁵⁴.

Начало XVII в., время Смуты поколебало многие патриархальные устои в России и само представление современников о моральной справедливости и нерушимости сложившейся феодальной иерархии. Появление самозванчества, польская интервенция, повсеместное предательство боярами и духовенством интересов народа, крестьянская война усугубляли общий разлад и разорение государства.

Все это походило на катастрофу широчайших масштабов. Естественно, что в данных условиях для изображения мирно созидającego зодчего практически не находилось места⁵⁵. Хотя архитектурная метафорика получила самое активное применение; одним из наиболее распространенных становится в ней древний мотив "падения столпов". Например, автор "Плача о пленении и конечном разорении Московского государства" говорит о России: "Ох, увы, горе! *Како падеся толикий пирг* благочестия. . . многими летаы основан, вскоре прият разорение. . . Колики быша царския многоценныя полаты, внутрь златом украшени и шары доброцветущими устроены! . . . Какови быша доми благородных двоекровныя и троекровныя. . . Сего ради падеся превысокая Россия и разорися толикий твердый столп" (220–221).

А в "Новой повести о преславном Российском царстве" столпу уподоб-

⁵³Ср.: Зимин А.А. Сочинения И. Пересветова. М.; Л. 1956. С. 126.

⁵⁴Возможно, перед нами свидетельство нового всплеска "библейской (книжной) традиции" в официальной русской архитектуре. Первый всплеск имел место еще в конце XII в. в творческой практике мастеров Андрея Боголюбского, которого, по мнению Н.Н. Воронина, увлекала «горделивая мысль "последовать" мудрому библейскому царю» Соломону (Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. М., 1961. Т. 1. С. 339. Ср. также: Вагнер Г.К. Архитектурный образ и слово в трудах Н.Н. Воронина // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 350–351).

⁵⁵Тем не менее в русской литературе Смутного времени встречаются отдельные эпизоды, в которых упоминаются мастера, включившиеся в общенародную борьбу с иноземными захватчиками и их местными приспешниками. Эти упоминания, как правило, выдержаны в самом позитивном духе. В них либо характеризуются высокие моральные качества данных людей, либо показано теплое отношение к ним со стороны соратников. Так, Авраамий Палицын в своем "Сказании" отмечает смелый ночной рейд в осажденный поляками Троице-Сергиев монастырь "троицких каменосечцев Шулеши Шпаникова да Гараньки", доставивших защитникам монастыря из Москвы важные грамоты (176–177). Он же говорит: когда "троицкий служебник нарочит Наум оконничник" с несколькими другими защитниками крепости был взят поляками в плен, то "о сих во граде печаль бысть велика зело всем православным христианом" (160).

лен патриарх Гермоген, о котором сказано, что он "яко столпъ, непоколебимо стоитъ посреди нашея великия земли. . . единъ противу всехъ ихъ (врагов. — В.Б.)"³². Даже Москва, "мать градовомъ в Российскомъ государстве всеми стенами и многими главами. . . врагомъ и губителемъ покорила. . . кроме того. . . крепкаго и непоколебимаго столпа" (34). Гермогену не дано "стенъ крепко огражденных", зато он "словомъ Божиимъ, аки. . . некими крепкими стены оградився" (44). "Вестно и дерзостно достойти рещи, — заключает составитель повести, — аще бо такихъ великихъ и крепкихъ и непоколебимыхъ столповъ было у нас не мало. . . А ныне единъ уединенъ стоитъ и всехъ держать" (44). "Ина толка у нас ныне по бозе. . . стены и забрала, что он, государь, великий святитель. . ." (46).

Аналогичные архитектурные метафоры богато представлены в серии ранних известий, посвященных выдающемуся полководцу Смутного времени князю М.В. Скопину-Шуйскому. "Овии же убо столпа его Руски земли глаголаху, и инии же тверда и велика града имяноваху", — читаем в "Хронографе" из собрания Погодина (87). В полном соответствии с таким именованьем героя рисует автор "Повести о смерти и погребении М.В. Скопина-Шуйского" (около 1612 г.) пророческое ночное видение, что явилось некоему жителю московскому "преже преставления его княжа. . . за 15 день". "Мняхся, — говорит он, — стою на площади Госудерева меж Пречистою соборною и Архангелом. И позрех на царские полаты. И се видит ми ся, яко един столп розвалися и потече из него вода, но велми черна, что смоля или декоть (современники считали, что М.В. Скопин-Шуйский был отравлен боярами-завистниками. — В.Б.). Таже полстолпа отломився паде и по сем не вдолзе и другая полстолпа сокрушися, и обое ни во что бысть. И падение оно помнихо ми ся страшно" (323). При всей самобытности этого рассказа за ним нельзя не видеть очень давней литературной традиции, связанной с переносным — морталогическим — толкованием картин неожиданных архитектурных разрушений как своеобразных "знаков беды". Вспомним "смутный сон" Святослава в "Слове о полку Игореве", рассказ о вихре, сорвавшем верх церкви и разрушившем многие здания, в сербском "Житии Стефана Лазаревича" и др.

Поскольку речь зашла о литературных образах, тропах, заимствованных из области архитектуры, следует заметить, что древнерусская литература изобиловала ими и ранее, в основном черпая материал из библейского эстетического источника. Однако подлинный расцвет изобразительно-выразительных средств на "архитектурной основе" происходит в русской изящной словесности только в "переходном столетии", когда в ней намечается, а затем и утверждается барочный стиль.

Проиллюстрируем это еще несколькими примерами. Древнерусский термин "град" ("город") означал и крепостную стену, ограду, и город как таковой⁵⁶. Соответствующая смысловая дефиниция сохранялась и при переносе этих значений на изображение человека, традиционно опреде-

⁵⁶См.: Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка. М., 1958. Т. 1. Стб. 575—576.

ляемого как "человек внешний" (плотский) и "человек внутренний" (духовный)⁵⁷.

Для литературного изображения неизбежной деструкции первого характерна метафора, использованная в 1630-е годы приказным стихотворцем А.С. Романчуковым:

Аз же отгоним бываю сего света . . .
Ерихона животного стены разрушаются,
Шумения гласящих труб на торжища приближаются (243)⁵⁸.

Об опасности разрушения второго писал его современник, не оставивший своего имени:

Не прелщайся на красное видение,
Да не будет душевному твоему граду разорение (206).

Во второй половине века Симеон Полоцкий (как бы следуя за известными словами Максима Грека) писал в первом стихотворении поэтического цикла "Человек":

Граду леть человека есть уподобити,
в нем же царю небесну угодно есть жити.
Пятерица в нем врат есть, чувств пять разумеите,
но затворена она имети умеите.
Врази бо окрест выну того усмотряют,
да чрез отверстия врата на град нападают.
Но и внутрь града вои ковы содевают, —
страсти глаголю, — врагом град дати желают (163).

Понятно, что описанный "град" мыслился как самый совершенный, поскольку создавал его искуснейший Зиждитель — Бог, дабы вселиться и жить в нем. К этому сложному символическому образу весьма приближен образ города или храма Премудрости ("Храмы телесней", управляемой Умом), от дверей которого ведут семь "ступеней познания", т.е. семь "свободных художеств" ("Сказание о семи свободных мудростех", 141–153)⁵⁹.

При этом, по выражению анонимной "Похвалы грамматике" первой четверти XVII в.:

Грамматика убо есть твердое замыкало,
благоумием же своим ей буди ты отмыкало.
Аще убо сие заклепание отомкнеши,
тогда и внутрь комары (— В.Б.) да внидеши (370).

Поэтический "Град царства небесного" Кариона Истомина (1694 г.), согласно разъяснениям автора, — "не из камней и древа", но "словообразне", т.е. "премудростию схожных обучений, колико их есть", сограж-

⁵⁷См.: *Иоанн Дамаскин*. Полн. собр. творений. СПб., 1913. Т. 1. С. 212–216, 222, 243–246. См. также: *Максим Грек*. Соч. Казань, 1859. Ч. 1. С. 390; *Буланин Д.М.* Переводы и послания Максима Грека. Л., 1984. С. 146, 152.

⁵⁸Ср. о том же в "Эмблемах и символах" Стефана Яворского:
"Храмина тела, юже смерть непостоянна
разрушает, от худой персти бе созданна" (258).

⁵⁹См. также стихотворное предисловие В.К. Тредиаковского к сделанному им в 1712 г. списку "Грамматики" Мелетия Смотрицкого (130; по списку ГИМ: Чертков. № 337).

денный "душевный наш град" (он "внутри человеков имать быти", как город "духумудраго жития"). Сами же возводящие его науки занимают в нем многие "зданья" (17–20 об.; 27–29).

Вообще книга, как хранилище некоей истины, некоего духовного сокровища, часто сравнивалась древнерусскими писателями XVII в. с укрепленным городом или же богато украшенной палатой.

Интересный пример выделения писателем *структурного* подобия книги архитектурному сооружению дает виршевое "Предисловие к Царственной книге сиречь к Гранографу" и прозаическое "Предисловие . . . к предобрьственней книзе . . . Временник благочестивых христианских царей". В первоначальном тексте предисловие сравнивается с "малым предградием", а книга – с "великим градом", куда "по отверзении врат . . . входят, и многих дивес наслаждаются". Второй текст содержит сравнение книжного предисловия с сенями или "преддверием", без которого "несть лепо" самой книге, т.е. – "красней и преухищренней полате просту стояти". "Того ради, – читаем далее, – достоин преддверию счинитися и подписанию зретися к подобству ея и благолепию. Яко же и в царьских домех бывает. . . Или у могущих и пресловущих во градах: аще будет палата красна и паки ухитрена велми, по неи же и преддверие бывает красно и мудро соделано" (31–32).

В свете сказанного вполне закономерным выглядит тот факт, что русские книжники "переходного столетия" могли уподоблять себя архитекторам. Как это делал, например, тот же Карион Истомин, составивший в 1699 г. книгу проповедей "*Веселеил, сиесть Скиния Божия*". Эта мысленная "Скиния" "водрузися", по словам автора, его собственным "самоделотрудством" "в царствующем граде Москве в пречестней обители чудесе Архистратига Божия Михаила" (235). Писатель, таким образом, выстраивал символическую параллель между составлением им душеполезной книги и строительством легендарным Веселеилом Скинии – храма Господня.

Мы отмечали, что в переводной литературе предыдущих столетий в образе искусных зодчих порой представлялись мифологические персонажи. В XVII в. этот ряд был пополнен, о чем может свидетельствовать хотя бы раннее польскоязычное стихотворение Симеона Полоцкого "Ремесла строптивы, но достойны уважения". В нем среди прочих античных богов называется Ларунда, "нареченная матерью архитекторов". Ларунда "от Меркурия близнецов родила (ларов. – В.Б.), через которых миру свою науку передала" (116 об. – 117); напомним, что Меркурий считался покровителем гимнастики, торговли и красноречия.

Определенный интерес вызывает и "Книга избранная вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах" Николая Спафария (1672 г.), где выведена аллегорическая фигура Арифметики, "сиречь Естествочислия", которая возглашает: "Аз всякому рукоделию мера и везде всем градовом и домовом и всему жителству их правило и чин похвальный" (37).

Все это, так или иначе, отражает воззрения русских писателей XVII в. на то, каковыми знаниями и качествами должен в принципе обладать обычный зодчий. Несколько расширить наше понимание этих воззрений позволяет также глава 121 "Великого Зерцала", переведенного в 1677 г. с

польского языка переводчиком Посольского приказа Семеном Лаврецким (1-я доля), Гаврилом Дорофеевым (2-я), Григорием Кульчицким (3-я), Иваном Гуданским (4-я) и Иваном Сютинским (5-я)⁶⁰. Речь в ней идет об "убогом некоем человеке, художеством тектоне сиречь плотнике", имевшем жену "чудныя красоты, паче же краснейшу душевными добродетельми".

В отсутствие супруга к жене приходит старая сводня, посланная богатым воздыхателем, и пытается склонить ту к измене, говоря: "Ох. . . како толика я таковыя честныя матери дщи за таковым *общим или простым* человеком?" На что добродетельная жена отвечает: "*Имам добраго мужа и люблю его над всяко богатство, и любовь его ко мне паче всех вещей любославных!*" (291–292). Как и прочие рассказы книги, эта небольшая новелла весьма поучительна: в ее финале зло и порок по заслугам наказаны, честь же скромного плотника и доброе имя его жены остаются непоруганными. Однако присмотримся к образу плотника; он, по всей видимости, вполне типичен: небогат, незнатен, зато имеет способное к высокому чувству благородное сердце, за что и сам любим "паче всех вещей любославных".

В самом деле, в "переходную эпоху" среди русских строителей – плотников и каменщиков – мы не встретим родовитых семейств, хотя их социальный состав несколько расширился по сравнению с минувшими столетиями⁶¹. Большинству из них даже упорный труд особо крупной прибыли не обеспечивал⁶². Что же касается указания на внутренние достоинства "простого человека" – его чуткость, скромность и проч., – то это, в известной мере, идеальная альтернатива "внешнему богатству" имениных, которую проповедовали многие русские писатели XVII в. Например, в "Вертограде многоцветном" Симеона Полоцкого находим такие сентенции:

Не кто в злато богат есть истинно блаженный,
Но верою с благами дела исполненный (47);

Оба убо тщитесь нищий со богатым
С добродетели в небо к ликом аггел святым.
Да вечное богатство можете прияти. . . (41);

Лучше честь собою комуждо стяжати.
Нежели предков си честию сияти (536 об.).

Впрочем, древнерусская литература этого времени, кажется, была не прочь закрепить за представителями средних и высших слоев городско-

⁶⁰См.: Державина О.А. "Великое Зерцало" и его судьба на русской почве. М., 1965. С. 27–28.

⁶¹Документы XVII в. свидетельствуют, что плотническим и вообще строительным делом в основном занимались господские холопы, домовые приписные крестьяне, монастырские служки, отставные стрельцы и казаки, мещане, подьячие и дети боярские. Последние, правда, – преимущественно в роли подрядчиков или старшин. См.: Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 1872. Ч. 1. С. 36–49 и след.; ЧОИДР. 1887. Кн. 1, отд. 5. С. 133–134; ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 24; Средневековая Русь. М., 1976. С. 350–351; Богоявленский С.К. Научное наследие: (О Москве XVII века). М., 1980. С. 40, 48.

⁶²Ср.: Веселовский С.Б. Приходно-расходные книги Московских приказов. М., 1912. Кн. 1.

го населения (а среди них было немало тех, кто, как уже отмечалось, владел строительным ремеслом) приятно смягчающую ее дидактический пафос любовно-лирическую тематику. Ярким примером тому является "Повесть об основании Тверского Отроча монастыря".

Герой повести, любимый "отрок" – слуга великого князя Тверского Григорий, убитый горем из-за неразделенной любви, покидает отвергнувшую его Ксению, своего повелителя и "снем с себя княжее платье и порты, и купи себе иное платье крестьянское. . . и поиде лесом незнаемо куды". Придя "на реку, зовомую Тферцу. . . на место боровое", Григорий впервые применяет свои архитектурные способности. Он "хижу себе постави, и часовню на том месте; и *назнаменована* где быти церкви во имя пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Рождества". Через какое-то время, в полном соответствии с устойчивой литературной традицией, отроку являются во сне Богородица с "первостроителем" московской церкви митрополитом Петром, которые повелевают ему "воздвигнути церковь во имя честнаго и славнаго ея (Богородицы. – В.Б.) Успения" и указывают место будущего монастыря. Не предлагался ли таким образом отроку конкретный архитектурный *образец* – древний Успенский собор в Москве, что могло бы отражать широко принятую в русском зодчестве XVII в. практику строительства храмов "*против образца*"⁶³? Дать вполне утвердительный ответ, видимо, сложно, ибо из дальнейшего повествования мы узнаем, что отрок просит у князя дозволения "церковь создати древяную". Но описание самих работ дано в духе тенденций, присущих русской литературе второй половины "переходного столетия". Прежде всего подчеркивается активность всех участников строительства на разных его этапах. Пять раз повторяет автор повести слово "вскоре": 1) молитвами Богородицы "вскоре дело совершается"; 2) князь повелевает "вскоре собрать крестьян и иных людей, да расчистят место то, идеже оный отрок покажет" ("гражене и сами мнози идяху по помощь месту тому"); 3) "и тако вскоре" очищают место под монастырь; 4) затем князь вновь повелевает "вскоре. . . прежним людям тут работати и мастеров добрых собрати к церковному строению"; 5) и вот уже окончательно "вскоре дело совершается". Демонстрация древнерусскими писателями всеобщей деловой активности, призыв к интенсивному труду обуславливались, по словам А.С. Демина, постепенным утверждением в России второй половины XVII в. "нового стиля практической деятельности"⁶⁴. Можно сказать, для многих этот стиль становился "стилем жизни". Так, в "Русской грамматике" Лудольфа, в диалоге "О службе Божьей", русский собеседник со всей откровенностью констатирует: "Когда я вижу бездельника, ево не во что ставлю, хотя он мой сродня" (87). В "Повести о Хмеле" Хмель предостерегает: "Аще которой *мастерой человек* учнет меня держатца, аз бо сотворю его *ленива*, и руки его станут дрожать, а

⁶³См.: Ильин М.А. Архитектура // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 2. С. 170–193.

⁶⁴См.: Демин А.С. Активность литературных героев и деловая жизнь России второй половины XVII века // Культурное наследие Древней Руси: Истоки; Становление; Традиции. М., 1976. С. 190–195.

делать ничего не восхошет"⁶⁵. Это предостережение вполне закономерно, ибо от "мастерового человека" требовалась *добротная и быстрая* работа. Применительно к строителям данное требование обрело едва ли не безусловный характер. «Князь Залазар, — читаем в "Сказании о Еруслане Лазаревиче", — послал мастеров каменщиков и велел *тот час* поставити каменную полату. И *мастеры часа того словом да делом великою силою*. . . поставили каменную полату» (102). В аналогичном плане описывает строительство зданий автор "Повести о Петре Златых Ключей": королева Магилена "*с великою борзостью, с большим заводом нача строить*" больницу и другие сооружения, так что все "окольные люди. . . дивовались, что *в скором времени построила*" (312, 318). О том, насколько полно отмеченные практические установки воплощались в жизнь самими русскими архитекторами, свидетельствует биография выдающегося русского зодчего конца XVII в. Якова Григорьевича Бухвостова. Небезынтересным для нас может быть тот факт, что создатель знаменитой Сухаревой башни, Бухвостов, был крепостным крестьянином окольничего М.Ю. Татищева, известного своими незаурядными поэтическими опытами⁶⁶.

К сожалению, мы не располагаем достоверными сведениями, позволяющими определить, существовала ли взаимосвязь между приверженностью последнего изящной словесности и искусству и превосходным мастерством Бухвостова, которого отличала глубокая осведомленность во всех особенностях современной ему барочной архитектуры.

Не исключено, что такая взаимосвязь реально существовала. Однако обратимся к строительной деятельности Якова Бухвостова. В 90-е годы она достигает наивысшей активности. Вот ее краткая хронология: январь 1690 г. — зодчий заключает подряд на строительство келий московского Моисеева монастыря; май того же года — новый крупный договор на постройку стен и башен Ново-Иерусалимского монастыря; 1693 г. — Бухвостов выигрывает судебный торг с архитектором О.Д. Старуевым на сооружение Успенского собора в Рязани и приступает к его строительству; 1694 г. — еще одна подрядная на постройку и отделку храма в подмосковной усадьбе боярина П.В. Шереметева-младшего; и т.д. Названные работы объемны и очень ответственны, они совершаются практически *одновременно*, что, естественно, ставит зодчего в чрезвычайно трудное положение. Вынужденный разрываться между возводимыми объектами, он не уложился в означенные договором сроки по завершению строительства Спасской церкви в Уборах, за что, по настоянию Шереметева, был даже "посажен в колодничью палату за решетку"⁶⁷. Впрочем, из тюрьмы зодчий был вскоре выпущен и смог довести до конца все незавершенные им постройки.

Творчество Якова Бухвостова и его помощников не осталось незамеченным современными ему русскими писателями. 13 декабря 1692 г.

⁶⁵Цит. по: Демин А.С. Русская литература второй половины XVII—начала XVIII века: Новые художественные представления о мире, природе, человеке. М., 1977. С. 70.

⁶⁶См.: Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 38, 42—43, 71, 246—247.

⁶⁷См.: Федотова Т.П. Я. Бухвостов // Зодчие Москвы. М., 1981. С. 90—94.

Карион Истомин сочиняет "Стихи на освящение храма славна преображения Господа нашего Иисуса Христа, иже пред трапезою в Воскресенском монастыре, Новаго Иерусалима", где выражает свое восхищение "зело украшенными" монастырскими строениями, призывает Бога подать "строящим сию святую обитель мир и здравие". Поэт говорит, что "здание-строительство", зодчие достойны "похвалы и памяти вечны". Отметив архитектурное совершенство освящаемого храма, он вспоминает легендарных зодчих — Зоровавеля, строителя иерусалимских стен Неемию, Симона (Кананита?), устроившего такую "церковь прекрасну и дом свят", что "Солнцем, Луною его называху".

Такожде храм сей	ныне при трапезе
В таинстве святом	во Христовом брезе.
Бога Иисуса	Преображения
В молитву и честь	благодарения.
Создан <i>тщательно</i>	<i>похвалы достойно,</i>
Будь пристанище	добрым людям стройно (230— 237 об.).

В "Поздравлении похвальном царевне Татиане Михайловне", написанном тогда же и по тому же случаю, Карион Истомин поставил в особую заслугу мастерам то, что созданный ими декор церкви не только изящен, но и поучителен для зрителей:

Хвално здание, похвалише тщание,
Что насыщен вид многих в познание (228)⁶⁶.

"Каменная летопись", творимая искусными руками русских зодчих конца XVII в., действительно отразила в себе многие идеи, выдвигавшиеся русскими писателями-просветителями этого времени. Она становилась все более близкой и ценной для них по мере того, как теснее смыкалась с изобразительным искусством, эмблематикой, усваивая притом новые окказиональные формы. Наступало время, когда в России зодчий и писатель должны были трудиться почти что рука об руку, активно черпая друг у друга эстетический опыт. Но продлилось оно недолго и принципиальных изменений в изображение зодчего русскими писателями второй половины XVII в. внести не смогло.

⁶⁶Благодарим А.П. Богданова, любезно указавшего нам на процитированные источники.

ГЛАВА V

”ЗЕМЛЯ НАША”: БЫТ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДРЕВНЕРУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ (А.С. Елеонская)

В произведениях писателей XI–XVII вв., несмотря на героический характер древнерусской литературы, ее преимущественное внимание к общественно-политической проблематике, находят определенное место и картины повседневного бытия – семейных отношений, нравов, обычаев, трудовой деятельности человека, который предстает благодаря этому не только как государственный деятель, воин или церковнослужитель, но и как частное лицо.

Основу настоящей главы составляет обозрение источников по хронологическому принципу. Пытаясь выяснить, в каких произведениях писатели XI–XVII вв. изображали повседневное бытие древнерусского человека, его обычный день, мы выделяем следующие темы: 1) своеобразные бытовые картины в произведениях о войне; 2) мирные картины семейного быта и трудовой деятельности человека; 3) обличительные бытовые картины в сочинениях о социальных неурядицах.

Военный быт

Образ жизни людей на ранних этапах древнерусского государства определен словами летописца из ”Повести временных лет”: ”Бе бо рать велика бес престани” (142). Д.С. Лихачев назвал основной темой литературы того времени тему ”общественных несчастий”: «Вспомним церковные поучения XI–XIII вв., – пишет он. – Они прикреплялись к несчастным общественным событиям – нашествиям иноплемеников, землетрясениям, земным недородам. Начиная от ”Почуения о казнях Божиих”, помещенного в летописи под 1067 г., и кончая поучениями Серапиона Владимирского, все призывы церковных проповедников строились на примерах общественных несчастий. Не только церковные проповедники, но и летописцы стремились высказать хотя бы несколько слов поучения по поводу того или иного поражения русских войск, голода, недорода, пожара, землетрясения, разорения городов и сел половцами, а впоследствии татарами и т.д. . . . Общественные несчастья служили нравоучительной основой и для житийной литературы. Убийство Бориса и Глеба, убийство Игоря Ольговича служили исходной темой для проповеди братолюбия, княжеского единения и княжеского послушания старшему»¹. Литературные средства, используемые в этих произведениях, передавали настроения современников ”общественных несчастий” (горестные

¹Лихачев Д.С. ”Слово о полку Игореве” и культура его времени. 2-е изд., испр. Л., 1985. С. 10.

восклицания типа "тоска и туга", "о, велика скорбь бяше в людех", "о горе и тоска", лирические обращения к читателям с призывом исправить-ся и т.д.).

Выводы Д.С. Лихачева, наряду с приведенными выше словами летописца, — ключ к анализу картин обыденной жизни в произведениях XI–XIII вв., таких, как "Повесть временных лет" и последующие летописные своды, "Слово о полку Игореве", "Поучение" Владимира Мономаха, "Сказание о Борисе и Глебе" и другие повести об убиении князей, произведения о татарщине. Эти выводы помогают осмыслить изображение быта и в более поздних памятниках, продолжающих воинскую тему.

"Обыденная жизнь" предстает в картинах, которые, с точки зрения нормального существования, отображают экстремальные ситуации, ставшие, однако, в условиях непрерывных войн и усобиц фактором повседневности. Постоянно повторяются картины взятия и сожжения городов, опустошения земли, рассказы о страданиях мирных жителей, истязаниях и насильственных смертях. Как бы изнутри рисуется жизнь обитателей осажденных городов в "Повести временных лет": "Изнемогли в осаде" древляне, окруженные войсками княгини Ольги (74); "в лето 6476. . . оступиша печенизи град в силе велице, бесчислено множество около града, и не бе лъзе из града вылести, ни вести послати; изнемогаху же людие голодом и водою" (78); "в лето 6488. . . Володимер вниде в Киев, и оседе Ярополка в Родне. И бе глад велик в нем, и есть притча до сего дне: беда аки в Родне" (92); «В лето 6505. . . уведеша печенежи, яко князя нету, и приидоша и стаха около Белаграда. И не дадяху вылести из города, и бысть глад велик в городе. . . И удалися остоя в городе, и бе глад велик. И створиша вече в городе и реша: "Се уже хочем померети от глада, а от князя помочи нету. Да лучше ли ны померети? Вдадимся печенегом, да кого живят кого умертвять; уже помираем от глада"» (142); "В лето 6601. . . половцы же начаша налегати и отымати воду, и изнемагати начаша людье в граде водною жажею и голодом" (230).

Обращают на себя внимание постоянные упоминания о голоде, сопровождавшем жизнь русского человека, притом повсеместно: "Глад велик" настигает дружину Святослава, зазимовавшего в Белобережье и осажденного врагами (88); от голода страдают в течение трех лет переяславцы: "И седех в Переяславле 3 лета и 3 зимы и с дружиною своею, и многы беды прияхом от рати и от голода", — рассказывает Владимир Мономах в "Поучении" (144); в "Сказании о нашествии Едигея" умирающими от голода показаны жители Клины, захваченного татарами (254).

Мотив голода усилен частыми упоминаниями о нашествии саранчи. Например, "Повесть временных лет" свидетельствует, что "в лето 6603. . . придоша пружи, месяца августа в 28, и покрыша землю, и бе видети страшно, идяху к полунощным странам, ядуще траву и проса" (238). Подобное событие обычно трактуется как наказание за грехи и ставится в прямую связь с княжескими усобицами².

Приметой повседневной жизни возникают "села горящие". Так, в

²См.: Еремин И.Л. Литература Древней Руси: (Этюды и характеристики). М.; Л., 1966. С. 51.

”Поучении” Владимир Мономах не создает развернутых картин, как это делает летописец, но повторяемость упоминаний о поджогах, которые совершают и неприятели, и враждующие князья, и, наконец, он сам, рождает обобщенный образ выжженной земли: ”То и посласта Берестию брата на головне, иже бяху ляхове пожгли”; ”А на лето со отцем под Полтеск — ожьгъше Полтеск, он иде Новотороду” (140); ”И Всеслав Смолнск ожьже. . . Тем же путем по Всеславе пожег землю. . .” (142; это уже о себе) и т.д.

Предает город огню ”безбожный царь Батый” из ”Повести о разорении Рязани Батыем”. ”Зажже остров” князь Довмонт: полыхает трава, горят волосы на головах бегущих неприятелей, в огне погибает все окружающее (”Сказание о Довмонте”, 54).

Картина гибели Москвы, подожженной в панике жителями, предваряет рассказ о захвате города Едигеем. ”Великое пламя” гремит, высоко взмывается вверх; ”в един час” исчезают в огне ”многолетние храмы”; ужас охватывает ”человеков, мятущихся и вопиющих” (”Сказание о нашествии Едигея”, 250, 252; см. также многократные упоминания о пожарах в ”Повести о нашествии Тохтамыша” — 194, 200, 202, 204, а также сообщение о сжигании Костромы в проложном ”Житии Павла Комельского” — 659 об.).

Характерные черты жизни, ставшей обыденной в условиях произвола, проступают в рассказах об уgone в плен мирных жителей. <Люди. . . роду хрестьянска, — читаем в ”Повести временных лет” о взятии половцами Торческа, — стражоем, печални, мучими, зимою оцепляеми, в алчи и в жажи и в беде, опусневше лица, почерневше телесы; незнаемою страною, языком испаленым, нази ходяще и боси, ноги имуще сбодены терньем; со слезами отвещеваху друг ко другу, глаголюще: ”Аз бех сего города”, и други: ”Аз сея веси”; тако съупрашаются со слезами, род своей поведающе и въздышюче, очи возводяще на небо> (234). Упоминание о многих городах и селах свидетельствует о повсеместности происходящего.

Не менее драматична картина захвата в плен жителей Глебова после разрома его Игорем Новгород-Северским, нарисованная в ”Повести о походе князя Игоря” из ”Ипатьевской летописи”: ”Тогда бо не мало зло подъяша безвиннии хрестьяни: отлучаеми отец от рождений своих, брат от брата, друг от друга своего, и жены от подружий своих, и дщери от материй своих, и подруга от подруги своея. И все смятено пленом и скорбью тогда бывшую, живии мертвым завидять, а мертвии радовахуся, аки мученици святей. . . Старце поревахуся, уноты же лютыя и немилостивыя раны подъяша, мужи же пресекаеми и расекаеми бывають, жены же оскверняеми” (356). Содержащая перечисление этих насилий покаянная речь князя Игоря (”много убийство, кровопролитие створихъ в земле крестьянстей”) — свидетельство типичности событий в Глебова.

Хочет ”плени” всех христиан Мамай в летописной ”Повести о Куликовской битве” (112). ”Множество безчисленное” повел в Орду царь Тохтамыш, ”распустивший” силу татарскую ”по земле Русской”; пленниками стали обитатели Владимира, Звенигорода, Юрьева, Можайска, Дмитрова, Переяславля, Коломны, Москвы (”Повесть о нашествии Тохтамыша”, 202, 204).

Захватили город Кострому "агаряне", "и множество людей оружием побиша, а иных мечи изсекоша, инех же в плен отведоша с женами и з детьми" ("Житие Павла Комельского", 659 об.)

И как результат – библейский образ пустынной земли, принимающий конкретные очертания в произведениях об "общественных несчастьях". "Земля пуста, никем не брегома" – центральный образ "Повести о разорении Рязани Батыем", который создается с помощью зрительных и слуховых деталей. Сначала, как бы бросив общий взгляд на родные места, автор замечает, что ничего нельзя увидеть, "токмо дым и пепел". Но "пустынная земля" оказывается населена: "удалцы и резвцы. . . лежаша на земли пuste, на траве ковыле, снегом и ледом померзоша, ни ким брегома, от зверей телеса их снедаема и от множества птиц разysterзаемо". Рязанская земля, ставшая обиталищем мертвых, – поистине "пустая земля", что подтверждается и слуховыми впечатлениями: "Не бе бо во граде пения, ни звона"(194).

Средствами ораторского стиля рисует образ "пустой земли" Серапион Владимирский, передающий в поучении с помощью риторических вопросов свои боль и отчаяние: "Не пленена ли бысть земля наша? Не взяти ли быша гради наши? не вскоре ли падоша отци и братья наша трупиемь на земли? Не ведены ли быша жены и чада наша въ плен?" (444).

Картина пустынной земли возникает и в "Повести о псковском взятии", где библейская цитата включена в плач города Пскова, что придает ему особую лиричность и эмоциональность: "Попустившу Богу за грехи наша, и землю нашу пусту сотвориша, и град наш разорися, и люди наша плениша, и торжища калом коневым заматаша, а отца и братию нашу разведоша, где не бывали отцы наши и деды ни прадед наших, тамо отцы и братию нашу и други наша сведоша, а матери и сестры наша в поругание даша" (372).

В литературе "общественных несчастий" подчеркнуты непрочность человеческого существования, неуверенность в завтрашнем дне, невозможность мирного труда. Предельно точно это сформулировал Владимир Мономах в речи на Долобском съезде: ". . . начнеть орати смерд, и приехав половчин ударить и стрелою, и лошадь его поиметь, а в село его ехав иметь жену его, и дети его, и все его имень" ("Повесть временных лет", 268). Ср. со "Словом о полку Игореве", где конкретная, наполненная реалиями картина, поднимается до высокого символа: "Тогда по Руской земли ретко ратаеве кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупия себе деляче, а галици свою речь говоряхуть: хотять полетети на уедие" (16).

Чертой быта становится имущественное разорение. Позванивают русским золотом готские красные девы "Слова о полку Игореве" (20). "Обогатеть русским златом", "богатством московским" намеревается Мамай ("Сказание о Мамаевом побоище", 134). Грабят Москву полчища Тохтамыша: они "кресты честныа и иконы чюдныа одрашя, украшеныа златом и серебром и женчюгом и бисером, и камением драгым. . . оборвашя", их достоянием становятся сосуды "златокованыа и серебряныа, многоценныа" ("Повесть о нашествии Тохтамыша", 198); татары грабят дома, вытаскивают из кладовых товары "разноличныа" ("то все взяша и расхитиша" – 200). Из-за частых ратей татарских, частых тяжких даней и выходов в орду,

"частых гладов хлебных" разоряется отец Сергия Радонежского, "един от славных и нарочитых бояр" ("Житие Сергия Радонежского", 288).

Правда, изображается и обогащение за счет неприятеля. Например, полки Владимира Мономаха, победив половцев, "взяша... скоты, и овце, и коне, и вельблуды, и веже с добытком и с челядью" ("Повесть временных лет", 270). В летописной "Повести о Куликовской битве" сообщается, что дружинники Дмитрия, победив татар, "пригнаша с собою многа стада кони, и велбуди, и волю, им же несть числа, и доспех, и порты, и товар" (128); а в "Задонщине" дополнительно названы в качестве трофеев "вино, и сахар, и дорогое узорочие, камки, насычеве" (108).

И все же на первом плане для древнерусских авторов – краткость человеческого бытия ("в княжих крамолах вещи человеком скратишась – "Слово о полку Игореве", 16), физические страдания, смерть, похороны. Если, например, о рождении сообщается мимоходом, то всевозможные виды смертей становятся предметом многократного изображения.

Наглядностью отличается материал "Повести временных лет" – как легендарный, так и основанный на реальных фактах. Постоянны и поэтому обыденны смерти в бою или во время распрей. Погибают во рву воины, бегущие от Ярополка. Они "пихаху" друг друга, а на них сверху падают лошади, в результате чего "удавиша кони человеци". Оставшиеся в живых долго – "от утра и до полудне" – извлекают из "гробли" трупы (88). Умирает от яда Ростислав Владимирович, отравленный котопаном (180). "Убиен бысть князь Изяслав месяца октября в 3 день" (214). "В лето 6594... Ярополк был пронзен Нерадцем" (218). Тонет в Стугне Ростислав Всеволодович, спасающийся от половцев (228). Велит сотворить "мщенье на людех неповинных", иссечь их, ослепленный братьями Василько (258); по его же требованию "повесиша Василя и Лазаря и растреляша стрелами Василковичи" (258). Насильственно от рук волхвов погибают "лучшие жены" (188).

Целая серия смертей предстает перед читателем в "Сказании о Борисе и Глебе". Дважды убивают Бориса: сначала в шатре "насунуша копии оканьний" (286), затем по дороге, когда он, уже мертвый, "начат възскланяти святую голову свою" (288). Дважды приковывается внимание к гибели Георгия: прежде его просто "пронзоша" (286), а потом, чтобы снять золотую гривну, "отсекше главу" (288). Вместе с ними "избиша же и отроки многы" (288). И, наконец, о Глебе сказано, что повар Търчин его "закла... яко агня непорочна и безлобива" (294).

С большой экспрессией показано насильственное разлучение людей с жизнью в "Повести о разорении Рязани Батыем". Все рязанцы испытывают "смертную чашу", но каждый по-разному и в конкретных обстоятельствах. Брошено "зверем и птицам на растерзание" тело Федора Юрьевича, вступившегося за честь жены (186). Бытовыми деталями насыщена сцена гибели Евпраксии, стоящей на "превысоком тереме" с младенцем на руках (Там же). "На части" разрубает взятого в плен князя Олега Ингоревича (188). "Мечи исекоша" великую княгиню Агриппину со снохами (190). Из пороков убивают Евпатия Коловрата (192). Эти эпизоды, несмотря на их вымышленность, создают достоверную картину гибели целого города от рук безжалостных захватчиков.

Перечень смертей приводится в "Сказании о Довмонте": "...убиен бысть Василей, игумен святого Спаса, Иосиф прозвутер, Иосаф, игумен святей Богородици Снятной горе, и с ними 17 мних, и черныца, и черницы, и убогья, и жены, и малыа детки" (54).

Цифровые подсчеты сделаны в памятниках Куликовского цикла. "Нету... у нас 40 бояринов московских, 12 князей белозерских, 30 новгородских посадников, 20 бояринов коломенских", – начинает скорбный список автор "Задонщины", горюющий о гибели людей не только высокого ранга, но и прочих "полтретья ста тысящ и три тысячи" (110; ср.: "Сказание о Мамаевом побоище", 186). Поименно названы убитые князья и знатнейшие бояре в летописной "Повести о Куликовской битве", при этом добавлено, что были и не столь высокородные, – они здесь не упомянуты "множества ради имен... мнози бо на той рати побиени быша" (124, 126).

Из ритуалов, сопровождающих человеческую жизнь, внимание в подавляющем большинстве случаев фиксируется на похоронном обряде с такими его атрибутами, как "лодья", "сани", "ковер", "рака мраморьяна", "великий плач". Характерно в этом отношении описание похорон Владимира в "Повести временных лет": "Ночью же межу двема клетми проиравше помост, обертевше в ковер и, ужи свесивша на землю; возложиша и на сани, везьше поставиша и в святей Богородици, юже бе создал сам. Се же уведешье людье бецисла снидошася и плакашася по немь, бояре акы заступника их земли, убози акы заступника и кормителя. И вложиша и в коросту мороморяну, схраниша тело его с плачем" (144). Ср. с описанием похорон Изяслава: "И взявше тело его, привезоша и в лодьи, и поставиша противу Городьцу, изиде противу ему весь город Киев, и възложивше тело его на сани, повезоша и, с песнями попове и черноризци понесоша и в град. Не бе слышати пенья во плачи велице и вопли; плака бо ся по немь весь град Киев... И принесше, положиша тело его в церкви святыя Богородицы, вложили и в раку мраморьяну" (Там же, 214).

И в том и в другом случае похороны князя не просто эпизод его личной судьбы, но часть общегородской жизни, зарисовка быта. Этикетный принцип повторяемости одних и тех же образов здесь как бы указывает на повторяемость явлений самой жизни. Неоднократны сцены оставления убиенных без похорон, подчеркивающие заурядность явления в сложившихся условиях. Примером может служить изображение "трупиа мертвых" москвичей, "без числа лежащих" в разоренном Тохтамышем городе ("Повесть о нашествии Тохтамышя", 204).

И.П. Еремин на материале "Киевской летописи" приходит к выводу о возникновении особого литературного жанра – повести о княжеских смертях. Есть основание полагать, отмечает исследователь, что такая повесть выросла из записи о смерти какого-либо князя. В "Киевской летописи" эти записи составлены по единой схеме: сообщается, когда князь умер (точная дата), где, в каком именно монастыре или церкви был погребен, кратко упоминается о плаче над телом покойного его ближайших родственников либо всего народа³.

³См.: Там же. С. 114–115.

Восприятие древнерусскими писателями "общественных несчастий" как явлений заурадных и привычных находит художественное выражение в широком применении бытовых деталей. Например, в "Повести временных лет" обилие подобных деталей в рассказе о мести Ольги древлянам, несмотря на явную вымышленность сюжета, создает иллюзию достоверности: воробьи летят "в гнезда своя . . . под стрехи", "голуби в голубники". Загорается не город вообще, а постепенно "ово клети, ово веже, ово ли одрины". Из этих частных складывается картина пожара (70). Детали (доски, снятые с печи; поварской нож; окровавленная рубашка, которую необходимо постирать) сообщают будничность рассказу об ослеплении Василька Теребовльского, несмотря на слова Владимира Мономаха о необычности ситуации: "Сего не бывало есть в Русьской земли" (252, 254). В привычную обстановку пира включено убийство Ростислава Владимировича: выпив до половины заздравную чашу, котопан незаметно опускает в нее палец с ядом под ногтем и предлагает остаток вина князю (180).

Сходна по манере изображения "Повесть об убиении Андрея Боголюбского". Его убийцы, прежде чем совершить злодеяние, "шедше в медушу и пиша вино", а "упившеся", выламывают двери. Жизненные реалии включены в сцену обличения Кузьмищем предателя Амбала. "О, еретице . . . — говорит он, — помниши ли . . . в которых порьтех пришел бяшесть? Ты ныне в оксамите стоиши, а князь наг лежит". Упоминания о ковре, в который верный киевлянин завертывает обнаженный труп князя, о запертой церкви, о пьянстве "окаянных" и разграблении ими "все-го любимого имения" делают картину ошутимой почти физически (326, 332).

Бытовыми деталями насыщен в "Повести о Шевкале" рассказ о том, как татары пытаются отнять у "диакона тферитина", прозвищем Дудко, "кобылицу младу и зело тучну", которую тот повел на Волгу напоить (62).

В воссоздании обстановки захваченных городов важную роль играют массовые сцены. Динамичность, характерная для них, передает ужас и растерянность жителей. Так построена сцена взятия Нижнего Новгорода татарами в "Повести о нашествии Тохтамыша": "Люди христианстии, сущии тогда в граде, бегающе по улицам семо и овам, скоро рищуше толпами, въпиюще и глаголюще, и в перси своя быюще" (198).

Можно говорить и об известном психологизме подобных сцен, передающих не только действия, но и внутреннее состояние людей. Их отчаяние, растерянность подчеркиваются упоминаниями о "рыдании великом", "воздыхании", "плаче горьком". Одним из продуктивных приемов, передающих настроение человека, бытом которого стали "общественные несчастия", является плач — женский, мужской, коллективный. Например, в "Повести о разорении Рязани Батием" семь плачей: над телом Федора Юрьевича плачет Апоница (186); об убитом Федоре Юрьевиче плачет "весь град на мног час" (Там же); плачется Юрий Ингоревиич перед образами (186, 188); по Рязани плачет Евпатий Коловрат (190); над пепелищем рыдает Ингварь Ингоревиич (194); тут можно говорить и о

вставленном в текст "авторском плаче"⁴; наконец, плачет Ингварь Ингорович в поле над убитыми (194, 196).

Быт в условиях войны как предмет художественного изображения долго привлекает внимание древнерусских писателей. Традиционные ситуации воспроизводятся в московской и новгородской "Повестях о походе Ивана III на Новгород" (388, 390, 394), в "Повести о приходе Стефана Батория на град Псков" (410 и след.) и других произведениях XV–XVI вв.

Вместе с тем бытовые картины воинских памятников фиксируют и новое в жизни русского человека, в какой-то мере применившегося к условиям оккупации. Например, при описании битв и осажденных городов встречаются упоминания о хозяйственной деятельности: давая перечень убитых под Рязанью, "Севернорусский летописный свод" 1472 г. добавляет, что сено тогда было дорого (421). Мы узнаем здесь, что война превращается в средство обогащения не только в результате захвата трофеев, но и простой купли-продажи, объектом которой становится город Алексин (439). . . В "Повести о Петре, царевиче ордынском" сцены совместной охоты русского великого князя и татарского царевича раскрывают изменившийся характер бытовых отношений между народами, вынужденными жить бок о бок (30).

Изменения в рассматриваемой сфере жизни, а также в подходе к ним писателей, отчетливо обнаруживаются в "Казанской истории": в произведении, с одной стороны, "жила литература предшествующих четырех с половиной веков", а с другой, выявились "те прогрессивные особенности литературы", которые разовьются в последующие периоды⁵.

Военные сцены в "Казанской истории" постоянно перемежаются картинами семейного быта, трудовых процессов, развлечений, что было невозможно для литературы более раннего времени. Например, описанием битвы между войсками Василия Ивановича и казанцами предваряется картина праздника на Арском поле, где по приказу хана поставлено "до тысячи шатров". Веселится сам казанский царь, веселятся его вельможи, "пияше" и развлекаясь всевозможными потехами, а за ними и все "гражане, мужи з женами и з детьми. . . пияху в кормченицах царевых" (334). Здесь же оживленно торгуют разными предметами черемисы (335).

Наряду со сведениями военного характера рассказывается, как за татарскими пределами добывают летом рыбу русские рыболовы, которые осенью идут "на Русь, наловившись и обогатевши". Характерно, что в эпизоде их возвращения домой мимо воюющей с русскими Казанью приведены сетования автора не столько на опасность пути, сколько на утрату полученного тяжелым трудом "достояния": "Они же лодии свои и мрежи, и рыбы, и все кормовые свои запасы огню и воде предаша, а сами поидоша полем, не знающе коиждо очи вестъ" (344).

Сугубо бытовой характер носит сцена бегства упившегося "варвара"

⁴См.: Евсеева И.А. Повесть о разорении Рязани Батыем: Редакции XVI и XVII веков: Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Л., 1975. С. 9.

⁵Лихачев Д.С. Литература "государственного устройства" // ПЛДР. Вып. 7. С. 9.

Аталыка. Вскочив из своего шатра, он бежит от русских, "в одной срацицы", не успев "возложить на себе пансыря и шлема, ни палицы железныя, ни меча похватити в руку свою" (352). Бытовая картина в данном случае удачно служит цели снижения образа.

Живыми реалиями наполнена картина строительства Свияжска, как бы символизирующая скорую победу русских и их будущее благоденствие. По приказу царя Ивана Васильевича на великих лодках везут "готовый город деревяный". На месте "угодном и добром велми" начинают "лес сещи и место чистити". При этом подчеркивается, что находящееся вблизи озеро имеет в себе "воду сладку и рыбиц всяких малых довольно. . . на пищу человеком" (292, 294).

Не столько о военном прошлом, сколько о надеждах на мирное будущее говорит сцена торжественного въезда Ивана Грозного в Москву. Это видно, в частности, из описания праздничной одежды победителей, которая впервые за многие годы предстала взору горожан, забывающих при виде "таких красоты. . . вся домовная попечения своя и недостатки". В восторженной толпе, встречающей Ивана Васильевича, — не только "безчисленный народ московский", но и "купцы иноязычныя: турцы и армены, и немцы, и литва" (546). Великого князя приветствуют послы других государств, чего никогда, замечает автор, не бывало раньше. С помощью яркой жанровой картинки автор мастерски передает нравы москвичей, жаждающих лицезреть своего государя: ". . . овии же народи московстии возлезше на высокия храмины и на забрала, и на полатныя покровы, и оттуду зряху царя своего; овии же далече напред заскачише и от инех высот неких, лепящися, смотряху, да всяко возмогут его видети. Девицы же чертожныя и жены княжия и боярския, им же нелзе есть в такая в позорища великая, человеческого ради срама, из домов своих исходити и ис храмин излазити не полезно есть, где седаху и живяху, яко птицы брегоми в клетцах, ови же сокровение принимаючи из дверей и из оконцев своих и в малыя скважницы глядаху, и наслаждахуся много видения того чюдного, доброты и славы блистающияся" (548).

Свежий взгляд на окружающий мир сказался и при обращении автора "Казанской истории" к традиционным картинам воинского быта. Например, рассказывая о неудачном сражении с черемисами, автор не ограничивается обычным упоминанием о голоде, но сообщает и о "чревной болезни", от которой многие "помроша" (350). Здесь уже реальная житейская ситуация — гибель, говоря современным языком, от инфекционного заболевания в антисанитарных условиях. Сама сцена битвы с черемисами становится конкретно-индивидуальной благодаря упоминанию о необычном оружии — "великих дубах", которые бросают с крутого берега черемисы на плывущие русские ладьи (348).

Черты живой действительности находят отражение и при описании татарских бесчинств в завоеванных городах. Автор не ограничивается формулой: "честные великие монастыри огнем пожгоша, святые церкви. . . оскверниша," — но комментирует общее место, сообщая, что татары спят в христианских храмах, что молодых иноков они продают в рабство, одев их предварительно в "мирския портища", а церковную утварь переливают на женские украшения (366).

Личностным началом отмечена традиционная сцена разлучения близких, где изображается не обобщенная, безымянная масса, как, например, в "Повести временных лет", а отдельные люди, с индивидуальной судьбой: любящие супруги, воспитавшие детей и увидевшие "своих чад дети"; новобрачные, не познавшие друг друга, разлучаемые и ввергаемые в тяжкие испытания (368).

Этикетное изображение кровавых рек, типичное для воинских повестей, оборачивается в "Казанской истории" описанием кровавого болота, образовавшегося на низком месте и отравившего соседнюю реку (526).

Отказ от шаблона в изображении трудного быта еще более характерен для "Сказания" Авраамия Палицына, памятника в значительной степени переходного. События Смутного времени увиденны здесь глазами очевидца, что особенно заметно в главах об осаде Троице-Сергиева монастыря: "Тщательно указаны и перечислены все места, где были возведены укрепления защитниками и где расположились и поставили батареи осаждавшие; точно указаны места, где происходили стычки и бои с врагами; при описании боя постоянно с большой тщательностью указывается передвижение отрядов врагов и защитников" и т.д.⁶

В произведении, отмечает О.А. Державина, достаточно широко представлены традиционные формулы воинских повестей; в какой-то степени оно следует за "Повестью о взятии Царьграда" и "Казанской историей"⁷. Например, с последней сближает "Сказание" сцена разграбления церковей (121; ср.: "Казанская история", 366). Однако основное содержание памятника составляют картины, непосредственно взятые из действительности. Автор находит выразительные средства для изображения суровой жизни людей, изгнанных из родных мест: "И крыяхуся тогда челоуецы в дебри непроходимыя, и в воде между кустов отдыхающе и плачущесе к соде телю, дабы . . . поне мало бы отдохнути на сусе" (122). Конкретно-историческая реалией, характеризующей быт оккупации, является упоминание о разграблении православных храмов "самими правоверными" (120). Новая черта быта отражена в рассказе о любовных связях между поляками и москвичками: "Мнози убо жены и девицы не хотяще со беззаконники разлучитися . . . многи бо от них юностию и покойми телесными победившесе . . . и того ради сердцы си изгараху" (116); здесь речь идет не о принуждении, а о добровольных союзах, о чем никогда не говорили древнерусские книжники раньше.

Совершенно в новой манере живописуется быт осажденной крепости, в данном случае Троице-Сергиева монастыря, куда стекаются жители соседних поселений. Над принципом обобщенно-абстрагированного изображения заметно превалирует натурализм. Автор с беспощадной прямотой рассказывает о невероятной скученности в монастыре, о грязи, зловонии, о больных, валяющихся без помощи, гниющих трупах животных и людей, о червях и паразитах, кишачих в одежде и на теле больных.

⁶Державина О.А. "Сказание" Авраамия Палицына и его автор // Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 47.

⁷Там же. С. 52.

К числу натуралистических описаний можно отнести также картину массовых погребений, рисующую трагедию и мертвых и живых: "И сперва убо по двадцяти и по тридцати, и потом по пятидесяти и по сту умираху в один день; и умножися смерть в людях, и друг от друга от духу умираху... От могил же исперва по рублю за выкоп емлюще, и потом и по два и по три, та же и по четыре и по пяти дааху, но не бе кому уже приимати, ни копати; и во едину могилу и яму погребяху по десяти и по двадцати, и двоцею сугубо и вяще. И четьредесять дней бе мрак темен и смрад зол" (168). Этот пример, как и другие, подобные ему, свидетельствует о значительном отходе писателя от этикетности в изображении бытовых картин, обусловленных воинской тематикой.

Мирный быт

Используя картины быта при характеристике "общественных несчастий", древнерусские писатели отталкивались, однако, от идеала мирной жизни. Поэтому, несмотря на трагичность исторической ситуации, в произведениях находится место и для рассказа об обычаях, нравах, верованиях и трудовой деятельности.

Изображение семейной жизни начинается упоминаниями о заключении брачных союзов. В "Повести временных лет" наиболее яркие описания даны применительно к языческим обычаям. Например, у полян "не хожаше зять по невесту, но приводяху вечер, а завтра приношаху по ней, что владуче", у древлян же, живущих "звериньским образом, скотьски... брака... не бываше, но умыкиваху у воды девица". Не бывало свадебного обряда у радимичей, вятичей, северян – они "схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бесовская песни и ту умыкаху жены собе, с нею же кто съвещашеся; имяху же по две и по три жены" (30). Большинство сведений отличается краткостью, однако они все же дают представление о создании семей в условиях военного времени. Так, мечом добывает Владимир Рогнеду, дочь Рогволода Полоцкого, а "грекиню" отнимает у брата (90, 92). Между походами обручают своих детей московский князь Василий Темный и тверской Борис Александрович ("Слово похвальное" инок Фомы, 328).

Заключаются браки между русскими и половцами. Владимир Мономах рассказывает в "Поучении" о сватовстве для своего сына: "И по Рождестве створихом мир с Аепю и, поим у него дочь, идохом Смоленську" (146). «В лето 6602, – сообщает "Повесть временных лет", – сотвори мир Святополк с половци и поя собе жену дочь Тугорканю» (234). Опутать соколенка красной девицей-половчанкой намереваются ханы Гзак и Кончак в "Слове о полку Игореве" (386). Созданием новых семейных союзов устанавливаются и международные связи: "В лето 6612. Ведена дщи Володарева за царевича за Олексинича, Цесарюгороду, месяца июлия в 20. Томь же лете ведена Предъслава, дщи Святополча, в Угры, за королевича, августа в 21 день" ("Повесть временных лет", 272).

Постепенно складывающийся свадебный ритуал находит литературное

выражение в "Чине свадебном", своеобразном руководстве по проведению брачной церемонии, который окончательно оформляется к XVI в. и имеет ряд редакций. В произведении запечатлены черты разных периодов развития русской культуры, в том числе языческого: несомненно его связь с фольклором⁸.

Текст XVI в. содержит яркие картины семейного торжества, начиная со сговора и кончая разездом гостей по окончании свадьбы. Подробно описаны поведение и внешний вид каждого участника "действия", обстановка – праздничный стол, мебель, посуда. Детальнейшим образом расписана сцена первого приезда жениха в дом будущего тестя: "Как бывает зговоръ, приедет жених с своими свойственными к тестю на двор в чистом платье, а с ним бывает отец или брат старейший, наперед жениха ходит один, а иные по нем. И встреча бывает у коня и на крыльце и в сенях, встречает тесть, и садятся по чину за столом: которые приедутъ с женихом – в лавке, а тутощные – в скамье. И тесть понесет вина красные в кубках, а в те поры начнет говорити кто приехал съ женихом, отец или старший брат... И благословить ту священик крестом, начнуть говорити и писати записи зарядные" (174).

Представление о домашнем обиходе состоятельной семьи возникает из упоминаний о "дарах". При первом благословении отец невесты дарит будущему зятю "образ, кубокъ или ковшъ, бархат, камка, сорокъ соболей" (174). "Камками и соболями" одаривают при сговоре женихову мать, она же "дасть невесте один перстень да на завтрее пришлет крест или панагию да овощи" (176). После венчания от тестя свату преподносят "сорочку да порты", свекрови камку, а боярыням "по тафте... по сорочке да по убрусу да волоснику"; отец и мать жалуют сына "образы и платьемъ деланные золотные, и шубою и суды, и лошади подводят в нарядах", а сноху одаривают украшениями, одеждой, посудой (192).

Наглядностью отличается интерьер, в частности, описание "подклети", куда ведут молодых после венчания: "А изготоят 3 десят сноповъ ржанных, поставят их стойма и на то коверъ и постелю, и одеялом покроют. А въ головах поставят образ, а в четырех углех на стрелках по паре соболей да по калачику крупичатому, да поставецъ, на немъ 12 кружек с розным питиемъ, с меда и с квасы, да ковшъ один, да чарка одна ж... Да тутю же устроити стол, покрыти фатою, где быти свечам и коровам в головах... (176, 178).

Далее. Из отдельных реплик в древнерусских памятниках можно воссоздать картины семейных отношений: обряд разувания ("Не хочу разути робиича" – "Повесть временных лет", 90; "жену свою любить, но не давайте им над собою власти" – "Поучение" Владимира Мономаха, 138); обычай встречать близких на городской стене ("Слово о полку Игореве", 384).

О семейном деспотизме свидетельствует, "Житие Феодосия Печерского" Нестора, где нарисованы сцены жестокой расправы матери над послушавшимся сыном: "...яста и, и от ярости же и гнева мати его

⁸ См.: Колесов В.В. Чин свадебный // ПЛДР. Вып.7. С.586.

имъши и за власы, повърже и на земли, и своима ногама пѣхашети и, и странньныя же много коривъши, възвратися в дом свой, яко некоего зѣлодея ведущи связана. Тольми же гнѣвѣм одрѣжима, яко и в дом ей пришедъши, бити и, дондеже изнеможа" (310). Образ матери, как отмечает И.П. Еремин, дан в подчеркнуто бытовом плане: женщина «крепко привязана к земле и всему земному – к своему обширному хозяйству, своим "салам" и "рабам"»⁹.

Более подробно раскрывается семейный уклад в памятниках XVI в. Например, о мужской и женской половинах в княжеском доме свидетельствует "Повесть о Петре и Февронии". Упоминание о пребывании князя Павла и княгини в раздельных "храминах" обостряет интригу. Предельного напряжения действие достигает в эпизоде опознания "летающего змия": «Ключи же ся ему приити в храмину к брату своему. И том же часе шед к сносе своей во ину храмину и виде у нея сидяща брата своего. И паки пошед от нея, встрети некоего от предстоящих брату его и рече ему: "Изыдох убо от брата моего к снохе моей брат же мой оста в своем храму. Мне же, не косневшу никамо же вскоре пришедшу в храмину к сносе моей, и не свем и чужуся, как брат мой напреди мене обретется в храмине у снохи моей"» (213). Своеобразие древнерусского семейного быта проявляется и в упоминании о разных судах, на которых плывут по Оке Петр и Феврония. Эта бытовая деталь также играет важную художественную роль, выявляя мудрость и тактичность Февронии (219).

Настоящей энциклопедией семейной жизни является "Домострой". По "Домострою", глава семьи – муж. Его безусловное право – "учить жену, "наказывать" ей и советовать, прививать ей всевозможные уменыя: "жену учи... всякому вежеству и промыслу, и рукоделью... и домашнему обиходу, и всякой порядне", чтобы она, в свою очередь могла детей и слуг "наказати во всем" (162). При этом "Домострой" не исключает права "государю с женою... о всяком обиходе в домашнем советовати" (142). "Наказывать" же предлагается, соблюдая такт "ползовати страхом наедине, и показав, и пожаловати, и примолвити и любовию наказывати" (120); или: "Наказуй наедине, да наказав примолви и жалуй и люби ея" (164). Жене же следует, чтобы она "по вся бы дни у мужа... бы спрашивалась и советовалась о всяком обиходе... а в гости ходити или к себе звати, ссылатца, с кем велит муж" (112). Подчеркивается и обязанность супругов хранить в браке "до коньчины живота своего чистоту телесную" (168).

Основаны на жизненной практике наставления "Домостроя", как собирать приданое. Когда родится дочь, "рассудные" люди сразу же начинают для нее откладывать "приплод": "или животинку растут. а у полотен, и у вусчин, и у ширинок, и у вубрусов, и у рубашек по вси годы ей в пришенной сундук кладут и платье, и саженье, и монисто". Дочери растут, замечает автор, а вместе с ними и "приданое при бывает", а как "замуж зговорят – ино все готово" (86).

Главы, посвященные воспитанию детей, содержат не только нраво

⁹ Еремин И.П. Литература Древней Руси. С.33.

учения о необходимости "жезла", но и определенные реалии быта. Выразителен совет "положить" на дочь "грозу", чтобы в неразумии "не прокудила девство свое" и не стала в посмеих знакомым (ср. со "Словом о наказании детей родителями" из "Измарагда" в списках конца XV – XVI вв., где подобная ситуация дана лишь в самых общих чертах: "Дщери ли имаши – положи на них грозу, да соблюдеши я от телесных" – 60).

Черты реальных отношений проступают и в наставлениях "Домостроя" о почитании родителей. Приведа цитату из Книги пророка Исайи ("Возмется нечестивый, да не видит славы Господня"), Сильвестр поясняет, что под нечестивыми понимаются в первую очередь те, "иже бесчествуют родителя своя и паки насмехающегося отцу и укаряюща старость матерню". Имеются и такие, "кто злословит или оскорбляет родителя своя или кленет, или лает" и даже "кто биет отца и мать" (88).

И все же Сильвестр преимущественно изображает "домовитый обиход" дружной и сплоченной семьи, где "мужеск пол и женьск, стар и мал" всегда вместе, нужно ли "ести или пити, или ества варити, или печи што, и всякие приспехи делати, и всякое рукоделие, и всякое мастерство" (90). Вместе с тем у каждого свои обязанности, каждый должен знать, "на ком что положено и каму которое дело приказано ведати" (138). Всех домашних объединяет и молитва: "По вся дни мужъ ж женою и з детьми, и з домочады, кто умеет грамоте – отпети вечерня, паверница, полунощница с молчанием и со вниманием, и с кроткостоянием, и с молитвою, и с поклоны, пети внятно и единогласно" (80). Последнее слово придает особую выразительность этой картине, подчеркивая согласие не только в пении, но и в самих взаимоотношениях.

Семейные отношения показаны и в произведениях XVII в. Так, в повести об Улиянии Осорьбиной" главная героиня "помногу чтяше тетку свою и дщери ея" (98). О быте патриархальной русской семьи дают представление взаимоотношения Улиянии с родителями мужа: "Еще бо свекру и свекрови ея в животе сущимъ, иже видевьше ю возрастомъ и всею добротою исполнену и разумну, и повелеста ей все домовное строение правити. Она же со смирениемъ послушание имяше к нимъ, ни в чем не ослушася, ни вопреки глагола, но почиташе я и вся повеленная ими непреткновенно совершааше" (99). Перед нами достаточно характерная зарисовка семейной жизни – из слабеющих рук стариков бразды домашнего правления переходят к молодым. Изображена и повседневная жизнь Улиянии в собственной семье: частые разлуки с мужем, находящимся "на царьских службах", материнские огорчения.

Изображение обыденной семейной жизни находит место в "Житии" и других сочинениях Аввакума. Это впечатления деревенского детства: наблюдения за отцом, который "прилежаша пития хмельнова", и богомольной матерью; потрясение, вызванное видом "скотины умершей" (22–23); нехитрые развлечения: "голубятник был... держал голубей".

Многие страницы посвящены взаимоотношениям мужа и жены, родителей и детей. Например, по обычаю времени жену Аввакуму находит его мать, правда, видимо, учитывая взаимную симпатию молодых людей.

Картины быта ссыльной семьи подчеркивают привязанность друг к другу ее членов, их взаимопонимание. Это и знаменитая сцена тяжелого

пути, когда идут, "убиваючись об лед" (38), и воспоминания о курочке, дававшей ежедневно "по два яичка... робяти на пищу" (39), и рассказ о дочери, "горемыке Огрофене", ходившей за подаванием (36), и т.д.

Опираясь на бытовые картины, Аввакум, как никто из его современников, сумел с нежностью сказать о ребенке. Такова, в частности, сцена исцеления младенца Симеона, внука воеводы Пашкова: "А я лежу под берестом наг на печи, а протопопица в печи, а дети кое-где: в дождь прилучилось, одежды не стало, а зимовье каплет... Потом и больнова принесли... и все плачут и кланяются. Я-су встал, добыл в грязи патрахель и масло священное нашол. Помоля Бога и покадя, младенца помазал маслом и крестом благословил. Робенок, дал Бог, и опять здоров стал" (40). Такова по тону в "Послании к боярыне Морозовой" утешительная речь Аввакума, основанная на воспоминаниях о детских играх и шалостях ребенка, разлученного с матерью и затем умершего: "...тебе уже некого чотками стегать и не на ково поглядеть, как на лошадки поедет, и по головки неково погладить, — помнишь ли как бывало" (158). А рядом — семьи другого рода, где единственным законом является грубая сила. Например, женатый сын Пашкова подвергается физической расправе со стороны отца (41); "некий человек" совершает насилие над собственной дочерью (30).

Древнерусские писатели не обошли вниманием и тему распада семей. Образы сиротского детства возникают в первом "Послании Андрею Курбскому" Ивана Грозного: лишения "во одеянии и алчбе", равнодушие взрослых, принуждения ("вся не по своей воли и не по времени юности"), расхищение родительского достояния — это черты трудного детства царя и зарисовка сиротского быта вообще (44; ср. с судьбой девочки Улиянии, рано потерявшей родителей, — "Повесть об Улиянии Осорьинной").

Тема распада семейных уз дала содержание бытовым картинам в "Комидии притчи о блуднем сыне" Симеона Полоцкого, а также в повестях XVIII в. — о Горе-Злочастии, Савве Грудцыне, Фроле Скобееве. Характерной чертой этих картин является обличительно-сатирическая направленность.

В изображение обыденной жизни человека, его повседневного бытия древнерусские писатели вводят мотив "пищи телесной". Незначительный на первый взгляд, он тем не менее позволяет читателю достаточно глубоко проникнуть в развитие исторического процесса. Первые упоминания такого рода в "Повести временных лет" свидетельствуют о походном, военном быте. Здесь называются "конина", "зверина", "говядина" (78), "хлебы, мяса, рыбы, овощ разноличный, мед в бчелках, а в других квас" (140), кушанья "от мяс, от скота и от зверины" (140), "жито", "мед", "рыба" (186). Эти реалии выполняют также важную функцию при обрисовке ситуаций и характеристике исторических лиц: в одном случае они говорят о трудностях похода Святослава, в другом — о широкой натуре пирилобца Владимира, в третьем — о социальном неравенстве.

"Общественные несчастья" заставили писателей заменить изображение "яди" уже упоминавшимся мотивом голода. Однако образ "хлеба насущного" не исчезает полностью из литературы. Он занимает видное место в агиографических произведениях, где, наряду с основной своей функцией

служить средством характеристики аскета-святого, дает представление и о скудном быте человека, живущего физическим трудом. Например, по "Житию Феодосия Печерского", едой монахов являются "ржан хлеб, ти вода". И лишь в субботу и воскресенье они позволяют себе вкусить еще "сочива", т.е. чечевицы. Когда монастырь навещали знатные гости, то от "брашн монастырских" подавали, кроме хлеба и сочива, еще "мало рыб" (330, 356).

Скудность пищи – основная черта быта героев "Киево-Печерского патерика" (498, 554, 578). Продуктами питания являются пшеничный хлеб, для которого старцы сами перерабатывают зерно и муку (578), и также "сочиво" (498). Иногда приходится ограничиться и лебедой, о чем повествуется в патериковом "Сказании о Прохоре черноризце". Следуя "воздержанию безмерному", он отказывается от хлеба и собирает лебеду, "своими руками стираа, хлеб себе творяще и симь питаешся" (594). Этот сюжет, используемый здесь для прославления аскетического подвига, тем не менее дает представление и о суровом быте монастыря в целом и о тяжелых испытаниях мирян в связи с неурожаем.

В обиходе святого Сергия ("Житие Сергия Радонежского") часто недостает "масла и соли, и всякого яства брашеннаго" (342). Основная его пища – хлеб; он делится им с "братьями меньшими", в частности с медведем, который ежедневно его навещает (270). Но хлеба тоже мало, и святой за "гнилые хлебы" рубит некоему старцу сени, а затем вкушает эти хлебы "с водою токмо, и не бе варива, ни соли, ни влаги, и обое съвокупя и обед и вечерю ядяше" (344).

Елифаний, автор "Жития", использовал при этом этикетные формы. Думается, однако, обращение к ним – не только литературная традиция, но и угол зрения, обусловленный как христианским аскетизмом, так и скудным бытом того времени.

В "Рассказе о смерти Пафнутия Боровского" упоминание о "колачах", которыми герой завещает одарить после его смерти нищих, подчеркивает милосердие подвижника, а также его личную неприязнительность, поскольку деньги на подарок выгадываются за счет похорон: "А гроба не купи дубова. На ту шесть денег колачей купи, да раздели нищим. А мене лубком оберти" (506). В "Повести о житии Михаила Клопского" герой одаривает разбойников хлебом, предвидя их покаяние, – такова прозорливость Михаила (336).

Примечательно, что в дальнейшем с изменением условий жизни меняются характер изображения "пищи телесной" и отношение к ней. Например, если в "Повести о Луке Колочском" конца XV в. еще достаточно обобщенно, притом с осуждением, говорится о "многих брашнах, тучных и питиях благовонных" (54), то в "Домострое" XVI в. любовно перечисляются всевозможные яства: "хлебы ситные и решетные", "колачи", "блины", "ества мясная и рыбная", "всякие каши и кисели", "пирог... в скоромные дни... с... скоромною начинкою, какая лучится, а в посные дни с кашею или горохом, или с соком", а также "репа, или грибы, или рыбки, или капуста" (106). Здесь же "студень", "молоко и сметана", "сыры", "яйца", "сочни", "лапша гороховая", "икра всякая", "сухари", "толокно", "брусничная вода и вишни в патоке, и малиновый

морс и всяки сласти, и яблока и груши в квасу и в патоке, и постелы" (128, 130) и т.д.

Образы еды служат в "Домострое" важным средством характеристики домовитого человека и его доброй жены, их трудолюбия, бережливости, чистоплотности. Хороший хозяин осмотрительно запасется провиантом и сумеет его сохранить: "...ино купити годовой запас: хлеб и всякое жита, зиме на возех, а полтевое мяса тако же, и рыбу всякую, свежую или иную, осетрину на провес, и бочесную в год, и семжину, и икру сигаовую и черную, и которая рыба в лето ставити, и капуста, – и те суды зиме в лед засекати, и питье запасное глубоко, и покрыв лубом засыпать, и коли надобе лете и тогды свеже и готово" (126). У разумной жены ничего не пропадает: "...в осень капусту солят, и свеклу ставят, и репу и морковь запасают, и у всего того хряпье и листье и коренье и обресков и крох... и по залавкам крохи и остатки и объеди, и домовитая добрая государыня или ключник доброй все то собирает и по судом ставит, и тем животину... кормит" (128). Перечисляя снедь, хранящуюся в погребе и леднике, автор высказывает пожелание, чтобы "то было чисто и в покрыте и не затхлося и не заплеснело, и прокисло" (146). Чистота необходима на обеденном столе: "А ества и питье на стол понести осмотря, чтобы то судно было чисто, в чем несешь, и ества или питье чисто же... а поставя еству или питье, да тут ни кашлять ни сморкать, отшед на сторону, вычистить нос или выкашлятися" (140).

В XVII в. тема "яди" приобретает в основном сатирический характер, служит средством обличения.

Элементом картин мирного быта является изображение трудовой деятельности. Владимир Мономах, рисуя в "Поучении" идеал человека, одной из главных его черт называет трудолюбие. "Еже было творити отроку моему, – вспоминает он, – то сам есмь створил дела, на войне, и на ловех, ночь и день, на зноу и на зиме, не дая себе упокоя. На посадники не зря, ни на биричи, сам творил, что было надобе: весь наряд и в дому своемь – то я творил есмь. И в ловчий наряд сам есмь держал и в конюсех, и сокоlex и о ястребех" (148). Владимир Мономах подчеркивает при этом необходимость все делать "своими руками". Этот мотив занимает важное место и в рассказах о подвижниках.

Говоря о различных видах труда, Владимир Мономах называет здесь охоту. В условиях полукочевого образа жизни, вызванного беспрестанными войнами, это, действительно, работа, а не развлечение, – недаром поездка "на лов" приравнена в "Поучении" к "думанью" с дружиною и с разбирательством спорных дел (140). Как один из важных промыслов показана охота и в "Повести временных лет". Например, "бяху ловяща зверь" поляне, названные летописцем "мужами мудрыми и смысленными" (28). Во времена Игоря Рюриковича около Киева "перевесеще бе", т.е. места для ловли птиц и зверей (68). "Ловами звериными" занимался Всеволод Владимирович, "заметавший тенета" под Вышгородом (224).

Лишь бегло упомянут в памятниках Киевской Руси земледельческий труд. Тоской о нем наполнены в "Слове о полку Игореве" образы пашни, посева, молотьбы, включенные в воинские картины. Невозможность его осуществления подчеркнута в речи Владимира Мономаха на Долобском

съезде ("Повесть временных лет", 268). Пахоту упоминает Кирилл Туровский в связи с описанием весенней природы ("Слово в новую неделю по пасце", 93–94), однако этот образ, как и пейзаж в целом, имеет здесь аллегорический характер, символизируя духовное учение¹⁰.

С большей полнотой картины мирного труда раскрыты в произведениях житийного жанра. Удаленные в лесах от суеты мирской, от драматических общественных событий, подвижники проводят жизнь в тяжелом труде. Этот труд, подчеркивающий благочестие святого, тем не менее весьма сходен в своих деталях с трудом обычного мирянина, в поте лица добывающего хлеб.

"Своими руками" делает все Феодосий ("Житие Феодосия Печерского" Нестора): мелет зерно на муку, печет просфоры, носит воду и дрова из леса "на свою плешю", прядет пряжу. Рядом с ним и другие старцы "рукама своима делахуть дело: ово ли копытыца плетуще и клобуки, и ина ручная дела строяще... другоици же в огаде копахуть зелиинаго ради растения" (330).

Разнообразные виды физического труда показаны в "Киево-Печерском патерике". "В трудах пребывает" Антоний, копающий "своима рукама" ров. "Своима рукама" копает землю и Марк-печерник, переносящий затем ее "на свою плешю" в другое место. Федор "сам вдасть себе в работу велию", чтобы не быть праздным: "постави же в пещере жерновы и оттоле нача работати на святую братию: от сусека пшеницю взимаа и ту своима рукама измилаше... заутра же убо в сусек муку отдаваше и пакы взимаше жито" (578).

Трудами наполнен день Сергия Радонежского. Он и плотник ("три или четиры келии сам своима рукама созда"). И дровосек ("ово дрова на раму свою от леса ношаше, и яко же по желиам раздробляя и растесаа, разношаше, на полена разсекаа" – "Житие Сергия Радонежского" Елифания Премудрого, 320). Мастер "на вся монастырская делеса", он печет хлебы, варит "вариво", носит воду из источника, обшивает братию ("обувь же и порты крааше и шияше"). В "Житии" детально прослежено, как Сергей делает то или иное дело, например: "...преже бо пшеницу толчаше и меляше, и муку сеяше, и тесто месяше и квасяше" (336). Показано также, в какой последовательности рубит Сергей крыльцо: "...препояса чресла своя крепко и нача делати и тесати от утра и до вечера. И дьскы вся истеса, тако же и столбы издолбе и поставль, Богу помогающе ему, сени съгради до вечера и съверъши" (344).

Умельцем в "Рассказе о смерти" изображен и Пафнутий Боровский: "многим трудом" выкопал он пруд, а потом стал учить других, "како заградити путь к воде" (506). В "поте лица своего" трудится на земле Корнилий Комельский, "вологодский чудотворец" из проложного "Жития" (410 об.). Хорошо знает крестьянскую работу Антоний Сийский, что и неудивительно, поскольку родители его, жившие на Двине, "близ студеного моря окияна", были "художеством земледельцы". Сам он был

¹⁰См.: Прокофьев Н.И. К литературной эволюции весеннего пейзажа: (Кирилл Туровский, И.М. Катырев-Ростовский и В.К. Тредиаковский) // Новые черты в русской литературе и искусстве (XVII – начало XVIII в.). М., 1976. С. 236.

научен "конному художеству" ("Житие Антония Сийского", 477). Все "своима руками" делает монастырская братия и по свидетельству проложного "Жития Савватия Соловецкого", "начальника соловецкого острова" (115). Монахи Клопского монастыря ловят рыбу, роют землю для колодца, сами выполняют и все остальные работы ("Повесть о житии Михаила Клопского", 338, 340).

В агиографических памятниках запечатлены картины и умственных занятий. "Сидящим и делающим книги" изображен "великий Никон"; "по вся дъни и нощи писаше книги" чернец Иларион ("Житие Феодосия Печерского" Нестора, 344, 348). Перепиской "Деаниа" занят Михаил Клопский ("Повесть о житии Михаила Клопского", 334). Заслуживающими глубокого уважения показаны переводческая деятельность Стефана Пермского, который "книги русския на пермьский язык преведе и преписа", его труд по созданию пермской азбуки ("Память Стефана Пермского", 292). Настоящей работой и учителя и ученика представлено в житиях "учение грамоте", примером чему может служить "Память Стефана Сурожского" (518 об.). Отдан "наказатися" священным книгам некоему дьякону, имевшему "множество ученическое", Иона, будущий архиепископ новгородский ("Повесть об Ионе Новгородском", 354).

Более широкий взгляд на труд – не просто как на свидетельство аскетизма, а как на норму жизни – находим мы в светских памятниках XV–XVI вв. Например, в "Сказании о Дракуле" плохая работа приравнена к преступлению. Увидев на некоем человеке рваную рубашку, Дракула приказывает казнить его молодую жену: "Да почто ты леность имеши к мужу своему? Он должен есть сеяти, и орати, и тебе хранити, а ты срачици не хочещи ему учинити, а здрава сущи телом. Ты еси повинна, а не муж твой..." (560).

"Не долго спите, не много лежите", – поучает автор "Слова о Хмеле". При этом ход рассуждения его чисто светский: от долгого лежания не только "не мощно Бога умолити", но и "сладка куса не снести, медовыя чаши не пити, а у князя в нелюбви быти" (578).

Новый вид трудовой деятельности, которая рождает и новый тип человека, раскрывается в "Хождении за три моря" Афанасия Никитина. К энергичному, подвижному купцу-тверитину близок и Иван Пересветов, стремящийся продать собственноручно сделанные щиты ("Малая челобитная", 596). Высокую оценку получает крестьянский труд. Ермолай-Еразм в своем трактате "Правительница" утверждает, что среди сословий "всего потребни суть ратаеве, от их бо трудов есть хлеб". Он не умалчивает при этом о тяжком положении земледельцев, которые "безпристанни различная работная ига подъемлют", терпят обиды от вельмож и писарей-землемеров (655). Писатель изображает крестьянскую работу и в "Повести о Петре и Февронии", где героиня сидит за ткацким станком, а ее родители добывают свой хлеб бортничеством (634).

В "Домострое" поэтизируется домашний труд. Если в "Поучении" Владимира Мономаха лишь утверждалась необходимость знать всю домашнюю работу и уметь делать ее самому, то в "Домострое" этот труд представлен во всех деталях. Характерно название одной из глав: "Како человеку рукодельничати и всякое дело делати благословяся" (90). А дела

эти весьма разнообразны, особенно там, где речь идет о женской работе.

Добрая жена должна уметь сама прясть и ткать ("обретши волну и лен, сотвори благопотребно руками соима"), а также дать "дело рабыням" (90). Она шьет "многоразлична одеяния преукрашена . . . мужу своему и себе, и чадом, и домочадцем своим" (92). Она должна знать досконально поварское дело: "Как мука сеяти, как квашня притворити и замесити, и како хлебы валяти и печи" (106), а также уметь все остальное – варить мясные и рыбные блюда, заготавливать соленья и варенья, квасить капусту, делать наливки. И опять-таки быть готовой спросить эту работу с подопечных.

О домашнем труде людей XVI в. свидетельствуют и как бы срисованные с натуры картины. Стирка: белье следует "вымыть и выпарити, и начисто выполоскати и иссушити и искатати", ветхое же должно быть "вежливо поплачено" (106). Кройка: когда случится "какое полотно кроити", то следует загнуть "вершка по два и по три на подоле и по краем, и по швом, и по рукавом", особенно если речь идет об одежде для ребенка (110). При дойке – дочиста моются руки, надевается старенькое, но чистое платье, теплой водой обмывают вымя и соски у коровы, "потиралником чистым" их вытирают и доят "во всяком бережении" (130).

Мы остановились более подробно на основных моментах в изображении частной жизни древнерусского человека, которыми тема, однако, не исчерпывается. Здесь могут быть дополнительные аспекты. Бытовые картины сопровождают рассказ о старинных верованиях. Характерна в это отношении "Повесть временных лет", описывающая языческий обычай жертвоприношения: «И реша старци и боляре: "Мечем жребий на отрока и девицу; на него же падеть, того зарежем богом"» (96). Тут же и сами "кумиры", украшенные серебром и золотом (94), призываемые в качестве свидетелей при заключении договоров и союзов (46, 68).

Летопись отмечает, что несмотря на введение христианства, широко бытует колдовство: призывает бесов один из кудесников; другой притворяется богом и хулит христианскую веру; особенно "много волхвуют жены чародейством, и отравою, и иными бесовскими козньми" (190, 192, 194).

"Повесть временных лет" фиксирует и постепенное проникновение в быт новых обычаев, обусловленных христианизацией, а вместе с ними и новых взглядов. Например, сообщается об уходе некоторых знатных людей в монастырь: ". . . пострижесе Еупраксия, Всеволожа дщи, месяца декабря в 6. . . В то же лето пострижесе Святослав, сын Давыдов, внук Святославль, месяца февраля в 17 день" (272). Даже волхвы рассказывают, по летописи, библейскую легенду о сотворении человека (190).

Черты христианизированного быта отражены в "Сказании о Борисе и Глебе" и в "Поучении" Владимира Мономаха. Распорядок дня Бориса строго обусловлен церковными правилами: и вечером и утром он творит молитву, сопровождаемую пением (284); поющим "Псалтырь заутрянью" застают его убийцы (286). Церковному ритуалу следует в обиходе и Владимир Мономах: «Аще и на кони ездячи не будет ни с кым орудья, аще инех молитв не умеете молвити, а "Господи помилуй" зовете бес

престани втайне: та бо есть молитва в устех лепши, нежели мыслити безлепицу ездя > (136). Мономах усвоил и своеобразную черту, обусловленную новым бытом, – гадание по Псалтири (130).

Обыденная жизнь наших предков раскрывается, в частности, и в таких "мелочах быта", как упоминания о банях. Из "Повести временных лет" явствует, что люди в Киевской Руси были чистоплотны. Вот наглядный рассказ о том, как новгородцы "ся мыют и хвощаются" в парной бане: "Видех бани древены, и пережгут е рамяно, и совлокуться, и будут нази, и облекуся квасом усняным, и возмуть на ся прутье младое, и биють себя сами, и того ся добиють, одва вылезуть ле живи, и облиются водою студеною, и тако ожить" (26).

По свидетельству сказаний о княгине Ольге, парные бани были знакомы и киевлянам (Там же, 70). Из "Повести о Петре и Февронии" явствует, что бани были также местом врачевания (636). "Мыльня" с такими ее атрибутами, как "котел медник" с крышкой, "тазы", "полотенца", фигурирует в "Чине свадебном" (190).

Олицетворением опрятности как нормы быта является дом, образ которого рисуется в "Домострое". В главе с выразительным названием "Как избная парядня устроити хорошо и чисто" читаем: "Изба и стены, и лавки, и скамьи, и пол, и окна, и двери, и в сенех, и на крылцы вымыть и вытерть, и вымести, и выскресть, всегда бы было чисто, и лесницы, и нижнее крыльце, – все бы то было измыто и выскребено, и вытерто, и сметено, да перед нижним крыльцом сена положить грязные ноги отирать, чтобы мосту не грязнить в грязное погодье" (120).

Тема опрятности возникает многократно, идет ли речь о посуде ("перемыти и вытерьти, и высушить . . . и положить в чистом месте" – 120), об одежде ли (следует ее бережно хранить "и от грязи и от дождя, и от снега . . . и питьем не улити, и ествою и салам не извалять" – 118), о еде ли (138 и др.), об огороде ли, куда не должно быть доступа "ни куrom, ни гусем, ни уткам и всякой животине" (132).

Таким образом, картины труда, семейных взаимоотношений, домашнего обихода играют важную роль не только в воспроизведении повседневной жизни древнерусского человека, но и в выражении его нравственных принципов и эстетических взглядов.

Сатира на быт

Обличительная функция бытовых картин проявляется уже в памятниках Киевской Руси. Например, описание порочных нравов дано в апокрифе "Хождение Богородицы по мукам". В аду мучается сплетница, "еже хожаше по ближняя своя и по суседом, послушающи, что глаголют, и слагающи словеса неприязнена, сважающи на сваре" (170). Здесь же сводники (172); монахини, продавшие "тела на блуд"; пьяницы; кровосмесители (174); убийцы, "иже ядями уморяют человеки, и оружием убивают человеки, и давят дети своя" (176).

Опирается на русский быт и Даниил Заточник. В "Молении" такова обличительная зарисовка богатого застолья ("трапезы многоразличных брашен"), на которое к хозяину приходят мнимые друзья, тут же забы-

вающие о нем "при напасти" (390). К этой зарисовке близко изображение хамелеонства: "Богат возглаголеть — вси молчат и вознесут слово его до облакъ; а убогий возглаголеть — вси на нь кликнуть" (390). Житейские впечатления лежат, несомненно, в основе рассказа об унижительной женьтибе на "злообразной жене. . . у богатого тестя" (396). Несмотря на традиционность темы "злой жены"¹¹, образ некрасивой, но величающейся своим богатством женщины нарисован в "Молении Даниила Заточника" как бы с натуры.

Обличение пьянства, воровства, "скверных и немилосердных судов", сквернословия содержится в "Поучениях" Серапиона Владимирского — "в ней (в жизни. — А.Е.) эти пороки действительно существовали"¹². Недовольство проповедника вызывают и такие бытовые явления, как испытание "ведьм" холодной водой и сжигание их на костре, а также "выгребание из земли похороненных утопленников и удушенных, которые по народному поверию могли вредить урожаю и благоприятной погоде"¹³. Как отмечает Е. Петухов, по поводу второго "суеверья" писал впоследствии Максим Грек, сообщение которого текстуально близко к "Поучению" Серапиона Владимирского¹⁴.

Сходное явление с неодобрением упоминает и Иван Пересветов в "Большой челобитной". Объекты его обличения — те вельможи, которые "мертвых новопогребеных из гробов вынимали, да те гробы порожи загребали, а того мертвеца рогатиною исколовши или саблею изсекши, да кровью вымажут, да богатому человеку в дом подкинут" (616).

В списках XII в. стало известно на Руси "Слово о богатом и Лазаре", где красочно описывается быт богатого, ". . . кони его бели беша златом украшени и седла его позлашени, раби его пред ним текуть мнози. . . в гривнах златых, а друзии. . . обручи и маниста носяще". Пир богатого поражает своей роскошью: "На обеде же много служба златаа и сребренаа, вино много, тетерева, гуси, лебеди, жерави, ряби, голуби, кури, зайцы, елени, свиния, мяса тельцы". Богатому усердно служит множество "рабов", одни слуги (видимо, повара) "сокачи работающи", другие "блюда носяще", "инии же с боязнию махающе, инии сребрени умывалница держаще. . . инии же стьяльница с вином держаще, и ти вси тружася, тщащяся единаго богатого чрево насытити". Так же тщательно оберегается отдых и сон богатого: слуги "готовяще ему одр. . . Возлежащу же ему, не могущу ему уснути, друзии глядят ему нозе, инии по лядвеям тешат его" (в варианте добавлено: "инии по плечеа чишуть, инии гудуть, инии бають ему и кощунять"). Эти выразительные описания не могли не рассматриваться читателями Древней Руси как правдивое и отрицательное по своей направленности изображение жизни крупных феодалов¹⁵.

¹¹ См.: Былинин В.К., Грихин В.А. Становление русской сатиры // Сокровища древнерусской литературы: Сатира XI—XVII веков. М., 1987. С.11.

¹² Петухов Е. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. СПб., 1888. С. 42.

¹³ Там же. С. 56.

¹⁴ Там же. С. 174—176.

¹⁵ См.: Робинсон А.Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974. С. 248—249.

Текст "Слова" явился своего рода стимулом для появления ряда мотивов, давших жизнь обличительным бытовым картинам в произведениях древнерусской литературы: богатой кареты, обжорства и пьянства, слушания песен, сказок, игры на музыкальных инструментах в нарушение церковных правил.

Отражение этих мотивов находим, в частности, в "Повести о Луке Колоцком" (XV–XVI вв.), где с их помощью создаются бытовые картины, развенчивающие главного героя, отступившего по недомыслию от норм христианской морали. Он "постави двор себе, яко некий князь, храмы светлыи и велици, и слуг много собра, престоющих и предтекущих ему отроков много имеяще, во утварех украшени. И трапеза его много брашна имееши, тучных и драгих и питий благовонных много, и ядыше и упивашеся со и сущими его служители" (54). В повести звучит прямое осуждение и "бесовских позорищ и плясаний", которые возлюбил Лука (56).

"Плясания" и "играния" клеймит митрополит Даниил, послание которого на эту тему так же возникло в русле развитой и давней традиции: против увеселений писали отцы церкви (Иоанн Златоуст, Ефрем Сирин). Однако картины, которые рисует Даниил, вполне отвечают нравам его времени. Примечательно, что он имеет в виду не только мирян, но и "нечих от священных", которые "играют в гусли, в домры, в смыки, к сему же и зернию, и шахматы, и тавлеми, и в песнях бесовских, и в безмерном и премногом пианстве, и въсякое плотское мудрование и наслаждение" ("Поучение" митрополита Даниила, 524).

Младший современник Даниила, Ермолай-Еразм, связывает "бесовские игры", на которых скачут, бесятся и скверные песни припевают, с распространившимся на Руси "пьянственным питием". Публицист приводит описание пирушки, участники которой теряют человеческий облик: "Сия же жена уже сидяше от пьянства яко обуморена, крепость бо трезвенная изсяче, и бысть ей желание сатанинскому игранию, мужеви же ея такожде ослабевшу и на иныя жены умом разслабевшу, и бывши семо и овамо очима соглядание и помизание" ("Правительница", 660). Яркостью отличается изображение корчмы в Пскове, где собираются пьяницы и блудницы (662).

Картины быта в их обличительной функции представлены и у таких видных писателей XVI в., как Иван Грозный и Андрей Курбский. Выделяется в этом плане "Послание в Кирилло-Белозерский монастырь" Ивана Грозного. Написанное по поводу нарушения монастырского устава ссыльными боярами, "послание пронизано едкой иронией, перерастающей порой в сарказм"¹⁶. Эта ирония особенно ярко проявляется в зарисовке образа жизни Шереметева и Хабарова: "А ныне у вас Шереметев сидит в келии что царь, а Хабаров к нему приходит, да и иныя черныцы, да едят, да пьют, что в миру. А Шереметев нивести с свадьбы, нивести с родин розсылает по келиям пастилы, ковришки и иныя пряныя составныя овощи... А инии глаголют, будто де вино горячее потихоньку

¹⁶ Кусков В.В. История древнерусской литературы. 3-е изд., испр. и доп. М., 1977. С. 175.

в келию к Шереметеву приносили" (158). Изображая здесь быт конкретных людей, Грозный в известной мере предваряет демократическую сатиру XVII в., одним из объектов которой было черное духовенство в целом.

Андрей Курбский в "Истории о великом князе московском" использует картины "скверных пирований" для обличения самого царя, который, "Бахуса почитающе", трезвых "во пьянстве погружаться нудил". Критическая направленность бытовой картины становится особенно ощутимой благодаря умелому использованию Курбским традиционной метафоры "вино—кровь". Она обыгрывается, в частности, в рассказе о Молчане Миткове, отказавшемся пить "обещанную диаволу чашу", в которой "окаянный мед" смешан с кровью "братий наших, правоверных христиан". Сцена расправы над "мужем правым" дает яркое представление и о нравах времен опричнины и об отношении к ним Курбского: царь "абие возгоревся гневом великим, копьем, яже во проклятом жезле своем носяще, абие рукою своею пробил его и въне храмины лютым кремешником повелел изъвлеши его, едва дышуща, и добити. И сие исполнил помост полаты кровии посреди проклятого пиру" (394). Столь же ярки в "Истории о великом князе московском" и картины "непохвальных пирований" военачальников "с пьяными бабами своими" (296).

Бытовые картины XI—XVI вв. в их обличительной функции, как показывают приведенные примеры, отличаются яркостью изображения и свидетельствуют о проницательности их создателей. Однако до XVII в. они занимали в литературе незначительное место. Особенности исторического и историко-литературного развития XVII в. в корне меняют положение. Картины быта, близкие рядовому читателю, становятся популярным средством критики действительности, насыщая собой произведения самых различных жанров, как новых (демократическая сатира, бытовая повесть, драматургия), так и традиционных (ораторские "слова", эпистолярные произведения, учительная литература).

Литературная продуктивность обличительных бытовых картин весьма высока при разработке таких популярных в XVII в. тем, как распад семей, паразитизм господствующих классов, порочность духовенства, невежество народа. Несмотря на традиционность отдельных тем, бытовые картины, иллюстрирующие их, воспринимаются благодаря живым деталям как документ эпохи.

Картины порчи нравов отводят видное место изображению "корыстного, пьяного духовенства, которому и в церковь ходить некогда"¹⁷. Образ пастыря-пьяницы создан еще Златоустом в слове "О лжеучителях", которое было издано в 1641 г. в книге "Маргарит". Противопоставляя древних пастырей нынешним, Иоанн Златоуст пишет: "Сие же имением и скотом и коньми и стады, селами и повары, красными трапезами, сластолюбия ядением и питием исполнены. И о сих точию дню и нощию беседующе, а о словеснем стаде безсловесни суще... Аще ли кто вопрошает их о книгах, то отвещают глаголюще, убози есмы, не имамы чим

¹⁷ Адрианова-Перетц В.П. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М.; Л., 1937. С. 8.

книг стяжати. Ходят же не яко убози, но ризы носяще светлы и блещашся, разширяюще воскрилия. Шии же яко у телцов, еже на заколение упитанных. Ученик много, паче же поваров... О глубокого срама, о злаго имения, о горкаго сребролюбия. О ненасыщенного брюха. Не от сих ли соблазны, хуления, укоризны, свары и мятежи и прочая злая прозябают" (587–587 об.).

Русские книжники при изображении современного им духовенства обычно отталкивались от этого текста. Однако готовая схема была лишь побудительным толчком в отборе и осмыслении жизненного материала, который под пером наиболее талантливых писателей реализовывался в яркие картины. Характерна в этом отношении книга "Статир" (1684 г.), представляющая собой сборник гомилий на евангельские тексты. Свою зависимость от традиционных источников, в первую очередь от слова Иоанна Златоуста, подчеркивает сам неизвестный автор. Писатель вначале пересказывает характеристику лжеучителя близко к тексту Златоуста: "Ныне же что зрят очи мои в роде моем, ибо пастыри наши не о стаде Христове прилежат, но о злате и о серебре, о рабех предходящих, о колесницах и конех, о зданиях и о селах, о vine множестве и риз украшении... прельстившися глаголют мнящися мудри, ано последней грубости невежди суще: что нам во книгах учителных, довлеет Часословник и Псалтырь" (56).

Далее развиваются в основном два мотива – пьянства и невежества попов, причем делается это с помощью как бы выхваченных из жизни картинок. Вместо церкви "ленивые учителя" спешат "ко объядению и пианству, в чревную работу", подавая пример и прихожанам. Пастырь бежит "в корчемницу, а овцы... в блудилище и позорища сатанинския" (57 об.). Будучи в корчемнице велеречив, поп в церкви "безгласием связан и неразумием пленен" или же несет чепуху, шумит языком, "яко ветрило скорообратное"; полно юмора изображение попа-пьяницы, который сидит "за полными чаши, посреде равных себе", а затем обходит и другие места, где имеются "чаши благовонного вина" (56 об.).

Автор "Статира" не щадит при этом и "великих начальников церковных", меняющих "всенощные бдения" на пиры с "многообразными брашны и пития благовонного множеством", украшающихся "многоценными ризами", строящих не училища, но "поварни", окруженных "ласкателями" (241).

От конкретных жизненных ситуаций идут и старообрядческие писатели, считающие главными чертами никонианского духовенства обжорство, пьянство, распутство. Так, игумен Феоктист пишет о вольготной жизни монахов Спасакаменного вологодского монастыря: "И крылошаня и старцы по деревням ходя пьют... а архимандрит их не унимает". В день великого поста они не по уставу едят рыбу, получают "ис проварни прибавочные ествы", некоторые имеют слуг ("Послание Стефану Вонифатьеву", 166).

По словам дьякона Федора в "Послании сыну Максиму", архиереи искусны "точию на творение пиров, и на составление медов, и прочих питий благовонных" (185); "Нынешние пьяные философы... чреву своему служат день и ночь" (287). Это "воры и пьяницы, гнусное житие от юнос-

ти проходящие”, они ”блуда исполнише церковь... во алтаре бо копают друг друга во афедрон” (68).

Аввакум в ”Книге бесед”, характеризуя рязанского митрополита Илариона, отмечает, что тот не чуждается ни ”ренских”, ни ”романей”, ни ”водок”, ни ”пива с кордомоном”, ни ”вин процеженных”, ни ”медов малиновых и вишневых, и белых разных крепких” (335), а в ”Книге толкований и нравоучений” пишет о безнравственных отношениях Никона с прихожанками, которые ”тешат его великого государя пресквернейшего”: некая ”молодая жонка” и не выходила от патриарха, ”всегда весела с воток да с меду, пришел песни поет: у святителя-государя в ложнице была, вотку пила” (461).

Аввакум опирается при этом на реальные факты. В частности, в ”Донесении о Никоне” князя Шайсупова следующим образом говорится о жизни Никона в Ферапонтовом монастыре: ”К нему же, Никону, приходят жонки и девки будто для лекарств, а он с ними сидит один на один и обнажает их до нога будто для осмотру больных язв, а от ево де лекарства многие помирали. Он же, Никон, девок и молодых вдов называет дочерьми и зговаривает их замуж у себя в келье; а после венчанья приходят к нему в келью, а он же их запаивает допьяна, и сидят у него до полуночи... Ево же, Никона, видел с жонкою в тайном месте слушка Микитка Исаев. Он же, Никон, на сырной и на светлой неделях и в иные праздники делает пиры частые на слоботцких жонок и поит их допьяна; и в слободу отвозят их на монастырских подводах замертво... Он же, Никон, девкам молодым и жонкам дает милостыню большую, алтын по двадцати человеку, а старым по денге. И жонки и девки приходят к нему безвременно и по ночам у него сидят” (350–351).

Конкретными реалиями наполнена в ”Книге бесед” Аввакума картина епископского выезда. ”Яковлевич-попенок” ”тешится”, езда ”на вороных и в каретах”. Он сидит на подушке, ”растопырившись, что пузырь на воде”. ”Расчесав волосы, что девка”, он выставил ”рожу наружу... чтобы черницы-девки, ворухи любили” (335).

Подобные жизненные наблюдения над бытом конкретных людей позволили демократическим писателям, Аввакуму в первую очередь, придти к обобщающим выводам о порочности иерархов официальной церкви и выступить с их резким обличением.

На реальные факты монастырской жизни откликался в стихотворении ”Монах” и Симеон Полоцкий:

Не толико миряне чреву работают,
Елико то монаси поят, насыщают.
Постное избравши житие водити,
На то устремишася, дабы ясти, пити...
Множицею есть зрети по стогнам лежащих,
Изблевавших питье и на свет не зрящих,
Мнози колесницами возими бывают,
Полма мертвии суще, народ соблазняют.
Мнози от вина буи сквернословят зело,
Лают, клеветуют, срамят и четные смело... (8–9).

Это как бы поэтическая параллель к суждениям и постановлениям церковного собора 1666 – 1667 гг., где отмечались такие пороки белого и

черного духовенства, как пьянство, разврат, воровство и даже участие в грабежах и разбоях.

С подлинным бытом духовенства XVII в. знакомят читателя в еще большей степени памятники демократической сатиры. Картинка из жизни попа-взяточника нарисована в "Повести о попе Савве": "А хотя ему от меду привезет, то с радостию возьмет" (236). В "Празднике кабацких ярыжек" представлены живые и образные картины пьянства попов, близкие к тем, что в "Статире": "Мечуще одеяние свое ходяще беспрестани на корчму, друг ко другу глаголаху с похмелья попы и дияконы, склады чиняху и на мед посылаху на ведро глаголюще: пропьем однорядку темнозеленую да повеселимся, не пощадим кафтана зеленого, сорокоусными денгами окупимся" (87). Ср. с "Описанием" Олеария, который видел попа, "шатавшегося пьяным на улице, только в одном кафтане или нижнем платье, верхний кафтан свой он, без сомнения, заложил в кабаке. Проходя мимо гостиницы. . . он хотел, по обыкновению, своему, благословить стрельцов, державших стражу; но в это время, когда он, простерши руку, несколько наклонился, голова у него отяжелела, и он упал прямо в грязь" (194).

В быт монастырей, каким его знают документы XVII в., вводит "Калязинская челобитная" — несмотря на ее пародийно-сатирический характер. Через гротеск проступают реальные черты повседневной жизни монахов. Их пьянство: "... мы, богомольцы твои... круг ведра с пивом без порток в кельях сидим, около ведра правило говорим, не успеть нам, богомольцам твоим келейного правила исправить, из ведра пива испорознить, не то что к церкви часто ходить" (119). Их обжорство: "... лучши бы было для постных же дней вязига да икра, белая рыбица телное, да две паровые, тиошка б во штях, да ушка стерляжья" и т.д. (121). К числу умело схваченных моментов монастырской жизни относится и стремление "богомольцев" "коровницам благословения подать" (119).

Однако тема порчи нравов развивается в литературе XVII в. применительно не только к служителям церкви, но и к обществу в целом. Большое внимание в ее разработке отводится изображению семьи, отнюдь не идеальной. Например, картины семейных неурядиц рисует автор "Статиры", имея в виду прежде всего состоятельную, видимо купеческую, семью на Урале, где жил он сам. Грубость главы семьи по отношению к жене, грязное распутство мужчин, пустота и легкомыслие женщин, беспробудное пьянство и тех и других — приметы семейного быта, представленные в "Статире".

С предельной откровенностью говорит автор о супружеской жизни, лишенной всякой одухотворенности. Для многих "мягкая и белая телеса" их жен — нечто вроде "некоей пищи", которой они на первых порах беспрерывно "улаждахуся", хвастая затем в мужской компании своими "успехами". Есть и такие, кто принуждает "дружину свою" на "скверны похотные", — писатель дает при этом натуралистическое описание последних (376 об.).

Продолжая тему порчи нравов, автор показывает, как рушится семья. Многие мужья, оставив "свои законные и доброзачные жены", отправляются чуть ли не сразу после свадьбы к "скверным и всенародным

блудницам”: ”до первого убо вечера и второго похвалит свою жену”, а затем ”отходит на блуд” (377, 379). Отдельные бытовые сцены приобретают социальный аспект, что мы видим, например, при изображении крепостного гарема: ”Многажды бо таковы пребеззаконницы обретаются: госпожу дому, а свою законную жену, у сквернаго ложа чрез всю ночь на поругание поставляет, а сам с рабынею скверное смешение содевает. И жену от мужа насилствующи поемлет, и отца дочерь” (134).

Выразителен портрет главы дома, буяна и ругателя, противопоставляемого женской половине семьи: ”...ни един бо скверный глагол жена скоро вещает или дева отрыгнет, ниже безвременно смеется. А ты муж сый, а тако сквернословиши и буесловиши, и бесчинно смеешися. Учinen ты оную наставляти, а ты ею осуждаешися” (283 об. – 284).

Как и при изображении духовенства, значительное место в картинах семейного быта отводится в книге ”Статир” мотивам пьянства. ”Аще бы кто шел и в славные домы, – сокрушается автор, – коликое бы безобразие увидел во время их непотребных беседы” (159 об.). Примером таких безобразий может служить описание упившегося – ”блююща, растерзающася, окалявшася, очи имущи страшно напряжени, нечистоту трапезы исполняюща... и всем от него отбегающим” (197 об.).

Обстановка пира в богатом доме воспроизведена и в сцене подношения хозяйкой гостям чаши. При ее появлении ”все пиряне, аки без души стоят, инии бо обративше очи на ню, аки истуканни, друзии же, аки бы долу поникше, а сердца и мысль на вожжеление к ней положивше... поистинне сей обычай и лов сатанин: станет жена посреде дому, подобне аки некая богиня, тогда кийждо по чином пиряне со многим люботшанием и с низайшим поклонением, и со всяким благоговением, воздающе ей честь, целуют ее. Она же стоит неподвижна, аки идол, и держит в руке своей чашу. Тогда любостройне, аки некую благодать, от руку ея приемлют, и, отходя, с поклонением испивают мало... А донелиже она не изыдет, то ни един ту сущих от пирян не сядет, аще ли кий сядет, то вси его порицают и невежею называют” (163– 163 об.).

Уделяя при изображении нравов основное внимание мужчине, автор ”Статира” тем не менее касается и женского поведения. Его обличения ”злых жен” достаточно традиционны и вторичны. Однако в ряде случаев и они доносят до читателя черты реального быта XVII в. Общим местом является обличение суетности женщин, их пристрастия к нарядам и золотым украшениям, легкомысленного поведения в храме, куда они приходят не столько молиться, сколько себя показать. Однако конкретные детали в описании внешнего облика женщины, ее одежды, ее манеры держаться заставляют забыть о литературных образцах.

Читатель как бы в натуре видит ”очи призажмени, а брови возвышени, шию убеленую протягнену, златом обложенну и драгим бисером” (162 об.), ”лазуровидную ризу”, ”обуши высокия”, ”пояс златой” (370– 370 об.). Ориентация автора ”Статира” на русский быт отчетливо обнаруживается при сопоставлении с ”Евангелием учительным” Кирилла Транквиллиона, откуда заимствовано описание молодой и богатой прихожанки. В ”Статире” мы читаем: ”Увы мне, что аз ныне зрю в женах христианских, наипаче же в сановитых, в славных и богатых. Не Христа

бо приходят зде прияти и духовной его трапезы насладитися, но доброту телесную показати, не милостынями и добродетelmi украшают себе, но златом, бисером, ризами многоценными. И не слезами лице свое обливают, но мастми аромат натирают; не смирением главу покланяют, но шию протягают; а брови свои поднимают и чернилом помазуют, а очима помизуют, и прижмене поглядывают, семо и овамо позирают, есть ли смотрители их красоты" (41).

Это близкая, на первый взгляд, цитата из "Евангелия учительного" – и в то же время совсем иной текст, в чем нетрудно убедиться, вчитавшись в обличительную тираду Кирилла Транквиллиона: "Увы мне, но не сия ныне аз зрю в женах христианских, паче же именитых, не милостынями бо добродетелию себе украшают, но златом, бисером и ризами многоценными. И не могу аз сих нареци христолюбивых, но златолюбивых, но отложите сый застарелый недуг, вожделение златолюбное..." (144 об.). Используя отдельные выражения своего источника дословно, автор "Статира" вместе с тем сократил нравоучение и добавил новые детали для характеристики щеголихи, ее поведения, внешности, благодаря чему образ приобрел живые черты. Эта связь с конкретным бытом усиливается и благодаря заключительной реплике автора, обращенной к героине: если не знаешь, как вести себя в церкви, то "мужа своего вопросы в дому, аще ли он не исповесть, то отца своего духовного" (43 об.).

В бытовую сценку развернут сюжет об искушении юноши блудницей. Увидев его "ходяща мимо угол дому ея в темный вечер", она как бы случайно выходит навстречу, "лобжет его", приглашая в дом, где устроен "одр", застланный "коврами сугубыми". Но это не блудница в прямом смысле слова, а неверная жена, муж которой "изыде на путь далече... и за многи дни возвратится" (379 об.). Здесь ситуация, близкая к той, которая воспроизведена в "Повести о Савве Грудцыне", а в какой-то мере и в "Повести о Карпе Сутулове". Автор при всем своем негодовании не умалчивает, что грешная жена способна прельстить нестойкого "красотою лица, сладостию словес".

Иллюстрацией к нравам XVII в. является изображение пьяной: "Какова есть мерзостна жена згоревшим в ней вином дышащая, возмердевшими и согнившими мясами рыгающая, истлевшими брашны множеством отягчена, востати не могушая... Вся пренебрегает, ни о чадах плачущих вникает" (189 об.).

Автор "Статира" ищет причину семейных неурядиц в изъянах семейного воспитания. Его замечания по этому поводу также свидетельствуют о знании жизни. Вина родителей, считает он, не только в бездумной любви к детям (так учила притча о блудном сыне), но и в безмерном пристрастии к "злату", в равнодушии к моральным устоям. Например, отцы и матери не говорят: «"Чадо, бойся Бога, соблюдай заповеди его, а от праведных трудов милуй нищия", – но точию: "Не погуби богатство, бойся, да не обымет тя пещ нищеты"» (329 об.). Родители сквозь пальцы смотрят на юношеские "забавы" сыновей, посещающих "блудилища и корчемницы", и тем самым предают "нескверных чад своих на блуд" (205 об.). Роковым для становления души подростка часто является и пример родительского отношения друг к другу: "Отец научает мать бранити, а

матерь отца". В результате – "яковы воспитаются", таковы и "состареются" (144 об.).

В "Статире" разрабатывается и тема "господин и раб", подсказанная евангельской притчей о сотнике, а также изображением немилосердных хозяев в "Обеде душевном" Симеона Полоцкого, на которого ссылается автор. Господа, говорится здесь, "дотоле раба своего держат и милуют, доколе им угождают и злая их нравы утешают, и прибитки им отвсюду от правды и неправды приобретают". Но достаточно "рабу" чем-то провиниться или из-за болезни стать бесполезным, так никто о его верной службе не вспоминает, даже если случилось ему, "не щадя души своя", господина "от погибели искупити" (133). Беспомощного без сожаления повелевают "вон изринути". Состарившиеся слуги, будучи изгнаны своими господами, свидетельствует автор, вынуждены брести "от дому к дому... и с села в село", прося "дробины хлеба... и раздраной ризы" (133 об.).

Факты жестокого отношения феодалов к крестьянам зафиксированы и документами, в частности "Уложением" царя Алексея Михайловича 1649 г., где для крестьян, не подчиняющихся своим владельцам, предусмотрена даже смертная казнь (гл. I–III).

Мы остановились сравнительно подробно на "Статире" в связи с его малой изученностью. Однако картины быта, воспроизведенные в нем, характерны и для других обличительных произведений XVII в. Например, Симеон Полоцкий в "Обеде душевном" на материале притчи о блудном сыне иронизирует над подростком: "Се бо сын юнейший, во сластех и самовольстве воспитанный, аки конь доволноутученный, ничесому же наученный, разсверепе и разгордесе, не восхоте под властию и правительством отца си жити, изуздан же возжелаз безчинствовати" (540 об.). Горькие плоды "самовольства" показаны в сценах пьяного веселья в "Комидии притчи о блудном сыне". Эти сцены отсутствуют в Евангелии и полностью принадлежат Симеону Полоцкому, опиравшемуся на жизненные наблюдения¹⁸. На сцене изображаются попойка со случайными собутыльниками, игра в "зернь", расхищение имущества Блудного, который и сам проигрывает "игрецам" свою одежду. Совершенно реально поведение Блудного, который ходит "сланяся", "изыдет... похмелен", выпитое вино у него "весь мир обращает" (144–151).

Бытовые сцены "Комидии" в значительной мере определили популярность произведения у читателей. В XVIII в. текст был напечатан под лубочными картинками, а сатирические акценты в нем усилены. Например, вписана ремарка, отсутствующая у Симеона Полоцкого: "Тогда и прелюбодейцы ругахуся ему: овая гнаше кочергою, овая же воду лияше на него, он же избежав, увы глаголет" (696, рис. 36). На рисунке показано, как бегущего Блудного одна из женщин бьет кочергой, а другая поливает из окошка водой, т.е. воспроизведена чисто бытовая ситуация. Такой же

¹⁸См.: Ласточкин Н. Комедия притчи о блудном сыне // Старинный спектакль в России. Л., 1928. С. 108.

характер имеют и другие картинки, награвированные в середине XVIII в. мастером круга М. Нехорошевского¹⁹.

Большинство писателей XVII в., обращавшихся к бытовым картинам в целях обличения, рассказывают преимущественно о жизни состоятельных кругов. Иное мы видим в "Слове о милости" Евфимия Чудовского, написанном, по предположению А.В. Горского и К.И. Невоструева, в 80-е годы и предназначенном для произнесения его вслух патриархом²⁰. Тема сочинения – бедность и нищенство как ее крайняя степень – была обусловлена реальными явлениями действительности, когда после Крестьянской войны под предводительством Степана Разина и других социальных потрясений в стране появилось огромное количество нищих, о чем говорится, в частности, в царском указе 1682 г.

Евфимий подходит к данной проблеме с позиции гуманности, считая нищету явлением несовместимым с нормами человеческого существования и призывая своих читателей к милосердию. Несмотря на преобладание лирической тональности, в изображении быта бедняков явственно звучит нота негодования.

Писатель рисует картины тщательно скрываемой нищеты тех, кто стал ее жертвой внезапно, разоренный "гладом, немощию, вреждением удес, огнем, погублением, юзничеством, долгами" и т.д. (898 об.). Катастрофой для семьи оборачивается болезнь хозяина – "рукодельника", особенно если он "руку изломит" (902 об.). Внезапная смерть кормильца резко меняет налаженную жизнь семьи. Вдова, "в долгах с многими малыми детми", не знает, что о себе и "промыслить": "Дети хоцут хлеба, рабы мзды, девицы одежди, сыны учения или рукоделия... заимодавцы истязуют долги и на суды повлачат". Прожив последний "останок", осиротевшая семья оказывается обреченной на голодное существование (899 об.). Автор глубоко сочувствует "возрастным девам", оставшимся "без вена, без обучения к делу" (901). Он понимает, что в подобных обстоятельствах осиротевшие могут остаться и "без чистоты", но не спешит их осудить, так как при угрозе умереть с голоду "немнози Гликерии, мали Сосанни, таковии за чистоту умерети изволиши: бедство, срамота, глад – искушений вина" (903).

Горька участь "убогого селянина": то скот у него мрет, то воины отнимут хлеб, то последнее возьмет господин в уплату долгов: "...царь дани хошет, господин мыта, работати подобае, но ничим на всяк день оброку приобретати" (903). И наконец, крайняя степень отчаяния: чтобы избавиться "от великия печали", некий несчастный, все потерявший "во едину ночь", берет "вервь" и хочет себя "обвесити" (303 об.).

Иные чувства вызывают у Евфимия профессиональные нищие. Он рисует сатирические портреты попрошаек, не желающих жить своим трудом, – "просителей, здравых сущих, не велми состаревшихся" (907). Среди нищенствующих – гуляки, пропойцы, игроки в кости. Получив

¹⁹См.: Клепиков С.А. Русские гравированные книги XVII–XVIII вв. // Книга: Исследования и материалы. М., 1964. Сб. 9. С. 156.

²⁰См.: Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. М., 1862. Отд. 2. Прибавления. С. 246–250.

милостыню, таковой "абие идет на костырьство или в блудилище или в корчму" (908 об.). Между "праздными тунеядцами" немало молодых здоровых женщин, "по стогнам бродящих". Некоторые для своего промысла "чуждые детища наймут". Нищенствуя днем, они ночью пьют (907).

Евфимий отмечает попрошайничество и среди монахов. Он неодобрительно относится к тем, которые "не щощут в труде монастырем страдати", но не может также умолчать, что многие становятся нищими из-за своекорыстия "начальников монастырских". Игумены и экононы присваивают средства, выделенные на "врачевание старых и больных". Они "грабят злохитростенно... на свое сластопитание", а также на подкуп вельмож и суда. В таких монастырях вольготно живет лишь тунеядцам-слугам – "своеугодникам" начальства. Что касается больных и одряхлевших монахов, то они терпят "скудости и обиды", получают пищу "негодную, суровую и растленную" и вынуждены идти на дорогу с протянутой рукой (907 об.).

"Слово о милости" Евфимия Чудовского, посвященное, на первый взгляд, узкой проблеме, значительно расширяет представление читателя о повседневной жизни неимущих классов с их бедами и страданиями. Автор вносит новые краски и в изображение одного из самых распространенных бытовых явлений XVII в., подходя к нему не с позиций отвлеченного милосердия, а из соображений здравого смысла.

В литературе XVII в. отобразился и неординарный быт старообрядческой общины, которая при всей ее замкнутости достаточно тесно соприкасалась с внешним миром. Своеобразные черты этого быта находили и горячих защитников и убежденных противников. Особый интерес представляет "Отразительное писание" инока Евфросина, старообрядца по убеждениям, выступившего, однако, с осуждением темных сторон жизни раскольников конца XVII в., и особенно самосожжений, а также других "самоуморений", распространившихся в старообрядческой среде. Это в прямом смысле слова повседневный быт участников "огненного крещения", картины которого рисует писатель с обилием натуралистических подробностей. Евфросин протестует при этом против "самоубийственных смертей" не с религиозных, а с этических позиций, заклеив "огненную смерть" как силу, направленную не только против церкви, но и против самого человека.

Авторская позиция вполне определенно выявляется, например, в подчеркнуто натуралистическом описании последствий "огненной смерти": "Изба, – рассказывается в одном из эпизодов книги, – пламенем, яко водою налияна и разливахуся волны по стропу и стенам играюще". В пламени, как куски мяса, кипят тела насмертников: один "яко есть кровь красен", "ин же желт и бел же другой", "ов же ужаснее, черн бо являшеся"; кровь клокочет и "взбивается" вверх пеной, "яко же в горшке по обычаю кипит" (77). Рисуя пожарище, Евфросин обращается не только к зрению, но и к обонянию читателей: раздувшиеся и улექшиеся "телеса... жареным мясом пахнут". Тут же ходят псы, "рыла зачерневши, печеных тех мяс ядуще, окаяннии" (24).

В изображении "огненной смерти" инок Евфросин идет от устно-поэтического образа смерти – свадебного пира. Данный образ неоднократно

но встречается на страницах произведения: то "сватами", то "женихами" именуются зажигатели, уверяющие, что "все страдальцы с радостию горели и яко на пир, веселяся, пришли" (25); писатель требует от одного из этих "сватов" ответа – "на кой пир" послал тот жен и "коему жениху обручил" он "юниц, возрастных отроковиц". Вещественной реализацией метафоры "смерть–пир" является и вышеприведенное описание. Но эта метафора приобретает здесь буквальный и страшный смысл: человеческая плоть становится снедью – однако не просто "снедью червей", как учит Священное Писание, а жареной, печеной, тушеной человечиною, которую жадно поедают голодные деревенские псы.

Опора Евфросина на реальный быт в трактовке образа "смерть–пир" применительно к "огненному крещению" особенно наглядна при сопоставлении "Отразительного писания" со старообрядческим сказанием XVII в. "Мучение неких старец исповедник Петра и Евдокима". Здесь повествуется, как "мужа два честна зело и стары" были брошены царем Алексеем Михайловичем в котел с кипящей водой. Старцы, однако, выходят из него "живы и целы" (302–309). В основе этого эпизода, по сути, тот же образ чудовищной кухни, что и у Евфросина: огромный котел, в котором должно вариться человеческое мясо. Но подобной ассоциации у читателя не возникает, поскольку старцы в повести бестелесны – нет упоминания ни о их страданиях, ни о теле вообще. Слова "тело", "плоть", часто встречающиеся у Евфросина, здесь отсутствуют, что вполне отвечает намерению автора показать торжество духа над плотью.

Полно драматизма у Евфросина описание морильни, где погибают насмертники, давшие обет полного поста. Страшные муки голода, которые испытывают несчастные, заставляют забыть их о всех благих намерениях. Точность определений, конкретность деталей помогают читателю увидеть и ощутить весь ужас происходящего: "морильня" (само по себе выразительное слово) называется "адом", "могилой". Автор замечает отверстие в потолке; полати, сделанные для того, чтобы "насмертников бедных боле вместилося"; стражников с "дреколем и дубиною"; "скважню", к которой "приницают" несчастные. Выразителен глагол "выдраться" ("потолок закрепит, чтоб кто не выдрался") – он гораздо сильнее, чем "выбраться". Ужасом веет от "темного старца", "прелестника", "лукавого", "недостойного милости", и его помощников – "видимых бесов". Драматизм нагнетается троекратным повторением предсмертных криков: «О беды! По дни и по двою осужденницы изо ада скважню приницают и понуждаемы от естества пищи вкусить прошают да и рекуще: "Отче, Господа ради, изнемогаем от алчбы, утеши естество". Еще же два дня прождав, зелнее кричат: "Отче драгий, Отче милостивый, изгараем от жажды, угаси наш огонь... "Еще же прилагают: "Старче злый, калугере проклятый, видимый бес, плотный сатано, прелестивый нас враже, дай нам ясти!"»». Это описание заканчивается характерным замечанием о "нечеловеческом (выделено нами. – А.Е.) естестве учителей сих окаянных", заживо похоронивших людей (11–12).

Интересно отметить, что Димитрий Ростовский, воспроизводя в "Розыске" сходную сцену, сделал вывод лишь о кощунственности действий насмертников, погубивших свою душу: "И каия им польза от горькия тыя смерти; ибо Христу Господу то мученичество несть приятно, имже кто сам себе погубить изволит" (25 об.).

Развивая тему "огненного крещения", Евфросин показывает, что оно влечет за собой экономическое разорение, оголяет землю: зажигатели "Поморье и Пошехонье уже запустошили" (61). Лицемерно проповедуя – "возлюби Бога", "возлюби пост", – проповедники "обирают" обманутых. Под предлогом "было б кому их, покойников, за упокой поминати" они "животишка бедныя на розживу себе емлют" (39). Или: "С рогатинами враги носяся, в огонь обирають и животишками их отморными злодеев наделяют" (102). Особенно на примете у зажигателей обеспеченные люди: "У кривово веть и у подьячево промыслишко-то есть, научат и сожгут, да и животишка их возьмут" (65). С язвительной насмешкой говорит Евфросин о мнимых "праведниках", которые, грабя достояние погибающих, объедаются "маслами и сметанами, сырами и яйцы, присно и всегда и без меры" (37). "Аки женихи от браку", наряжаются они в чужие одежды: у них "шапочки собольи, кафтанцы уборны, сорочки ушвены и штаники упестрены, от отморных бо тех животов нескудно обогащени" (54). Среди "побирателей рухлу" инок Евфросин выделяет попа Лынду, который, "зря на женах монисты и на девах чепочки, толкая рукою в перси", говорил: "Когда сими монистами нам велит Бог владети" (36). Под стать ему и некий Иван: он набрал столько "монистов и перстней, посуды серебряной", что сам и носить не мог, а в "черенье сребро слил" и заставил носить этот слиток серебра одного из своих приспешников (33). Обрываются родственные связи, распадается семья: "Мнози юноши жен своих сведше и сожегше, после поженились, а иной парень жену сволок нужею, да сам бы згорел, соплела и она; жена ушла, а после с караула и сам убежал; молодлица вышла замуж, а после детина гоняет за своею, что за чюжею, а она на него плюет" (70). Автор "рыдает" о судьбе некоего Ефрема, который, будучи обманут лживыми проповедниками, предал огню жену и детей, а после был обречен на муки совести; скорбит о женщине, потерявшей разум, так как на ее глазах муж бросил в огонь десятилетнего сына; с горечью пишет и о гибели духовных ценностей: "великими кузовами" жгутся книги, эти "золотые крушецы" знания; как живое существо оплакивает писатель сгоревшую рукописную книгу, которая была "зело любезна, бела и свежа"; негодует он и на варварское уничтожение икон, "чюдных утварею", с "окладами дорогими", в венцах с "яхонтами", с "потписи на сердоликах" (70). Пародируя стиль воинской повести, Евфросин сатирически изображает "подвиги" Емельяна, который одерживает "победы" над церквями и часовнями: "Ограбил часовню на дороги и две иконы месныя: святого Георгия, во имя его же и часовня, снес с собою же на сожжение: поять бо Георгия на второе мучение; последи же ополчился на святого Николу, на Выроозеро пришед, на церковь

его воюеть; приближися к местной святительской иконе... пречистую икону в огонь попустили" (29).

Картину всеобщего разорения венчает трагический образ выжженной земли, возникающий в воображении "пророка" Емельяна: "Поболе соберу и похрабрее сотворю, себе же о сем славу и вам похвалу... имя же нам имянито по нас начнет слыти; ревнуя же нам, Росия и вся погорит" (54).

Картины быта в их обличительной функции, созданные русскими книжниками XVII в., – одно из крупных достижений литературы переходного периода, предвещающее творчество замечательных нравописателей XVIII в. – А.Д.Кантемира, А.П.Сумарокова, Д.И.Фонвизина, Н.И.Новикова.

Обзор источников, предложенный в данной главе, конечно, не полон и пока указывает лишь на степень распространенности тех или иных бытовых тем в различные периоды истории древнерусской литературы. Дальнейшее изучение откроет более глубокие закономерности.

ГЛАВА VI

"ЯЗЫЦИ": НЕСЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XI–XVIII вв.

(А.С. Демин)

Отношение древнерусских писателей к "несвоим" народам, образы "чужих" составили немалую часть общей картины мира в литературе. В очень сжатых заметках мы скажем лишь, во-первых, об истории отношения русских писателей к ближним народам, преимущественно азиатским (затем вошедшим в состав России), и, во-вторых, о древнерусских писательских же представлениях о далекой Индии.

Соседи

Этнические представления древнерусских писателей накапливались по схеме, более или менее однотипной, но своеобразной в каждый исторический период, начиная с древнейшего. Древнерусская литература XI–XII вв. больше рассказывала об отдаленном прошлом чужих народов, чем об их настоящем, — в переводных хрониках, житиях, повестях. Конечно, встречались исключения, вроде "Хождения" игумена Даниила в Палестину, однако и тут преобладал исторический, библейский материал. Современное состояние других народов интересовало писателей только попутно с русскими делами — в основном в летописях.

Писатели древнейшего периода (XI–XII вв.) держали в поле зрения преимущественно три географические стороны: юго-восток с половцами, а дальше с касогами и ясами; северо-восток с мерей, черемисами, мордвой, чудью, весью, югрой; и северо-запад с "литвой", ятвягами, ямью. Внимание летописцев было вниманием государственным, главными были сведения политические, деловые, внешние: где живут соседние народы и кому подчиняются, например: "на Белеозере седять весь, а на Ростовскомъ озере — меря, а на Клещине озере — меря же. . . А се суть инии языци, иже дань даютъ Руси: чюдь, меря, весь, мурома, черемись, морьдва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь. . ." и т. д. ("Повесть временных лет", 28). Летописцы постоянно отмечали, кто на кого "пошел" и кто кому платил дань, — интерес чисто феодальный.

При всем том в XI–XII вв. не нужно было далеко ходить за фантастическими сведениями даже о ближних народах. Та же "Повесть временных лет" под 1096 г. передавала тревожащий слух: рядом с югрой — горы до неба, и в тех горах разносится великий клик и говор, неведомый народ сечется сквозь гору и уже просек небольшое оконце; что говорят — непонятно, но руками показывают на железо и того, кто даст им нож или секиру, отдаривают мехом; эти люди "заклепаны" в горах еще Александром Македонским, и наступят "последние времена", когда они выйдут

наружу (242, 244). Древнерусское общество было молодо, и его этнический кругозор не мог быть рационалистичным совершенно.

Следующий период – XIII–XV вв. – прибавил опыта, зачастую горького и трудного; знания и представления о современных народах отразились почти во всех жанрах средневековой русской литературы – в летописях, повестях, житиях, поучениях, посланиях, "хождениях". Мир раздвинулся. Авторы писали о Западе: не только о "литве" и ятвягах, но, например, о шведах и немцах ("Житие Александра Невского"), о поляках и венграх ("Галицко-Волынская летопись"), даже об итальянцах ("Хождения" суздальцев во Флоренцию). Писателям было дело почти до всех северных народов: упоминались ижора, корела, водь, буртасы, лопари, вогуличи и особенно пермяне, т. е. зыряне ("Житие Стефана Пермского"). Очень далеко путешествовали писатели – физически и мысленно – на юге и юго-востоке – до Лагестана ("Сказание о Железных вратах"), до Турции ("Повесть о взятии Царьграда турками" Нестора-Искандера) и до Индии ("Сказание об Индийском царстве" и "Хождение за три моря" Афанасия Никитина). Несмотря на тяжкие испытания, Русь оживленно знакомилась с Европой и Азией. Самой главной, самой больной и повседневной темой были ордынцы, или "татары", как называли их во множестве произведений древнерусской литературы – от повестей XIII в. о татарском нашествии до повестей XIV в. о Куликовской битве и сказаний XV в. о падении татаро-монгольского ига.

В системе контактов с соседними народами древнерусская литература XIII–XV вв. оставалась на уровне передачи впечатлений и сведений, в которых рано наметились географические стереотипы. Считалось, в частности, что северо-западные народы живут в болотистых местах. "А Литва из болота на светъ не выныкиваху", – отмечал в XIII в. автор "Слова о погибели Русской земли" (130); "болота ятвяжские" поминал галицко-волынский летописец под 1256 г. (334); рассказ о том, как русское войско заблудилось в озерах и болотах в стране карелов, ижор, вожан поместил новгородский летописец под 1316 г. ("Новгородская первая летопись", 95).

Северо-восточные же народы мыслились обитающими в лесах: "А мордва вбегоша в лесы своя. . . в лесъ глубокъ", – писал владими́ро-суздальский летописец в 1228 г. (428); зыряне же пребывают "въ блатехъ, и въ дубравахъ, и въ борехъ, и въ лузехъ, и въ порослехъ, и въ чащахъ, и въ березнике, и въ сосняге, и въ ельнике, и въ рамене, и въ прочихъ лесехъ", – перечислялось в "Житии Стефана Пермского" (141).

Летописцы пытались подвести под стереотип происхождение даже незнакомых народов. Вот впервые на Руси, в 1223 г., появились татары: "Явишася языци, их же никто же добре ясно не весть, кто суть и отколе изидоша", – признавался владими́ро-суздальский летописец и все-таки помещал их в некую легендарную пустыню: "Си суть ишли ис пустыня Етриевьскы, суще межю востокомъ и северомъ" (423).

Однако русское общество XIV–XV вв. нуждалось в неуклонном расширении круга реальных знаний, и географические стереотипы становились менее фантастичными и односторонними. Например, в середине XV в. русский автор "Сказания о Железных вратах" совершенно четко

осознавал: "А земля за Железными вороты такова же, яко и здесь: лес ест,, и дубравы, и горы, и реки. А озера, и блата, и города, и деревни, и села, и сады, и винограды, и мельницы, и всякои овощ земный, и распространится до синева моря Хвалынъскова и до Инъдеи богатие" (127). Другие же русские писатели-путешественники XV в. довольно подробно описывали прибалтийские горда, например Юрьев-Тарту ("Хождение на Флорентийский собор", 470).

В XIII–XV вв. обогатилась общая схема, по которой русские писатели характеризовали любой чужой народ: помимо традиционных пунктов о том, где селятся народы и какая земля кем "поимана", пленена, пожжена и т. п., получил развитие, так сказать, культурный раздел характеристики. Это видно по уже упоминавшейся заметке о татарах во "Владимиросуздальской летописи" под 1223 г.: летописцу хотелось знать не только, "кто суть и отколе изидоша" татары, но и "что языкъ ихъ, и которого племени суть, и что вера ихъ" (423). Поначалу летописные (в "Повести временных лет") упоминания о языках соседних народов были лаконичны: ". . . мурома языкъ свой, и черемиси свой языкъ, морьдва свой языкъ" (28), "югра же людье есть языкъ немъ" (242) и пр., но постепенно формировались отчетливые представления писателей о языках и культурах; так, составитель "Жития Стефана Пермского" XV в. уже знал о зырянах точно: "Пермяне не имееху у себе грамоты и не разумеваху писаниа, а отинудъ не знаяху, что есть книги, но точию у нихъ баснотворцы были, иже баснями баяху о бытии и о миротворении" (151); герой произведения "изучися сам языку пермскому" и придумал письменную азбуку для зырян; приводились названия зырянских букв и пояснялись "речи пермского языка" (151–152).

В ряде литературных рукописных сборников XV в. появились русско-татарские словарики – названия месяцев и явлений погоды, названия должностей, татарский счет и проч.; а Афанасий Никитин часть своего "Хождения" написал по-тюркски и с использованием персидских и арабских слов. Реальные знания о чужих языках переходили в практические навыки.

К знаниям о языках добавились представления русских писателей о верованиях, обрядах, социальном строе, быте других народов. Раньше, в XI–XII вв., писатель их меньше знал и больше им "чудился"; так, под 1071 г. в "Повести временных лет" летописец вспоминал удивительные рассказы бывалых людей о чуде: те, оказывается, думают, что их боги живут "в безднахъ. Суть же образом черни, крилаты, хвосты имуще" (192). В XV в. писатель хотя и громче порицал "поганые" обычаи, но доскональнее знал их, и знание спасало от слепой неприязни. Например, составитель "Жития Стефана Пермского" осуждал язычников зырян: делают они "блѣваны истуканныа, изваанныа, издлѣбленыа, вырезомъ вырезаемыа" (136); и все-таки автора "Жития" по-писательски привлекало "повешаное около идолъ, или кровля надъ ними, или на приношение, или на украшение имъ принесенное: или соболи, или куницы, или горностаи, или ласици, или бобры, или лисици, или медведна, или рыси, или белки" (136). Отсюда естественным был переход к сценам быта, например, к описанию охоты: с дрекольем, с топорами или с секирами "единъ

человекъ, или самъ-другъ, многажды исходить на брань, еже братися с медведемъ, и брався, победивъ, низложить его, яко и кожу его прине-сеть" (141).

Особенно часто, хотя и кратко, писатели касались внутренней жизни Орды. Перечни татарских чинов содержались уже в "Повести о разорении Рязани Батыем" в 1237 г. (192) и многократно повторялись в летописях. О татарских обрядах поклонения солнцу, луне, земле, мертвым, о ритуале проведения приезжих меж двух костров и о питье кумыса говорилось в "Житии Михаила Черниговского" (228) и в "Галицко-Волынской летописи" под 1250 г. (312, 314). Летописцы также знали, что в Орде работали мастера всякие – седельники, лучники, кузнецы железа, меди и серебра (замечание под 1259 г. в "Галицко-Волынской летописи", 344), и не упускали случая отметить татарское богатство – дворы, и шатры, и вежи, и юртовища, и телеги, а в них товар бесчисленный (замечание под 1378 г. в "Симеоновской летописи", 127), "татарские узорочья, и доспехи, и кони, и волы, и верблуды, и вино, и сахар, и дорогое узорочие" ("Задонщина", 540). Таким образом, при каких бы обстоятельствах, пусть самых драматических, не происходило общение с иным народом, оно усиливало этническую зоркость древнерусского общества.

В XIII–XV вв. в схеме писательских представлений о чужих народах обязательно присутствовала воинская характеристика, и тут пришлось отдавать должное татарам. Уже по поводу первого татарского нападения на Русь в 1223 г. летописец записал: "Приде неслыханная рать безбожнии моавитяне рекомыи татаръве. . . видети невиданьная рати и сущии с ними коньници. . . ратници суть и добрая вои" ("Галицко-Волынская летопись", 256, 258). В XIII в. писатели с ужасом подчеркивали бесчисленность татарского войска, словно саранчи или песчинок: "Придоша иноплеменьници, глаголеми татарове. . . множество бещисла, аky пружи" ("Новгородская первая летопись" под 1238 г., 286); "бещисленное множество, акъ песокъ морьскы" народу и "бещисла воеводъ" в Орде, а говора огромного татарского войска "не бе слышати от гласа скрипания телегъ его, множества ревения вельблудъ его, и ржания от гласа стадъ конь его" ("Галицко-Волынская летопись" под 1240 и 1266 гг., 294, 360).

Однако писатели стали изучать грозного врага; они видели не только его множество, но подмечали и его военные приемы: татары, в частности, идут на приступ города "с тмочисленными лествицами" и стреляют из "тмочисленных пороков" – осадных машин ("Повесть о разорении Рязани Батыем", 190, 192). В XIV в. у писателей сложилась система знаний о военной тактике татар; вот, например, татары осадили город и прежде всего занялись осмотром укреплений: "И поехаша около града, обзирающе и разсматривающе приступы, и рвы, и врата, и забралы, и стрелницы"; затем они пытаются запугать горожан: "Татарове же прямо. . . на градъ голыма сабли машуще, образом аки тинаху, наживающе издалече"; потом методично обстреливают: "Бяху бо у них стрелци горазди вельми. Они от них стояще стреляху, а друзии скоро рижуще изучени суще, инии на коне борзо гоняще на обе руже и паки и напред и назадъ скорополучно без прогреды стреляху" ("Повесть о нашествии Тохтамыша", 194, 196).

Примерно ту же эволюцию от непосредственных впечатлений к более

глубокому знанию писатели прошли, размышляя об отношении татар к другим народам, особенно к русскому. Сначала татары казались бессмысленно жестокими, не щадящими ни красоты юных, ни немощи старых, ни малости детей, – так вопиал Серапион Владимирский в своих "Словах" в XIII в. (446). Но в XV в. ордынская программа стала понятной без лишних слов: "Ропаты поставлю и баскаки посажаю", – вот цель ордынских правителей ("Слово о житии Дмитрия Донского", 210; "ропаты" – мечети); а вот их истинная политика: "Аще бо когда не мнози обретаются, то лестно и злоковарно честьми окладають князей наших и дары украшают, и тем злохитрство свое потаают, и мирь глубокоъ обещавают имети съ князми нашими, и таковым пронирьством. . . усобную рать межи нас съставляють" ("Сказание о нашествии Едигея", 244). Обзор наиболее значительных памятников показывает, что в течение XIII–XV вв. русское общество прочно стало на путь всестороннего практического познания соседних народов и государств – с точки зрения военной, политической, хозяйственной, культурной, психологической.

В XVI в. литературные образы других народов довольно редки: накопление впечатлений продолжалось, но в менее широких масштабах. О других народах рассказывали в основном только повести, малые и большие, иногда – "хождения" и послания; повествовали же писатели чаще о татарах, реже – о турках, в единичных случаях – о Грузии.

К сложившемуся трафарету описаний авторы XVI в. мало что добавили, разве что указания на самые крайние проявления воинственности. Иван Пересветов в "Большой челобитной" Ивану Грозному выдавал за образец жесткую организацию турецкого войска. В произведениях поощрялось, чтобы за воинское ремесло брались даже женщины; так, в "Повести о царице Динаре" грузинская царица Динара (ее прототип – знаменитая царица Тамара) провозгласила: "Возложю броня и шлемъ на женскую главу и восприиму копие в девичю длань" (42), и "навыче воиньской храбрости" (38), и победила персов в битве; автор "Казанской истории" полвека спустя тоже особо отметил, что татары собирали высокорослых женщин и сильных девиц и "учеваху их копейному бою, и стрелбе, и битися со стены, и воскладаху на них пансыря и доспехи" (135).

Автор "Казанской истории" восхищался воинственностью казанских мужчин. "И не бояхуся никого же, аще и вси царьства околная совокуплешеся встанут и подвигнутся на них. . . Креплеше же града сами бяху, умение велико имуще ратоватися во бранех и непобеждены бываху ни от кого же, и мало таких людей мужественных злых во вселенной обретається" (128); "но и умирающе, грозяху" (146) – автор настолько ценил воинственность, что забывал, о ком пишет: ведь речь шла о врагах.

Но он, не смягчая, описывал и жестокое обращение татар с русскими пленными: "Ужем за шею оцепляху, и скакати и плясати веляще им. . . А старым коим очи избодаху, и уши, и уста, и нос обрезаше, и зубы искореневаху. . . яко скот, овех толпами, перевязанных, держаше на торгу, продаваху иноземцом поганым" (76–77). От литературных описаний воинственности и жестокости веет суровым веком небывало крупных войн Российского государства.

И одновременно писатели XVI в. острее, чем когда-либо, грезили о мирной жизни. Тема желанной "тихости" народов возникла в литературе на рубеже XV и XVI вв.; уже автор "Повести о Петре Ордынском" надеялся: "Орда же тогда тиха бе и на многа лета" (30). Сходное положение авторы повестей искали и в других землях: например, грузинская царица Динара "со многую кротостию правяше державу свою. . . печашеся, како бы ей (державе) быти в тихости" ("Повесть о царице Динаре", 38), оттого в грузинской "державе. . . умножившимся народом и распространшимся" (42), "дажь до днесь неразделно дръжавство Иверьское пребывает" (46).

"Тихость" и радость писатели ожидали найти даже в Казани, и Иван Пересветов в "Большой челобитной" предупреждал: "Да слышал есми про ту землицу, про Казанское царство у многих воинников, которые в том царстве Казанском были, что про нее говорят, — применяют ее под райской земле угодием великимъ" (620). Ссылка Пересветова на "воинников" психологически обоснованна: именно в душе воинов слилось знание жестокости войны с жадной мирной, "райской" жизни.

Автор "Казанской истории" тоже мечтал пользоваться благами мирной, богатой, праздничной жизни — как казанцы. Именно казанцы были богатыми: "Казанцы. . . обогатися, и оттоле не ходити им во овчиях кожах ошившихся, и после убо ходяще в красных ризах, и в зеленых, и в багряных, и в червленых одеявшеся, щапствовати пред катунами своими, яко цветцы полския, различно красящеся, друг друга краснее и пестрее" (59). Именно казанцы предавались празднествам: "Гражане вси, мужи и з женами, гуляюще. . . пьюще в корчемницах царевых, покупающе на цены, прохлажахуся. Много же народу збирающеся, — черемисы на праздники тья с рухлом своим из далних улусов и торговаху з градскими людьми, продающе, и купующе, и меняюще" (61). Именно Казань превращалась в желанный "райский" город: даже Иван Грозный "удивился необычной красоте стен и крепости града" (127).

Потаенную мирную жизнь писателям хотелось найти и в малодоступных, глухих землях, например у лопарей, которые "людие зело просты, и кротцы, и отнюдь всякого лукавства неискусны", как отмечал Андрей Курбский в "Истории о великом князе московском" (332).

Новый период — XVII в. — в целом ознаменовался возвращением к разносторонности XV в., но с еще невиданным литературным размахом: о других народах повествовало буквально все — собственно литература, включая стихи и драмы, еще больше — полемические трактаты, рукописные и старопечатные, и еще больше — политико-географические сочинения и переводы (статейные списки послов, "скаски" о пребывании в плену, "космографии", "куранты" и пр.). Куда только не проникали русские писатели XVII в. и о ком только не рассказывали! О Китае ("Описание Китайского государства" Н. Спафария), об Албании ("Повесть о Скандербеге"), о Мальте ("Путешествие" Б. Шереметева), о Португалии ("Повесть бывшего посольства в Португальской земли"), конечно же, о поляках (произведения Смутного времени) и о турках ("Проскинитарий" А. Суханова, повести о взятии Азова и азовском осадном сидении донских казаков, "Описание Турецкой империи" и др.), о Средней Азии и даже об Америке (в "космографиях" и "хронографах").

Впервые в истории русской литературы с одинаковой силой развивались и описание жизни других народов и использование их литературных традиций. Переводы и переделки западноевропейских произведений (особенно западнославянских, латинских и немецких), наряду с сочинениями русских писателей о Западной Европе, составили огромный раздел русской литературы XVII в. Но в отношении соседних северных, сибирских и кавказских народов картина еще оставалась прежней: в русской литературе XVII в. преобладали записи впечатлений, правда, чрезвычайно обильные.

Как будто тяжкий груз упал с души, и писатели увидели мир (особенно неславянский) во всем его многообразии и пестроте. Старая схема описания народов еще давала знать о себе время от времени, но в литературе уже главенствовала объективная этнографическая наблюдательность, и пункты старой схемы по-новому смешивались в цельные бытовые картины. Вот писатель, он же купец, посол или воин, достигал дальней стороны и "озирался": под Астраханью он видел татарские юрты, вкопанные в землю, плетнем оплетенные и глиною обмазанные ("Хождение в Персию" купца Федота Котова, 31); в Сибири он даже входил в зимние деревянные юрты, в которых татары, вотяки, самоеды живут, "аки в погребах", а ночью спят в полах холщевых на высоких кроватях, под кровати же кладут огонь и курения, дабы комары и мошки дали уснуть ("Описание новые земли Сибирского государства", 378). Все, отклоняющееся от привычного, в XVII в. прилежно описывалось.

Писатель обозревал одежды: остяки, например, одежду имеют от рыб, самоеды же — от оленей ("Есиповская летопись", 45); а крымцы и литовцы — склонны к рукоделю риз золотых и шелковых и носят "одежды цветные" ("Книга, глаголемая Козмография", 7). Многообразен быт!

Писатель рассматривал лица. В Грузии: царица молода, ростом высока, глаза и волосы черны, "рожею чиста" ("Статейный список посольства в Грузию" Ф. Волконского 1637–1640 гг., 299); в Сибири: тамошние люди коренасты, плоские лица, смуглы, очи длинные и узкие ("Книга, глаголемая Козмография", 350).

Писатель присутствовал на обедах. В Колхиде: вместо столов потесаны доски, а кладут их на землю, а сами сядут, подобрав ноги, а те доски используют вместо столов, и скатертей, и блюд; а "кашу" повар разносит, лопатой из котла черпая, и всякому дает отдельно; а мяса положат на носилки, принесут к столу и делят ("Статейный список посольства в Грузию" Ф. Елчина 1639 г., 224–225). Едал писатель и в Средней Азии, где-то за Самаркандом: пьют молоко кобылье, как вино белое; не имеют ни столов, ни скатертей, ни полотенец; пьют еще воду и бузу просяную ("Книга, глаголемая Козмография", 350–351).

Литература шла вслед за путешественниками и землепроходцами и не могла поспеть всюду; главную ношу описаний тянула полудокументальная письменность, не чуждавшаяся литературности, ибо мир отличали нескончаемые контрасты. Одни народы ездят на лошадях, а другие — на псах, потому что на лошадях из-за великих снегов ездить невозможно ("Описание новые земли Сибирского государства", 378). Как тут не изумиться! В одних местах (под Томском) дружно занимаются кузнечным

делом, куют вместо наковален на камне, а железо то получается лучше шведского и мягко, как свинец ("Описание новые земли Сибирского государства", 382); в другом месте (в Польше и Литве) заняты раздорами: подданные своих господ не слушают, вольготно живут и безбоязненно ("Книга, глаголемая Козмография", 10); в третьем месте (в Татарии) готовы к войне и лишениям: и тот народ татарский силен и смел и может всякую нужду, зной, жар, глад перенести ("Хронограф", 816 об.); в четвертом же месте (в "земле Арменской") предпочитают торговлю: люди торговые богаты, а воинских мало ("Книга, глаголемая Козмография", 14); а в пятом месте (в Шемахе) было землетрясение, и никакой человек на месте не устоял, и люди, дворы, имущество провалились сквозь землю ("Сказание" Петра Золотарева, 208–209). Поразительное разнообразие!

Нагнетание контрастов делало чуть-чуть сказочными и фантастическими даже самые приземленные и фактические описания. К примеру, как живут калмыки? Имеют скота много – верблюдов одно- и двугорбых, лошадей, коров, овец с курдюками величиной с ведро, ишаков с ушами в аршин ("Описание новые земли Сибирского государства", 381) – вроде бы все правда, а диковинно до сказочности. Отсюда один шаг до совершенно фантастического рассказа "О Тартарии, сиречь Татарском государстве" из "Книги, глаголемой Козмография": заволжские татары якобы из семян выращивают агнцев, те созревают, от корня отрываются и пасутся, а татары "зад того ягненка ядят" (342–343). Богатство неисчерпаемое.

Наблюдателям удавалось почувствовать лиричность чужого языка. Вероятно, поэтому пояснялось (правда, неточно) то, как татары поминали погибших: «Татара поють с плачемъ, при беседахъ в песняхъ припеваючи: "Янымъ, янымъ, бишь казакъ, бишь казакъ", сиречь: "Воины, воины, пять, пять человекъ победиша и разориша". И сия песня ихъ словеть Царицынь плачъ» ("Ремезовская летопись", 342). Многообразные памятники XVII в. демонстрируют, что в период быстрого развития Российского государства и выхода его на мировую арену доброжелательное любопытство русского общества стало беспредельным.

Наступил XVIII век, и описание жизни народов постепенно перешло в ведение науки; литература же занялась изображением специфических литературных персонажей – шведов, немцев, французов, итальянцев, испанцев, турок.

В XVIII в. писатели, поэты, драматурги, публицисты взяли и за разработку темы России – гигантского многонационального государства. Но в поэтических произведениях XVIII в. народы Российской империи упоминались больше в качестве своеобразного антуража; главным образом подчеркивалось то, что они – подданные. М.В. Ломоносов утверждал это в стихах и прозе. У него императрица возглашала:

Там Лена, Обь и Енисей,
Где многие народы тщатся
Других мне в дар ловить зверей.
Едва покров себе имея,
Смеются люлости борея,
Чудовищам дерзают в след.

(*"Ода на день восшествия Елизаветы Петровны на престол"*
1748 г., 223)

Весь риск не ради себя, а ради императрицы. Или еще определеннее: "По пространым полям Азийским разъезжая, степные обитатели хитрым искусством стрелы свои весело пускают и показывают, коль они готовы устремить их на врагов своего повелительницы" ("Слово похвальное Елизавете", 237). Сами по себе "степные народы" были не интересны панегиристам.

Подобное отношение к народам выражалось вплоть до последней трети XVIII в., если не дольше. Так воспевал их А.П. Сумароков:

Народы тамошни гласят Екатерине:

"О мать подданных! Спасла от зол ты нас".

(*"Стансы городу Синбирску на Пугачева"*, 180)

Вообще-то это неправда: "народы тамошни" поддерживали Пугачева; но такую правду никто из поэтов XVIII в. не посмел писать. Отделялись условными, успокоительными образами, даже В.И. Майков:

Там жители степей Нагайских пиршествуют.

Они довольствие свое изобразуют.

(*"Описание торжественных зданий на Ходынке, пользу мира"*, 308) представляющих

Моральные и эстетические ценности народов, не учтенные официальной поэзией, предавались гласности в литературно-географических сочинениях и филологических заметках. Например, Н.П. Рычков в серии своих книг уважительно писал о симбирских татарах, которые стараются воспитывать своих детей с младенчества в познании "закона и всех должностей человеческих" ("Журнал", 5), с интересом пересказал "чудныя повести", "ужас наводящую сказку" – татарское предание о черной собаке, которая стережет легендарные ханские сокровища в подземелье (19).

А.П. Сумароков пошел дальше и напечатал статью "О стихотворстве камчадалов": "Природное чувства изъяснение изо всех есть лутчее, чему приобщенная при сем Камчатская песенка изрядный свидетель:

Потерял жену и душу

И пойду с печали в лес,

Буду с дров сдирать я корку

И питаться буду тем. . ." (248).

Тут важна настроенность искать поэзию у далекого и отсталого народа.

Анонимная драматургия первой половины XVIII в. внесла оригинальный изобразительный нюанс: на сцену вышли национальные типы. Чаще всего это был цыган – "над барышниками первы атаман, над коньми милосерды гетман", красавец "з усами", – который похвалялся:

А при мне всяк веселитца. . .

Наше дело. . .

. . . поворожить о щастии и приходе. . .

хочь не поможет ни трохи, –

и одновременно жаловался:

Мы есмы бедные цыгане.

Коликий день хлеба не ели.

Так с юмором и сочувствием изображались цыгане в интермедиях ("Интермедии", 617, 705; "Интерлюдии", 469 и проч.). Каждый народ приносит свою пользу – вот общее мнение писателей XVIII в., официальных и неофициальных.

В целом же с XI в. по XVIII в. русские писатели, рассказывая о соседних неславянских народах, несомненно, эволюционировали: от впечатлений – к творческому усвоению чужого литературного опыта, от описаний – к художественному изображению. Однако в условиях феодального и затем самодержавно-крепостнического государства возможности для плодотворных культурных связей между народами России все-таки были невелики¹.

Индия

В Древней Руси XI–XVI вв. понятие "Индия" не связывалось с определенными практическими делами – с политикой, торговлей, путешествиями и проч. Ни один памятник древнерусской литературы не выражал стремления автора обязательно побывать в Индии. Даже знаменитый Афанасий Никитин в XV в. вовсе не намеревался забраться "за три моря" и описать свое "хождение". Он поехал из Твери торговать на Кавказ; но его и его товарищей ограбили около Астрахани – хорошо, не убили, а "отпустили голыми головами" (446). Что делать? Афанасий Никитин, вероятно, был весь в долгах: "У кого что есть на Руси, и тот пошел на Русь. А кой должен, а тот пошел куды его очи понесли" (448). Очи понесли Афанасия Никитина все дальше на юг в надежде как-то поправить свои дела. Так, неожиданно-негаданно, он очутился в Индии, в чем и признавался со свойственной ему прямоотой: "Азь же от многия беды поидох до Индея, занже ми на Русь пойти не с чем, не осталось у меня товару ничего" (464). Индия поневоле оказалась темой записок купца Афанасия Никитина.

Обычно же древнерусские книжники XI–XVI вв. говорили об Индии в связи с духовными, умозрительными темами. Когда вставал вопрос о мироустройстве, тогда и упоминалась Индия – во множестве "космографий" (описаний стран и народов земли), в "Повести временных лет" (летописи, которая начиналась с рассказа о разделе мира между сыновьями Ноя), в "Александрии" (повести о походах Александра Македонско-

¹Отношение русских писателей XI–XVIII вв. к другим народам нуждается в дальнейшем изучении. Общие размышления об этой теме: *Лихачев Д. С.* Заметки о русском. 2-е изд., доп. М., 1984. Об отношении к славянским народам см.: *Мыльников А. С.* Об истоках становления славяноведения в России: (К вопросу об изучении "предыстории" славистики) // *Историографические исследования по славяноведению и балканистике.* М., 1984. С. 5–42. Об отношении к тюркским народам см.: *Демин А. С.* Элементы тюркской культуры в литературе Древней Руси XV–XVII вв.: (К вопросам о видах связей) // *Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада.* М., 1974. С. 517–539. Об отношении к Руси – Русской земле – России см.: *Демин А. С.* Русская литература XI–XVII веков // *История русской литературы XI–XX веков.* М., 1983. С. 7–73. См. также: *Культура и общество Древней Руси (X–XVII вв.): (Зарубежная историография):* Реф. сб. М., 1988. Ч. 1.

го), в "Луцидариусе" (беседе учителя с учеником о небесах и земле) и т.п.

Индия мыслилась не просто как одна из частей мироздания, но как самый дальний и едва достигаемый земной предел – край земли, где "соткнулось" небо с землею, – так определяли местоположение Индии "Сербская Александрия" (112) и "Сказание об Индийском царстве" (466). Это представление бытовало на Руси более 700 лет, и даже в "космографиях" XVII в. повторялось: Индия – под самым "востоком" солнца ("Книга, глаголемая Козмография", 17).

Индия была необходимым пространственным элементом древнерусского мироощущения. При всей нашей гордости современными знаниями, аналогия между нашим и средневековым обобщенным представлением о мироздании вполне допустима с психологической точки зрения: те или иные географически и космологически "предельные" понятия всегда входят в состав общественного мироощущения – только отодвигаются все дальше и дальше с течением времени. Сейчас для нас "Индией" служит понятие о дальнем космосе, о других созвездиях и галактиках; в повседневной жизни мы мало задумываемся о них, однако заходит речь о мироустройстве – и эти "предельные" элементы тут же вспоминаются.

И для нас и для древнерусских книжников "предельный" элемент мироощущения был не столько понятием, сколько образом: путь в Индию представлялся невыносимо тяжким – морем и "пучинами" ("Повесть о Варлааме и Иоасафе", 113); а посуху еще труднее – великим полем, которое невозможно перейти за четыре года ("Луцидариус", 430); богатырю Еруслану Лазаревичу понадобилось почти полжизни, чтобы после разных приключений достичь индийского рубежа ("Повесть о Еруслане Лазаревиче", 310–311). Разве в принципе нет сходства с нашей современной фантастикой, которая изображает такой же напряженный и опасный путь человека к мыслимым пределам вселенной?

Фантастический образ Индии буквально расцвел в древнерусской литературе – примерно так же, как потом в литературе нового и новейшего времени был развит образ космоса. Дальний, почти бесплотный предел мира оказался огромным пространством с бесчисленными городами – такие свидетельства часто приводились в повестях и "космографиях". В один конец Индии идти 10 месяцев, а до другой границы вообще не дойти ("Сказание об Индийском царстве", 466); царство-то в 36 "языков" ("Сербская Александрия", 36); сам Александр Македонский не смог обойти всю Индию – поставил столп с надписью о том, что дошел до такого-то места, и повернул назад ("Александрия" Псевдо-Каллисфена, 193); "Сербская Александрия", 112).

Воображение писателей вносило любопытные разноречия в описание местоположения Индии: хотя Индия вроде бы ближе всех стран к раю и даже примыкает к нему (а рая уже нельзя увидеть живому человеку), но за Индией оказывается еще много чего – пещера, ведущая в царство мертвых; еще какие-то царства; народы, "заключенные" в неприступных горах ("Александрия" Псевдо-Каллисфена, 186; "Сербская Александрия", 110, 138; "Луцидариус" 431); потом песчаное море, а дальше – не известно, есть люди или нет ("Сказание об Индийском царстве", 468). И это тоже

не конец, потому что у такого пространственного образа не может быть конца.

Занимательные и социально-утопические мотивы особенно пышно развились в рассказах об Индии. Древнерусские памятники полны описаний тамошних чудес: в Индии есть магнитная гора, которая на расстоянии выдергивает железные гвозди из проплывающих кораблей, и корабли распадаются ("Луцидариус", 431); есть озеро: бросишь в воду сушеную рыбу, и она оживает и уплывает ("Сербская Александрия", 112); там растут говорящие деревья, при заходе солнца предвещающие человеку его судьбу ("Александрия" Псевдо-Каллисфена, 87–88); там гигантские муравьи и черви затаскивают в нору людей и коней ("Сербская Александрия", 98; "Луцидариус", 434); гнездо гигантской птицы "ногами" занимает 15 дубов, а моча крокодилов вызывает пламя ("Сказание об Индийском царстве", 466); но самое главное – люди: то рогатые, то трехногие, то четверорукие, то полупсы, то полуптицы, то полукони, то великаны, то карлики; мужчины – с зубами в три ряда, женщины – "очи на плечах" и сразу рожают по 15 детей ("Луцидариус", 431–432). И т.д. и т.п. Неиссякаемая фантазия здесь всегда была резкой, яркой и даже отпугивающей.

Зато социально-утопические мотивы легенд и сказаний приближали Индию к сердцу древнерусских читателей. Дело не только в грезах о богатствах Индии – золоте, серебре, камнях, которыми, по рассказам сочинителей, изобиловали индийские земли и реки, были увешаны палаты и изукрашены людские процессии в городах. Русским книжникам XI–XIII вв. Индия казалась еще и страной христианской: там лежит апостол Фома, язычники принимают христианство, гонения на христиан прекращаются, умножаются храмы и монастыри, а индийский царь заявляет о том, что он поборник православной веры ("Сказание об Индийском царстве", 466, 468, 472). Сверх того, древнерусская литература представляла Индию страной мудрецов – беседы этих мудрецов с царями и царевичами специально излагали "Повесть о Варлааме и Иоасафе" и еще одна повесть – "Стефанит и Ихнилат". Довольно распространенным было убеждение, что в Индии существует целый народ мудрецов – рахманы – с идеально справедливым социальным строем; один из книжников XV в. довел это представление до крайности: "В них же несть. . . ни царя, ни купли, ни продажи, ни свару, ни боя, ни зависти, ни велможь, ни татбы, ни разбоя. . ." ("Слово о рахманех и о предивном их житии", 173).

Все это психологически напоминает обогащение образов в современной космической фантастике, особенно нашей отечественной: те же преодоления колоссальных пространств героями, встречи с удивительными и потрясающими явлениями, существами и общественными строями, участие ученых в перестройке миров, борьба за социальную справедливость. . . Конечно, наши идеалы отличаются от идеалов средневековья, но в общей структуре человеческого мироощущения есть вечные составные части – главные и второстепенные. К "закоулкам" мироощущения относится, в частности, и представление о "концах" вселенной, куда может проникнуть человек.

Не только лишь фантастические сведения об Индии ходили по Руси –

имелось и рациональное зерно: знали и постоянно повторяли, например, что Индия "далече бо прилежить" Египта и Персии ("Повесть о Варлааме и Иоасафе", 113), что в Индии течет река Ганг и живут слоны. Однако реальные знания были утоплены в фантастических представлениях, настолько сильных и устойчивых, что, вопреки логике, нередко фантазия влияла на знания, а не наоборот. Так, уже не в XII, а в XVII в. русский поэт и дипломат А.С. Романчуков, побывав в Персии, сообщал о разных политических и военных делах, а также о том, что царь индийский настолько богат, что может засыпать золотом любую "полату", что в Индии есть птицы, говорящие человеческим языком (33–34), – здесь проявилось застарелое ожидание индийских чудес, а не деловитость человека нового времени.

Точные знания об Индии все равно проникали на Русь, и чем дальше, тем больше². Но происходил странный процесс: новые знания были как бы бесполезны для мироощущения. Примером служит путешествие Афанасия Никитина (в основном по западной и центральной Индии в 1471–1474 гг.). Индию Никитин воспринимал не как предел вселенной, а вполне обыденно: ехал столько-то дней и еще столько, плыл столько-то дней, – "и тут есть Индийская страна" (448). А дальше тоже есть страны – Цейлон и Китай. Никаких страшилищ в Индии не встречается, люди как люди – "мужики и жонки все нагы, а все черны". Не он им, а они ему дивятся: "Яз куды хожу, ино за мною людей много, да дивуются белому человеку" (450). Ничего потрясающего: "... и познася со многими индейны. . . И они же не учали ся то меня крыти ни о чемъ, ни о естве, ни о торговле. . ." (546). Никаких чарующих богатств, все стоит дорого: "А жити в Гундустані, ино вся собина исхарčiti" (468). Нет выгоды: "А на Рускую землю товару нет" (452). Никакой надежды на родство вер, здесь их 84, и все иные, чем на Руси: "Ино, братие рустии христиыня, кто хочет поити в Ындейскую землю, и ты остави веру свою на Руси. . ." (452). А социальный порядок вовсе не справедлив и ох как знаком: "А сельскыя люди голы велми, а бояре силны добре и пышны велми" (454). Старые представления об Индии оказались отвергнуты по всем статьям. Силен был напор новых впечатлений и наблюдений – но на уровне быта, стихийной россыпи, а не широких обобщений. Недаром в своем "Хождении" Никитин регулярно употреблял тюркско-персидские фразы: не мудрствуя лукаво, он перенял общеупотребимые на Востоке выражения или обозначения в основном из купеческого жаргона³. Афанасий Никитин словно бы забыл о старом мироощущении, а лавину новых фактов не мог или не успел переплавить в мироощущение новое (он умер по пути домой, не доезжая Смоленска, его путевые записки попали в чужие руки).

"Хождение" Афанасия Никитина было вставлено в летопись, как вставлялись "Хождения" иных лиц в летописание и "хронографы"; но вот что удивительно: сами сведения, сообщенные Никитиным, не произ-

²См.: *Сперанский М.Н.* Индия в старой русской письменности // *Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности: 1882–1932. Л., 1934. С. 463–469.*

³См.: *Россия и Индия. М., 1986. С. 35* (раздел написан К.А. Антоновой, которая ссылается на польского исследователя А. Зайончковского).

вели впечатления на Руси и потом никогда не использовались. Об Индии продолжали твердить по-старому. И не к одному Никитину так относились: и через 100 и через 200 лет в государственных архивах оседали записанные в приказах сообщения послов, купцов или возвратившихся пленников об Индии, но реальные сведения не получили распространения в древнерусском обществе и не поколебали фантастику, которую по-прежнему усердно переписывали⁴. Противоречия не замечалось, вероятно, потому, что отрывочные факты, как бы их ни было много, не могут заменить цельного мироощущения. Точно так же отдельные новые открытия в космосе (например, об отсутствии каналов на Марсе или о чудовищном атмосферном давлении на Венере) до поры до времени не меняют мироощущения нашего; мы с удовольствием продолжаем читать фантазии о прошлой высокоразвитой жизни на Марсе или о доисторической жизни на Венере. "Отсталое" мироощущение сосуществует параллельно с новейшими противоречащими ему научными фактами, пока те не объединятся в систему; замена происходит крупными блоками: мифа в целом — наукой в целом.

Системы реальных географических фактов были усвоены в России лишь в XVII в., и соответственно произошли изменения в отношении русских книжников к Индии. "Космографии" XVII в. излагали уже более или менее выверенные данные: Индия получила название по реке Инд; страна бедна медью и свинцом, но богата перцем, имбирем и другими пряностями; индийский жемчуг вывозится во "весь свет" и пр. ("Книга, глаголемая Козмография", 360 и след.). Эти сведения переписывались во многих сборниках. Но тем самым Индия "выбывала" из старого мироощущения и уже не представлялась пределом мира, становясь всего лишь одной из многих стран.

С середины XVII в. проявляется тенденция подключать Индию к новому, так сказать, хозяйственному мироощущению. В объемистой компилятивной "Книге, глаголемой Козмография", составленной из 76 глав, глава 68 была посвящена Индии — отобраны факты по-преимуществу хозяйственного значения: в Индии везде земля пахотная; в один год снимают два урожая, множество слонов приучено к сельским и военным делам; едят змей — те наподобие раков беловаты; "финиково листвие" используют вместо писчей бумаги, а пишут железным пером; мастеровые люди в великой чести и т.д. (360—370). Словом, можно туда поехать и с пользой поработать. Сведения увлекательны, но маловато фантазии, — скудное мироощущение!

Однако и такой подход к Индии остался в литературе эпизодом. Во второй половине XVII — начале XVIII в. возобладала еще более сухая, "учено"-географическая тенденция с соответствующим тяжелым повествовательным языком. Вот характерные отрывки из двух переводных "космографий": "Пятая часть Азии — во Индейских странах, за рекою Кганкис, многих царей державства, которые царства протягиваются от

⁴"Книжный образ страны и конкретные знания о ней существовали параллельно, не вступая в конфликт" (Вигасин А.А. Представления об Индии в Древней Руси // Индия: 1981—1982. Ежегодник. М., 1983. С. 275).

Арапского моря до великих гор Кгабоделам названных..."; "Земли великого могола называется... а от индицов великое Индастанское государство... Могольская земля граничит и с северу с великою Татариею и с востоку с лежащим по ту сторону реки Гангеса полуостровом..."; – сплошная география, мировоззрение без фантазии, факты без образов.

С художественной литературой России Индия разминувшись на длительный период, до конца XVIII в. Ведь нельзя считать литературой сообщение начала XVII в. о путешествии Семена Маленького "с товарищи" в Индию; неизвестно кем составленный в середине XVIII в. в Астрахани (где был торговый двор индийских купцов) сборник с "Азбукой индийских книжных слов"; публикации документальных материалов об Индии, подготовленные известным просветителем Н.И. Новиковым в 1791 г.; записки Филиппа Ефремова, а потом Герасима Лебедева об их деятельности в Индии в 1770–1790-х годах (Герасим Лебедев даже организовал театр в Калькутте; книги Ф. Ефремова и Г. Лебедева были опубликованы лишь в 1794 г. и в 1805 г.). Довольно много времени понадобилось российскому обществу для того, чтобы художественно осмыслить новые факты и выработать новый, не средневековый образ Индии. Что ж, в современной космической фантастике тоже не обходится без пауз, нужных для образного освоения и домысливания изменившихся научных построений. Даже самые строгие научные факты должно дополнять образное мышление; без этого не возникнет мироощущения – одного из важнейших явлений нашей личной и общественной психологии⁵.

⁵На тему реальных контактов Руси с Индией см.: *Шохин В.К.* Древняя Индия в культуре Руси: (XI–середина XV в.): Источниковедческие проблемы. М., 1988. Здесь же библиография предшествующих работ.

ИСТОЧНИКИ*

Глава I

- "Азбука о голом и небогатом человеке" — Русская демократическая сатира.
"Большая челобитная" Ивана Пересветова — ПЛДР. Вып. 6. Текст памятника подгот. М.Д. Каган-Тарковская.
"Временник" Ивана Тимофеева — Временник Ивана Тимофеева / Изд. подгот. О.А. Державина. М.; Л., 1951.
"Галицко-Волынская летопись" — ПСРЛ. М., 1962. Т. 2 / Под ред. А.А. Шахматова. Указываются столбцы издания.
"Домострой" — ПЛДР. Вып. 7 / Текст памятника подгот. В.В. Колесов.
"Житие" Аввакума — Житие протопopa Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Текст памятника подгот. В.Е. Гусев. Иркутск, 1979.
"Житие Авраамия Смоленского" Ефрема — Древнерусские предания: (XV—XVI вв.) / Текст памятника подгот. В.В. Кусков. М., 1982.
"Житие Александра Невского" — Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века "Слово о погибели Русской земли". М.; Л., 1965.
"Житие Зосимы и Савватия Соловецких" — Повесть о Зосиме и Савватии: Книжное воспроизведение. М., 1986. Указываются листы издания.
"Житие Иринии" — Успенский сборник.
"Житие Петра Московского" — Макарий. История русской церкви. СПб., 1866. Т. 4, кн. 1.
"Житие Сергия Радонежского" Епифания Премудрого — ПЛДР. Вып. 4 / Текст памятника подгот. Д.М. Буланин.
"Житие Феодосия Печерского" Нестора — Успенский сборник.
"Задонщина" — "Слово о полку Игореве" и памятники Куликовского цикла / Тексты "Задонщины" подгот. Р.П. Дмитриева. М.; Л., 1966.
"История Иудейской войны" Иосифа Флавия — Мещерский Н.А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958.
"Казанская история" — Казанская история / Изд. подгот. Г.Н. Моисеева. М.; Л., 1954.
"Киево-Печерский патерик" — ПЛДР. Вып. 2 / Текст памятника подгот. Л.А. Дмитриев.
"Киевская летопись" — ПСРЛ. М., 1962. Т. 2 / Под ред. А.А. Шахматова. Указываются столбцы издания.
"Книга бесед", "Книга толкований и нравоучений" Аввакума — РИБ. Л., 1927. Т. 39 / Изд. подгот. П.С. Смирнов. Указываются столбцы издания.
"Моление Даниила Заточника" — ПЛДР. Вып. 2 / Текст памятника подгот. Д.С. Лихачев.
"Московский летописный свод" конца XV в. — ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25 / Изд. подгот. Е.П. Борисова, Т.Н. Протасьева, М.В. Щепкина.
"На несytное чрево и бесчисленных зол виновно иночествующим" Максима Грека — Максим Грек. Соч. Казань, 1860. Ч. 2.
"Наказание" тверского епископа Семена — "Изборник": (Сборник произведений литературы Древней Руси) / Текст памятника подгот. Д.С. Лихачев. М., 1969.
"Наказание богатым" — Изборник 1076 года / Изд. подгот. В.С. Голышенко, В.Ф. Дубровина, В.Г. Демьянов, Г.Ф. Нефедов. М., 1965.
"Наказание князем, иже дают волость и суд небогобойным и лукавым мужем" — Мерило праведное по рукописи XIV века / Изд. под набл. М.Н. Тихомирова. М., 1961. Указываются листы рукописи.
"Новая повесть о преславном Российском царстве" — Дробленкова Н.Ф. "Новая

*В составлении списка источников принимала участие Л.И. Щеголева.

- повесть о преславном Росийском царстве" и современная ей агитационная патриотическая письменность. М.; Л., 1960.
- "Новгородская первая летопись" — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Изд. подгот. А.Н. Насонов. М.; Л., 1950.
- "О побоище, иже на Дону" — Сказания и повести о Куликовской битве / Текст памятника подгот. Л.А. Дмитриев. Л., 1982.
- "О поезде великого князя в Великий Новгород" — ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5; ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6.
- "О сказании евангельском" Кирилла Туровского — *Еремин И.П.* Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13.
- "Острожская Библия" — Библия. Острог, 1581. Указываются листы издания.
- "От шестоденца избрано о животех" — *Дурново Н.Н.* К истории сказаний о животных в старинной русской литературе. М., 1901.
- "Паримейник" 1313 г. — *Покровский А.А.* Древнее псковско-новгородское письменное наследие. М., 1916.
- "Повесть временных лет" — Летопись по Лаврентьевскому списку. 3-е изд. / Изд. подгот. А.Ф. Бычков. СПб., 1897.
- "Повесть о белоризце" Кирилла Туровского — *Еремин И.П.* Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12.
- "Повесть о Благовещенской церкви" — ПЛДР. Вып. 5 / Текст памятника подгот. Л.А. Дмитриев.
- "Повесть о Горе-Злочасти" — Повесть о Горе-Злочасти / Изд. подгот. Д.С. Лихачев, Е.И. Ванеева. Л., 1984.
- "Повесть о Ерше Ершовиче" — Русская демократическая сатира.
- "Повесть о житии Михаила Клопского" — ПЛДР. Вып. 5 / Текст памятника подгот. Л.А. Дмитриев.
- "Повесть о Луке Колочком" — ПЛДР. Вып. 6 / Текст памятника подгот. Л.И. Журова.
- "Повесть о нашествии Тохтамыша" — ПЛДР. Вып. 4 / Текст памятника подгот. М.А. Салмина.
- "Повесть о Петре и Февронии" Ермолая-Еразма — ПЛДР. Вып. 6 / Текст памятника подгот. Р.П. Дмитриева.
- "Повесть о Петре Ордынском" — ПЛДР. Вып. 6 / Текст памятника подгот. Р.П. Дмитриева.
- "Повесть о походе Ивана III на Новгород", московская и новгородская — ПЛДР. Вып. 5 / Текст памятника подгот. В.П. Бударягин.
- "Повесть о старце" — ПЛДР. Вып. 6 / Текст памятника подгот. Н.С. Демкова.
- "Повесть о Тимофее Владимирском" — ПЛДР. Вып. 6 / Текст памятника подгот. Н.С. Демкова.
- "Повесть о Фроле Скобееве", Погодинский список — "Изборник": (Сборник произведений литературы Древней Руси) / Текст памятника подгот. Ю.К. Бегунов. М., 1969.
- "Повесть о Фроле Скобееве", Тартуский список — *Бегунов Ю.К.* Тартуский список "Повести о Фроле Скобееве" // Учен. зап. / Тарт. ун-т. Тарту, 1962. Вып. 119.
- "Повесть о Фроле Скобееве", Титовский список; "Повесть о Шиле Новгородском" — *Гудзий Н.К.* Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков. 6-е изд., испр. М., 1955.
- "Повесть об Акире Премудром" — ПЛДР. Вып. 2 / Текст памятника подгот. О.В. Творогов.
- "Повесть об Антонии Римлянине" — Памятник старинной русской литературы. СПб., 1860. Вып. 1.
- "Повесть об Ионе Новгородском" — ПЛДР. Вып. 5 / Текст памятника подгот. М.В. Рождественская.
- "Повесть об убиении Андрея Боголюбского" — ПЛДР. Вып. 2 / Текст памятника подгот. В.В. Колесов.
- "Повесть об Улиянии Осорьиной" Дружины Осорьина — *Скрипиль М.О.* Повесть об Улиянии Осорьиной: (исторические комментарии и тексты) // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6.
- "Послание Андрею Курбскому" Ивана Грозного, первое — Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Тексты подгот. Я.С. Лурье, Ю.Д. Рыков. Л., 1979.
- "Послание в Кирилло-Белозерский монастырь" Ивана Грозного — Послания Ивана Грозного / Изд. подгот. Д.С. Лихачев, Я.С. Лурье. М.; Л., 1951.
- "Послание дворянину недругу" — Русская демократическая сатира.
- "Послание дворянина дворянину" — Русская демократическая сатира.
- "Послание Ивану Грозному" Андрея Курбского, второе — Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Тексты подгот. Я.С. Лурье, Ю.Д. Рыков. Л., 1979.

- "Послание Ивану Третьякову" Иосифа Волоцкого — Послания Иосифа Волоцкого / Изд. подгот. А.А. Зимин, Я.С. Лурье. М.; Л., 1959.
- "Послание к некоему иноку, бывшему в игуменах, о немецкой прелести, глаголемой Фортуне, и о колесе ее" Максима Грека — ПЛДР. Вып. 6 / Текст памятника подгот. Д.М. Буланин.
- "Послание Марии Голениной" Иосифа Волоцкого — ПЛДР. Вып. 6 / Текст памятника подгот. Я.С. Лурье.
- "Послание митрополиту Даниилу" Федора Карпова — ПЛДР. Вып. 6 / Текст памятника подгот. Д.М. Буланин.
- "Послание о злых днях и часах" Филофея — ПЛДР. Вып. 6 / Текст памятника подгот. В.В. Колесов.
- "Послание Сергию и Феодору" Киприана — ПЛДР. Вып. 4 / Текст памятника подгот. Г.М. Прохоров.
- "Послание сына, от наготы гневного, к отцу" — Демин А.С. Демократическая поэзия XVII в. в письмовниках и сборниках виршевых посланий // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21.
- "Поучение" Владимира Мономаха — Летопись по Лаврентиевскому списку. 3-е изд. // Изд. подгот. А.Ф. Бычков. СПб., 1897.
- "Поучение, како подобает христианам жити" Козьмы Пресвитера — Яковлев.
- "Поучения" митрополита Даниила — Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. Отдел приложений.
- "Поучения" Серапиона Владимирского — Петухов Е. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. СПб., 1888. Прибавление.
- "Просветитель" Иосифа Волоцкого — Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих / Творение преподобного отца нашего Иосифа, игумена волоцкого. Казань, 1855.
- "Псковская первая летопись" — Псковские летописи / Подгот. к печ. А.Н. Насонов. М.; Л., 1941. Вып. 1.
- "Рогожский летописец" — ПСРЛ. М., 1965. Т. 15, вып. 1 / Изд. подгот. Н.П. Лихачев.
- "Сказание" Авраамия Палицына — Сказание Авраамия Палицына / Изд. подгот. О.А. Державина, Е.В. Колосова. М.; Л., 1955.
- "Сказание вкратце о Даниле Переяславском" — ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 21, ч. 2 / Изд. подгот. П.Г. Васенко.
- "Сказание о Борисе и Глебе" — Успенский сборник.
- "Сказание о двенадцати снах царя Шахаиши" — Веселовский А.Н. Слово о двенадцати снах Шахаиши: По рукописи XV века // СОРЯС. СПб., 1879. Т. 20, № 2.
- "Сказание о Дракуле" — ПЛДР. Вып. 5 / Текст памятника подгот. Я.С. Лурье.
- "Сказание о крестьянском сыне" — Русская демократическая сатира.
- "Сказание о Магмете-салтане" Ивана Пересветова — Сочинения И. Пересветова / Текст подгот. А.А. Зимин. М.; Л., 1956.
- "Сказание о Мамаевом побоище", Печатный вариант Основной редакции — Сказания и повести о Куликовской битве / Текст памятника подгот. Л.А. Чуркина. Л., 1982.
- "Сказание о Соломоне и Китоврасе" — ПЛДР. Вып. 4 / Текст памятника подгот. Г.М. Прохоров.
- "Сказание о чудесах Бориса и Глеба" — Успенский сборник.
- "Сказание об Индийском царстве", Волоколамский список — Истрин В.М. Сказание об Индийском царстве. М., 1893.
- "Сказание об Индийском царстве", Кирилло-Белозерский список — "Изборник": (Сборник произведений литературы Древней Руси) / Текст памятника подгот. Г.М. Прохоров. М., 1969.
- "Словеса еже убо правоверну веру имети" — Изборник 1076 года / Изд. подгот. В.С. Голыщенко, В.Ф. Дубровина, В.Г. Демьянов, Г.Ф. Нефедов. М., 1965.
- "Слово, како достоит имети челядь", "Слово, како подобает в ночь молитися", "Слово, како подобает приходи в церковь с верою" Иоанна Златоуста — Яковлев.
- "Слово на вознесение Господне" Кирилла Туровского — Еремин И.П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15.
- "Слово некоего отца к сыну" — Яковлев.
- "Слово некоего отца к сыну своему" — Изборник 1076 года / Изд. подгот. В.С. Голыщенко, В.Ф. Дубровина, В.Г. Демьянов, Г.Ф. Нефедов. М., 1965.
- "Слово о богатых и немилостивых" Иоанна Златоуста — Яковлев.
- "Слово о богаче и о Лазаре" — Срезневский И.И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1866. Вып. 3.
- "Слово о вере к князю Изяславу" Феодосия Печерского — Еремин И.П. Литературное наследие Феодосия Печерского // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5.

- "Слово о всех святых" Иоанна Златоуста — Успенский сборник.
 "Слово о желании богатства" — Яковлев.
 "Слово о законе и благодати" Илариона — Молдован А.Н. "Слово о законе и благодати" Илариона. Киев, 1984.
 "Слово о мятежи жития сего" Ефрема — Новые поучения Серапиона, епископа владимирского (XIII века) // Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии. 1858. Ч. 2.
 "Слово о гибели Русской земли" — Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века "Слово о гибели Русской земли". М.; Л., 1965.
 "Слово о полку Игореве" — Слово о полку Игореве / Тексты подгот. Л.А. Дмитриев, Д.С. Лихачев. Л., 1967.
 "Слово о слепце" Иоанна Златоуста — Яковлев.
 "Слово о терпении и любви и о посте" Феодосия Печерского — Еремин И.П. Литературное наследие Феодосия Печерского // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5.
 "Слово ответно противу клеветующих истину евангельскую"; "Собрание некоего старца" Вассиана Патрикеева — Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960.
 "Стезание о известном иноческом жителстве" Максима Грека — Максим Грек. Соч. Казань, 1860. Ч. 2.
 "Суздальская летопись" — Летопись по Лаврентиевскому списку / Изд. подгот. А.Ф. Бычков. 3-е изд. СПб., 1897.
 "Тверская летопись" — ПСРЛ. М., 1965. Т. 15, вып. 2 / Под набл. М.Н. Тихомирова.
 "Хроника" Георгия Амартола — Истрин В.М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пг., 1920. Т. 1.
 "Царям правительница и землемерие" Ермолая-Еразма — ПЛДР. Вып. 6 / Текст памятника подгот. Р.П. Дмитриева.
 "Чтение о Борисе и Глебе" Нестора — Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Пригот. к печ. Д.И. Абрамович. Пг., 1916.
 "Шестоднев" Иоанна Экзарха — Шестоднев, составленный Иоанном Экзархом болгарским: По харатейному списку Московской синодальной библиотеки 1263 года. Слово в слово и буква в букву / Изд. подгот. О.М. Бодянский // ЧОИДР. М., 1879. Кн. 3. Указываются листы и столбцы издания.

Глава II

- "Азбука" Василия Бурцева — Азбука. М., 1634.
 "Временник" Ивана Тимофеева — ПЛДР. Вып. 9 / Текст памятника подгот. В.И. Охотникова.
 "Галицко-Волынская летопись" — ПСРЛ. М., 1962. Т. 2 / Текст памятника подгот. А.А. Шахматов. Указываются столбцы издания.
 "Гистория о российском матросе Василии Кориотском", "Гистория о храбром российском кавалере Александре" — Русские повести первой трети XVIII в. / Изд. подгот. Г.Н. Моисеева. М.; Л., 1965.
 "Глас последний" Симеона Полоцкого — ЦГАДА. Ф. 181. Оп. 1. № 250. Указываются листы рукописи.
 "Гусли доброголасная" Симеона Полоцкого — Симеон Полоцкий. Избр. соч. / Изд. подгот. И.П. Еремин. М.; Л., 1953.
 Договорная грамота Дмитрия Ивановича 1362 г. — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950.
 "Домострой" — ПЛДР. Вып. 7 / Текст памятника подгот. В.В. Колесов.
 "Житие святого Кирилла" — Историко-литературная хрестоматия. М.; Пг., 1916. Ч. 2.
 "Житие Феодосия Печерского" Нестора — ПЛДР. Вып. 1 / Текст памятника подгот. О.В. Творогов.
 "Завещание" Нила Сорского — ПЛДР. Вып. 6 / Текст памятника подгот. Г.М. Прохоров.
 "Задонщина" — ПЛДР. Вып. 4 / Реконструкцию текста памятника подгот. Л.А. Дмитриев.
 "Записки" И.А. Желябужского — Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709. СПб., 1840.
 "Изборник" 1076 г. — Изборник 1076 года / Изд. подгот. В.С. Голышенко, В.Ф. Дубровина, В.Г. Демьянов, Г.Ф. Нефедов. М., 1965.
 "Книга желательного приветство мудрости" Карiona Истомина — Памятники общественно-политической мысли в России... М., 1983. Ч. 1 / Изд. подгот. А.П. Богданов.

- "Кормчая" Ефремовская — Срезневский И.И. Обзорение древних русских списков Кормчей книги. СПб., 1897.
- "Моление Даниила Заточника" — ПЛДР. Вып. 2 / Текст памятника подгот. Д.С. Лихачев.
- "Новая повесть о преславном Российском царстве" — ПЛДР. Вып. 9 / Текст памятника подгот. Н.Ф. Дробленкова.
- "Описание вин или причин, которыми к погибели и к разоренью всякие царства приходяют. . ." — ПЛДР. Вып. 9 / Текст памятника подгот. М.А. Салмина.
- "Орел Российский" Симеона Полоцкого — Симеон Полоцкий. Избр. соч. / Изд. подгот. И.П. Еремин. М.; Л., 1953.
- "Панегирикос" Феофана Прокоповича — Панегирическая литература Петровского времени / Изд. подгот. В.П. Гребенюк. М., 1979.
- Письмо Никону царя Алексея Михайловича — Письма русских государей и других особ царского семейства. М., 1896. Т. 5.
- "Повесть временных лет" — ПСРЛ. М., 1862. Т. 2 / Текст памятника подгот. А.А. Шахматов.
- "Повесть о Варлааме и Иоасафе" — ПЛДР. Вып. 2 / Текст памятника подгот. И.Н. Лебедева.
- "Повесть о Горе-Злочасти" — ПЛДР. Вып. 10 / Текст памятника подгот. Е.И. Ванеева.
- "Повесть о разорении Рязани Батыем" — ПЛДР. Вып. 3 / Текст памятника подгот. Д.С. Лихачев.
- "Повесть о Фроле Скобееве" — ПЛДР. Вып. 10 / Текст памятника подгот. В.П. Бударгин.
- "Повесть о шляхетском сыне" — Русские повести первой трети XVIII в. / Изд. подгот. Г.Н. Моисеева. М.; Л., 1965.
- "Послание Ивану Грозному" Андрея Курбского, второе и третье — ПЛДР. Вып. 8 / Тексты памятников подгот. Ю.Д. Рыков.
- "Послание игуменам Сергию и Феодору" митрополита Киприана — ПЛДР. Вып. 4 / Текст памятника подгот. Г.М. Прохоров.
- "Послание Иоасафу" Геннадия — ПЛДР. Вып. 5 / Текст памятника подгот. Я.С. Лурье.
- "Послание на Угру" Вассиана Рыло — ПЛДР. Вып. 5 / Текст памятника подгот. Е.И. Ванеева.
- "Послание" Филофея — ПЛДР. Вып. 6 / Текст памятника подгот. В.В. Колесов.
- "Поучение" Владимира Мономаха — ПЛДР. Вып. 1 / Текст памятника подгот. О.В. Творогов.
- "Поучение" Серапиона Владимирского — ПЛДР. Вып. 3 / Текст памятника подгот. В.В. Колесов.
- "Притча о человеческой душе и о теле" Кирилла Туровского — ПЛДР. Вып. 2 / Текст памятника подгот. В.В. Колесов.
- "Пчела" — ПЛДР. Вып. 3 / Текст памятника подгот. В.В. Колесов.
- "Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ" В.Н. Татищева — Татищев В.Н. Избр. произведения. Л., 1979.
- "Русская Правда" — Российское законодательство X—XX вв. М., 1984. Т. 1.
- "Сатиры" Антиоха Кантемира, вторая и пятая — Кантемир А. Собр. стихотворений. Л., 1956.
- "Сборник пословиц" — ЦГАДА. Ф. 181. Оп. 1. № 250. Указываются листы рукописи.
- "Сказание" Авраамия Палицына — Сказание Авраамия Палицына / Изд. подгот. О.А. Державина, Е.В. Колосова. М.; Л., 1955.
- "Сказание о Довмонте" — ПЛДР. Вып. 4 / Текст памятника подгот. В.И. Охотникова.
- "Сказание о князьях владимирских" — ПЛДР. Вып. 6 / Текст памятника подгот. Р.П. Дмитриева.
- "Сказание о Мамаевом побоище" — ПЛДР. Вып. 4 / Текст памятника подгот. В.П. Бударгин, Л.А. Дмитриев.
- "Сказание о нашествии Едигея" — ПЛДР. Вып. 4 / Текст памятника подгот. Н.Ф. Дробленкова.
- "Сказание об убийстве в орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора" — ПЛДР. Вып. 3 / Текст памятника подгот. Л.А. Дмитриев.
- "Словеса дней, и царей, и святителей московских" Ивана Хворостинина — ПЛДР. Вып. 9 / Текст памятника подгот. Е.П. Семенова.
- "Слово о власти и чести царской" Феофана Прокоповича — Прокопович Ф. Соч. / Изд. подгот. И.П. Еремин. М.; Л., 1961.
- "Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского" — ПЛДР. Вып. 4 / Текст памятника подгот. М.А. Салмина.
- "Слово о законе и благодати" Илариона — Идеино-философское наследие Илариона Киевского. М., 1986. Ч. 2 / Текст памятника подгот. Т.А. Сумникова.

- "Слово о Меркурии Смоленском" — ПЛДР. Вып. 3 / Текст памятника подгот. В.В. Колесов.
- "Слово о гибели Русской земли" — ПЛДР. Вып. 3 / Текст памятника подгот. Л.А. Дмитриев.
- "Слово о полку Игореве" — ПЛДР. Вып. 2 / Текст памятника подгот. О.В. Творогов.
- "Слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче" инок Фомы — ПЛДР. Вып. 5 / Текст памятника подгот. Н.В. Понырко.
- "Слово. . . пространне излагающе. . ." Максима Грека — *Максим Грек*. Соч. Казань, 1860. Ч. 2.
- "Статейный список" Г.И. Микулина — Путешествия русских послов XVI—XVII вв. / Текст памятника подгот. Я.С. Лурье, Р.Б. Мюллер. М.; Л., 1954.
- "Стихи на венчание царскими венцами Иоанна и Петра Алексеевичей" Кариона Истомина — Памятники общественно-политической мысли в России... / Изд. подгот. А.П. Богданов. М., 1983. Ч. 1.
- "Стихи покаянные" — ПЛДР. Вып. 8 / Тексты памятников подгот. А.М. Панченко.
- "Судебник" 1550 г. — Российское законодательство X—XX вв. М., 1985. Т. 2.
- Указ Петра I от 16 июля 1700 г. — ЦГАДА. Ф. 188. Оп. 1. № 129. Указываются листы рукописи.
- Указы Петра I — ПСЗ. СПб., 1830. Т. 2.
- "Уложение" царя Алексея Михайловича 1649 г. — Российское законодательство X—XX вв. М., 1985. Т. 3.
- "Хронограф" 1617 г. — ПЛДР. Вып. 9 / Текст памятника подгот. О.В. Творогов.

Глава III

- "Александрия" 1-й редакции — *Истрин В.М.* Александрия русских Хронографов: Исследование и текст. М., 1893. Приложения.
- "Беседа на богомилов" Козьмы Пресвитера — Памятники древнерусской духовной письменности: Беседа Козьмы Пресвитера на богомилов, X—XI в. / Православный собеседник. Казань, 1864. Ч. 2.
- "Беседа трех святителей" — *Порфирьев И.Я.* Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1890.
- "Великая челобитная царю Алексею Михайловичу" Никиты Добрынина — *Румянцев И.* Никита Константинов Добрынин ("Пустосвят"): Историко-критический очерк. Сергиев Посад, 1916. Приложения.
- "Вопросы Иоанна Богослова Господу на горе Фаворской" — *Тихонравов Н.С.* Памятники отреченной русской литературы. М., 1863. Т. 2.
- "Голубиная книга" — *Буслаев Ф.И.* Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков: Учебные руководства для военно-учебных заведений. М., 1861. Указываются столбцы издания.
- "Духовная грамота" Иосифа Волоцкого — Великие Минеи Чети, собранные Всероссийским митрополитом Макарием: Сентябрь, дни 1—13. СПб., 1868. Указываются столбцы издания.
- "Женитва" Симеона Полоцкого — *Симеон Полоцкий*. Избр. соч. / Подгот. текста И.П. Еремина. М.; Л., 1953.
- "Житие Авраамия Смоленского" — *Димитрий Ростовский*. Книга житий святых. Киев, 1705. Т. 4. Указываются листы издания.
- "Житие Авраамия Смоленского" Ефрема — ПЛДР. Вып. 3 / Текст памятника подгот. Д.М. Буланин.
- "Житие Гурия и Варсонофия Казанских" Гермогена — *Гермоген*. Творения: С приложением чина поставления в патриарха. М., 1912.
- "Житие Димитрия Ростовского" — *Димитрий Ростовский*. Соч. 4-е изд. М., 1827. Т. 1.
- "Житие Кирилла Белозерского" Пахомия Серба — *Яблонский В.* Пахомий Серб и его агиографические писания: Биографический и библиографически-литературный очерк. СПб., 1908.
- "Житие Марии Египетской" — Великие Минеи Чети, собранные Всероссийским митрополитом Макарием: Апрель, дни 1—8. М., 1910. Указываются столбцы издания.
- "Житие равноапостольного князя Владимира" — *Димитрий Ростовский*. Книга житий святых. Киев, 1705. Т. 4. Указываются листы издания.
- "Житие Сергия Радонежского" Епифания Премудрого — ПЛДР. Вып. 4 / Текст памятника подгот. Д.М. Буланин.
- "Житие Стефана Пермского" Епифания Премудрого — Великие Минеи Чети, собранные Всероссийским митрополитом Макарием: Апрель, дни 22—30. М., 1916. Указываются столбцы издания.

- "Житие Феодосия Печерского" Нестора — ПЛДР. Вып. 1 / Текст памятника подгот. О.В. Творогов.
- "Златоустрий" 1474 г. — ГБЛ. Ф. 173. (Моск. духовн. акад.). № 43. Указываются листы рукописи.
- "Измарагд" — Измарагд, иже во святых отца нашего Иоанна Златоустого и прочих святых. М., 1911. Ч. 1. Указываются листы издания.
- "Ипатьевская летопись" — ПСРЛ. М., 1962. Т. 2 / Текст памятника подгот. А.А. Шахматов. Указываются столбцы издания.
- "Истины показание" Зиновия Отенского — *Зиновий Отенский*. Истины показание к вопросившим о новом учении. Казань, 1863.
- "История Иудейской войны" Иосифа Флавия — *Мещерский Н.А.* История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958.
- "Киево-Печерский патерик" — ПЛДР. Вып. 2 / Текст памятника подгот. Л.А. Дмитриев.
- "Кириллова книга" — Кириллова книга. М., 1644. Указываются листы издания.
- "Книга, глаголемая Соборник" первой половины XVI в. — ГБЛ. Ф. 113. (Иосифо-Волоколам. мон.). № 526. Указываются листы рукописи.
- "Книга о вере" Нафанаила — *Нафанаил*. Книга о вере. М., 1648. Указываются листы издания.
- "Книга толкований и нравоучений" Аввакума — Житие протопopa Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Текст памятника подгот. А.С. Елеонская. М., 1960.
- "Маргарит" Иоанна Златоуста — *Иоанн Златоуст*. Маргарит. Острог, 1595. Указываются листы издания.
- "Моление Даниила Заточника" — ПЛДР. Вып. 2 / Текст памятника подгот. Д.С. Лихачев.
- "Наказание" Кирилла — *Сухомлинов М.И.* О сочинениях Кирилла Туровского // Рукописи графа А.С. Уварова. СПб., 1858. Т. 2, вып. 1.
- "О письменах" Константина Костенческого — *Ягич И.В.* Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. СПб., 1896.
- "Обед душевный" Симеона Полоцкого — *Симеон Полоцкий*. Обед душевный. М., 1681. Указываются листы издания.
- "Острожская Библия" — Библия. Острог, 1581. Указываются листы издания.
- "Первая часть Двенадцатого слова" Даниила — *Жмакин В.* Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. Отдел приложений.
- "Письмо о нелюбках" иноков Кириллова и Иосифова монастырей — Послания Иосифа Волоцкого / Подгот. текста А.А. Зимина, Я.С. Лурье. М.; Л., 1959.
- "Повесть временных лет" — ПЛДР. Вып. 1 / Текст памятника подгот. О.В. Творогов.
- "Повесть" соловецкого инокa Ипатия — БАН. Дружинин. № 178 (216). Указываются листы рукописи.
- "Послание брату", "Послание иному о пользе" Нила Сорского — *Прохоров Г.М.* Послания Нила Сорского // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29.
- "Послание князю" старца Артемия — РИБ. СПб., 1878. Т. 4, кн. 1. Указываются столбцы издания.
- "Послание князю П.И. Шуйскому" Максима Грека — *Максим Грек*. Соч. Казань, 1860. Ч. 2.
- "Послание Люторским учителям" старца Артемия — РИБ. СПб., 1878. Т. 4, кн. 1. Указываются столбцы издания.
- "Послание митрополиту Даниилу" Федора Карпова — ПЛДР. Вып. 6 / Текст памятника подгот. Д.М. Буланин.
- "Послание о видимом образе Божиим" Ивана Бегичева — *Яцимирский А.И.* Послание Ивана Бегичева о видимом образе Божиим: По рукописи XVII века собрания А.И. Яцимирского // ЧОИДР. 1898. Кн. 2.
- "Послание патриархов Восточно-Кафолической Церкви о православной вере" — Царская и патриаршие грамоты о учреждении Святейшего Синода, с изложением православного исповедания Восточно-Кафолической Церкви. М., 1839.
- "Послание пресвитеру Фоме" Климента Смолятича — *Никольский Н.К.* О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII в. СПб., 1892.
- "Послание царю" старца Артемия — РИБ. СПб., 1878. Т. 4, кн. 1. Указываются столбцы издания.
- Послесловия к "Апостолам" Ивана Федорова — ПЛДР. Вып. 7 / Тексты памятников подгот. Д.М. Буланин.
- "Поучение" Владимира Мономаха — ПЛДР. Вып. 1 / Текст памятника подгот. О.В. Творогов.
- "Предисловие" А.М. Курбского — *Оболенский М.А.* О переводе князя Курбского

- сочинений Иоанна Дамаскина // Библиографические записки. 1858. Т. 1, № 12. Указываются столбцы издания.
- "Притча о человеческой душе и о теле" Кирилла Туровского — ПЛДР. Вып. 2 / Текст памятника подгот. В.В. Колесов.
- "Проглас" к Евангелию — *Срезневский И.И.* "Блаженного учителя нашего Константина Философа слово": Из Печского Евангелия XIV в. // ИпоОРАС. СПб., 1858. Т. 7, вып. 2.
- "Просветитель" Иосифа Волоцкого — *Иосиф Волоцкий*. Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих. 4-е изд. Казань, 1904.
- "Пчела" — ПЛДР. Вып. 3 / Текст памятника подгот. В.В. Колесов.
- "Пятнадцатое наказание" Даниила — *Жмакин В.* Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. Отдел приложений.
- "Русская грамматика" Г.В. Лудольфа — *Лудольф Г.В.* Русская грамматика. Оксфорд, 1696 / Переизд., перевод, вступ. ст. и примеч. Б.А. Ларина. Л., 1937.
- "Сказание известно о приходе на Русь Максима Грека и како претерпе до скончания своего" — ГИМ. Синод. № 157. Указываются листы рукописи.
- "Сказка" соловецкого старца Исайи Слепого, "Сказка" соловецкого чернеца Васьяна Крюкова — ЦГАДА. Ф. 125. (Монастыр. дела). Оп. 1. 1669. № 5. Указываются листы рукописи.
- "Слово на латинов" Максима Грека — *Максим Грек*. Соч. Казань, 1859. Ч. 1.
- "Слово некоего калугера о почитании книжном" — Изборник 1076 года / Изд. подгот. В.С. Голышенко, В.Ф. Дубровина, В.Г. Демьянов, Г.Ф. Нефедов; Под ред. С.И. Коткова. М., 1965.
- "Слово о законе и благодати" Илариона — *Молдован А.М.* "Слово о законе и благодати" Илариона. Киев, 1984.
- "Слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче" инока Фомы — ПЛДР. Вып. 5 / Текст памятника подгот. Н.В. Понирко.
- "Статир" 1684 г. — ГБЛ. Ф. 256 (Румянцев). № 411. Указываются листы рукописи.
- "Стоглав" — Стоглав / Изд. Д.Е. Кожанчикова. СПб., 1863.
- "Святагеля сих книг последнее книгам целование" Стефана Яворского — *Маслов С.И.* Библиотека Стефана Яворского. Киев, 1914. Приложения.
- "Устав" — Устав: (Око церковное). М., 1610. Указываются листы издания.
- "Фелица" Г.Р. Державина — *Державин Г.Р.* Стихотворения / Изд. подгот. Д.Д. Благый. 2-е изд. Л., 1957.

Глава IV

- "Великое Зерцало" — *Державина О.А.* "Великое Зерцало" и его судьба на русской почве. М., 1965.
- "Вертоград многоцветный" Симеона Полоцкого — ГИМ. Синод. № 288. Указываются листы рукописи.
- "Веселеил, сиесть Скиния Божия" — *Брайловский С.Н.* Один из "пестрых" XVII столетия // Записки Академии наук. СПб., 1902. Т. 5.
- "Владимирская летопись" — ПСРЛ. М., 1965. Т. 30 / Изд. подгот. М.Н. Тихомиров, Л.Л. Муравьева; Под ред. М.Н. Тихомирова.
- "Галицко-Волынская летопись" — ПЛДР. Вып. 3 / Текст памятника подгот. О.П. Лихачева.
- "Град царства небесного" Кариона Истомина — ГИМ. Чудовск. № 302; Уваров. № 73. Указываются листы рукописи.
- "Грамота" в Новгородский Антониево-Сийский монастырь царя Федора Иоанновича 1592 г. — *Макарий, епископ*. Исторические сведения об Антониево-Сийском монастыре // ЧОИДР. 1878. Кн. 1.
- "Диалектика" Иоанна Дамаскина и "Диоптра" Филиппа Пустынника — *Прохоров Г.М.* Памятники переводной литературы XIV—XV веков. Л., 1987.
- "Ермолинская летопись" — ПЛДР. Вып. 5 / Текст памятника подгот. Я.С. Лурье.
- "Житие Александра Невского" — *Гудзий Н.К.* Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков. 6-е изд. М., 1955.
- "Житие Константина-Кирилла Философа" — Сказания о начале славянской письменности. М., 1981 / Перевод Б.Н. Флори; Отв. ред. В.Д. Королук.
- "Житие митрополита Петра" — *Прохоров Г.М.* Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978.
- "Житие Паисия Угличского" — *Каган М.Д.* Паисия Угличского житие // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39.
- "Житие Сергия Радонежского" Елифания Премудрого и Пахомия Серба — ПЛДР. Вып. 4 / Текст памятника подгот. Д.М. Буланин.

- "Житие Феодосия Печерского" Нестора — Успенский сборник.
- "Житие Феодора Студийского" — Выголексинский сборник / Изд. подгот. В.Ф. Дубровина, Р.В. Бахтурина, В.С. Голышенко. М., 1977.
- "Известие о Московии" Исаака Массы — Исаак Масса. Известие о Московии в начале XVII в. М., 1937.
- "Изложение пасхалии" митрополита Зосимы — РИБ. СПб., 1880. Т. 6, ч. 1.
- "Ипатьевская летопись" — ПСРЛ. М., 1962. Т. 2 / Текст памятника подгот. А.А. Шамагов. Указываются столбцы издания.
- "История о великом князе московском" Андрея Курбского — ПЛДР. Вып. 8 / Текст памятника подгот. А.А. Цеханович.
- "Казанская история" — ПЛДР. Вып. 7 / Текст памятника подгот. Т.В. Волкова.
- "Киево-Печерский патерик" — ПЛДР. Вып. 2 / Текст памятника подгот. Л.А. Дмитриев.
- "Книга избранная вкратце о девятих мусах и о седмиче свободных художествах" Николая Спафария — *Николай Спафарий*. Эстетические трактаты / Подгот. текстов О.А. Белобровой. Л., 1978.
- "Моление Даниила Заточника" — *Зарубин Н.Н.* Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л., 1932.
- "Московский летописный свод" конца XV в. — ПСРЛ. М., 1949. Т. 25 / Изд. подгот. Е.П. Борисова, Т.Н. Протасьева, М.В. Щепкина.
- "Мучение Иринии Македонской" — Успенский сборник.
- "Нижегородский летописец" — Нижегородский летописец. Нижний Новгород, 1886.
- "Никаноровская летопись" — ПСРЛ. М., 1962. Т. 27 / Текст памятника подгот. С.М. Каштанов; Под ред. А.Н. Насонова.
- "Никоновская летопись" — ПСРЛ. М., 1965. Т. 10 / Подгот. А.Ф. Бычков; Т. 13 / Подгот. С.Д. Платонов.
- "Новая повесть о преславном Российском царстве" — ПЛДР. Вып. 9 / Текст памятника подгот. Н.Ф. Дробленкова.
- "Новгородская первая летопись" — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950.
- "Новый летописец" — ПСРЛ. М., 1965. Т. 14, вып. 2 / Текст памятника подгот. С.Д. Платонов, П.Г. Васенко.
- "О Ватопедском монастыре в Святой горе чудо" — *Шмидт С.О.* Сказания об афонских монастырях в новгородской рукописи XVI века // Древнерусская литература и ее связи с Новым временем. М., 1967.
- "О съставлении Дохнарского монастыря чудо", или "Чудо архистратига Михаила, бывшее в Святой горе" — *Каган М.Д., Понырко Н.В., Рождественская М.В.* Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35.
- "Об Афонской горе и тамошних монастырях" — ГБЛ. Румянцев. № 264. XVI в. Указываются листы рукописи.
- "Описание" Адама Олеария — *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.
- "Пискаревский летописец" — ПСРЛ. М., 1978. Т. 34 / Текст памятника подгот. В.И. Корецкий, Н.Г. Савич.
- "Плач о пленении и конечном разорении Московского государства" — РИБ. 2-е изд. СПб., 1909. Т. 13 / Под ред. С.Д. Платонова и П.Г. Васенко.
- "Повесть временных лет" — Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1 / Изд. подгот. Д.С. Лихачев.
- "Повесть о Благовещенской церкви" — ПЛДР. Вып. 5 / Текст памятника подгот. Л.А. Дмитриев.
- "Повесть о взятии Царьграда турками" Нестора-Искандера — ПЛДР. Вып. 5 / Текст памятника подгот. О.В. Творогов.
- "Повесть о Петре Златых Ключей" — *Кузьмина В.Д.* Рыцарский роман на Руси: Бова. Петр Златых Ключей. М., 1964.
- "Повесть о смерти и погребении М.В. Скопина-Шуйского" — *Гудзий Н.К.* Хрестоматия по древнерусской литературе XI—XVII веков. 6-е изд. М., 1955.
- "Повесть о Соломоне и Китоврасе" — *Тихонравов Н.С.* Соч. М., 1898. Т. 1.
- "Поздравление похвальное царевне Татiane Михайловне" Карiona Истомина — ГИМ. Чудовск. № 99/301. Указываются листы рукописи.
- "Послание дяку М.Г. Мисюрю-Мунехину" Филофея — ПЛДР. Вып. 6 / Текст памятника подгот. В.В. Колесов.
- "Послание князю Георгию Ивановичу" епископа Нила — *Брюсова В.Г.* Послание епископа Нила князю Георгию Ивановичу // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28.
- "Послание митрополиту Зосиме" новгородского архиепископа Геннадия — Древняя Российская Вивлиофика. СПб., 1777.

- "Послание пресвитеру Фоме" Климента Смолятича — *Никольский Н.К.* О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII в. СПб., 1892.
- "Постниковский летописец" — ПСРЛ. М., 1978. Т. 34 / Текст памятника подгот. Н.Г. Савич.
- "Поучение" Владимира Мономаха — Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1 / Изд. подгот. Д.С. Лихачев.
- "Похвала грамматике", стихотворная — *Панченко А.М.* Материалы по древнерусской поэзии // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28.
- "Похвала Ивану Калите" — ПСРЛ. М., 1965. Т. 15, вып. 1 / Текст памятника подгот. Н.П. Лихачев.
- "Похвала князю Рюрику Ростиславичу" — ПСРЛ. М., 1962. Т. 2 / Текст памятника подгот. А.А. Шахматов. Указываются столбцы издания.
- Предисловие к "Грамматике" Мелетия Смотрицкого, стихотворное, В.К. Тредиаковского — *Шишкин А.Б.* В.К. Тредиаковский: годы ученья // *Studia Slavica Hungar.* Вр., 1984. Т. 30.
- "Предисловие к Царственной книге" и "Предисловие. . . к предобръстенной книге" — *Былинин В.К.* "Предисловия многообразны" в рукописях первой половины XVII века // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1983. Вып. 44.
- "Рассказ о построении церкви святого Георгия" — Печатный пролог // Киевлянин. М., 1850. Кн. 3.
- "Рассказ о смерти Пафнутия Боровского" — ПЛДР. Вып. 5 / Текст памятника подгот. Л.А. Дмитриев.
- "Ремесла строптивы, но достойны уважения" Симеона Полоцкого — СГАДА. Ф. 381. № 1800. Указываются листы рукописи.
- "Рогожский летописец" — ПСРЛ. М., 1965. Т. 15, вып. 1 / Изд. подгот. Н.П. Лихачев.
- "Русская грамматика" Г.В. Лудольфа — *Лудольф Г.В.* Русская грамматика / Перевод, вступ. ст. и примеч. Б.А. Ларина. Л., 1937.
- "Симеоновская летопись" — ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18 / Под ред. А.Е. Преснякова.
- "Сказание" Авраамия Палицына — Сказание Авраамия Палицына / Подгот. текста и коммент. О.А. Державиной, Е.В. Колосовой. М.; Л., 1955.
- "Сказание о Борисе и Глебе" — Успенский сборник.
- "Сказание о Еруслане Лазаревиче" — *Тихонравов Н.С.* Летописи русской литературы и древности. М., 1859. Т. 2.
- "Сказание о семи свободных мудростех" — *Николай Спафарий.* Эстетические трактаты / Подгот. текстов О.А. Белобровой. Л., 1978.
- "Сказание о создании велика Божия церкви святыя Софеа, яже есть в Костянтине граде" — *Буслаев Ф.И.* Соч. СПб., 1908. Т. 1.
- "Сказание о фреске Пантократора в куполе Софийского собора" — Новгородские летописи. СПб., 1879.
- "Сказание об Индийском царстве" — *Веселовский А.Н.* Южнорусские былины. СПб., 1881. Приложения.
- "Сказание об основании Воскресенской церкви, что у Соли Галичской" — *Титов А.А.* Летописец Воскресенского монастыря, что у Соли Галичской // Труды IV областного историко-археологического съезда в г. Костроме в июне 1909 г. Кострома, 1914.
- "Словеса избранная, еже суть толковая" Григория Феолога — *Никольский Н.К.* О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII века. СПб., 1892.
- "Слово о законе и благодати" Илариона — *Гудзий Н.К.* Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков. 6-е изд. М., 1955.
- "Слово святаго Василиа о благопохвалении" — Изборник 1076 года. М., 1965.
- "Софийская вторая летопись" — ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6.
- "Стихи на освящение храма славна преображения Господа нашего Иисуса Христа" Кариона Истомина — ГИМ. Чудовск. № 99/301. Указываются листы рукописи.
- Стихотворение анонимное — ГИМ. Муз. № 2936. Указываются листы рукописи.
- Стихотворение А.С. Романчукова — *Панченко А.М.* Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973.
- "Суздальская летопись" — ПСРЛ. М., 1962. Т. 1 / Изд. подгот. Е.Ф. Карский.
- "Тлькование неудобь познаваемомъ в писаныхъ речемъ" — *Ковтун Л.С.* Русская лексикография эпохи средневековья. М.; Л., 1963.
- "Толкования" на книгу "О божественных именах" Дионисия Ареопажита — *Прохоров Г.М.* Памятники переводной и русской литературы XIV—XV веков. Л., 1987.
- Указ царский казанскому архиепископу Гурию 1555 г. — ААЭ. СПб., 1836. Т. 1.
- "Устав" Корнилия Комельского — *Лурье Я.С.* Устав Корнилия Комельского в сборнике первой половины XVI в. // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского дома. Л., 1972.

- "Хождение Авраамия Суздальского", "Хождение на Флорентийский собор" — Книга хождений: Записки русских путешественников XI—XV вв. / Сост., подгот. текстов, перевод, вступ. ст. и коммент. Н.И. Прокофьева. М., 1984.
- "Хроника" Георгия Амартола — *Истрин В.М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. П., 1920. Т. 1.
- "Хронограф" из собрания Погодина — *Енин Г.П.* Повесть о победах Московского государства. Л., 1982. Дополнения.
- "Человек" Симеона Полоцкого и "Эмблемы и символы" Стефана Яворского — Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. / Вступ. ст., подгот. текстов и примеч. А.М. Панченко. Л., 1970.

Глава V

- "Большая челобитная" Ивана Пересветова — ПЛДР. Вып. 6 / Текст памятника подгот. М.Д. Каган-Тарковская.
- "Домострой" — ПЛДР. Вып. 7 / Текст памятника подгот. В.В. Колесов.
- "Донесение о Никоне" князя Шайсупова — Дело о патриархе Никоне. Спб., 1897.
- "Евангелие учительное" Кирилла Транквиллиона — *Кирилл Транквиллион*. Евангелие учительное, albo казана на неделя през рок и на праздники господские и нарочитые. Рахманов, 1619. Указываются листы издания.
- "Житие Антония Сийского" — Пролог. М., 1642. Указываются листы издания.
- "Житие Корнилия Комельского" — Пролог. М., 1643. Указываются листы издания.
- "Житие Павла Комельского" — Пролог. М., 1642. Указываются листы издания.
- "Житие" Аввакума — Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Текст памятника подгот. В.Е. Гусев. Иркутск, 1979.
- "Житие Савватия Соловецкого" — Пролог. М., 1642. Указываются листы издания.
- "Житие Сергия Радонежского" Епифания Премудрого — ПЛДР. Вып. 4 / Текст памятника подгот. Д.М. Буланин.
- "Житие Феодосия Печерского" Нестора — ПЛДР. Вып. 1 / Текст памятника подгот. О.В. Творогов.
- "Задонщина" — ПЛДР. Вып. 4 / Реконструкцию текста памятника подгот. Л.А. Дмитриев.
- "История о великом князе московском" Андрея Курбского — ПЛДР. Вып. 8 / Текст памятника подгот. А.А. Цеханович.
- "Казанская история" — ПЛДР. Вып. 7 / Текст памятника подгот. Т.Ф. Волкова.
- "Калазинская челобитная" — *Адрианова-Перетц В.П.* Очерки по истории русской сатирической литературы. М.; Л., 1937.
- "Киево-Печерский патерик" — ПЛДР. Вып. 2 / Текст памятника подгот. Л.А. Дмитриев.
- "Книга бесед", "Книга толкований и нравоучений" Аввакума — РИБ. Л., 1927. Т. 39 / Изд. подгот. П.С. Смирнов. Указываются столбцы издания.
- "Комидия притчи о блуднем сыне" Симеона Полоцкого — Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. / Текст памятника подгот. А.С. Демин. М., 1972.
- "Комидия притчи о блуднем сыне", лубочная — *Ровинский Д.А.* Русские народные картинки: Атлас. СПб., 1881. Т. 3. Указывается номер произведения.
- "Малая челобитная" Ивана Пересветова — ПЛДР. Вып. 6 / Текст памятника подгот. М.Д. Каган-Тарковская.
- "Моление Даниила Заточника" — ПЛДР. Вып. 2 / Текст памятника подгот. Д.С. Лихачев.
- "Монах" Симеона Полоцкого — *Симеон Полоцкий*. Избр. соч. / Изд. подгот. И.П. Еремин. М.; Л., 1953.
- "Мучение неких старец исповедник Петра и Евдокима" — Материалы. М., 1881. Т. 6.
- "О лжеучителях" Иоанна Златоуста — Маргарит. М., 1641. Указываются листы издания.
- "Обед душевный" Симеона Полоцкого — *Симеон Полоцкий*. Обед душевный. М., 1681. Указываются листы издания.
- "Описание" Адама Олеария — *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.
- "Отрастительное писание" Ефросина — Отрастительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей / Сообщение Х. Лопарева. СПб., 1895.
- "Память Стефана Пермского" — Пролог. М., 1643. Указываются листы издания.
- "Память Стефана Сурожского" — Пролог. М., 1642. Указываются листы издания.
- "Повесть временных лет" — ПЛДР. Вып. 1 / Текст памятника подгот. О.В. Творогов.
- "Повесть о житии Михаила Клопского" — ПЛДР. Вып. 5 / Текст памятника подгот. Л.А. Дмитриев.

- "Повесть о Куликовской битве", летописная. — ПЛДР. Вып. 4 / Текст памятника подгот. М.А. Салмина.
- "Повесть о Луке Колочском" — ПЛДР. Вып. 6 / Текст памятника подгот. Л.И. Журова.
- "Повесть о нашествии Тохтамыша" — ПЛДР. Вып. 4 / Текст памятника подгот. М.А. Салмина.
- "Повесть о Петре и Февронии" — Повесть о Петре и Февронии / Подгот. текстов и исслед. Р.П. Дмитриевой. Л., 1979.
- "Повесть о Петре, царевиче ордынском" — ПЛДР. Вып. 6 / Текст памятника подгот. Р.П. Дмитриева.
- "Повесть о попе Саве" — Адрианова-Перетц В.П. Очерки по истории русской сатирической литературы. М.; Л., 1937.
- "Повесть о походе Ивана III на Новгород" — ПЛДР. Вып. 5 / Текст памятника подгот. В.П. Бударягин.
- "Повесть о походе князя Игоря", летописная — ПЛДР. Вып. 2 / Текст памятника подгот. О.В. Творогов.
- "Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков" — ПЛДР. Вып. 8 / Текст памятника подгот. В.И. Охотникова.
- "Повесть о псковском взятии" — ПЛДР. Вып. 6 / Текст памятника подгот. В.И. Охотникова.
- "Повесть о разорении Рязани Батыем" — Воинские повести Древней Руси / Текст памятника подгот. Д.С. Лихачев. М.; Л., 1949.
- "Повесть о Шевкале" — ПЛДР. Вып. 4 / Текст памятника подгот. Я.С. Лурье.
- "Повесть об Ионе Новгородском" — ПЛДР. Вып. 5 / Текст памятника подгот. М.В. Рождественская.
- "Повесть об убийении Андрея Боголюбского" — ПЛДР. Вып. 2 / Текст памятника подгот. В.В. Колесов.
- "Повесть об Улинии Осорьиной" Дружины Осорьина — ПЛДР. Вып. 10 / Текст памятника подгот. Т.Р. Руди.
- "Послание Андрею Курбскому" Ивана Грозного, первое, и "Послание в Кирилло-Белозерский монастырь" Ивана Грозного — ПЛДР. Вып. 8 / Тексты памятников подгот. Е.И. Ванеева, Я.С. Лурье.
- "Послание к боярыне Морозовой" Аввакума — Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Текст памятника подгот. Н.С. Демкова. Иркутск, 1979.
- "Послание Стефану Вонифатьеву" Феоктиста — Материалы. М., 1875. Т. 1.
- "Послание сыну Максиму" Федора Иванова — Материалы. М., 1881. Т. 6.
- "Поучение" Владимира Мономаха — Орлов А.С. Владимир Мономах. М.; Л., 1946.
- "Поучение" митрополита Даниила — ПЛДР. Вып. 6 / Текст памятника подгот. Н.В. Поньрко.
- "Поучения" Серапиона Владимирского — ПЛДР. Вып. 3 / Тексты памятников подгот. В.В. Колесов.
- "Правительница" Ермолая-Еразма — ПЛДР. Вып. 6 / Текст памятника подгот. Р.П. Дмитриева.
- "Праздник кабацких ярыжек" — Адрианова-Перетц В.П. Очерки по истории русской сатирической литературы. М.; Л., 1937.
- "Рассказ о смерти Пафнутия Боровского" — ПЛДР. Вып. 5 / Текст памятника подгот. Л.А. Дмитриев.
- "Розыск" Дмитрия Ростовского — Дмитрий Ростовский. Розыск о раскольнической брынской вере. М., 1745. Ч. 3. Указываются листы издания.
- "Севернорусский летописный свод" 1472 г. — ПЛДР. Вып. 5 / Реконструкцию текста памятника подгот. Я.С. Лурье.
- "Сказание" Авраамия Палицына — Сказание Авраамия Палицына / Изд. подгот. О.А. Державина, Е.В. Колосова. М.; Л., 1955.
- "Сказание о Борисе и Глебе" — ПЛДР. Вып. 1 / Текст памятника подгот. Л.А. Дмитриев.
- "Сказание о Довмонте" — ПЛДР. Вып. 4 / Текст памятника подгот. В.И. Охотникова.
- "Сказание о Дракуле" — ПЛДР. Вып. 5 / Текст памятника подгот. Я.С. Лурье.
- "Сказание о Мамаевом побоище" — ПЛДР. Вып. 4 / Текст памятника подгот. В.П. Бударягин, Л.А. Дмитриев.
- "Сказание о нашествии Едигея" — ПЛДР. Вып. 4 / Текст памятника подгот. Н.Ф. Дробленкова.
- "Слово в новую неделю по пасхе" Кирилла Туровского — Древняя русская литература: Хрестоматия / Сост. Н.И. Прокофьев. М., 1988.
- "Слово о богатом и Лазаре" — Памятники древнерусской церковно-учительной литературы / Под ред. А.И. Пономарева. СПб., 1896. Вып. 2.

- "Слово о милости" Евфимия Чудовского — ГИМ. Синод. № 716. Указываются листы рукописи.
- "Слово о наказании детей родителями" — ПЛДР. Вып. 7 / Текст памятника подгот. О.В. Творогов.
- "Слово о полку Игореве" — ПЛДР. Вып. 2 / Текст памятника подгот. О.В. Творогов.
- "Слово о Хмеле" — ПЛДР. Вып. 5 / Текст памятника подгот. М.Д. Каган-Тарковская.
- "Слово похвальное" инока Фомы — ПЛДР. Вып. 5 Текст памятника подгот. Н.В. Понырко.
- "Статир" 1684 г. — ГБЛ. Ф. 256 (Румянцев). № 411. Указываются листы рукописи.
- "Хождение Богородицы по мукам" — ПЛДР. Текст памятника подгот. М.В. Рождественская.
- "Хождение за три моря" Афанасия Никитина — ПЛДР. Вып. 5 / Текст памятника подгот. М.Д. Каган-Тарковская, Я.С. Лурье.
- "Чин свадебный" — ПЛДР. Вып. 7 / Текст памятника подгот. В.В. Колесов.

Глава VI

- "Александрия" Псевдо-Каллисфена — *Истрин В.М.* Александрия русских Хронографов: Исследование и текст. М., 1893. Приложения.
- "Большая челобитная" Ивана Пересветова — ПЛДР. Вып. 6 / Текст памятника подгот. М.Д. Каган-Тарковская.
- "Владими́ро-Суздальская летопись" — Летопись по Лаврентиевскому списку / Изд. подгот. А.Ф. Бычков. 3-е изд. СПб., 1897.
- "Галицко-Волынская летопись" — ПЛДР. Вып. 3 / Текст памятника подгот. О.П. Лихачева.
- "Есиповская летопись" — ПСРЛ. М., 1987. Т. 36, ч. 1 / Текст памятника подгот. Е.К. Ромодановская.
- "Житие Михаила Черниговского" — ПЛДР. Вып. 3 / Текст памятника подгот. Л.А. Дмитриев.
- "Житие Стефана Пермского" Епифания Премудрого — Памятники старинной русской литературы. СПб., 1862. Вып. 4 / Изд. подгот. Н.И. Костомаров.
- "Журнал" Н.П. Рычкова — Журнал, или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году. СПб., 1770.
- "Задонщина" — "Слово о полку Игореве" и памятники Куликовского цикла / Тексты "Задонщины" подгот. Р.П. Дмитриева. М.; Л., 1966.
- "Интерлюдии" — "Интерлюдии, или Междувброшенная забавная игралища" / Тексты подгот. О.А. Державина // Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. М., 1975.
- "Интермедии" — Интермедии из сборника А.А. Титова / Тексты подгот. В.Д. Кузьмина, В.П. Гребенюк // Пьесы любительских театров. М., 1976.
- "История о великом князе московском" Андрея Курбского — РИБ. СПб., 1914. Т. 31 / Под. ред. Г.З. Кунцевича. Указываются столбцы издания.
- "Казанская история" — Казанская история / Изд. подгот. Г.Н. Моисеева. М.; Л., 1954.
- "Книга, глаголемая Козмография" — Космография 1670 / Изд. подгот. А.П. Крыжин, П.Н. Тихонов. СПб., 1878—1881.
- "Космография" XVII — начала XVIII в. — ГБЛ. Тихонр. № 249; Муз., № 724, рукописи.
- "Луцидариус" — *Порфирьев И.Я.* Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях, по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1890.
- "Новгородская первая летопись" — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Изд. подгот. А.Н. Насонов. М.; Л., 1950.
- "О стихотворстве камчадалов" А.П. Сумарокова — *Сумароков А.П.* Полн. собр. соч. в стихах и прозе / Изд. подгот. Н. Новиков. М., 1781. Ч. 9.
- "Ода на день востшествия Елизаветы Петровны на престол" 1748 г. М.В. Ломоносова — *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 8 / Тексты подгот. В.Н. Макеева.

- "Описание новые земли Сибирского государства" — Сибирские летописи / Изд. подгот. Л.Н. Майков. СПб., 1907.
- "Описание торжественных зданий на Ходынке, представляющих пользу миру" В.И. Майкова — *Майков В.И.* Избр. произведения / Тексты подгот. А.В. Западов. М.; Л., 1966.
- "Повесть временных лет" — ПЛДР. Вып. 1 / Текст памятника подгот. О.В. Творогов.
- "Повесть о Варлааме и Иоасафе" — Повесть о Варлааме и Иоасафе: Памятник древнерусской переводной литературы XI—XII вв. / Изд. подгот. И.Н. Лебедева. Л., 1985.
- "Повесть о Еруслане Лазаревиче" — ПЛДР. Вып. 10 / Текст памятника подгот. Н.С. Демкова.
- "Повесть о нашествии Тохтамыша" — ПЛДР. Вып. 4 / Текст памятника подгот. М.А. Салмина.
- "Повесть о Петре Ордынском" — ПЛДР. Вып. 6 / Текст памятника подгот. Р.П. Дмитриева.
- "Повесть о разорении Рязани Батыем" — ПЛДР. Вып. 3 / Текст памятника подгот. Д.С. Лихачев.
- "Повесть о царице Динаре" — ПЛДР. Вып. 6 / Текст памятника подгот. Н.С. Демкова.
- "Ремезовская летопись" — Сибирские летописи / Изд. подгот. Л.Н. Майков. СПб., 1907.
- "Сербская Александрия" — ПЛДР. Вып. 5 / Текст памятника подгот. Е.И. Ванеева.
- "Симеоновская летопись" — ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18 / Под ред. А.Е. Преснякова.
- "Сказание" Петра Золотарева — ПСРЛ. М., 1968. Т. 31 / Текст памятника подгот. Г.З. Мильготина.
- "Сказание о Железных вратах" — *Бегунов Ю.К.* Древнерусское описание Дербента и Ширвана // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21.
- "Сказание о нашествии Едигея" — ПЛДР. Вып. 4 / Текст памятника подгот. Н.Ф. Дробленкова.
- "Сказание об Индийском царстве" — ПЛДР. Вып. 3 / Текст памятника подгот. Г.М. Прохоров.
- "Слова" Серапиона Владимирского — ПЛДР. Вып. 3 / Тексты "слов" подгот. В.В. Колесов.
- "Слово о житии Дмитрия Донского" — ПЛДР. Вып. 4 / Текст памятника подгот. М.А. Салмина.
- "Слово о гибели Русской земли" — ПЛДР. Вып. 3 / Текст памятника подгот. Л.А. Дмитриев.
- "Слово о рахманех и о предивном их житии" — ПЛДР. Вып. 5 / Текст памятника подгот. Я.С. Лурье.
- "Слово похвальное Елизавете" М.В. Ломоносова — *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 8 / Тексты подгот. В.Н. Макеева.
- "Стансы городу Синбирску на Пугачева" А.П. Сумарокова — *Сумароков А.П.* Избр. произведения / Тексты подгот. П.Н. Берков. Л., 1957.
- "Статейный список посольства в Грузию" Ф. Волконского — *Полиевктов М.А.* Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений: 1615—1640. Тбилиси, 1937.
- "Статейный список посольства в Грузию" Ф. Елчина — Путешествия русских послов XVI—XVII вв. / Текст памятника подгот. Я.С. Лурье, Р.Б. Мюллер. М.; Л., 1954.
- "Статейный список посольства в Персию" А.С. Романчукова — Русско-индийские отношения в XVII в.: Сборник документов / Изд. подгот. Т.В. Лавренцова, Р.В. Овчинников, В.Н. Шумилов. М., 1958.
- "Хождение в Персию" Федота Котова — Хождения купца Федота Котова / Изд. подгот. Н.А. Кузнецова. М., 1958.
- "Хождение за три моря" Афанасия Никитина — ПЛДР. Вып. 5 / Текст памятника подгот. М.Д. Каган-Тарковская.
- "Хождение на Флорентийский собор" — ПЛДР. Вып. 4 / Текст памятника подгот. Н.А. Казакова.
- "Хронограф" — ГПБ. Ф. XVII. 21. Рукопись конца XVII — начала XVIII в. Указываются листы.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук
- БАН — Библиотека Академии наук СССР
- ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина
- ГИМ — Государственный исторический музей
- ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина
- ИпоОРЯС — Известия Академии наук по Отделению русского языка и словесности
- Материалы — Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина
- ПЛДР. Вып. 1—10 — Памятники литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева; М., 1978. Вып. 1: XI — начало XII века; М., 1980. Вып. 2: XII век; М., 1981. Вып. 3: XIII век; М., 1981. Вып. 4: XIV — середина XV века; М., 1982. Вып. 5: Вторая половина XV века; М., 1984. Вып. 6: Конец XV — первая половина XVI века; М., 1985. Вып. 7: Середина XVI века; М., 1986. Вып. 8: Вторая половина XVI века; М., 1986. Вып. 9: Конец XVI — начало XVII века; М., 1988. Вып. 10: XVII век. Книга первая
- ПЗС — Полное собрание законов Российской империи
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
- РИБ — Русская историческая библиотека
- Русская демократическая сатира — Русская демократическая сатира XVII века/ Изд. подгот. В.П. Адрианова-Перетц. 2-е изд., доп. М., 1977
- СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР
- Успенский сборник — Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон; Под. ред. С.И. Коткова. М., 1971
- ЦГАДА — Центральный архив древних актов
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории древностей российских
- Яковлев — Яковлев В. А. К. литературной истории древнерусских сборников: Опыт исследования "Измарагда". Одесса, 1893

ХРОНИКА

ЗАСЕДАНИЯ ОБЩЕМОСКОВСКОГО СЕМИНАРИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ XI—XVIII вв.

Семинарий как форма обсуждения научных докладов и сообщений русистов-медиевистов (литературоведов, лингвистов, историков, искусствоведов и пр.) был организован в конце 1986 г. в Институте мировой литературы им. А.М. Горького на основе опыта заседаний прежней Группы древнерусской литературы, преобразованной в Сектор древнерусской литературы. Активную помощь оказали преподаватели и аспиранты кафедры русской литературы МГУ. Особенности семинария: 1) заседания проводятся регулярно — с середины сентября до конца июня, раз в неделю, по средам, с 18 час.; 2) доклад длится обычно не более 45 мин., а его обсуждение — желательна критика — занимает около 2 час., иногда больше; 3) выступать с докладами и на обсуждении могут все желающие, включая студентов, и в самой живой форме; 4) председательствующие меняются на каждом заседании; 5) участники семинария — их на данный момент около 300 — предупреждаются о заседаниях по домашним телефонам; информируют: Н.И. Былина, Е.А. Верховская, А.С. Демин, Г.А. Казимова, В.В. Калугин, Е.А. Осокина, И.И. Попова, Е.Б. Рогачевская, Л.И. Щеголева, К.А. Афанасьева, Е.И. Державина и др.

В настоящее время выпущены два сборника трудов семинария под общим названием "Герменевтика древнерусской литературы" (М., 1989). Утверждены к печати третий и четвертый сборники, формируется пятый сборник.

Приводим перечень докладов по 1990 г. включительно.

1986

1. Демин А.С. Герменевтика писательского высказывания: На материале "Сказания о Борисе и Глебе". 29. X.
2. Былинин В.К. Проблемы воздействия архитектуры на литературу Древней Руси. 5. XI.
3. Кусков В.В. Принцип ретроспективной исторической аналогии в "Слове о полку Игореве". 12. XI.
4. Богданов А.П. Поэтический триптих Кариона Истомина. 26. XI.
5. Софронова Л.А. Ломоносов и Сарбевский: опыт сопоставления двух поэтик. 3. XII.
6. Кучкин В.А. "Свой дядя" в завещании Симеона Гордого. 10. XII.
7. Коняевская Е.Л. Проблема авторского самосознания древнерусского книжника: на материале агиографии XII—XV вв. 17. XII.
8. Заседание памяти О.А. Державиной: годовщина со дня смерти. 24. XII.

1987

9. Чуканова Т.Ю. "Отразительное писание" Евфросина как источник по истории раскола. 7. I.
10. Калугин В.В. Наименования формата книг, филиграней, сортов бумаги в русском языке XV — начала XVIII в. 14. I.
11. Чубинская В.Г. Икона "Богоматерь Донская" XIV в. в живописной раме Петровского времени. 21. I.
12. Демин А.С. Социальное мироощущение древнерусских писателей XI—XII вв. 28. I.
13. Фонкич Б.Л. Греко-славянская школа при Московском печатном дворе 1680-х годов. 11. II.
14. Морозов Б.Н. Первое послание Андрея Курбского Ивану Грозному в сборнике конца XVI — начала XVII в. 18. II.

15. Анхимюк Ю.В. Новый антииосифлянский памятник публицистики 1512—1515 гг. 25.II.
16. Одесский М.П. Программы и пересказы пьес в русской культуре Петровского времени. 4.III.
17. Зверева С.Г. Хор государевых певчих дьяков XVI—начала XVII вв. 11.III.
18. Лебедев Е.Н. Драматургический дебют Княжнина. 18.III.
19. Сохраненкова М.М. Музыкально-поэтическое творчество Тредиаковского. 25.III.
20. Шапов Я.Н. Системы права в Древней Руси X—XIII вв. 1.IV.
21. Симонов Р.А. Астрологические знания при дворе царя Алексея Михайловича. 8.IV.
22. Карсанов А.Н. Ясы на Руси X—XIII вв. 15.IV.
23. Черная Л.А. Эстетика первого русского театра. 22.IV.
24. Робинсон А.Н. О символике "Слова о полку Игореве": битва—жатва. 29.IV.
25. Заседание памяти Н.К. Гудзия: 100-летие со дня рождения. 6.V.
26. Зонарева Л.У. Влияние науки на поэзию Симеона Полоцкого. 13.V.
27. Мочалова В.В. Плебейский "мир наизнанку" в польской литературе XVI—XVII вв. и в русской литературе второй половины XVIII в. 20.V.
28. Синицына Н.В. Писатель Исайя Каменец-Подольский и Максим Грек. 27.V.
29. Солощенко Л.Ф. Типология русского духовного стиха. 3.VI.
30. Бусева-Давыдова И.Л. Зеркало в русской культуре XVII в. 10.VI.
31. Чернецов А.В. Посох Стефана Пермского и неизвестная редакция его "Жития". 17.VI.
32. Брюсова В.Г. Когда и где был поставлен митрополит Иларион. 24.VI.
33. Балашов В.Б. Полмесса в семье старообрядцев Лыковых. 30.IX.
34. Елеонская А.С. Непубликованный панегирик 1719 г. из литературного наследия семьи Кантемиров. 14.X.
35. Селю Ю.С. Птицы и звери в "Слове о полку Игореве". 21.X.
36. Тарасова Е.В. Реформа церковно-славянского языка в переводах и книжной справе Максима Грека. 28.X.
37. Демин А.С. Социально-имущественные чувства и представления русских писателей XV и XVI вв. 4.XI.
38. Фонкич Б.Л. Греческое книгописание в России XVII в. 11.XI.
39. Хромов О.Р. Политическая роль Коломенской усадьбы и "Приветство" Симеона Полоцкого. 18.XI.
40. Вдовин Г.В. Портрет и зритель в русской культуре XVIII в.: несколько тезисов о функции замещения. 25.XI.
41. Пушкарев Л.Н. Содержание и границы понятия "общественная мысль". 2.XII.
42. Кошелева О.Е., Мошкова Л.В. Древнерусская учебная литература: основные тенденции и этапы развития. 9.XII.
43. Левочкин И.В. "Изборник" Святослава 1073 г. в новейшей советской литературе: 1983—1987 гг. 16.XII.
44. Сумаруков Г.В. Ходына — возможный автор "Слова о полку Игореве": новые аргументы. 23.XII.
45. Лебедев Е.Н. Духовные оды Ломоносова. 30.XII.

1988

46. Поздеева И.В. Учебные издания Московского печатного двора первой половины XVII в. и их распространение. 6. I.
47. Кириллин В.М. Сказание об иконе Тихвинской богородицы в культурной жизни Руси конца XV — начала XVI в. 13.I.
48. Пентковский А.М. Календарная традиция Древней Руси. 20.I.
49. Даниленко Н.И., Галактионова Н.В. Ранняя каменная постройка на территории Китай-города времени Ивана Калиты; Чернов С.З. Археологические раскопки в Москве в 1987 г. 27.I.
50. Добродомов Н.Г. О трудностях в истолковании древнерусских слов. 3.II.
51. Черная Л.А. Неизданные труды А.С. Лаппо-Данилевского по истории русской культуры XVII—XVIII вв. 10.II.
52. Пауткин А.А. Летописная повесть 1151 г. о борьбе за Киев. 17.II.
53. Громов М.Н. Что понимали под "философией" в Древней Руси. 24.II.
54. Кантор А.М. Социально-философские представления русского посада второй половины XVII в. 2.III.
55. Крутова М.С. Три типа сборников "Златая цепь". 9. III.
56. Кротов М.Г. Элементы пародии и памфлета в послании царя Алексея Михайловича патриарху Никону о смерти патриарха Иосифа. 16.III.
57. Никитин А.Л. О последствиях крещения Руси. 23.III.

58. Калиганов И.И. Проблемы изучения южнославянского влияния на Руси. 30.III.
59. Плеханова М.Б. Мотив принесения царевича в жертву в русской литературе и фольклоре XVI—XVII вв. 6.IV.
60. Мурьянов М.Ф. Хронометрия Киевской Руси. 13.IV.
61. Салтыков А.А. Вопросы церковного искусства на Стоглавом соборе. 20.IV.
62. Конотоп А.В. "Глас волоревущий и козлюблющий": ("Муסיкия" И. Коренева о многогласном пении). 27.IV.
63. Соколов Б.М. Слово в эстетике русского лубка. 4.V.
64. Ужанков А.Н. Об авторе "Летописца Даниила Галицкого". 11.V.
65. Гриценко З.А. Бунин и древнерусская литература. 18.V.
66. Павленко А.А. Деятельность иноземных художников в России XVII века: (По архивным документам). 25.V.
67. Гогешвили А.А. Звукопись в "Слове о полку Игореве". 1.VI.
68. Булычев А.А. Публицистическая переработка деяний собора 1620 г. в "Требниках" 1639 г. 8.VI.
69. Шапов Я.Н. Идеи мира в древнерусском летописании. 15.VI.
70. Пожидатова Г.А. Демественное пение XV—XVI вв. 22.VI.
71. Бадалян Л.Г. Древнерусские тексты как источник по истории социальной психологии: (постановка проблемы на материале "Повести о Ерше Ершовиче"). 21.IX.
72. Никитина С.Е. Духовный стих как жанр. 28.IX.
73. Калачева С.В. Один из первых деятелей Российской Академии Наук Иван Семенович Горлитский. 5.X.
74. Голейзовский Н.К. Новое о Дионисии. 12.X.
75. Выступление мужского хора издательского отдела Московского патриархата под управлением иеродьякона Амвросия Носова. 19.X.
76. Турилов А.А. Древнейшие славянские чудеса Георгия Победоносца. 26.X.
77. Робинсон А.Н. Наблюдения медиевиста над изданиями К. Маркса и В.И. Ленина в СССР: (замалчивания и фальсификации текстов). 2.X.
78. Бобрик М.А. Библийские своды XVI—XVIII вв. в истории книжной sprawy в России. 9.XI.
79. Аксенова Г.В. Французская книга в России второй половины XVIII в. 16.XI.
80. Гребнева Э.Я. Некоторые темные места "Слова о полку Игореве" с точки зрения славянских сопоставлений: ("всросжити", "хоть"). 23.XI.
81. Лозовая И.Е. Поэтико-музыкальная форма песнопений столпового знаменного распева. 30.XI.
82. Калугин В.В. Андрей Микулинский и Козьма Попович — организаторы псковского скриптория начала XIV в. 7.XII.
83. Демин А.С. Психологический облик одного из авторов "Галицко-Волынской летописи". 14.XII.
84. Левочкин И.В. Классификация русских рукописных книг. 21.XII.
85. Агеева Е.А., Смелянская Е.Б. Итоги археографических экспедиций МГУ последних лет. 29.XII.

1989

86. Мурьянов М.Ф. Ранние знания о планете Венера. 4.I.
87. Кучкин В.А., Добродомов И.Г. О "поражении" Игоря в 1185 г. 11.I.
88. Рогачевская Е.Б. Цитаты из Священного Писания в произведениях Кирилла Туровского. 18.I.
89. Даниленко Б.О. Семиография "Окозрительного устава" новгородского архиепископа Геннадия. 25.I.
90. Былинин В.К. Новые наблюдения над древнерусской церковной поэзией домонгольского периода. 1.II.
91. Гиппиус А.А. О возможном значении и происхождении названия "Повесть временных лет". 8.II.
92. Николаева Т.М. "Слово о полку Игореве": еще раз о "двоеверии". 15.II.
93. Чичуров И.Г. "Слово о законе и благодати" митрополита Илариона в контексте средневековых политико-религиозных концепций. 22.II.
94. Шапов Я.Н., Жуковская Л.П., Бибилов М.В. Проблемы нового издания "Изборника Святослава" 1073 г. 1.III.
95. Чернов С.З. Поездка по средневековым городам Италии. 15.III.
96. Бахтина О.Н. К вопросу о жанре "Повести о Меркурии Смоленском". 22.III.
97. Фомина М.С. "Златоструй"— памятник древнерусской и древнеболгарской литературе XI—XVI вв. 29. III.

98. Столярова Л.В. Глаголические записи XI—XIV вв. на рукописных книгах. 5. IV.
99. Морозов Б.Н. "Сказание" Авраамия Палицына и сочинения Симона Азарьина. 12. IV.
100. Плеханова М.Б. "Житие Петра и Февронии Муромских": бродячие мотивы и культура середины XVI в. 19. IV.
101. Кошелева О.Е. Правящая элита при первых Романовых. 26. IV.
102. Щеголева Л.И. Наблюдения над славяно-русским переводом "Хроники" Георгия Амартола. 3. V.
103. Шапов Я.Н. "Священство" и "царство" на Руси X—XIII вв. в памятниках письменности и на практике. 10. V.
104. Поздеева И.В. "Житие Иова Львовского" 1710-х годов, или Запланированное чудо. 17. V.
105. Лисовая Т.А. Русские "Кормчие". 24. V.
106. Анисимова О.А. Изображение чувств в древнерусской литературе XI — начала XIII в. 31. V.
107. Кротов М.Г. "Житие Юлиании Лазаревской": конкретика по муромским документам. 7. VI.
108. Ханник Х. Византийская полемика с армянами в XI в.; Морев В.Г. "Апокалипсическая песнь" Анны Ахматовой: (стихотворение "Причитание" 1921 г. и "Сказание о чуде от иконы Богородицы владимирской"). 14. VI.
109. Карсанов А.Н. Востоковедческие наблюдения над "Повестью о князе Романе Галицком" в "Ипатьевской летописи". 21. VI.
110. Серов Д.О. "Юрьевская степенная книга" и официальная идеология второго десятилетия XVIII в. 20. IX.
111. Юрченко А.И. "Изборник" 1073 г.: интерпретация основных философских терминов. 27. IX.
112. Калугин В.В. Восприятие книги: (по записям XIV в. на книгах псковского ареала). 4. X.
113. Миняева В.А. Живопись Андрея Рублева в Иосифо-Волоколамском монастыре: (по архивным данным). 11. X.
114. Экономцев И.Н. Исихазм и восточноевропейское Возрождение: (проблемы творчества). 18. X.
115. Пожидаева Г.А. Просодия и мелизматика демественного распева: (к проблеме соотношения напева и текста). 25. X.
116. Рыбаков Б.А. Русские средневековые гуманисты: (стригольники XIV в.). 1. XI.
117. Демин А.С. Миры животных в "Сказании о Мамаевом побоище". 15. XI.
118. Софронова Л.А. Жанровые особенности последнего украинского моралите: ("Воскресение мертвых" Георгия Конисского). 22. XI.
119. Немировский Е.Л. Судьба рукописной "Библии" Львовского Онуфриева монастыря. 29. XI.
120. Бусева-Давыдова И.Л. Древнерусские источники по символике архитектуры православного храма. 6. XII.
121. Косоруков А.А. Был ли чародеем Всеслав "Слова о полку Игореве"? 13. XII.
122. Горский А.А. Соотношение "Слова о полку Игореве" и "Задонщины": новая методика. 20. XII.
123. Дегтев С.В. Возникновение и становление древнерусской философской терминологии: Логос. 27. XII.

1990

124. Красовская Ю.Е. Исполнение песен зимнего календарного обряда. 3. I.
125. Трифонова О.И. Древнерусские поучения о "почитании книжном". 10. I.
126. Лупанин И.В. Пророчества Нострадамуса в контексте средневековья. 17. I.
127. Агроскина Е.А. Неизвестный иконописец Оружейной палаты конца XVII в. Николай Соломонов. 24. I.
128. Былинин В.К. К проблеме славянского притчевого стиха. 31. I.

129. Гусева А.А. Методы атрибуции московских книг кирилловской печати XVI–XVII вв. 7.II.
130. Левшун Л.В. Леонтий Карпович — белорусский проповедник начала XVII в. 14.II.
131. Ромодановская Е.К. К вопросу о генезисе жанра видений в древнерусской литературе. 21.II.
132. Белохвостова Ю.Б. Сборник "Звезда Пресветлая": текстология и поэтика. 28.II.
133. Кирсанова Р.М. Семантика костюма в литературном произведении: (XVIII–XIX вв.) 14.III.
134. Селю Ю.С. "Троица" Феофана Грека. 21.III.
135. Мусорин А.Ю. Паремии Борису и Глебу как источник по истории церковно-славянского языка: (эволюция лексической системы по спискам XI–XVI вв.). 28.III.
136. Левочкин И.В. "Домострой" как памятник русской культуры XVI–XVIII вв. 4.IV.
137. Жуковская Л.П. О необходимости упорядочения церковно-славянской графики и отчасти орфографии "Синодального евангелия" 1913 г. 11.IV.
138. Набоко М.В. "Чудеса Макария Желтоводского": эволюция литературной формы. 18.IV.
139. Кириллин В.М. Символика чисел в "Житии Сергия Радонежского". 25.IV.
140. Живов В.М. Slavia christiana и историко-религиозный контекст "Сказания о русской грамоте". 16.V.
141. Капица Ф.С. "Восточные" мотивы в "Повести о Еруслане Лазаревиче". 23.V.
142. Флоря Б.Н. Материалы к биографии Ивана Бегичева. 30.V.
143. Мурьянов М.Ф. Пушкин и Древняя Русь. 6.VI.
144. Робинсон А.Н. Отношение на Руси к православию и католицизму в эпоху христианизации. 13.VI.
145. Карсанов А.Н. Черкасы и черкесы. 20.VI.
146. Верещагин Е.М. Об удержании Кирилло-Методиевской традиции в новорусских переводах Евангелия. 19.IX.
147. Пушкарев Л.Н. Жизненные идеалы и общественные взгляды русского крестьянина XVII в. 26.IX.
148. Илюшин А.А. Симеон Полоцкий: переводы с польского. 3.X.
149. Добродомов И.Г. "В каждом слове имеется таинственное недоумение": (палеография буквы "с" в словах и над словами). 10.X.
150. Демин А.С. Изобразительная анималистика "Слова о полку Игореве": (автор как абориген). 17.X.
151. Крашенинникова-Зуева О.А. Стихиры апостолу Петру в древнерусских "Октоиках" XIV в. 24.X.
152. Толстой Н.И. Прения о вере Антонио Поссевино с Иваном Грозным. 31.X.
153. Осокина Е.А. Незученные стихиры Кирилла мниха, посвященные княгине Ольге. 14.XI.
154. Хромов О.Р. Буслаев и Ровенский: изучение лубочных картинок. 21.XI.
155. Калугин В.В. Древнерусское мировидение: "мир есть книга" и "человек есть микрокосм". 28.XI.
156. Брюсова В.Г. Новое об исторической основе "Сказания о князьях владимирских". 5.XII.
157. Цымбурский В.Л. Гомеровский эпос и "Слово о полку Игореве": (Принципы сюжетосложения). 12.XII.
158. Левочкин И.В. Об изучении орнаментов русских рукописных книг XI – XVI вв. 19.XII.
158. Абзелев С.Н. "Грозный царь Иван Васильевич" исторических песен. 26.XII.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

- Абрамович Д.И. 208
 Аввакум, протопоп 39, 49–51, 95, 104, 168, 169, 180, 205, 211, 215, 216.
 Август, император 71, 73
 Авдий, резчик 130
 Аверинцев С.С. 64, 119
 Авраамий Палицын 41–44, 77, 147, 164, 207, 209, 214, 216, 222
 Авраамий Фирсов 113
 Агеева Е.А. 222
 Агриппина, княгиня 159
 Агроскина Е.А. 223
 Адрианова-Перетц В.П. 11, 87, 114, 133, 178, 215, 216, 219
 Аепа, князь 165
 Азарьин С., см. Симон Азарьин
 Азбелев С.Н. 125, 224
 Айвазян М.А. 2
 Аксенова Г.В. 222
 Алевиз Новый, зодчий 140
 Алевиз Старый, зодчий 137
 Александр Македонский 190, 199, 200
 Александр Ярославич Невский, князь 130
 Алексеев А.А. 90, 91, 96
 Алексеев М.П. 119
 Алексей, византийский царевич 165
 Алексей Вологжанин, зодчий 133
 Алексей Михайлович, царь 51, 75, 78, 79, 81, 82, 184, 187, 209, 210, 221
 Амартол, см. Георгий Амартол
 Амвросий Носов 222
 Анастасий Синаит 128
 Анастасия, царица 142
 Андрей Константинович, князь 132
 Андрей Курбский, князь 38, 74, 100, 142, 169, 177, 178, 195, 206, 209, 211, 213, 215, 217, 220
 Андрей Миклулинский 222
 Андрей Рублев 69–70, 107, 223
 Андрей Юрьевич Боголюбский, князь 62, 125, 127, 147
 Анисимова О.М. 223
 Антон Фрязин, зодчий 137
 Антоний Печерский 121, 124, 172
 Антоний Сийский 172
 Антонова К.А. 202
 Анхимюк Ю.В. 221
 Аполлоний Тианский 128
 Апоница, княжеский пестун 161
 Аристотель 95
 Арсений Великий 172
 Арсений Суханов 195
 Артемий, зодчий 135
 Артемий, игумен, 96, 97, 100, 101 211
 Афанасий Великий 141
 Афанасий Никитин 173, 191, 192, 199, 202, 203, 217, 218
 Афанасий Пашков 169
 Афанасьева К.А. 220
 Ахматова А.А. 223
 Бадалян Л.Г. 222
 Балашов В.В. 221
 Барма, зодчий 142, 143
 Баталов А.Л. 144
 Батый, хан 65, 66, 128, 130, 157
 Бахтина О.Н. 222
 Бахтурина Р.В. 213
 Бегичев И., см. Иван Бегичев
 Бегунов Ю.К. 122, 205, 206, 208, 218
 Белоброва О.А. 213, 214
 Белохвостова Ю.Б. 224
 Берков П.Н. 105, 218
 Бибиков М.В. 222
 Благый Д.П. 212
 Бобр В., см. Василий Бобр
 Бобрик М.А. 222
 Богданов А.П. 154, 208, 210, 220
 Богоявленский С.К. 151
 Бодянский О.М. 208
 Борис Александрович, князь 71, 165

*Составила Л.И. Щеголева. Древнерусские лица до начала XVIII указываются по именам.

- Борис Владимирович, князь 155, 159, 174, 224
 Борис Константинович, князь 132, 133
 Борис Федорович Годунов, царь 42-44, 77, 147
 Борис Шереметев 195
 Борисова Е.П. 205, 213
 Брайловский С.Н. 212
 Брюсова В.Г. 213, 221, 224
 Бударагин В.П. 206, 209, 216
 Будовниц И.У. 12-15, 17, 36
 Буланин Д.М. 104, 149, 205, 207, 210-212, 215
 Булкин В.А. 140
 Булычев А.А. 222
 Бунин И.А. 222
 Буров В.А. 144, 145
 Бурцев В., см. Василий Бурцев
 Бусева-Давыдова И.Л., 221, 223
 Буслаев Ф.И. 135, 210, 214, 224
 Бухвостов Я.Г., см. Яков Бухвостов
 Былинин В.К. 2, 4, 118, 176, 214, 220, 222, 223
 Былинина Н.И. 220
 Бычков А.Ф. 206-208, 213, 217
 Бычкова М.Е. 76
 Вагнер Г.К. 123, 147
 Ванеева Е.И. 206, 209, 216, 218
 Варсонофий, старец 97
 Васенко П.Г. 207, 213
 Василий, игумен 160
 Василий Бобр, зодчий 140
 Василий Бурцев 80, 208
 Василий II Васильевич Темный, князь 165
 Василий Великий 59, 89, 104
 Василий Ермолин 139
 Василий III Иванович, князь 140, 141, 162
 Василий Иванович Шуйский, царь 43
 Василиса Ивановна, княгиня 132
 Василь, владимирец 159
 Василько Ростиславич Теребовльский, князь 159, 161
 Вассиан Патрикеев 35, 208
 Вассиан Рыло, архиепископ 71, 72, 209
 Васьян Крюков 112, 212
 Васюк Никифоров, резчик 144
 Вдовин Г.В. 221
 Вепрь, зодчий 140
 Верещагин Е.М. 224
 Верховская Е.А. 220
 Веселовский А.Н. 129, 207, 214
 Веселовский С.Б. 151
 Веспасиан, император 130
 Вигасин А.А. 203
 Виноградов В.В. 110, 111
 Витрувий 129
 Владимир Андреевич Храбрый, князь 24, 67
 Владимир Василькович Волинский, князь 86, 126
 Владимир Всеволодович Мономах, князь 11-13, 25, 57, 59, 62, 71, 73, 86, 92, 124, 126, 156-159, 161, 165, 166, 171, 173-175, 207, 209, 211, 214, 216
 Владимир Святославич Святой, князь 8, 67, 68, 71, 81, 86, 121, 124, 127, 160, 165, 169
 Владимирский-Буданов М.Ф. 75
 Волкова Т.В. 213, 215
 Волконский Ф.Ф., см. Федор Волконский
 Вологжанин А., см. Алексей Вологжанин
 Воронин Н.Н. 134, 147
 Всеволод Владимирович, князь 171
 Всеволод Святославич, князь 62
 Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, князь 123
 Всеслав Брючиславич, князь 157, 223
 Выродков И., см. Иван Выродков
 Гаврил Дорофеев 151
 Галактионова Н.В. 221
 Гаранька, каменосечец 147
 Гваньини А. 146
 Геннадий, архиепископ 72, 137, 209, 213, 222
 Геннадий, патриарх 99
 Георгий, слуга князя Бориса 159
 Георгий Амартол 24, 123, 125, 128, 208, 215, 223
 Георгий Иванович, князь 213
 Георгий Конисский 223
 Герасим Лебедев
 Герберштейн С. 146
 Герман Подольный 88
 Гермоген, патриарх 77, 97, 148, 210
 Гертруда, княгиня 224
 Гзак, хан 165
 Гиппиус А.А. 222
 Глеб Владимирович, князь 155, 159, 224
 Гогешвили А.А. 222
 Годовикова Л.Н. 146
 Годунов Б., см. Борис Федорович Годунов
 Голейзовский Н.К. 222

Голенищев-Кутузов И.Н. 119
 Голицын Б.А., князь 83
 Голыщенко В.С. 205, 207, 208, 212, 213
 Гомер 93
 Гораций 117
 Горлитский И.С. 222
 Горский А.А. 223
 Горский А.В. 185
 Гребенюк В.П. 209, 217
 Гребнева Э.Я. 222
 Греков Б.Д. 6, 12, 13
 Григорий, архиепископ 136
 Григорий, монах 93
 Григорий Богослов, см. Григорий Назианзин
 Григорий Кульчицкий 151
 Григорий Миклулин 74, 210
 Григорий Назианзин 126, 214
 Григорий Нисский 131
 Григорий Отрепьев 77, 83
 Григорий Феолог, см. Григорий Назианзин
 Грихин В.А. 176
 Гриценко З.А. 222
 Громов М.Н. 221
 Гуданский И., см. Иван Гуданский
 Гудзий Н.К. 18, 133, 206, 212–214, 221
 Гурий, архиепископ 97, 142, 214
 Гурий Тушин 100
 Гусев В.Е. 205, 215
 Гусева А.А. 224
 Давид Ростиславич, князь 122
 Даниил, игумен 190
 Даниил, митрополит 34, 36, 114, 177, 207, 211, 212, 216
 Даниил Заточник 57, 58, 61, 70, 175, 213
 Даниил Переяславский, архимандрит 36
 Даниил Романович Галицкий, князь 65, 128, 130
 Даниленко Б.О. 222
 Даниленко Н.И. 221
 Демкова Н.С. 206, 216, 218
 Демьянов В.Г. 205, 207, 208, 212, 219
 Державин Г.Р. 113, 114, 212
 Державина Е.И. 220
 Державина О.А. 151, 164, 205, 207, 209, 212, 214, 216, 217, 220
 Легтев С.В. 223
 Демин А.С. 2, 4, 5, 38, 46, 49, 79, 109, 144, 152, 153, 190, 199, 207, 215, 220–224
 Димитрий Ростовский 114, 188, 210, 216
 Дионисий Ареопagit, см. Псевдо-Дионисий Ареопagit

Дионисий Звенигородский, князь 114
 Дионисий Суздальский 132
 Дмитриев Л.А. 22, 136, 205, 206, 208–211, 213–218
 Дмитриева Р.П. 141, 205, 206, 208, 209, 216–218
 Дмитрий Иванович Донской, князь 19, 23, 25, 58, 57–69, 71, 133, 159, 208
 Дмитрий Константинович, князь 132, 133
 Добродомов И.Г. 221, 222, 224
 Добрынин Н.К., см. Никита Добрынин
 Довмонт Миндовгович, князь 66, 157
 Долгоруков Я.Ф., князь 83
 Дорофеев Г., см. Гаврил Дорофеев
 Дробленкова Н.Ф. 205, 209, 213, 216, 218
 Дружина Осорьин 45, 206, 216
 Дубровина В.Ф. 205, 207, 208, 212, 213
 Дурново Н.Н. 206
 Душечкина Е.В. 55
 Евпатий Коловрат, воевода 65, 159, 161
 Евпраксия, княгиня 159
 Евпраксия Всеволодовна, княжна 174
 Евсеева И.А. 162
 Евфилей 132
 Евфимий II, архиепископ 133–135
 Евфимий Тырновский 107
 Евфимий Чудовский 185, 186, 217
 Евфросин, см. Ефросин, инок
 Едигей, хан 157
 Екатерина II, царица 198
 Елеонская А.С. 2, 4, 155, 211, 221
 Елизавета I, королева 74
 Елчин Ф., см. Федот Елчин
 Енин Г.П. 215
 Епифаний Премудрый 28, 33, 69, 70, 87, 95, 99, 172, 205, 210, 212, 215, 217
 Еремей, зодчий 134
 Еремин И.П. 156, 160, 167, 206–210, 215
 Ермола, зодчий 140
 Ермолай-Еразм 37, 38, 173, 177, 206, 208, 216
 Ермолин В.Д., см. Василий Ермолин
 Еуспасиан, см. Веспасиан
 Ефрем, автор "Слова о мятежи жития сего" 14, 16, 18, 208
 Ефрем, агиограф 6, 10, 11, 102, 205, 210
 Ефрем Скопец, митрополит 122, 125
 Ефрем Сирин 177
 Ефремов Ф.С. 204
 Ефросин, инок 186–188, 215, 220
 Ефросин, книгописец 120, 213
 Желябужский И.А. 83

Живов В.М. 224
 Жмакин В.И. 207, 211, 212
 Жуковская Л.П. 90, 93, 107, 222, 224
 Журова Л.И. 206, 216
 Забелин И.Е. 151
 Зайончковский А. 202
 Западов А.В. 218
 Зарубин Н.Н. 213
 Захар, зодчий 144
 Зверева С.Г. 221
 Звонарева Л.У. 221
 Земцов С.М. 140
 Зимин А.А. 146, 147, 207, 211
 Зиновий Отенский 101, 107, 211
 Золотарев П., см. Петр Золотарев
 Зосима, митрополит 137, 213
 Иаков, зодчий 144
 Иван Алексеевич, царь
 Иван Бегичев 114, 211, 224
 Иван III Васильевич, князь 71, 81, 137, 138, 141
 Иван IV Васильевич Грозный, царь 35, 38, 73, 74, 77, 109, 141–143, 146, 163, 169, 177, 178, 194, 195, 206, 216, 220, 224
 Иван Выродков 142
 Иван Голова Володимиров, зодчий 139
 Иван Гуданский 151
 Иван I Данилович Калита, князь 221
 Иван Катырев-Ростовский, князь 172
 Иван Кривцов, зодчий 138
 Иван Михайлов сын, зодчий 145
 Иван Пересветов 36, 37, 147, 173, 176, 194, 195, 205, 207, 215, 217
 Иван Сютинский 151
 Иван Тимофеев 42–44, 77, 205, 208
 Иван Федоров 9, 93, 97, 108, 109, 144, 211
 Иван Хабаров 177
 Иван Хворостинин 77, 209
 Иван Шереметев 177, 178
 Иванов Ф., см. Федор Иванов
 Игорь Ольгович, князь 155
 Игорь Рюрикович, князь 71, 171
 Игорь Святославич, князь 60, 62, 157, 222
 Изяслав Ярославич, князь 58, 159, 160
 Иларион, архиепископ 180
 Иларион, митрополит 5, 6, 10, 71, 86, 88, 93, 124, 208, 209, 212, 214, 221, 222
 Иларион, монах 173
 Ильин М.А. 152
 Илюшин А.А. 224
 Ингварь Ингоревич, князь 65, 161

Иоанн, архиепископ 29, 136
 Иоанн Богослов 95, 102, 104, 105
 Иоанн Дамаскин 100, 131, 149, 212
 Иоанн Златоуст 7, 9, 11, 12, 24, 86, 99, 104, 106, 177–179, 207, 208, 215
 Иоанн Лествичник 131
 Иоанн Синайский, см. Иоанн Лествичник
 Иоанн Экзарх 14, 105, 208
 Иоанникий Коренев 222
 Иоасаф, архиепископ 72
 Иона, архиепископ 28, 173
 Иосаф, игумен 160
 Иосиф, патриарх 221
 Иосиф, пресвитер 160
 Иосиф Волоцкий 27, 28, 30, 33, 72, 89, 97, 114, 207, 210–212
 Иосиф Флавий 101, 147, 205, 211
 Ипатий, инок 111, 211
 Исаак Сирий 104
 Исаев Н., см. Никита Исаев
 Исая Каменец-Подольский 221
 Исая Слепой 112, 212
 Исаченко-Лисовая Т.А. 113
 Исидор, зодчий 135
 Исидор, игумен 145
 Истомин К., см. Карион Истомин
 Истрин В.М. 207, 208, 210, 215, 217
 Иустиниан, см. Юстиниан
 Каган М.Д., см. Каган-Тарковская М.Д.
 Каган-Тарковская М.Д. 120, 205, 212, 213, 215, 217, 218
 Каждан А.П. 106
 Казакова Н.А. 34, 208, 218
 Казимова Г.А. 220
 Калачева С.В. 222
 Калиганов И.И. 222
 Калинин Н.Ф. 143
 Калугин В.В. 2, 4, 85, 220, 222–224
 Кантемир А.П. 81, 83, 189, 209
 Кантемиры, семья 221
 Кантор А.М. 221
 Капица Ф.С. 224
 Карамзин Н.П. 111, 120, 126, 134, 138, 140
 Карион Истомин 82, 149, 150, 154, 208, 210, 212–214, 220
 Карпов Ф.И., см. Федор Карпов
 Карпович Л., см. Леонтий Карпович
 Карсанов А.Н. 220, 223, 224
 Карский Е.Д. 214
 Катырев-Ростовский И.М., см. Иван Катырев-Ростовский
 Каштанов С.М. 213
 Киприан, митрополит 26, 27, 69, 207, 209

- Кирилл, епископ ростовский 86
 Кирилл, зодчий 134
 Кирилл-Константин Философ 86
 Кирилл Транквиллион Ставровецкий 105, 182, 183, 215
 Кирилл Туровский 5, 12, 56, 87–89, 91, 98, 104, 106, 172, 206, 207, 209, 211, 212, 216, 222, 224
 Кириллин В.М. 221, 224
 Кириллов Л., см. Лукьян Кириллов
 Кирсанова Р.М. 224
 Киссель Ф. 143
 Клепиков С.А. 185
 Клибанов А.И. 34
 Климент Смолятич 86, 93, 94, 126, 211, 214
 Ключевский В.О. 62, 68
 Княжнин Я.Б. 220
 Князевская О.А. 219
 Кобрин В.Б. 76
 Ковтун Л.С. 214
 Кожанчиков Д.Е. 212
 Козьма Попович 16, 222
 Козьма Пресвитер 9, 99, 207, 210
 Колесов В.В. 166, 205–210, 212, 213, 215–218
 Кологривов Т., см. Трифон Кологривов
 Колосова Е.В. 207, 209, 214, 216
 Конисский Г., см. Георгий Конисский
 Конотоп А.В. 222
 Константин Васильевич, князь 132
 Константин Великий, император 71, 81, 136
 Константин Всеволодович, князь 86
 Константин Костенческий 107, 211
 Константин Мономах, император 73
 Кончак, хан 165
 Конь Ф.С., см. Федор Конь
 Конявская Е.Л. 220
 Копиьевский И.Ф. 81
 Коренев И.Т., см. Иоанникий Коренев
 Корецкий В.И. 213
 Корнилий Комельский 141, 172, 214
 Королюк В.Д. 212
 Косоруков А.А. 223
 Костомаров Н.И. 217
 Косточкин В.В. 144, 146
 Котков С.И. 212, 219
 Котов Ф.А., см. Федот Котов
 Кошелев О.Е. 221, 223
 Красовская Ю.Е. 223
 Крашенинникова-Зуева О.А. 224
 Кривцов И., см. Иван Кривцов
 Кротов М.Г. 221, 223
 Крутова М.С. 221
 Крыжин А.П. 217
 Крюков В., см. Васьян Крюков
 Ксенофонт 63
 Кузнецов И.И. 143
 Кузнецова Н.А. 218
 Кузьмина В.Д. 213, 217
 Кульчицкий Г., см. Григорий Кульчицкий
 Кузнецов Г.З. 217
 Курбский А.М., см. Андрей Курбский
 Кусков В.В. 2, 88, 89, 177, 205, 220
 Кучкин В.А. 120, 220, 222
 Лавренцова Т.В. 218
 Лаврецкий С., см. Семен Лаврецкий
 Лазарев В.Н. 123
 Лазарь, владимирец 159
 Лаппо-Данилевский А.С. 221
 Ларин Б.А. 212, 214
 Ласточкин Н. 184
 Лебедев Герасим 204
 Лебедев Е.Н. 220, 221
 Лебедева И.Н. 209, 218
 Лев VI Мудрый, император 71
 Левочкин И.В. 221, 222, 224
 Левшун Л.В. 224
 Ленин В.И. 222
 Леонтий Карпович 224
 Леонтий Магницкий 81
 Лисовая Т.А. 223
 Лихачев Д.С. 3, 7, 10, 13, 23, 33, 38, 44, 49, 64, 65, 67, 70, 79, 107, 113, 118, 125, 131, 135, 155, 156, 162, 199, 205, 206, 208, 209, 211, 213–216, 218, 219
 Лихачев Н.П. 207, 214
 Лихачева О.П. 90, 91, 212, 217
 Лозовая И.Е. 222
 Ломоносов М.В. 108, 113, 197, 217, 218, 220, 221
 Лопарев Х.М. 215
 Лудольф Г.В. 113, 152, 212, 214
 Лукьян Кириллов 51
 Лупандин И.В. 223
 Лурье Я.С. 38, 123, 139, 206, 207, 209–212, 214, 216–218
 Лыковы, старообрядцы 221
 Япон М.В. 219
 Магницкий Л.Ф., см. Леонтий Магницкий
 Майков В.И. 198, 218
 Майков Л.Н. 218
 Макарий, епископ 205, 212
 Макарий, митрополит 109, 142, 210
 Макеева В.Н. 217, 218

- Максим Грек 34, 70, 72, 73, 97, 104, 110, 141, 149, 205, 207, 208, 210–212, 221
 Мамай, хан 19, 21, 68, 157, 158
 Марк, монах 172
 Марк Нефедьев, резчик 143, 144
 Маркевич А.И. 76
 Маркс К. 18, 222
 Маслов С.И. 212
 Масса Исаак 147, 213
 Матхаузерова С. 109–111
 Медведев С., см. Сильвестр Медведев
 Медоварцев М., см. Михаил Медоварцев
 Мелетий Смотрицкий 149, 214
 Мефодий, первоучитель славян 86
 Мещерский Н.А. 101, 205, 211
 Микулин Г.И., см. Григорий Микулин
 Микулинский А., см. Андрей Микулинский
 Миллер Т.А. 106
 Милонег, зодчий 120–122, 127
 Мильготина Г.З. 218
 Миняева-В.А. 223
 Мисюр-Мунехин М.Г., дьяк 138
 Митков М., см. Молчан Митков
 Михаил, архиерей 85
 Михаил Всеволодович Черниговский, князь 66
 Михаил Клопский 170, 173
 Михаил Медоварцев 110
 Михаил Скопин-Шуйский, князь 148
 Михаил Федорович, царь 77
 Моисеева Г.Н. 205, 208, 209, 217
 Моисей Выдубицкий, игумен 120, 122, 123
 Молдован А.Н. 208, 212
 Молчан Митков 178
 Морев В.Г. 223
 Морозов Б.Н. 220, 223
 Морозова Ф.П., см. Феодосия Морозова
 Мочалова В.В. 221
 Мочульский В.Н. 102
 Мошкова Л.В. 221
 Мстислав Владимирович, князь 58, 124, 125
 Мстиславец П.Т., см. Петр Мстиславец
 Муравьева Л.Л. 132, 212
 Мурьянов М.Ф. 2, 222, 224
 Мусорин А.Ю. 224
 Мыльников А.С. 199
 Мышкин, зодчий 138
 Мюллер Р.Б. 210, 218
 Набоко М.В. 224
 Насонов А.Н. 206, 207, 213, 217
 Настасий Божья града, см. Анастасий Синаит
 Наум, оконничник 147
 Нафанаил, игумен 115, 211
 Невоструев К.И. 185
 Неврюй, воевода 130
 Немировский Е.Л. 223
 Нестор 6–11, 93, 108, 119, 125, 166, 172, 173, 205, 208, 211, 213, 215
 Нестор-Искандер 135, 136, 191, 213
 Нефедьев М., см. Марк Нефедьев
 Нефедов Г.Д. 205, 207, 208, 212
 Нехорошевский М. 185
 Никита Добрынин 110, 111, 210
 Никита Исаев 180
 Никитин А., см. Афанасий Никитин
 Никитин А.Л. 221
 Никитина С.Е. 222
 Никифор, воевода 69
 Никифоров В., см. Васюк Никифоров
 Николаева Т.М. 222
 Николай Соломонов 223
 Николай Спафарий 81, 150, 195, 213, 214
 Никольский Н.К. 211, 214
 Никон, игумен 93, 108, 173
 Никон, патриарх 109, 110, 180, 209, 215, 221
 Нил, епископ 140, 141, 213
 Нил Сорский 72, 88, 89, 100, 101, 116, 208, 211
 Новиков Н.И. 189, 204, 217
 Носов А., см. Амвросий Носов
 Нострадамус 223
 Оболенский М.А. 211
 Овчинников Р.В. 218
 Одесский М.П. 221
 Олеарий Адам 181, 213, 215
 Олег Ингорович, князь 159
 Олег Святославич, князь 127
 Олексинич, см. Алексей
 Ольга, княгиня 89, 156, 161, 175, 224
 Ольденбург С.Ф. 202
 Орлов А.С. 3, 38, 133, 216
 Осокина Е.А. 220, 224
 Осорьин Д., см. Дружина Осорьин
 Осорьина У., см. Улияния Осорьина
 Отрепьев Г.Б., см. Григорий Отрепьев
 Охотникова В.И. 208, 209, 216
 Павел, апостол 71, 93, 99, 101, 126
 Павел, посадник 125
 Павленко А.А. 222
 Паисий Угличский 142, 212
 Палицын А., см. Авраамий Палицын

Панченко А.М., 105, 107–109, 113, 115, 153, 210, 214, 215
 Патрикеев В.И., см. Вассиан Патрикеев
 Пауткин А.А. 221
 Пафнутий, игумен 141
 Пафнутий Боровский 128, 172
 Пахомий Великий 101
 Пахомий Серб 87, 134, 135, 137, 210, 212
 Пашков А.Ф., см. Афанасий Пашков
 Пентковский А.М. 221.
 Пересвет 24
 Пересветов И.С., см. Иван Пересветов
 Петухов Е.В. 176, 207
 Петр, апостол 224
 Петр, митрополит 137, 152
 Петр I Алексеевич, царь 82, 83
 Петр Дамаскин 104
 Петр Золотарев 197
 Петр Мстиславец 109
 Петр Шереметев 153
 Питирим, игумен 144
 Платон 93
 Платонов С.Д. 213
 Плисецкий М.М. 125
 Плеханова М.Б. 221, 223
 Погодин М.П. 85
 Подольный Г., см. Герман Подольный
 Пожидаева Г.А. 222, 223
 Поздеева И.В. 221, 223
 Покровский А.А. 113, 206
 Полиевктов М.А. 218
 Поликарпов-Орлов Ф.П. 81
 Полякова С.В. 95
 Пономарев А.И. 217
 Понырко Н.В. 113, 120, 210, 212, 213, 217
 Попова И.И. 220
 Порфирьев И.Я. 87, 210, 217
 Порций Фест 100
 Поссевино А. 146, 224
 Потемкин С., см. Спиридон Потемкин
 Предслава Святополковна, княжна 165
 Пресняков А.Е. 214, 218
 Приселков М.Д. 132
 Прокопович Ф., см. Феофан Прокопович
 Прокофьев Н.И. 172, 215, 216
 Протасьева Т.Н. 205, 213
 Прохоров Г.М. 132, 207–209, 211, 212, 214, 218
 Прыжов И.Г. 6
 Псевдо-Дионисий Ареопагит 131, 214
 Псевдо-Каллисфен 200, 201, 217
 Пугачев Емельян 198
 Пушкарев Л.Н. 221, 224
 Пыпин А.Н. 109

Рабинович М.Г. 22
 Разин С.Т., см. Степан Разин
 Редедя, князь 124
 Ржига В.Ф. 23
 Робинсон А.Н. 2, 81, 176, 221, 222, 224
 Ровинский Д.А. 215, 224
 Рогачевская Е.Б. 220, 222
 Рогволод Полоцкий, князь 165
 Рогнеда Рогволодовна, княгиня 165
 Родион Стрешнев 51
 Розов Н.Н. 95, 116
 Рождественская М.В. 120, 206, 213, 216, 217
 Романов Б.А. 12, 13, 58
 Романов К.К. 136
 Романовы, царская династия 223
 Романчуков А.С. 149, 202, 214, 218
 Ромодановская Е.К. 217, 224
 Ростислав Владимирович, князь 159, 161
 Ростислав Всеволодович, князь 159
 Ртищев Ф.М., см. Федор Ртищев
 Рублев А., см. Андрей Рублев
 Руди Т.Р. 216
 Румянцев И. 111, 210
 Руффо Марко, зодчий 137
 Рыбакова Б.А. 129, 223
 Рыков Ю.Д. 206, 209
 Рычков Н.П. 198, 217
 Рюрик Ростиславич, князь 120, 122, 123
 Савватий, игумен
 Савич Н.Г. 213, 214
 Салмина М.А. 206, 209, 216, 218
 Салтыков А.А. 221
 Самойло Шайсупов, князь 180, 215
 Сапунов Б.В. 90, 109
 Сарбевский М.-К. 220
 Святополк Владимирович Окаянный, князь 127
 Святополк Изяславич, князь 165
 Святополк Всеволодович, князь 62, 148
 Святослав Давыдович, князь 174
 Святослав Игоревич, князь 60, 71, 156, 169
 Святослав Ярославич, князь 126, 221
 Селю Ю.С. 221, 224
 Семен, епископ 18, 205
 Семен Иванович Гордый, князь 120, 132, 220
 Семен Лаврецький 151
 Семен Малецький 204
 Семенова Е.П. 209
 Серапион Владимирский 14, 15, 17–18, 65, 129, 155, 158, 176, 194, 207–209, 216
 Сергей Радонежский 99, 159, 170, 172

- Серов Д.О. 223
 Сильвестр, пресвитер 168
 Сильвестр, Выдубицкий 70
 Сильвестр Медведев 81, 82, 87
 Симеон Новый Богослов 104
 Симеон Полоцкий 80–81, 82, 87, 94–96, 105, 106, 111, 113, 149–151, 169, 180, 184, 208–212, 214, 215, 221
 Симон, инок 122
 Симон Азарьин 223
 Симонов Р.А. 221
 Синицына Н.В. 110, 141, 221
 Скопин В.В. 144, 145
 Скопин-Шуйский М.В., см. Михаил Скопин-Шуйский
 Скрипиль М.О. 206
 Смелянская Е.Б. 222
 Смирнов П.П. 75
 Смирнов П.С. 205, 215
 Смирнов Ю.И. 125
 Смолицкий В.Г. 125
 Смотрицкий М., см. Мелетий Смотрицкий
 Соболевский А.И. 107
 Соколов Б.М. 222
 Соларио Пьетро, зодчий 137
 Соловьев С.М. 62, 144
 Соломонов Н., см. Николай Соломонов
 Солощенко Л.Ф. 221
 Сотко 125
 Софоний Рязанец 23
 Софронова Л.А. 220, 223
 Софья Палеолог 141
 Сохраненкова М.М. 221
 Спафарий Н., см. Николай Спафарий
 Сперанский А.Н. 146
 Сперанский М.Н. 202
 Спиридон Потемкин 111
 Срезневский И.И. 8, 21, 56, 120, 148, 207, 209, 212
 Старуев О.Д. 153
 Степан Разин 185
 Стефан Пермский 70, 87, 173, 221
 Стефан Яворский 115, 116, 149, 212, 215
 Столярова Л.В. 223
 Стрешнев Р.М., см. Родион Стрешнев
 Строгановы 79
 Субботин Н.Н. 219
 Сумароков А.П. 111, 113, 189, 198, 217, 218
 Сумаруков Г.В. 221
 Сумникова Т.А. 209
 Сурвихвостов Ю., см. Юшко Сурвихвостов
 Суханов А., см. Арсений Суханов
- Сухомлинов М.И. 211
 Сютинский И., см. Иван Сютинский
- Тамара, царица 194
 Тарасова Е.В. 221
 Татищев В.Н. 81, 83, 209
 Татищев М.Ю. 153
 Творогов О.В. 206, 208–213, 215–218
 Теве Андре 109
 Тиберий, император 71
 Тимофеев И., см. Иван Тимофеев
 Титов А.А. 214, 217
 Тихомиров М.Н. 205, 208, 212
 Тихонов П.Н. 217
 Тихонравов Н.С. 210, 213, 214
 Толстой Н.И. 224
 Томас, иеромонах 87
 Торчин, повар 159
 Тохтамыш, хан 157, 158, 160
 Третьаковский В.К. 108, 111, 113, 149, 172, 214, 221
 Трифон Кологривов, зодчий 145
 Трифонова О.И. 223
 Турилов А.А. 123, 222
- Уваров А.С., граф 211
 Ужанков А.Н. 222
 Улияния Осорьина 45, 46, 168, 169
 Успенский Б.А. 82, 111
- Фасмер М. 8
 Федот Елчин 196, 218
 Федот Котов 196, 218
 Феодосий, игумен Хутынский 140
 Феодосий Косой 101
 Феодосий Печерский 10, 62, 108, 172, 207, 208
 Феодосия Морозова 51
 Феоктист, игумен 179, 216
 Феофан Грек 70, 224
 Феофан Прокопович 81, 82, 209
 Федор, боярин 66
 Федор, дьякон 179
 Федор, зодчий 134
 Федор, монах 172
 Федор Алексеевич, царь 81
 Федор Волконский, князь 196, 218
 Федор Иванов 216
 Федор Иванович, царь 77, 144, 146, 147, 212
 Федор Карпов 34, 35, 114, 207, 211
 Федор Конь, зодчий 146, 147
 Федор Ртищев 51
 Федор Семенович, князь 136
 Федор Юрьевич, князь 159, 161
 Федоров И., см. Иван Федоров

Федотова Т.П. 153
Филарет, архиепископ 113
Филипп, митрополит 139
Филипп Пустынник 130, 212
Филофей, игумен 34, 73, 138, 207, 209, 213
Фиораванти Аристотель, зодчий 137, 138
Фирсов А.П., см. Авраамий Фирсов
Флоря Б.Н. 86, 212, 224
Фома, инок 70, 71, 89, 165, 210, 212, 217
Фома, пресвитер 93, 94
Фомина М.С. 222
Фонвизин Д.И. 189
Фонкич Б.Л. 220, 221
Фотий, патриарх 85

Хабаров И.И., см. Иван Хабаров
Ханник Х. 223
Хворостинин И.А., см. Иван Хворостинин
Херасков М.М. 113
Ходкевич Г.А., гетман 97
Ходына 221
Хорошев А.С. 121
Хромов О.Р. 221, 224

Цеханович А.А. 213, 215
Цымбурский В.Л. 224

Черепнин Л.В. 21
Чернецов А.В. 221
Чернов С.З. 221, 222
Черная Л.А. 2, 4, 56, 79, 220, 221
Чичуров И.Г. 222
Чубинская В.Г. 220
Чуканова Т.Ю. 220
Чуркина Л.А. 207

Шайсупов С., см. Самойло Шайсупов
Шахматов А.А. 205, 208, 209, 211, 213, 214

Шереметев Б.П., см. Борис Шереметев
Шереметев И.В., см. Иван Шереметев
Шереметев П.В., см. Петр Шереметев
Шимон 126, 129
Шишкин А.Б. 214
Шишков А.С. 108
Шляпкин И.А. 104, 115
Шмидт С.О. 141, 213
Шохин В.К. 204
Шулеша Шпаников, каменосечец 147
Шумилов В.Н. 218

Щапов Я.Н. 122, 221–223
Щепкина М.В. 205, 213
Щеголева Л.И. 2, 4, 205, 220, 223

Эверс И. 62
Эдинг Б., фон 143
Экономцев И.Н. 223
Эпаминонд, полководец 60

Юрий (Георгий) Иванович, князь 141
Юрий Ингорович, князь 161
Юрченко А.И. 223
Юстиниан, император 135, 136
Юшко Сурвихвостов, зодчий 140

Яблонский В. 210
Яворский С., см. Стефан Яворский
Ягич И.В. 211
Яков Бухвостов, зодчий 153
Яковлев В.А. 207, 208, 219
Ярополк Владимирович, князь 159
Ярополк Святославич, князь 156, 159
Ярослав Владимирович Мудрый, князь 6, 58, 62, 86, 88, 94, 124, 126, 127
Ярослав Владимирович Осмомысл, князь 86
Яцимирский А.И. 211

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ*

- "Азбука" Василия Бурцева 80, 208
 "Азбука о голом и небогатом человеке" 39, 205
 "Азбуковник" 90
 "Александрия"
 — Псевдо-Каллисфена 101, 199—201, 217
 — Сербская 200, 201, 218
 "Альманах" 102
 "Апокалипсис Иоанна", апокрифический 102—104
 "Апостол" 100, 109
 "Аристотелевы врата" 102
 "Астрономия" 102
- "Бархатная книга" 101
 "Беседа на богомилов" Козьмы Пресвитера 99, 210
 "Беседа трех святителей" 102, 105, 210
 Библия
 — Бытие 106
 — Исход 22, 119
 — Второзаконие 95
 — Иудифь 22
 — Первая книга Царств 22, 26
 — Первая книга Паралипоменон 22
 — Притчи Соломона 9, 128
 — Книга пророка Исаии 105, 168
 — Книга пророка Иезекииля 95
 — Первая книга Маккавейская 24, 106
 — Евангелие от Матфея 95, 99, 128
 — Евангелие от Марка 128
 — Евангелие от Луки 98, 99
 — Евангелие от Иоанна 106
 — Первое послание Петра 128
 — Первое послание к Коринфянам 126
 — Второе послание к Коринфянам 99
 — Послание к Галатам 93
 — Откровение Иоанна 95, 102—106, 112
- См. также "Геннадиевская Библия", "Острожская Библия"
 "Большая челобитная" Ивана Пересветова 37, 176, 194, 195, 205, 215, 217
 "Брашно духовное" 95
- "Великая челобитная царю Алексею Михайловичу" Никиты Добрынина 110, 111, 210
 "Великие минеи четьи" Макария 73
 "Великое Зерцало" 150, 151, 212
 "Вертоград многоцветный" Симеона Полоцкого 105, 151, 212
 "Веселеил, сиесть Скиния Божия" Кариона Истомина 150, 212
 "Вечеря душевная" Симеона Полоцкого 95, 96
 "Владими́ро-Сузда́льская летопись" 192, 217
 "Владимирская летопись" 132, 212
 "Вопросы Иоанна Богослова Господу на горе Фаворской" 102, 104, 110, 210
 "Воронов грай" 102
 "Воскресение мертвых" Георгия Конисского 223
 "Временник" Ивана Тимофеева 42, 43, 77, 205, 208
- "Галицко-Волынская летопись" 7, 15, 17, 24, 65, 125, 128, 130, 191, 193, 205, 208, 212, 217
 "Геннадиевская Библия" 91
 "Гистория о российском матросе Василии Кориотском" 81, 208
 "Гистория о храбром российском кавалере Александре" 80, 208
 "Глас последний" Симеона Полоцкого 82, 208
 "Голубиная книга" 102—104, 210
 "Град царства небесного" Кариона Истомина 149, 212
 "Грамматика", см. "Русская грамматика"

* Составила Л.И. Щеголева

- "Грамота" в Новгородский Антониево-Сийский монастырь Федора Иоанновича 1592 г. 144, 212
- "Грамота" новгородским дьякам Ивана Грозного 1556 г. 143
- Грамоты, см. также "Договорная грамота" Дмитрия Ивановича, "Духовная грамота" Иосифа Волоцкого
- "Гусли доброгласная" Симеона Полоцкого 81, 208
- "Дворовая тетрадь" 75
- "Диалектика" Иоанна Дамасина 131, 212
- "Диоптра" Филиппа Пустынника 130, 212
- "Договорная грамота" Дмитрия Ивановича 1362 г. 58, 208
- "Домострой" Сильвестра 38, 73, 74, 167, 168, 170, 171, 173, 175, 205, 208, 215
- Донесение о Никоне Самойла Шайсупова 180, 215
- "Духовная грамота" Иосифа Волоцкого 97, 210
- "Евангелие учительное" Кирилла Транквиллиона 183, 215
- "Ермолинская летопись" 138, 212
- "Есиповская летопись" 196, 217
- "Ефремовская кормчая", см. "Кормчая" Ефремовская
- "Жезл правления" Симеона Полоцкого 111
- "Женитва" Симеона Полоцкого 87, 210
- "Житие" Аввакума 39, 49–51, 168, 205, 215
- "Житие Авраамия Смоленского"
- Ефрема 5, 6, 10, 11, 102, 104, 205, 210
- Дмитрия Ростовского 115, 210
- "Житие Александра Невского" 16, 18, 130, 191, 205, 212
- "Житие Антония Сийского" 173, 215
- "Житие Варлаама Хутынского", вторая редакция 136
- "Житие Владимира равноапостольного" 85, 112, 210
- "Житие Гурия и Варсонофия Казанских" Гермогена 97, 210
- "Житие Дмитрия Ростовского" 115, 210
- "Житие Зосимы и Савватия Соловецких" 36, 205
- "Житие Иова Львовского" 223
- "Житие Иринии", см. "Мучение Иринии Македонской"
- "Житие Кирилла Белозерского" Пахомия Серба 87, 210
- "Житие Константина-Кирилла Философа" 64, 208, 212
- "Житие Корнилия Комельского" 172, 215
- "Житие Марии Египетской" 99, 210
- "Житие митрополита Петра", см. "Житие Петра Московского"
- "Житие Михаила Черниговского" 193, 217
- "Житие Павла Комельского" 157, 158, 215
- "Житие Паисия Угличского", краткая редакция 142, 212
- "Житие Петра Московского" 16, 137, 205, 212
- "Житие равноапостольного князя Владимира", см. "Житие Владимира равноапостольного"
- "Житие Савватия Соловецкого" 173, 215
- "Житие святого Кирилла", см. "Житие Константина-Кирилла Философа"
- "Житие Сергия Радонежского" Епифания Премудрого 28, 33, 69, 99, 136, 159, 170, 172, 205, 210, 212, 215
- "Житие Стефана Лазаревича" 198
- "Житие Стефана Пермского" Епифания Премудрого 87, 95, 96, 191, 192, 210, 217
- "Житие Феодора Студийского" 120, 213
- "Житие Феодосия Печерского" Нестора 6–11, 56, 62, 108, 166, 170, 172, 173, 205, 208, 211, 212, 215
- Жития — см. также "Мучение. . .", "Память. . .", "Повесть о житии Михаила Клопского", "Рассказ о смерти Пафнутия Боровского", "Сказание вкратце о Даниле Переяславском", "Сказание о Борисе и Глебе", "Сказание о чудесах Бориса и Глеба", "Сказание об убийении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора", "Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича", "Чтение о Борисе и Глебе"
- "Журнал, или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году" 198, 217
- "Завещание" Нила Сорского 72, 208
- "Задонщина" 18, 67, 68, 159, 160, 193, 205, 208, 215, 217

- Кирилло-Белозерский список 19, 20, 22, 24
- Музейский первый список 19, 22, 23, 24
- Синодальный список 21, 22, 23, 24, 25
- Ундольского список 19–26
- "Записки" И.А. Желябужского 83, 208
- "Звезда Пресветлая" 224
- "Звездочет" 102
- "Златая Цепь" 63
- "Златоструй" 1474 г. 98, 211
- "Зодий" 102
- "Изборник" 1076 г. 56, 61–64, 95, 97, 208
- "Известие о Московии" Исаака Массы 147, 213
- "Изложение пасхалии" Зосимы 137, 213
- "Измарагд" 63, 88, 91, 92, 94, 98, 99, 105, 116, 168, 211
- "Интерлюдии, или Междувброшенная забавная игралица" 199, 217
- "Интермеди" 199, 217
- "Ипатьевская летопись" 93, 122, 126, 127, 157, 211, 213
- "Истины показание к вопросившим о новом учении" Зиновия Отенского 101, 107, 211
- "История Иудейской войны" Иосифа Флавия 22, 26, 101, 205, 211
- "История о великом князе московском" Андрея Курбского 142, 177, 195, 213, 215, 217
- "К уму своему" В.Н. Татищева 83
- "Казанская история" 36, 141, 142, 146, 162–164, 194, 195, 205, 213, 215, 217
- "Калязинская челобитная" 181, 215
- "Киево-Печерский патерик" 9–11, 88, 92, 121, 125, 126, 170, 172, 205, 211, 213, 215
- "Киевская летопись" 6–8, 160, 205
- "Кириллова книга" 105, 211
- "Книга бесед" Аввакума 49–51, 180, 205, 215
- "Книга, глаголемая Козмография" 196, 197, 200, 203, 217
- "Книга, глаголемая Соборник" первой половины XVI в. 104, 211
- "Книга желательно приветство мудрости" Кариона Истомина 82, 208
- "Книга избранная вкратце о девятих му-
сах и о седмих свободных художест-
вах" Николая Спафария 150, 213
- "Книга о вере" Нафанаила 115, 211
- "Книга толкований и нравоучений" Ав-
вакума 49, 50, 104, 205, 211, 215
- Книги – см. Библия, "Голубиная
книга", "Кириллова книга", "Сте-
пенная книга", "Юрьевская степен-
ная книга"
- "Комидия притчи о блудном сыне", лу-
бочная 215
- "Комидия притчи о блудном сыне" Си-
меона Полоцкого 169, 184, 215
- "Кормчая" Ефремовская 63, 209
- "Кормчая" русской редакции 1280 г. 90
- "Космография XVII–начала XVIII в. 217
См. также "Книга, глаголемая Коз-
мография"
- "Лаврентьевская летопись" 127
- "Лествица" 131
- "Летописец Даниила Галицкого", см.
"Галицко-Волынская летопись"
- Летописи – см. "Владимирская лето-
пись", "Владими́ро-Суздальская лето-
пись", "Галицко-Волынская лето-
пись", "Ермолинская летопись",
"Есиповская летопись", "Ипатьев-
ская летопись", "Киевская лето-
пись", "Московский летописный
свод", "Никаноровская летопись",
"Никоновская летопись", "Новгород-
ская первая летопись", "Новгород-
ская четвертая летопись", "Псков-
ская первая летопись", "Ремезов-
ская летопись", "Севернорусский ле-
тописный свод", "Симеоновская ле-
топись", "Софийская первая лето-
пись", "Софийская вторая летопись",
"Суздальская летопись", "Тверская
летопись"
- Летописцы – см. также "Нижегород-
ский летописец", "Новый летопи-
сец", "Постниковский летописец",
"Рогожский летописец"
- "Лицевой летописный свод" 73, 101
- "Луцидариус" 200, 201, 217
- "Малая челобитная" Ивана Пересвето-
ва 173, 215
- "Маргарит" Иоанна Златоуста 86, 105,
106, 120, 178, 211
- "Мерило Праведное" 122, 205
- "Моление Даниила Заточника" 11, 13,

- 57, 58, 60, 61, 64, 104, 127, 175, 176, 205, 209, 211, 213, 215
- "Монах" Симеона Полоцкого 180, 215
- "Московский летописный свод" конца XV в. 30, 33, 138, 205, 213
- "Мусликия" И. Коренева 222
- "Мучение Иринии Македонской" 6, 121, 205, 213
- "Мучение неких старец исповедник Петра и Евдокима" 187, 215
- "На дворян злонравных" Антиоха Кантемира 83
- "На насытое чрево и бесчисленных зол виновно иночествующим" Максима Грека 34, 205
- "Наказание" Даниила, см. "Поучения" Даниила
- "Наказание" Кирилла Туровского 88, 91, 106, 211
- "Наказание" Семена Тверского 18, 205
- "Наказание богатым" 11, 61, 205
- "Наказание князем, иже дают волость и суд небогобойным и лукавым мужем" 14, 205
- "Нижегородский летописец" 132, 213
- "Никаноровская летопись" 132, 133, 213
- "Никоновская летопись" 14, 132, 213
- "Новая повесть о преславном Российском царстве" 41—43, 76, 77, 147, 205, 206, 209, 213
- "Новгородская первая летопись" 11, 12, 14, 16, 90, 191, 193, 206, 213, 217
- "Новгородская четвертая летопись" 125, 133
- "Новый летописец" 146, 213
- "О Ватопедском монастыре в Святой горе чудо" 136, 213
- "О воспитании" В.Н. Татищева 83
- "О лжеучителях" Иоанна Златоуста 178, 215
- "О письменах" Константина Костенческого 107, 211
- "О побоище, иже на Дону" 206
— краткая повесть 21, 22
— пространная повесть 21, 22
- "О поезде великого князя в Великий Новгород" 31, 205
- "О сказании евангельском" Кирилла Туровского 12, 206
- "О стихотворстве камчадалов" А.П. Сумарокова 198, 217
- "О съставлении Дохнарского монастыря чудо" 136, 213
- "Об Афонской горе и тамошних монастырях" 213
- "Обед душевный" Симеона Полоцкого 95, 96, 184, 211
- "Ода на день восшествия Елизаветы Петровны на престол" М.В. Ломоносова 197, 217
- "Окозрительный устав" Геннадия
- "Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно" Адама Олеария 181, 213
- "Описание вин или причин, которыми к погубели и разоренью всякие царства приходят. . ." 78, 209
- "Описание Китайского государства" Николая Спафария 195
- "Описание новые земли Сибирского государства" 196, 197, 217
- "Описание торжественных зданий на Ходынке, представляющих пользу мира" В.И. Майкова 198, 218
- "Описание Турецкой империи" 195
- "Орел Российский" Симеона Полоцкого 81, 209
- "Острожская Библия" 9, 93, 206, 211
- "От шестоденца избрано о животех" 14, 206
- "Отразительное писание" Ефросина 186, 187, 215
- "Память Стефана Пермского" 173, 215
См. также "Житие Стефана Пермского" Епифания Премудрого
- "Память Стефана Сурожского" 173, 216
- "Панегирикос" Феофана Прокоповича 82, 209
- "Паримейник" 1313 г. 16, 206
- Патерики, см. "Киево-Печерский патерик"
- "Перло многоцветное" Кирилла Транквиллиона 105
- "Пискаревский летописец" 142, 143, 213
- Письмо Никону Алексея Михайловича 209
- "Письмо о нелюбках" иноков Кириллова и Иосифова монастырей 113—114, 211
- "Плач о пленении и конечном разорении Московского государства" 147, 213
- "Повесть" Ипатия Соловецкого 111, 211
- "Повесть бывшего посольства в Португальской земли" 195
- "Повесть временных лет" 6, 8, 9, 11—13, 15, 16, 22, 57, 58, 60, 69, 88, 89, 94, 105, 112, 119, 121, 122, 124, 125, 127,

- 128, 155–161, 165, 166, 169, 171, 172, 174, 175, 190, 192, 199, 206, 209, 211, 213, 216, 218
- "Повесть о белоризце" Кирилла Туровского 12, 206
- "Повесть о Благовещенской церкви" 29, 135–136, 205, 213
- "Повесть о Бове Королевиче" 114
- "Повесть о Варлааме и Иоасафе" 59, 200–202, 218
- "Повесть о взятии Царьграда турками" Нестора-Искандера 135, 136, 164, 191, 213
- "Повесть о Горе-Злочастии" 39, 48, 49, 79, 169, 206, 209
- "Повесть о Дракуле", см. "Сказание о Дракуле"
- "Повесть о Еруслане Лазаревиче" 200, 218
- "Повесть о Ерше Ершовиче" 46–48, 206
- "Повесть о житии Михаила Клопского" 30, 170, 173, 206, 216
- "Повесть о Карпе Сугулове" 183
- "Повесть о князе Романе Галицком" 223
- "Повесть о Куликовской битве", летописная 157, 159, 160, 216
- "Повесть о Лукке Колоцком" 32, 33, 170, 177, 206, 216
- "Повесть о Меркурии Смоленском", см. "Слово о Меркурии Смоленском"
- "Повесть о нашествии Тохтамыша" 27, 29–31, 157, 158, 160, 161, 193, 206, 216, 218
- "Повесть о Нило-Сорском ските" 101
- "Повесть о Петре Златых Ключей" 153, 213
- "Повесть о Петре и Февронии" Ермолая-Еразма 37, 38, 167, 173, 175, 206, 216
- "Повесть о Петре, царевиче Ордынском" 29, 30, 32, 162, 195, 206, 216, 218
- "Повесть о попе Саве" 181, 216
- "Повесть о походе Ивана III на Новгород" 33, 162, 206, 216
- "Повесть о походе князя Игоря", летописная 157, 216
- "Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков" 162, 216
- "Повесть о псковском взятии" 158, 216
- "Повесть о разорении Рязани Батыем" 59, 65, 129, 157–159, 161, 162, 193, 209, 216, 218
- "Повесть о Савве Грудцыне" 169, 183
- "Повесть о Скандербеге" 195
- "Повесть о смерти и погребении М.В. Скопина-Шуйского" 148, 213
- "Повесть о создании и поплнении тройском" 135
- "Повесть о Соломоне и Китоврасе" 123, 129, 135, 213
- "Повесть о старце" 34, 206
- "Повесть о Тимофее Владимирском" 29, 32, 206
- "Повесть о Фроле Скобееве" 80, 169, 209
– Тартуский список 52, 206
– Титовский список 51, 53, 54, 206
– Погодинский список 51–54, 206
- "Повесть о Хмеле" 152, 173, 217
- "Повесть о царице Динаре" 194, 195, 218
- "Повесть о Шевкале" 161, 216
- "Повесть о шляхетском сыне" 81, 209
- "Повесть о Щиле Новгородском, 32, 206
- "Повесть об Акире Премудром" 7, 8, 12, 206
- "Повесть об Антонии Римляnine" 28, 30, 206
- "Повесть об Ионе Новгородском" 28, 29, 173, 206, 216
- "Повесть об ослеплении Василька Теребовльского" 13
- "Повесть об основании Тверского Отроча монастыря" 152
- "Повесть об убиении Андрея Боголюбского" 6, 8, 9, 161, 206, 216
- "Повесть об Улиании Осорьиной" 44–48, 168, 169, 206, 216
- "Поздравление похвальное царевне Татиане Михайловне" Кариона Истомина 154, 213
- "Послания" Филофея 73, 209
- "Послание Андрею Курбскому" Ивана Грозного, первое 169, 206, 216
- "Послание брату, просившу от него написать ему еже на пользу душе" Нила Сорского 88, 101, 211
- "Послание в Кирилло-Белозерский монастырь" Ивана Грозного 35, 177, 206
- "Послание дворительное недругу" 39, 40, 206
- "Послание дворянина дворянину" 39, 40, 206
- "Послание дьяку М.Г. Мисюрю-Мунехину" Филофея 138, 213
- "Послания Ивану Грозному" Андрея Курбского 74, 75
– второе 38, 206, 209
– третье 209
- "Послание Ивану Третьякову" Иосифа Волоцкого 27, 207
- "Послание игуменам Сергию и Феодору" Киприана 26, 27, 69, 207, 209

- "Послание иному о пользе" Нила Сорского 100, 211
- "Послание Иоасафу" Геннадия 72, 209
- "Послание к боярыне Морозовой" Аввакума 169, 216
- "Послание к некоему иноку, бывшему в игуменах, о немецкой прелести, глаголемой Фортуне, и о колесе ее" Максима Грека 34, 207
- "Послание князю" Артемия 96, 100, 211
- "Послание князю Георгию Ивановичу" Нила 141, 213
- "Послание князю П.И. Шуйскому" Максима Грека 97, 211
- "Послание Люторским учителям" Артемия 100, 211
- "Послание Марии Голениной" Иосифа Волоцкого 30, 207
- "Послание митрополиту Даниилу" Федора Карпова 34, 35, 114, 207, 211
- "Послание митрополиту Зосиме" Геннадия 213
- "Послание на Угру" Вассиана Рыло 71, 72, 209
- "Послание о видимом образе Божиим" Ивана Бегичева 114, 211
- "Послание о злых днях и часах" Филофея 34, 207
- "Послание патриархов Восточно-Кафолической Церкви о православной вере" 92, 93, 96, 97, 211
- "Послание патриарху Никону о смерти патриарха Иосифа" Алексея Михайловича 221
- "Послание пресвитеру Фоме" Климента Смолятича 93, 211, 214
- "Послание Сергию и Феодору" Киприана, см. "Послание игуменам Сергию и Феодору" Киприана
- "Послание Стефану Вонифатьеву" Феоктиста 179, 216
- "Послание сына, от наготы гневного, к отцу" 39, 207
- "Послание сыну Максиму" Федора Иванова 179, 216
- "Послание царю" Артемия 97, 99, 101, 211
- "Послесловие" к "Апостолу" Ивана Федорова 144
— 1564 г. 108, 211
— 1574 г. 97, 107, 211
- "Постниковский летописец" 140, 146, 214
- "Поучение" Владимира Мономаха 11–13, 25, 57, 59, 92, 156, 157, 165, 166, 171, 173, 174, 207, 209, 211, 213, 216
- "Поучение, како подобает христианом жити" Козьмы Пресвитера 9, 207
- "Поучения" Даниила 207, 216
— двенадцатое 36, 114, 211
— пятнадцатое 114, 212
— шестнадцатое 36
- "Поучения" Серапиона Владимирского 65, 129, 155, 158, 176, 194, 207, 209, 216, 218
— второе 18
— третье 14, 15, 18
- "Похвала грамматике", стихотворная 149, 214
- "Похвала Ивану Калите" 133, 214
- "Похвала князю Рюрику Ростиславичу" Моисея Выдубицкого 120, 121, 122, 214
- "Похвальная речь" Моисея Выдубицкого 122
- "Правительница" Ермолая-Еразма, см. "Царям правительница и землемерие" Ермолая-Еразма
- "Праздник кабацких ярыжек" 216
- "Предисловие" Андрея Курбского 100, 211
- Предисловие к "Грамматике" Мелетия Смотрицкого, стихотворное, В.К. Тредиаковского, 149, 214
- "Предисловие. . . к предобръственной книзе" 150, 214
- "Предисловие к Царственной книге, сиречь к Гранографу" 150, 214
- "Предисловие к читателю благочестивому" Симеона Полоцкого 96
- "Прение живота со смертью" 76
- "Приветство" Симеона Полоцкого 221
- "Притча о человеческой душе и о теле" Кирилла Туровского 56, 87, 89, 98, 104, 209, 212
- "Причитание" А. Ахматовой 223
- "Проглас" к Евангелию 86, 212
- "Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих" Иосифа Волоцкого 33, 89, 207, 212
- "Проскинитарий" Арсения Суханова 195
- "Прохирон" 122
- "Псалтирь" 112, 113
- "Псалтирь" Авраамия Фирсова 1683 г. 113
- "Псалтирь рифмованная" Симеона Полоцкого 113
- "Псковская первая летопись" 15, 16, 18, 207
- "Путешествие" Б. Шереметева 195
- "Пчела" 60, 63, 99, 209, 212

- "Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ" В.Н. Татищева 83, 209
- "Рассказ о построении церкви святого Георгия" 126, 127, 214
- "Рассказ о смерти Пафнутия Боровского" 128, 170, 172, 214, 216
- "Рафли" 102
- "Ремезовская летопись" 197, 218
- "Ремесла стропивы, но достойны уважения" Симеона Полоцкого 150, 214
- "Рогожский летописец" 16, 132, 133, 207, 214
- "Розыск" Димитрия Ростовского 188, 216
- "Русская грамматика Г.В. Лудольфа 113, 152, 212, 214
- "Русская правда" 60, 61, 64, 75, 90, 209
- "Сатиры" Антиоха Кантемира 83
— вторая 209
— пятая 209
- "Сборник пословиц" 76, 209
- "Сборник толкований" 90
- "Севернорусский летописный свод" 1472 г. 162, 216
- "Сербская Александрия", см. "Александрия"
- "Симеоновская летопись" 132, 193, 214, 218
- "Сказание" Авраамия Палицына 41, 43, 44, 77, 147, 164, 207, 209, 214, 216
- "Сказание" Петра Золотарева 197, 218
- "Сказание вкратце о Даниле Переяславском" 35, 38, 207
- "Сказание известно о приходе на Русь Максима Грека и како претерпе до скончания своего" 97, 212
- "Сказание о Борисе и Глебе" 8, 122, 127, 156, 159, 174, 207, 214, 216
- "Сказание о двенадцати снах царя Шахаиши" 14, 15, 18, 207
- "Сказание о Довмонте" 66, 157, 160, 209, 216
- "Сказание о Дракуле" 30, 32, 74, 173, 207, 216
- "Сказание о Еруслане Лазаревиче" 153, 214
- "Сказание о Железных вратах" 191, 218
- "Сказание о князьях Владимирских" 73, 209
- "Сказание о крестьянском сыне" 40, 207
- "Сказание о куле и лисце" 114
- "Сказание о Магмете-салтане" Ивана Пересветова 37, 207
- "Сказание о Мамаевом побоище" 22, 26, 68, 158, 160, 207, 209, 216
- "Сказание о нашествии Едигея" 69, 70, 156, 157, 194, 209, 216, 218
- "Сказание о русской грамоте" 224
- "Сказание о семи свободных мудростех" 149, 214
- "Сказание о создании великия Божия церкви святыя Софеа, яже есть в Костянтине граде" 135, 136, 214
- "Сказание о Соломоне и Китоврасе" 18, 207
- "Сказание о строительстве печерской церкви" 128
- "Сказание о фреске Пантократора в куполе Софийского собора" 214
- "Сказание о чуде от иконы Богородицы Владимирской" 223
- "Сказание о чудесах Бориса и Глеба" 6, 207
- "Сказание об Индийском царстве" 191, 200, 201, 218
— Волюколамский список 17, 207
— Кирилло-Белозерский список 15—18, 23, 207
— издание А.Н. Веселовского 128, 214
- "Сказание об основании Воскресенской церкви, что у Соли Галичской" 136, 214
- "Сказание об убиении в орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора" 66, 209
- "Сказка" Васьяна Крюкова 112, 212
- "Сказка" Исаяи Слепого 112, 212
- "Словеса дней, и царей, и святителей московских" Ивана Хворостинина 77, 209
- "Словеса еже убо правоверну веру имети" 7, 10, 207
- "Словеса избранная, еже суть толковая" Григория Назианзина 126, 214
- "Слово апостола Павла, истолковано Иоаном Златоустом и Василием Великим" 88
- "Слово, како не ленится книг чести" Иоанна Златоуста 98
- "Слово" Даниила, см. "Поучения" Даниила
- "Слова" Серапиона Владимирского, см. "Поучения" Серапиона Владимирского
- "Слово в новую неделю по пасце" Кирилла Туровского 172, 216
- "Слово, како достоит имети челядь" Иоанна Златоуста 7, 12, 207
- "Слово, како не ленится книг чести" Иоанна Златоуста 98

- "Слово, како подобает в ночь молитися" Иоанна Златоуста 7, 207
- "Слово, како подобает приходити в церковь с верою" Иоанна Златоуста 9, 207
- "Слово, како подобает слушати книг" Ефрема Сирина 105
- "Слово на вознесение Господне" Кирилла Туровского 5, 207
- "Слово на латинов" Максима Грека 104, 212
- "Слово некоего калугера о почитании книжном" 95, 98, 212
- "Слово некоего отца к сыну" 9, 207
- "Слово некоего отца к сыну своему" 6, 7, 207
- "Слово о богатом и Лазаре" 176, 177, 217
- "Слово о богатых и немилостивых" Иоанна Златоуста 11, 207
- "Слово о богаче и о Лазаре" 6, 7, 9, 207
- "Слово о вере к князю Изяславу" Феодосия Печерского 10, 207
- "Слово о власти и чести царской" Феодана Прокоповича 82, 209
- "Слово о всех святых" Иоанна Златоуста 24, 208
- "Слово о желании богатства" 12, 208
- "Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского" 68, 69, 194, 209, 218
- "Слово о законе и благодати" Илариона 5, 6, 10, 71, 88, 93, 124, 208, 209, 212, 214
- "Слово о лихоимании и пьянстве" 11
- "Слово о Меркурии Смоленском" 66, 210
- "Слово о милости" Евфимия Чудовского 185, 186, 217
- "Слово о мятежи жития сего" Ефрема 14, 16, 18, 208
- "Слово о наказании детей родителями" 168, 217
- "Слово о не дающих книг чести и преписать" Иоанна Златоуста 98
- "Слово о гибели Русской земли" 25, 62, 65, 129, 191, 205, 208, 210, 218
- "Слово о полку Игореве" 13, 18–26, 60, 62, 67, 148, 155, 156, 158, 159, 165, 166, 171, 208, 210, 217
- "Слово о рахманех и о предивном их житии" 201, 218
- "Слово о слепце" Иоанна Златоуста 11, 208
- "Слово о терпении и любви и о посте" Феодосия Печерского 10, 208
- "Слово о Хмеле", см. "Повесть о Хмеле"
- "Слово о чуждых многие книги" 99
- "Слово ответно противу клеветующих истину евангельскую" Вассиана Патрикеева 35, 208
- "Слово похвальное Елизавете" М.В. Ломоносова 198, 218
- "Слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче" Фомы 70, 71, 89, 210, 212, 217
- "Слово. . . пространне излагающе. . ." Максима Грека 72, 73, 210
- "Слово святаго Василиа о благопохвалении" 214
- "Слово Софония Рязанца о Куликовской битве", см. "Задонщина"
- "Служба кабаку" 112–113
- "Собрание некоего старца" Вассиана Патрикеева 35, 208
- "Соловецкий летописец" 144
- "Софийская первая летопись" 21, 31, 125
- "Софийская вторая летопись" 31, 140, 214
- "Софийский временник" 125
- "Стансы городу Синбирску на Пугачева" А.П. Сумарокова 198, 218
- "Статейный список" Г.И. Микулина 74, 210
- "Статейный список посольства в Грузию" Ф. Волконского 196, 218
- "Статейный список посольства в Грузию" Ф. Елчина 196, 218
- "Статейный список посольства в Персию" А.С. Романчукова 218
- "Статир" 1684 г. 96, 179, 181–184, 212, 217
- "Степенная книга" 35, 36, 73, 101
- "Стефанит и Ихнилат" 201
- "Стихи на венчание царскими венцами Иоанна и Петра Алексеевичей" Кариона Истомина 82, 210
- "Стихи на освящение храма славна преображения Господа нашего Иисуса Христа" Кариона Истомина 154, 214
- "Стихи покаянные" 76, 210
- Стихотворение анонимное 149, 214
- Стихотворение А.С. Романчукова 149, 214
- "Стоглав" 102, 108, 212
- "Стяжателя сих книг последнее книгам целование" Стефана Яворского 115, 212
- "Стяжание о известном иноческом жительстве" Максима Грека 34, 208
- "Судебник" 1550 г. 74, 75, 78, 210

- "Суздальская летопись" 6, 9, 11, 21, 132, 208, 214
- "Тверская летопись" 21, 208
- "Тълкование неудобъ познаваемомъ в писаныхъ речемъ" 131, 214
- "Толкования" на книгу "О божественных именах" Псевдо-Дионисия Ареопагита 131, 214
- "Толковая палея" 123
- "Толковый Апокалипсис" 1448 г. 116
- "Тысячная книга" 1550 г. 75
- Указ от 16 июля 1700 г. Петра I 210
- Указ царский казанскому архиепископу Гурию 1555 г. 142, 214
- Указы Петра I 83, 210
- "Уложение" Алексея Михайловича 1649 г. 75, 78, 79, 184, 210
- "Успенский сборник" 121
- "Устав" Корнилия Комельского 141, 214
- "Устав (Око церковное)" 101, 212
- "Устав" старопечатный 101
- Уставы, см. также "Окозрительный устав"
- "Фелица" Г.Р. Державина 114, 212
- "Хождение Богородицы по мукам" 175, 217
- "Хождение Даниила Игумена" 19
- "Хождение в Персию" Федота Котова 196, 218
- "Хождение Авраамия Суздальского" 135, 215
- "Хождение за три моря" Афанасия Никитина 173, 191, 192, 202, 217, 218
- "Хождение на Флорентийский собор" 135, 192, 218
- Хождения, см. также "Путешествие" Б. Шереметева
- "Хроника" Георгия Амартола 24, 123, 125, 128, 208, 215
- "Хронограф" 1617 г. 77, 210
- "Хронограф" конца XVII — начала XVIII в. 197, 218
- "Хронограф" из собрания Погодина 148, 215
- "Царям правительница и землемерие" Ермолая-Еразма 37, 173, 177, 208, 216
- Челобитные — см. "Большая челобитная" Ивана Пересветова, "Великая челобитная царю Алексею Михайловичу" Никиты Добрынина, "Калязинская челобитная", "Малая челобитная" Ивана Пересветова
- "Человек" Симеона Полоцкого 149, 215
- "Четьи минеи" 73
- "Четьи минеи" Димитрия Ростовского 115
- "Четьи минеи" Макария, см. "Великие минеи четьи" Макария
- "Чин свадебный" 166, 217
- "Чтение о Борисе и Глебе" Нестора 6, 7, 9, 10, 208
- "Чудеса Макария Желтоводского" 224
- "Чудо архистратига Михаила, бывшее в Святей горе", см. "О съставлении Дохнарского монастыря чудо"
- "Шестоднев" Иоанна Экзарха 14, 105, 208 см. также "От шестодедца избрано о животех"
- "Шестокрыл" 102
- "Эмблемы и символы" Стефана Яворского 149, 215
- "Юрьевская степенная книга" 223

ОГЛАВЛЕНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ.....	3
Глава I. "ИМЕНИЕ": СОЦИАЛЬНО-ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ТЕМЫ ДРЕВНЕ- РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (А.С. Демин).....	5
Глава II. "ЧЕСТЬ": ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЧЕСТИ И БЕСЧЕСТИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XI—XVII ВВ. (Л.А. Черная)	56
Глава III. "КЪНИГЫ": ОТНОШЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ К КНИГЕ (В.В. Калугин)	85
Глава IV. "ХУДОЖЕСТВО": ИЗОБРАЖЕНИЕ ЗОДЧЕГО В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (В.К. Былинин).....	118
Глава V. "ЗЕМЛЯ НАША": БЫТ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДРЕВНЕРУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ (А.С. Елеонская)	155
Глава VI. "ЯЗЫКИ": НЕСЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XI—XVIII ВВ. (А.С. Демин).....	190
ИСТОЧНИКИ	205
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	219
ХРОНИКА: ЗАСЕДАНИЯ ОБЩЕМОСКОВСКОГО СЕМИНАРИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ XI—XVIII ВВ.	220
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ (Л.И. Щеголева)	225
УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ (Л.И. Щеголева)	234

LITERATURE OF OLD RUSSIA: A MIRROR FOR SOCIETY

The work is thought of as a kind of a guide, discussing the most crucial themes, predominantly social, as covered by the Old Russian literature in its development. The present collective monograph is non-traditional in the sense that it tends to bring into system not the sources, but the problems, thus building a synopsis of the material for the future fundamental multi-faceted history of the Old Russian Literature.

For critics, historians and all those interested in the spiritual heritage of Old Russia.

CONTENTS

	TO THE READER.....	3
Chapter I.	SOCIAL AND PROPERTY ISSUES IN OLD RUSSIAN LITERATURE (A.S. <i>Demin</i>)	5
Chapter II.	THE IDEA OF HONORABLE DISHONORABLE IN RUSSIAN LITERATURE OF THE XI-XVII CENTURIES (L.A. <i>Chernaya</i>)....	56
Chapter III.	THE OLD RUSSIAN WRITERS AND THE BOOKS (V.V. <i>Kalugin</i>).....	85
Chapter IV.	AN IMAGE OF THE ARCHITECT IN THE OLD RUSSIAN LITERATURE (V.K. <i>Bylinin</i>)	118
Chapter V.	DESCRIPTION OF EVERYDAY LIFE IN THE WRITINGS OF OLD RUSSIAN AUTHORS (A.S. <i>Yeleonskaya</i>)	155
Chapter VI.	THE NON-SLAVONIC PEOPLES IN THE RUSSIAN LITERATURE OF THE XI-XVIII CENTURIES (A.S. <i>Demin</i>)	190
	A CHRONICLE: THE PROCEEDINGS OF THE ALL-MOSCOW PANEL OF SPECIALISTS IN THE RUSSIAN CULTURE OF THE XI-XVIII CENTURIES	220

Научное издание

Былинин Виктор Константинович,
Демин Анатолий Сергеевич,
Елеонская Анна Сергеевна,
Калутин Василий Васильевич,
Черная Людмила Алексеевна,
Щеголева Людмила Игоревна

**ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА:
ИЗОБРАЖЕНИЕ ОБЩЕСТВА**

Заведующий редакцией *Г.И. Романова*
Редактор издательства *Л.М. Кочетова*
Художник *Ю.С. Шлепер*

Художественный редактор *М.Л. Храмцов*
Технический редактор *Н.М. Бурова*
Корректор *Л.М. Сахарова*

Набор выполнен в издательстве
на наборно-печатающих автоматах

ИБ № 47822

Подписано к печати 28.01.91
Формат 60 × 90 1/16. Бумага офсетная № 1
Гарнитура Пресс-Роман. Печать офсетная
Усл.печ.л. 15,5. Усл.кр.-отт. 15,9
Уч.-изд.л 19,7. Тираж 3000 экз.
Тип. зак. 1126 . Цена 4 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука" 117864 ГСП-7,
Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

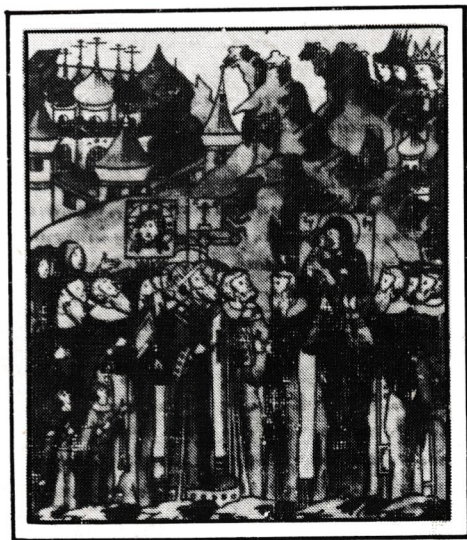
Ордена Трудового Красного Знамени
1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Изображение общества

"Два мужа беста въ единомъ граде —
единъ богатъ, а другий убогъ. И у
богатаго стада бяху и буйволи мнози
зело, а у убогаго не бе ничто же,
но токмо агница едина мала ... И
прииде некто с пути къ мужу богато-
му. И не восхоте пояти от стад
своихъ и от буйволицъ своихъ на
сътворение обеду путнику, пришедшу
к нему, но поятъ агницу убогаго и
сътвори обедъ мужу, пришедшу к
нему."

(2 Книга Царств XII)

• НАУКА •